

Еврейская Франция

Очерк современной истории

Том I

Книга I. Еврейская Франция.....	1
Очерк современной истории.....	1
Книга II. Евреи в истории Франции.....	32
От первых времён до окончательного изгнания в 1394 году.....	32
С 1394 до 1789 г.....	43
Революция и первая империя.....	70
Реставрация и Июльская монархия.....	81
Вторая республика и вторая империя.....	90
Правительство 4-го сентября. Коммуна. Третья республика.....	95
Книга III. Гамбетта и его двор	131

Книга I. Еврейская Франция

Очерк современной истории

В начале этого очерка мы должны попытаться изучить это особенное существо, столь жизненное, столь отличное от прочих существ — еврея. С первого взгляда задача кажется лёгкою. Ни один тип не отличается более резкими чертами, ни один не сохранил в такой степени чистоты первобытного образа. Собственно говоря, хорошо понимать и изображать еврея мешают нам наши собственные предвзятые идеи, точка зрения, на которую мы становимся и которая совершенно несходна с его точкой зрения.

«Еврей трус», — говорит общий голос. 18-ти вековое преследование, перенесённое с невероятной стойкостью, свидетельствует, что если у еврея нет храбрости, зато у него есть другой вид мужества — упорство.

Когда мы видим, что люди богатые с громким именем служат правительству, которое оскорбляет все их верования, можем ли мы серьёзно считать трусами людей, перенёвших всевозможные страдания ради того, чтобы только не отречься от своей веры?

«Еврей преклоняется перед золотом». Это констатирование очевидного факта, не более, как фраза в устах большинства тех, которые её произносят.

Вот, например, вельможи, благочестивые женщины, обычные посетительницы церквей св. Клотильды и св. Фомы Аквинского из церкви отпращиваются засвидетельствовать своё почтение ка-

кому то Ротшильду, презирающему Христа, которому они поклоняются.

Кто их заставляет идти туда? Может быть приветливый хозяин отличается особенным умом? Может быть он несравненный собеседник или оказал какие-нибудь услуги Франции?

Ничуть ни бывало. Это иностранец, немец, неразговорчивый, своенравный, порой заставляющий своих гостей-аристократов выслушивать грубости за то, что он им оказывает гостеприимство из тщеславия.

Что побуждает представителей аристократии идти под этот кров? Уважение к деньгам. Они идут туда, чтобы пасть ниц перед золотым тельцом. Когда герцог Омальский является с приниженным видом засвидетельствовать своё почтение Ротшильду, который его называет старым унтером, между тем, как ему более подобает сидеть дома и перечитывать славную историю своего рода, — наследник Кондэ тем самым сознаётся, что приобретение большого количества денег сомнительными спекуляциями равносильно одержанию победы при Рокруа: ведь посещают только равных себе, а он бывает у этих людей.

В сущности все эти господа, делающие вид, что презирают деньги, бывают очень довольны, когда те, которые их накопили, позволяют и им пользоваться своим богатством. После своего падения они первые же и смеются над собою.

«Хотите знать, что такое голос крови? — спросил у своих друзей французский герцог, не смотря на слёзы своей матери, женившийся на

франкфуртской Ротшильд; смотрите)... Он зовёт своего маленького сына, вынимает из кармана золотой и показывает ему: глаза ребёнка загораются... — Видите, продолжает герцог, семитический инстинкт тотчас сказывается...

Оставим в стороне эти общие места; разберём тщательнее и серьёзнее основные черты, отличающие еврея от других людей, и начнём наш труд этнографическим, физиологическим и психологическим сравнением семита и арийца, этих двух воплощений различных рас, непримиримо враждебных друг другу, антагонизм которых наполнял мир в прошедшем и ещё долго будет возмущать его покой в будущем.

Родовое имя арийцев, от санскритского слова благородный, знатный, великодушный, как известно, обозначает господствующую семью белой расы, индоевропейскую семью, колыбелью которой были обширные плоскогорья Ирана.

Арийская раса сделалась преобладающею в мире, благодаря последовательным переселениям. Ариопеласги (греки и римляне) остановились на берегах Геллеспонта и Средиземного моря, между тем, как Кельты, арио-славяне и арио-германцы направились к западу, обогнув Каспийское море и перейдя через Дунай.

Невозможно, говорит Литре, сомневаться в арийском происхождении римлян; самый верный признак его — латинский язык, которым они говорили. Современная наука признала, не без удивления, но с полной достоверностью, родство латинского языка с греческим, обоих их с персидским и санскритским и поместила их в одну группу.

Все европейские нации связаны самыми тесными узами с арийской расой, которая породила все великие цивилизации.

Семиты, распадающиеся на различные семьи, арамейскую, еврейскую, арабскую, по-видимому, первоначально вышли из равнин Месопотамии.

Конечно Тир, Сидон, Карфаген достигли в своё время высокой степени торгового процветания; позднее арабская империя озарилась кратковременным блеском, но в этих скоропреходящих учреждениях нет ничего общего с плодотворными и прочными цивилизациями Греции и Рима, с удивительным христианским обществом средних веков.

Одна только арийская или индоевропейская раса обладает познанием истины, чувством свободы, пониманием прекрасного.

Как бы семитические цивилизации не казались блестящими, говорит Жельон-Данглар в своей книге «Семиты и Семитизм», это только пустые образы, более или менее грубая пародия, картонная декорация, которую некоторые люди из любезности принимают за произведения из мрамора и бронзы. В этих искусственных обществах каприз и личный произвол составляют всё и только прикрываются осквернённым именем справедливости, которая есть ничто.

Странное, чудовищное заменяет там прекрасное и излишество изгнало из искусства вкус и приличие. Семит не создан для цивилизации оседлого состояния. В пустыне, в палатке в нём есть своя

красота своеобразное величие, он идёт своим путём, гармонирует с остальным человечеством.

При всяких других условиях он не на месте; его хорошие качества ступёвываются, а пороки выделяются; семит — хищник в степях Аравии, если хотите даже герой, в обществе делается низким интриганом.

С первых дней истории мы видим арийца в борьбе с семитом. Илион был городом чисто семитическим и та известность, которую приобрела троянская война, объясняется единоборством двух рас¹.

Спор длился в течение веков и почти всегда семит был зачинщиком, а затем побеждённым.

Действительно, мечтою семита, его преобладающим стремлением всегда было обратить арийца в рабство, закрепить его. Он старался достигнуть этого войною и Литре², со своею обычною проницательностью, выяснил характер тех грандиозных нападений, которые чуть не предоставили семитам гегемонию над миром.

Ганнибал, стоявший лагерем под стенами Рима, был очень близок к достижению этой цели. Абдерам, который овладел Испанией и дошёл до самого Пуатье, льстил себя надеждою, что Европа будет ему принадлежать. Развалины Карфагена, кости сарацин, попадающиеся под плугом на полях, где победил Карл Мартел, свидетельствуют, какой урок был дан этим самонадеянным людям.

В настоящее время семитизм уверен в победе. Теперь уже движениями руководит не карфагенин или сарацин, а еврей; он заменил силу хитростью. За шумным нашествием последовало безмолвное, последовательное, медленное заполонение.

Исчезли вооружённые орды, криком предвещающие о своём приходе, а явились отдельные личности, которые мало помалу соединяются в небольшие группы, спорадически, без шума, захватывают все места, все должности в стране от низших до самых высоких.

Вместо того, чтобы идти на Европу открыто, семиты напали на неё с тылу, обошли её: из окрестностей Вильны, этого *vagina judeorum*³, со-

¹ Семиты в Илионе или правда о Троянской войне Людовика Бенлеу. Парис был одним из тех морских разбойников семитического происхождения, которые беспрестанно рыскали у берегов Греции. Недовольствуясь тем, что украл Елену, что, собственно говоря, мог сделать и ариец в порыве страсти, он ещё украл и сокровища. Геродот рассказывает, что буря принудила Париса пристать у берегов Египта, и на него донесли Фараону, что он не только обесчестил хозяина принявшего его, но кроме того украл его сокровища. Фараон не хотел нарушить по отношению к семиту законов гостеприимства, которые тот сам мало уважал, и приказал ему только немедленно покинуть Египет. Семит Галеви не показал всего этого в Прекрасной Елене.

² Каким образом семиты дважды вступали в борьбу с арийцами из-за обладания миром, и как они в этом потерпели поражение.

³ Вильна — это большое вместилище, извергающее евреев на Европу. После русской кампании евреи из Вильны и её окрестностей убивали наших раненных. Тьер рассказал этот эпизод в своей «Истории Консульства и Империи» т. XIV. «Ужасно сказать, — пишет он, — подлые польские жида, которых заставили принять наших раненных, принялись выбрасывать их из окон, как только увидели что неприятель отступает, а

вершаются выселения, которые уже наводнили Германию и Францию. Повторяю, это не грубое, а мирное завоевание, мягкий способ лишать людей права собственности, потом традиций, нравов и религии. Но я полагаю, что этот последний пункт и будет камнем преткновения.

И качества и пороки этих двух рас служат предлогом для постоянных столкновений.

Семит — интриган, меркантилен, корыстен, мелочен, хитёр; ариец отличается героическим, рыцарским духом; он энтузиаст, бескорыстен, откровенен, доверчив до наивности.

Семит — сын земли, который ничего не видит далее настоящей жизни; ариец — сын неба, всегда одушевлённый высшими стремлениями; тот живёт, действительностью, этот идеалами.

Семит — купец по инстинкту, у него призвание к торговле, к мене, ко всему, что даёт случай поживиться за счёт ближнего.

Ариец — земледелец, поэт, монах и главным образом воин; война — его настоящая стихия; он радостно идёт навстречу опасности, бросает вызов смерти.

У семита нет никакой творческой способности; ариец, напротив, изобретателен; ни одно изобретение не было сделано семитом⁴, он только эксплуатирует, организует и извлекает из изобретения арийца доходы, которые конечно оставляет в свою пользу.

Ариец пускается в путешествия полные приключений и открывает Америку; семит, которому тут представился бы прекрасный случай с достоинством покинуть Европу, избавиться от преследований и показать, что он тоже способен сделать что-нибудь, ждёт, пока другие всё расследуют, устроят, чтобы потом обогатиться за их счёт.

Одним словом, стремление человека в неведомые страны, попытки расширить владение на земле — положительно недоступны семиту и особенно семиту-еврею; он может жить только обыденною жизнью, на лоне цивилизации, которая не им создана.

Несчастье семита, — запомните хорошенько это основное замечание на память обо мне, — в том, что он всегда переступает незаметную черту, которую не следует переходить с арийцем.

Ариец — добродушный великан. Он будет счастлив, лишь бы ему рассказывали одну из тех легенд, которых жаждет его воображение, склонное к чудесному. Но приключения во вкусе «Тысяча и Одна Ночь», где певцы открывают сокровища и рыбаки, закинув сети, вытаскивают их полными бриллиантов, — ему не нравятся; он только тогда будет тронут, если среди этих вымыслов будет выделяться самоотверженное существо, вроде Парсиваля, кото-

рый, невзирая на тысячи опасностей, идёт отвоевывать св. Грааль: чашу, наполненную священной кровью.

Повторяю, с арийцем можно всё сделать, надо только стараться не раздражать его. Он позволит отнять у себя всё, что у него есть и вдруг, ни с того ни с сего, придёт в ярость, если у него захотят отнять розу. Тогда, внезапно пробудясь, он поймёт всё, схватит меч валявшийся в углу, пойдёт рубить без разбору и накажет семита, который его эксплуатировал, грабил и обманывал, таким ужасным образом, что тот будет помнить лет триста.

Впрочем семит ничуть не удивлён. По темпераменту он притеснитель, но терпеть наказания вошло у него в привычку. Он почти доволен, когда всё войдёт в обычную колею, тогда он исчезает, расплывается в тумане, прячется в нору, где придумывает новую комбинацию, которую пустит в ход несколько веков спустя. Напротив, когда он спокоен и счастлив, он испытывает то, что один очень остроумный академик называл *nostalgie san-benito*.

Ум семита, столь пронизательный и гибкий, в сущности ограничен; у него нет ни дара предвидения, ни способности видеть на земле дальше своего крючковатого носа и понимать известные тончайшие оттенки, которые, если хотите, составляют суть жизни.

Ренан отмечает много таких черт. Семитическая раса, по его мнению, почти исключительно отличается отрицательным характером: у неё нет ни мифологии, ни эпоса, ни науки, ни философии, ни вымысла, ни пластических искусств, ни гражданской жизни⁵;

Эта раса, говорит он, самую нравственность всегда понимала совершенно иначе, чем мы. Семит, не знает никаких обязанностей, кроме как к самому себе. Мстить за свою обиду, требовать того, что он считает принадлежащим ему по праву — в его глазах нечто, вроде обязательства.

Напротив, требовать от него, чтобы он сдержал слово или бескорыстно воздал должное, значит хотеть невозможного. В этих страстных душах ничто не может устоять перед непобедимым сознанием своего я. Впрочем, религия для семита является как бы отдельною обязанностью, имеющею очень отдалённую связь с обыденною моралью.

В другом месте он прибавляет:

«Дух семитических народов вообще отличается отсутствием широты и утончённости. Выгода никогда не исключается из их нравственности. Идеальная жена, изображение которой нам даёт книга Притчей, есть женщина экономная, расчётливая, полезная своему мужу, но очень невысокого нравственного уровня.

Самый святой человек у евреев и мусульман не считает грехом совершать ужаснейшие преступления, чтобы достигнуть своей цели.

Врядли найдётся в семитической поэзии хоть одна страница, имеющая прелесть истинного чувства. Если там и выражается любовь, то всегда в форме жгучего сладострастия, как в «Песне Песней» или в форме гаремной вежливости, как в

⁵ Общая история семитических языков.

иногда даже душили их, предварительно ограбив их. Это была печальная дань русским, сторонниками которых они были».

⁴ Излишне говорить, что нет ни слова правды в стереотипной фразе «евреи изобрели вексель». Вексель, заемное письмо, чек были в постоянном употреблении в Афинах, за четыре века до нашей эры; *symbolon*, *kollubiastika*, *sumbola* были настоящие векселя. Чтобы убедиться в этой истине, достаточно пробежать «Трапезитик» Изократа, изображающий нам историю банкирского дома в течение более столетия.

Мултакарах⁶.

Всё это, правда, было написано раньше неслыханных успехов семитизма за эти последние годы. Любопытно посмотреть, как Ренан, человек столь богато одарённый с артистической точки зрения, столь низкий по характеру, пресмыкается перед этими победителями.

Он признаёт, в 1862 г. в своей вступительной лекции к курсу древнееврейского языка в *College de France*, что евреи всюду составляют отдельную расу. В своём реферате, читанном в кружке Сен-Симона в 1883 г., он утверждает, против всякой очевидности, что иудейство — не раса, а просто религия.

Надо прибавить, что если евреям и есть в настоящее время какая-нибудь выгода открыто утверждать, при посредстве Ренана, это ложное положение, то между собою они самым определённым образом объявляют противное. Что может быть яснее следующего отрывка из «Израильских Архивов».

«Израиль есть национальность. Мы — евреи, потому, что мы рождены евреями. Ребёнок, рождённый от израильских родителей — израильтянин, все обязанности израильтянина налагаются на него самим рождением. Не через обрезание мы становимся израильтянами. Нет, обрезание не имеет никакой аналогии с христианским крещением.

Мы не потому израильтяне, что обрезаны, а обрезаем своих детей, потому что израильтяне; мы приобретаем отличительные свойства израильтян самым рождением и никогда не можем утратить их или избавиться от них; даже тот израильтянин, который отрицает свою религию и выкрестится, не перестанет быть таковым; все обязанности израильтянина продолжают лежать на нём».

Прибавим, что израильтянин почти всегда исполняет эти обязанности, служит своему племени в чужом лагере и от этого ещё полезнее израилю. Действительно, обыкновенно христиане выражают ему особое доверие,веряют ему свои сокровеннейшие надежды.

В своём желании подслужиться евреям, Ренан не смущается подобными мелочами. Некогда он признал, что пресловутые услуги, оказанные цивилизации испанскими евреями, сводятся к нулю, что в средневековой философии евреи играли роль простых посредников; теперь же он вдруг объявляет в собрании «Общества изучения евреев», что евреи — наши благодетели.

Учёный референт, говорят «Израильские архивы» от 31 мая 1883 г., заключил свою речь тем, что будущность принадлежит иудейству. Человечество примкнёт к этой очищенной и избавленной от своих излишеств религии, ибо она одна установит царство справедливости, тот идеал, который так

⁶ См. по этому предмету «Еврейский Молохизм», по-смертное сочинение Густава Тридона, бывшего участника коммуны; в этой книге, несмотря на её заблуждения и богохульства, есть несколько здравых суждений. Тридон — единственный из революционеров, осмелившийся напасть на евреев, которых он называет «тенью в картине цивилизации, злым гением земли». «Все их дары, говорит он, — зараза. Борьба с семитическим духом и идеями — задача индо-арийской расы». Не мешает заметить, что он при жизни не издал этой книги.

прекрасно изобразили великие пророки израиля.

Современный дух, прибавляет Ренан, и весь мир, склоняясь к идеям свободы, равенства, терпимости, сделался еврейским; но пока он говорит таким образом, между его сжатыми пальцами блестит золотой цехин.

Действительно, Альфонс Ротшильд председательствовал в собрании, чем и объясняется многое; ему приятно было слышать, что истинное равенство состоит в том, что он обладает тремя миллиардами, между тем, как столько французов умирают с голоду. Он улыбается распростёртому перед ними оратору покровительственной и в то же время презрительной улыбкой. «Какой лакей!», — как будто говорит он. Какой несчастный! — скажем мы. Разве он не достоин сожаления?

Все вы, великие и малые, по мере сил, защищающие Голгофскую жертву Бога отцов ваших, наверно чувствуете себя счастливее этого отступника, целующего руку Христова палача из-за горсти червонцев, которую ему бросают с отвращением. Престарелый пастырь, ограбленный Гоблэ, бедный савойский священник, у которого низкий Исаия Левальян отнял скудное жалованье — все эти люди, читающие предобеденную молитву перед куском чёрного хлеба, наверно в душе спокойнее, чем этот богатый академик с хорошим доходом и друг Ротшпльдов.

Недостатки семита объясняют почему естественный антагонизм, существующий между ним и арийцем, длится в течение веков.

Если вы хотите понять историю средних веков посмотрите, что происходит у нас.

Франция распалась, благодаря принципам 89 г., ловко пущенным в ход евреями. Евреи монополизировали общественные богатства, всё захватили в свои руки, кроме армии. Представители старинных родов, дворяне и буржуа, разделились на два разряда: одни предавались удовольствиям, содержали любовниц-евреек, которые их развращали или разоряли, при помощи барышников и ростовщиков тоже из евреев.

Другие, повинувшись влечению арийской расы к индийской Нирване, к раю Одина, отстранялись от современного движения, предавались созерцанию и почти не жили действительной жизнью.

Если бы семиты имели терпение подождать несколько лет, они бы достигли цели. Один из редких, действительно умных людей из их среды, последователь Филона, представитель еврейской александрийской школы, Жюль Симон сказал им, что надо делать: потихоньку завоевывать землю и предоставить арийцам переселиться на небо.

Евреи и слушать не хотели; семиту Симону они предпочли семита Гамбету. На том основании, что этот Фонтанароз заставил французов поверить самой чудовищной лжи, евреи его поддерживали, помогали ему деньгами в надежде, что он их избавит от Христа, которого они ненавидят так же точно, как и в тот, день, когда Его распяли.

Франмасонство высказало, а еврейская пресса поддержала это мнение; не щадя издержек, бросали золото, щедро платили полицейским, которые до

последней минуты отказывались стать участниками преступления.

Что же случилось? То, о чём мы говорили выше. Ариец раздражённый, оскорблённый в своих прирождённых чувствах благородства и великодушия, покраснел от стыда при виде старцев, вытасненных из их келий грубыми тюремщиками. Он немного подумал, собрался с мыслями. «Во имя какого же принципа поступают таким образом?» — спросил он.

Во имя принципа свободы, отвечали хором газеты Поржесов, Рейнахов, Дрейфусов и других.

— В чём же состоит этот принцип?

Вот в чём: какой-нибудь еврей, выходец из Гамбурга, Франкфурга или Вильны, накопит известное количество миллионов за счёт гоев и может затем всюду выставить напоказ свою роскошь; его жилище — неприкосновенно.

Напротив, природный француз лишает себя всего, что у него есть, чтобы помочь бедным; он ходит босиком, живёт в тесной, выбеленной известью комнате, от которой отказался бы слуга слуги Ротшильдов; вот он — вне закона, его можно выбросить на улицу, как собаку.

Пробудясь от своей апатии, ариец вполне основательно рассудил, что если таким образом понимают эту пресловутую терпимость, о которой говорят уже сто лет, то лучше наносить удары, чем принимать их; он решил, что настало время вырвать страну из рук этих нетерпимых властителей.

«Если власяница монаха стесняет твой сюртук, то мы снова тебя нарядим в жёлтые лохмотья, мой старый Сим». Таково было заключение этих размышлений. С этого-то времени считается во Франции учреждение антисемитического или, вернее, анти-еврейского комитета.

То, что происходит во Франции, произошло и в Германии. Евреи изо всех сил способствовали культуркампу, направляли преследования против католиков. Культуркампф окончился и антисемитическая война едва возгорается.

Прочтя этот труд до конца, вы увидите, что этот факт повторяется при тождественных почти условиях во все времена и во всех странах.

Возвращаясь постоянно к поступкам, влекущим его изгнание, еврей как будто повинуется действительно непреодолимому импульсу. Мысль сообразоваться с привычками, традициями, религией других — не приходит ему в голову; вы же, напротив, должны подчиняться еврею, подделываться под его обычаи, устранять всё, что его стесняет.

Заметьте однако, что от старого общества они охотно заимствуют всё то, что льстит их тщеславию; с забавною настойчивостью гоняются они за воинственными титулами баронов и графов, которые так же пристали этим дельцам, как дамская шляпа обезьяне. Нет такого низкого спекулянта или торговца, состоящего в более или менее близком родстве с израилем, который бы не был, по крайней мере, кавалером ордена почётного Легиона⁷.

⁷ Жадность евреев до крестов может сравниться только с их нахальством по отношению к правительствам, которые им

Но снисходительность их останавливается, как только какой-нибудь из наших обычаев им неприятен, — он должен исчезнуть⁸.

Право еврея притеснять других вытекает из его религии; это для него статья закона, возвещаемая в каждой строке Библии и Талмуда.

«Ты подчинишь себе другие народы железным прутом и сокрушишь их как сосуд скудельный» (2-й псалом Давида).

«Он постепенно уничтожит перед вами все народы, — говорит Второзаконие, — ибо вы не могли бы их истребить сразу, из боязни, дабы звери земные не размножились чрезмерно».

«Он предаст их царей в ваши руки; вы уничтожите даже имена их. Ничто не будет в состоянии вам противиться».

Против христианина, неверного гоя, все средства хороши.

В этом отношении Талмуд содержит изречения, которые наши депутаты, столь щекотливые в богословских вопросах, остереглись бы произнести на трибуне, из страха, чтобы у них перед носом не закрыли дверей еврейских банков, с которыми у них есть дела.

«Можно и должно убивать лучшего из гоев. Деньги гоев принадлежат евреям, поэтому позволено их обкрадывать и обманывать».

Даже социальная эволюция еврея совершенно отлична от нашей. Тип арийской семьи, в цивилизованном состоянии — это римский gens, который за тем обратился в феодальную семью. В течение долгих поколений накапливается жизненная сила и гений, пока дерево, погруженное корнями в почву, выносит на своей вершине знаменитого человека, который является носителем качеств всех своих предшественников.

Для развития такого избранного существа, нужно иногда целое столетие, но зато из самой скромной среды выходят те законченные, привлекательные, доблестные образы героев и учёных, которых так много насчитывает наша история.

У семитического племени дело обстоит иначе. На востоке любой погонщик верблюдов, разносчик воды, цирюльник может заслужить благоволение властелина, и вот он сразу делается визирем, пашой, доверенным лицом государя, вроде Мустафы-бен-

дают их. В 1863 г. «Израильский Архивы» сожалели о том, что евреям приходится носить ордена вроде Изабеллы Католической, св. Маврикия и Лазаря и требовали, чтобы названия этих орденов сделались более светскими.

⁸ Притеснение еврея — не мешает отметить этот оттенок, — не есть в некотором роде бессознательное проявление власти высшего существа; а мелкое прижимательство низшего, которое, благодаря грубому упорству, стойкому и глухому презрению к чужой свободе и настойчивости в мелочах, навязывает себя другому существу. Кто из нас не страдает от этой тирании снизу, немного похожей на упорство кухарки, которая, если господин слабохарактерный, добьётся того, что заставит его есть всё то, чего он терпеть не может. Гонкуры великолепно изобразили это постепенное вторжение в «Манетт Соломон», где великий артист мало помалу доходит до того, что опускается, обращается в ничто, позволяет, чтобы его топтала ногами мерзавка-еврейка, которая втёрлась в его мастерскую точно так же, как евреи втёрлись во Францию, возбуждив жалость.

Исмаила, который пробрался в Бордо, продавая пирожки, и, по выражению генерального прокурора Дофэна, «оказывал своему повелителю услуги днём и ночью», чем и заслужил от нашего правительства, как известно не отличающегося шепетильностью, крест почётного Легиона.

То же самое и у евреев. Помимо священнических семейств, образующих привилегированный класс аристократии, не существует знатных родов; в некоторых семействах от отца к сыну переходит кредит, но ни в одном из них не передаётся из рода в род слава.

Если обстоятельства благоприятствуют, то менее чем через двадцать лет еврей достигает своего полного развития.

Он родится в какой-нибудь жидовской улице, зарабатывает на первой операции несколько грошей, устремляется в Париж, получает орден при посредстве какого-нибудь Дрейфуса, покупает титул барона, смело является в высший круг и принимает замашки человека, который всегда был богат.

У него метаморфоза почти мгновенна, он не испытывает никакого удивления, положительно чужда известная застенчивость.

Возьмите русского еврея у себя на месте в грязном лапсердаке, с пейсами, дайте ему месяц срока, чтобы пообчиститься; и он усядется в ложе в большой опере с апломбом какого-нибудь Стерна или Гинцбурга.

Теперь возьмите почтенного французского подрядчика, разбогатевшего честным путём: у него всегда будет немного стеснённый вид, он будет избегать слишком элегантной среды. Его сын, рождённый при лучших условиях и знакомый со всеми тонкостями жизни, будет уже совсем иной.

Если семья, постепенно возвышаясь, будет оставаться верна правилам чести и религии, то внук уже будет образцом истинного дворянина, у него будет возвышенность мыслей и благородство чувств, которого никогда не будет у проходимца.

Напротив еврей, хотя и сразу приобретает апломб, зато никогда не достигает изящества. За исключением некоторых португальских евреев, которые в молодости отличаются прекрасными глазами, а в старости некоторой восточной величавостью, вы никогда не встретите у них того спокойствия и достоинства, той свободы и утончённой вежливости, по которым всегда можно отличить настоящего французского вельможу, хотя бы он был одет в потёртое платье.

Еврей нахален, но не горд; он никогда не подымается выше той первой ступени, которой, впрочем, очень легко достигает. Несмотря на свои миллиарды, Ротшильды похожи на старьёвщиков, а их жёны, со всеми бриллиантами Голконды, всегда будут напоминать торговку дамскими нарядами, разряженных уж не по-воскресному, а по-шабашному.

У еврея всегда будет недоставать того, что составляет прелесть общественных отношений: равенства. Еврей — заметьте хорошенько — никогда не будет равным человеку христианского племени; или он ползает у ваших ног, или попирает вас пятой.

Это явление становится ясным даже после десяти-минутного разговора с евреем.

Как только вы с ним отдадитесь той фамильярности, свободе и добродушию, которые придают особую привлекательность сношениям с людьми, он немедленно садится вам на шею, посягает на вашу умственную свободу, старается вас подавить.

Надо его держать на почтительном расстоянии. Говорите ли вы с миллионером или бедняком, ему всегда надо напоминать, кто вы и кто он...

Ещё одна причина делает еврея непригодным для сношений, имеющих целью что-либо, помимо делового интереса, — это монотонность типа; в нём нет утончённой культуры и умственного благородства, составляющих соль всякого разговора; лишь очень редко можно у него встретить те блестящие и химерические теории, остроумные взгляды и забавные парадоксы, которые некоторые говоруны небрежно рассыпают в своих речах.

Если бы у еврея и были подобные идеи, то он не стал бы сорить ими перед собеседниками, а постарался бы извлечь из них деньги; но в сущности он живёт за счёт массы; это монохорд и самый длинный разговор с ним не представляет никаких неожиданностей.

Между тем, как арийская раса являет бесконечное разнообразие организаций и темпераментов, евреи все похожи один на другого; у них нет дарований, а есть только одна способность, применяющаяся ко всему, — прославленная практическая сметка, чудесный и неуловимый дар, который есть и у политического деятеля и у маклера и оказывает им удивительные услуги в жизни.

Чтобы понять цивилизованного еврея, надо видеть еврея первобытного. Пресбургский Шлосберг даёт прекрасное понятие о промежуточном состоянии между отталкивающим галицийским и почти изящным столичным евреем.

Представьте себе, круто извивающуюся по склонам горы, пыльную белую дорогу. Направо и налево лавчонки или низенькие домишки, как на востоке, с решётками в средневековом вкусе.

На улице беспорядочно кишит семи или восьмитысячное еврейское население среди всякого тряпья, железного лома, разрозненной мебели, кучи овощей и груды нечистот.

Там вы увидите стариков, поражающих своим безобразием, и рядом молодых девушек необыкновенной красоты, одетых в лохмотья; однако сюртук преобладает у мужчин, у которых связь с современностью выражается высокими шляпами, а с прошлым — босыми ногами, которые составляют контраст с головным убором.

Общий вид однако скорее возбуждает представление о современной жизни, чем впечатление прошлого. По правде сказать, так и кажется на каждом шагу, что встречаешь знакомые лица, и этот уголок гетто имеет вид маленького Парижа. Разве эти два проходимца с пронырливими физиономиями, которые возятся около старой декорации, не Дрейфус и Локруа?

Еврей, развалившийся на репсовом диване, прямо на улице, среди груды капусты, имеет рази-

тельное сходство со Стерном, посетителем клуба улицы Рояль. Посмотрите на эту костлявую молодую девушку босиком, прикрытую только грязной кофтой и юбкой до колен, — это Сара Бернар в детстве. Вот девица Исаак уплетает за обе щеки кочан кукурузы.

Вглядитесь в эту женщину, которая красуется на пороге своего дома; не напоминает ли она вам одну знаменитую баронессу, которая со своими дерзкими и глупыми ухватками более похожа на зазнавшуюся гусыню, чем на Лагиду «с грациозным и гибким движением лебединой шеи», воспетую Готье.

Оденьте в бархат, бриллианты и приличную одежду всю эту толпу перекупщиков, старьевщиков и ростовщиков и вы получите театральный зал в день первого представления.

Сами они отлично понимают своё положение и философски ожидают прилива, который вынесет их в город к счастью, к почестям. Они не торопятся и не чувствуют себя несчастными.

В центре этого квартала, полного лохмотьев, возвышается синагога в восточном вкусе, в своём роде чудо; её охотно показывают иностранцу, иногда даже принимают любознательного голя за какого-нибудь приезжего собрата, желающего уяснить себе положение запоздавших братьев.

Я дал там 20 крейцеров одной женщине в огромных сапогах, которая во что бы то ни стало хотела поцеловать мне руку. «Не нужно, старушка, сказал я ей; я очень рад, что доставил тебе удовольствие. Твой сын наверно будет моим принципалом, и я буду счастлив, если мне удастся заработать кусок хлеба, наклеивая бандероли на его газету».

В конце подъёма вы очутитесь перед замком Шлосберг, где долго короновались венгерские короли и где жила Мария-Терезия. Какое поразительное зрелище являет этот замок, от которого после пожара остались одни стены; открытый всем ветрам, зияющий, но всё ещё величественный, он со странною отчётливостью выделяется на горизонте.

Внизу протекает Дунай, не необузданный, как под Веной, а неподвижный, мрачный, как бы уснувший, — пароходы с трудом поднимаются против течения. Налево остров Ау, перед вами песчаные отмели, вдали большие острова, называемые «Золотым Садам».

В туманную погоду эти развалины царственного жилища носят на себе отпечаток глубокой грусти.

Феодалный мир с его славою, героическими воспоминаниями, победными торжествами разрушен, как и этот покинутый замок; новый мир копошится в нескольких шагах от вас, в этом еврейском городишке, откуда будут выходить миллионеры, перед которыми преклонится раболепное общество и ремесленники искусства, которых будет превозносить со слов реклам бессмысленная и глупая толпа до тех пор, пока снова не воспрянет христианский мир.

Действительно, не надо судить об артистическом и литературном достоинстве евреев по всему тому, что они печатают в настоящее время. Они бы

охотно сказали обо всех своих ученых то, что говорится о раввине Елизаре в «Раввинской Библиотеке» Бортолоччи: «Если бы небосклон был из веленовой бумаги и вода морская обратилась в чернила, то их все же не достало бы, чтобы написать все то, что он знает».

Совершенные создания искусства христиан оставляют в тени, а все, что носит клеймо еврейства, превозносят и присуждают почетное прозвище шовер самому дрянному писаке, если только он принадлежит к братству.

Дело в том, что еврей не способен подняться выше очень незначительного уровня. У семитов нет ни одного гения, равного Данту, Шекспиру, Боссюэту, Виктору Гюго, Рафаэлю, Микель Анджело, Ньюто́ну, и нельзя себе представить, что бы таковой у них нашелся.

Гениальный человек, почти всегда непризнанный и преследуемый, есть существо возвышенное, дарующее человечеству нечто, а сущность еврея в том, чтобы ничего не давать. Нет ничего удивительного, что они ограничиваются поверхностными талантами: их Корнель-Адольф — д'Энерц, а их Рафаэль — Вормс⁹.

В искусстве они не создали ни одного оригинального, могучего или трогательного образа, ни одного образцового произведения; они допускают только то, что можно продать, создают возвышенное только в случае необходимости, — можно возвышенное разумеется, — но предпочитают низкое, позволяющее им обогащаться, льстя грубым инстинктам толпы и в то же время служить их делу, осмеивая энтузиазм, религиозные воспоминания, возвышенные традиции народов, на счет которых они живут.

Если надо натравить ревущую ватагу с уличной музыкой, капельмейстер Штраус подымает свой смычок. Если нужно выставить в смешном виде армию в ту минуту, как готовится ужасная война, Людовик Галеви сочиняет генерала Бум.

Если нашим врагам выгодно поднять на смех все, что народ уважает: героизм, честную любовь, бессмертные создания искусства, прусский агент

⁹ Самым разительным примером этой творческой неспособности семита служит Карфаген, бывший некоторое время владыкой мира и не оставивший после себя ни одного произведения искусства. Когда семиты, всемогущие в настоящее время Ротшильды, Камондо, Стерны, владеющие Тунисом, благодаря Гамбетте, решились пожертвовать несколько грошей из своих доходов, чтобы сделать раскопки Карфагенских развалин, то нашли всего несколько незначительных предметов, между тем как самый скромный городок Греции доставляет нам ежедневно новые сокровища. В мастерской горшечника, жившего в беотийской деревушке Танагра, было более искусства, чем в целом Карфагене.

Как показали нам Жорж Перро и Шарль Шипье в своей «История искусства в древности», финикийцы несколько веков владычествовали над Средиземным морем и не внушали народам, с которыми имели постоянные сношения, других чувств, кроме недоверия и страха перед их жадной к наживе, их вероломством и злодеяниями. Все знали, что силой или хитростью они брали то, чего им не хотели продать, что они торговали невольниками и не пренебрегали никакими средствами, чтобы овладеть прекрасной девушкой или ребенком; без них нельзя было обойтись, и однако их боялись, ненавидели и наделяли всевозможными несметными эпитетами.

Оффенбах тут как тут. Если считают полезным бесчестить театр Расина и Мольера, выставлять на подмостках гильотину и на нашу, прежде славную сцену, выводить действующих лиц, произносящих богохульства — Еврей Бузнах предлагает свои услуги.

Если угодно, чтобы танцевальные вечера, где в былые годы юношество прилично веселилось, обратились в притоны разврата — на то есть еврей Марковский. Еврейка Симия и Вольф расхваливают эти пошлости и приводят с собою людей из общества¹⁰.

Удар выходит двойной. Пока немецкие евреи творят все эти подлости во Франции, другие евреи пишут в Германии: «вот до чего дошла Франция, вот её литература, вот что она производит»!

Когда же предки этих людей молились вместе с нашими! В каком уголке наших деревень или городов их семейные могилы? В каких приходских списках встретятся вам имена этих пришельцев, которые менее века тому назад не имели права жить на той земле, откуда они хотят теперь согнать нас? Чем они связаны с традициями нашей расы?

Так отвечают настоящим немцам, соотечественникам Гёте и Шиллера. Тогда они вами говорят: «тем хуже для вас; не надо было принимать этих людей; вы должны были предположить, что они приходят к вам только для того, чтобы обеспечить вас и изменить вам».

Наравне с низкопробными театральными произведениями евреям удаются живопись и музыка (опять-таки низшего разбора); приемы их усваиваются тем легче, что, при современном понижении артистического уровня, формальная сторона исключительно берет верх над идейной.

Заметьте еще, что вы не насчитаете ни одного великого французского писателя, который бы был евреем.

Еврей с удивительно легкостью схватывает парижский жаргон. Гейне, Вольф, Галеви и многие из их немецких собратий более парижане, чем мы родившиеся в Париже. Действительно тут есть какой-то особый пошиб, который еврей тотчас усваивает, как только ему укажут, что все эти хроники, оперетки, парижские изделия могут иметь выгодный сбыт. Кроме того, в деле разрушения посредством насмешки, которое французы одобряют с идиотской улыбкой, — его воодушевляет ненависть ко всему прекрасному и славному в нашем прошлом.

Говорить по-французски — другое дело. Что-

¹⁰ Заметьте еще, что даже в этом направлении еврей не творит самостоятельно, а ограничивается тем, что извращает существующее, оскверняет предмет, бывший до его прикосновения приличным и чистым. Из старинного французского танца, добродушного и веселого, он делает непристойный канкан, из наивной песенки или веселого Рождественского стиха, которые наши деды певали за столом — оперетку с хриплыми выкрикиваниями, с неприличными недомолвками, с сладострастным ритмом: из живого, остроумного, ходкого журнализма наших отцов, он делает шантанжную хронику, из легкой шутилки, слегка распущенной картинки 18-го века — неприличный рисунок, из карикатуры Гаварни, Домье, Травье — грубую сальность, которую Штраус, достойный родственник музыканта, продает в улице Полумесяца.

бы говорить на каком-нибудь языке, надо сперва уметь думать на нем; между выражением и мыслью существует тесная связь. Невозможно натурализовать стиль какого-нибудь Левена или Рейнаха, как его особу: для этого надо от рождения быть вхоженным вином своей отчизны, выйти из её почвы, тогда только ваш слог будет отличаться национальным колоритом, заимствованным из общего запаса чувств и идей.

Наиболее убедительным примером служит Гамбетта, удивительную фразеологию которого мы далее будем иметь случай оценить.

Другие, более осторожные евреи, отчасти избегли этого смешного положения и создали свой собственный странный язык, который теперь в ходу почти во всех газетах: в бессмысленных и бесцветных периодах развлекается несколько избитых мыслей.

Отмечая это загромождение нашей литературы, невольно припоминаешь рассказ раввина Венямина Тудельского, который, путешествуя по Греции в средние века, встретил орды евреев, расположившиеся лагерем на Парнассе. Неправда ли какой поразительный контраст? Грязные толпы обрезанцев среди тех лавровых деревьев, которые видели в лучшие времена Эллады, как бог с серебряным луком, Сминтей Аполлон, руководил священным хором сестер муз.

Эта неспособность усвоить себе самую сущность языка известной страны распространяется даже на выговоре. Еврей, так свободно говорящий на всех наречиях, всегда сохраняет, какой-то неумовимый горловой акцент, который его тотчас выдает внимательному наблюдателю. Ришар Андрэ констатировал этот факт в своих «Интересных наблюдениях над еврейским народом»: как бы хорошо еврей не усваивали местный язык (так, что впоследствии считают его за свой родной), им редко удается говорить на нем настолько правильно, чтобы их нельзя было отличить от местных жителей.

Даже у большинства образованных евреев есть особый акцент, по которому их можно узнать с закрытыми глазами. Это племенное клеймо, встречающееся у евреев всех национальностей. Рогэ (Первое пребывание в Марокко) был поражен этим явлением.

Евреи, пишет он, нигде не могут вполне изучить язык той стороны, в которой они живут. Немецкого еврея можно тотчас узнать по его странному произношению: то же можно заметить относительно евреев Северной Африки. Еврея можно узнать среди сотни арабов, хотя он и не отличается от них лицом и одеждою. Ничего нет забавнее еврея, говорящего по-арабски, или на языке берберов.

Будучи не способен к открытиям в области искусства, семит мало изучает и неизведанные области науки. Всякое исследование бесконечного, всякое усилие расширить границы земного мира — положительно вне его природы. Он продает очки и шлифует оптические стекла, как Спиноза, но не открывает звезд в бесконечном пространстве, как Лаверье, не предчувствует, как Колумб, что за горизонтом есть континент, не угадывает законов тяго-

тения как Ньютон.

Теперь, когда евреи стали руководителями общественного мнения, когда они царят в академиях, благодаря низости христиан, они нам рассказывают небылицы, будто они были хранителями науки в средние века и передали нам открытия арабов. Все это ложь: евреи прослыли за ученых, пользуясь некоторыми отрывками из книг Аристотеля, но как только был открыт самый источник, то оказалось, что они ничего не создали сами.

В течение веков они пользовались монополией занятия медициной, которая облегчала им шпионство, позволяя проникать всюду, а между тем они даже не подозревали о кровообращении, Байль, который к ним очень благосклонен, и тот признает, что они были в тысячу раз невежественнее своих современников в научном отношении; они думали, что небесный свод, *kakiak*, тверд и испещрен отверстиями, через которые падает дождь; считали кость *Luz* основой тела, куда сходятся все сосуды; ее будто нельзя ни сломать, ни стереть; они формулировали аксиомы вроде следующих: «немного вина с хлебом, выпитого натощак, предохраняет печень от 60 болезней,» или «если снится петуший гребень, это признак полнокровия».

Это не мешает Дармештетеру, помощнику директора в Школе Высших Наук уверять нас, «что средние века заимствовали в гетто свою науку и философию».

Когда г. Дармештетер говорит нам о «глухих и невидимых действиях евреев против церкви, о религиозной полемике, которая незримо подтачивает христианство в течение веков,» — пусть говорит в добрый час. Но утверждать, что евреи оказали какую-либо услугу науке, значит смеяться над легковерием тех христианских юношей, обучение которых Ферри поручил этому еврею.

Все открытия — великие и малые сделаны арийцами: книгопечатание, порох, Америка, пар, пневматическая машина, кровообращение, законы тяготения. Все успехи явились следствием естественного развития христианской цивилизации. Семит, будем повторять это неустанно, только эксплуатировал то, что было добыто гением или трудом. Истинная эмблема еврея — та негодная птица, которая нахально садится в гнездо, свитое другими.

Указав на главные черты, присущие почти всем семитам, рассмотрим поближе расу и вид.

Можно бы было составить очень полный и любопытный очерк физиологии еврея. К сожалению, данных слишком мало. Со своею обычною юркостью и деятельностью евреи пробрались во все антропологические общества, во все ассоциации, которые дают право напечатать какое-либо звание на визитной карточке; раз попав туда, они все пускают в ход с целью помешать, чтобы ими не занимались слишком усердно.

По этому главными признаками, по которым, можно узнать еврея, остаются: знаменитый нос крючком, моргающие глаза, сжатые губы, торчащие уши, квадратные ногти, слишком длинное туловище, плоские ноги, круглые колени, чрезвычайно выдающаяся щиколка, мягкая и как бы тающая рука, рука ханжи и изменника. Часто одна рука у них ко-

роче другой.

Достоверно, что различные колена сохранили почти без изменения черты, отличавшие их некогда и упоминаемые в Библии. Гамбетта, со своим огромным горбатым носом, принадлежал к колену Ефремову. Тоже Рейнах и Поржес, чем объясняется их взаимная симпатия. Черный и волосатый Камандо происходит их племени Дана, Анри Арон, с глазами испещренными красными жилками, наверно ведет свой род от Завуллона. Белая и тонкая Калла из племени Иудова. Локруа, со своею юркой головкой, происходит от Ассира. Бесчисленные Леви, несмотря на видимые различия, принадлежат все к племени того же имени. Племена чуют, узнают друг друга, сблизаются между собою, но, при современном зачаточном состоянии науки о наследственности, невозможно формулировать никакого определенно-го правила.

Кроме этих, еще недостаточно выясненных, отличий между коленами, надо различать у еврея два совершенно различных типа: южного и северного, португальского и немецкого еврея.

Евреи португальского толка уверяют, что поселились в Португалии с незапамятных времен; они с отвращением отвергают всякую солидарность с богоубийцами и уверяют даже, будто толедские евреи написали тогда своим иерусалимским братьям с целью удержать их от такого великого греха. Многие историки, между прочим еврей Эммануэль Абоаб в своей «Номологии», допускают подлинность этого послания, в котором глава синагоги Леви и толедские евреи Самуил и Иосиф обращаются к первосвященнику Елеазару, к мудрым людям Самуилу Кануту, Анне и Каиафе, евреям св. земли. Гретц, напротив, объявляет, что все эти утверждения ложны; но надо заметить, что он немец, следовательно враждебно настроен против португальцев.

Как бы то ни было, разница между обеими разновидностями евреев очень велика.

Согретый горячим солнцем, южный еврей иногда бывает красив собой; в нем не редкость встретить арабский тип, сохранившийся почти во всей своей чистоте. Иные с их бархатными ласкающими, однако всегда не много лживыми, глазами и черными как смоль волосами напоминают вам каких-нибудь приближенных мавританских королей, или даже кастильских гидальго; но при этом их руки должны оставаться в перчатках, а не то жадное и низкое племя тотчас выдает себя крючковыми пальцами, всегда подвижными страстью к наживе, всегда сжимающимися для добычи.

У немецкого еврея нет ничего подобного. Его гнойные глаза почти не глядят, цвет лица желтоватый, волосы — цвета рыбьего клея, борода почти всегда неопределенного рыжеватого оттенка, а иногда черная, но неприятного зеленоватого цвета, напоминающего выцветший сюртук. Это тип прежнего торговца людьми, мелкого ростовщика, подозрительного кабатчика. Я уже сказал, что фортуна, прикасаясь к ним своею палочкой, вовсе не меняет их. Когда мимо вас проезжают известные всему Парижу личности, которых чистокровные рысаки мчат в Булонский лес в ландо, украшенных баронским гербом, вам так и кажется, что вы где-то встречали эти

лица у старьевщиков и мелочных разносчиков.

Немецких евреев описал их единоведец, принадлежащий к значительной и уважаемой в еврействе семье, г. Серфбер-Медельсгейм.

Немецкий еврей, говорит он, в нравственном отношении тщеславен, невежествен, стяжателен, неблагодарен, подл, низкопоклонен и нагл; по наружности он грязен, оборван и покрыт чесоткою. Еврейки любят повелевать и злословить; они доверчивы, сварливы и нередко нарушают супружескую верность (Евреи, их история и нравы).

Затем автор направляет против раввинов обвинения, которых мы не станем воспроизводить, ибо никогда христианский писатель не нападает на священнослужителей, к какой бы религии они ни принадлежали: он предоставляет это сотрудникам еврейской прессы.

Среди немецких евреев знатоки отличают еще одну разновидность: польского еврея с толстым носом и курчавыми волосами ¹¹.

Южный еврей примешивает к своим финансовым предприятиям хоть каплю поэзии; он отнимает у вас кошелек — того требует племя — но в силу соображений, не лишенных известной возвышенности. Подобно Миресу, Мильо и Перейре он водит знакомство с учеными, издает газету, в которой иногда пишут по-французски, ищет общества литераторов и считает за честь видеть их за своим столом; иногда, если писатель даст ему заработать тысячу сто франков, он, пожалуй, положит ему 500 фр. под салфетку.

У северного еврея нет даже коммерческого гения; это тот же прежний обрезыватель дукатов, о котором во Франкфурте говорили что он над золотыми совершает обряд обрезания. Его южный собрат движется, волнуется, изворачивается, он же не трогается с места; неподвижно и как бы уснув, он выжидает минуту за своей решеткой, обесценивает бумаги, как прежде обесценивал монеты, обогащается, а между тем ничего не производит. Первый — веселая скачущая блоха, второй — цепкая скользкая вошь, живущая без движения насчет человеческого тела.

Южный семит еще верует, помнит те дни, когда он молился в своей палатке при лучах восходящего солнца, и он сравнительно веротерпимее. Северный же еврей ненавидит Христа, рисует не-

¹¹ Некогда существовало четыре толка: сефарди, ашкенази, пуллен и французский. Французский толк исчез вследствие изгнания евреев из Франции.

Секта Караимов насчитывает 500 человек в Виленской и Вольнской губ., 200 в Одессе и около 400 в Крыму.

Караимы не признают Талмуда и допускают только правила св. Писания. Еврейские раввины называют караимов самаритянами, саддукеями, эпикурейцами. По их мнению эта секта была основана в VIII в. раввином Аннабен-Давидом, который явился в Вавилоне претендентом на высокое звание Гаона или Реш Глута. Разгневанный отказом, он будто бы основал особую секту.

Караимы с своей стороны утверждают, что их секта существовала еще во времена первого храма. В 1836 году Шахам ответил императору Николаю, который разговаривал с ним проездом через Троки: “нас нельзя обвинять в том, что мы распяли Иисуса Христа, потому что нас не было в Иерусалиме со времени разрушения первого храма”.

пристойные карикатуры.

А между тем южные евреи гораздо больше страдали, чем северные, но их меньше презирали. Мученичество возвысило потомков жертв, а привычка жить среди всеобщих оскорблений унизила сынов северных евреев.

Смотрите, однако, не ошибитесь: наиболее сильный, настоящий еврей — это северный. Перейра, поэт и артист до известной степени, напрасно старался бороться с Ротшильдом; он принужден был отказаться от поединка, из которого вышел с большим уроном. Еврейская пресса и банк взяли Гамбетту под свое покровительство и прославили маленького секретаря Кремье великим человеком только потому, что, несмотря на свое итальянское имя, он был еврей немецкого происхождения.

По естественной логике, временное торжество еврея должно воплотиться в настоящем еврее, который больше пресмыкался и был отвержен, в ущерб еврею уже очищенному, цивилизованному.

Собственно говоря, не следует придавать особого значения этим подразделениям. Португальцы и немцы «Ашкеназим и Сефардим» как говорят в Иерусалиме, все, если не считать мимолетных разногласий, держатся тесно сплотившись против гоя, чужого, христианина.

Притом религиозный вопрос играет здесь второстепенную роль наряду с племенным вопросом, который занимает первое место. Даже в тех, которые отступили от иудейства два или три поколения тому назад, еврей сумеет отыскать своих, распознает по известным признакам, есть ли в их жилах хоть капля еврейской крови; порой даже, что очень хорошо, он щадит врага, потому что признал в нем брата, сбившегося с истинного пути.

В «Даниеле Деронда» этом великолепном очерке иудейства, ради которого еврей Lewes заставил свою подругу Дж. Эллиот, величайшую романистку Англии после Диккенса, прочесть двести или триста томов исторических сочинений, эта черта замечательно освещена.

Ни у одного французского романиста не хватило бы сил написать книгу такой глубины: тут все современное иудейство с его тайными деяниями, бродяжническими нравами, в лице певицы Алькаризи, с его постоянными заговорами, социалистской пропагандой, олицетворенной в Мордохе, а над всем этим — горячая вера в призвание расы.

Во все концы вселенной, от Америки до Абиссинии, израиль отправляет послов, чтобы отыскивать остатки затерявшихся колен, из которых колена Гада и Иуды исчезли окончательно, между тем как другие имеют лишь немногих представителей. Их ищут с весьма понятным нетерпением, ибо пока они будут рассеяны, семья будет неполна, и нечего думать о восстановлении храма, несмотря на всю готовность свободных каменщиков.

Ради этих поисков еврей Веньямин, родившийся в Молдавии, в Фольшерах, и умерший в Лондоне в 1864 г., в течение долгих лет путешествовал по Египту, Сирии, Курдистану, Персии. Его прозвали Веньямином II в память Веньямина Тудельского, знаменитого путешественника XII в. Раввин Мордо-

хей думает, что видел их в Сахаре, но это еще не выяснено. Другой еврей, г. Винер, профессор в лице Бонапарта, отправился их разыскивать в Южную Америку, и фонды министерства народного просвещения идут на расходы миссий, преследующих эту патристическую цель. Осчастливив евреев Алжира и Туниса, мы теперь занимаемся марокскими и китайскими евреями.

Никто из парижан еще не забыл первого представления «Жены Клода», единственной пьесы Дюма, которую удалось совсем провалить. «Слишком рано, слишком рано!» бормотали евреи, приведенные в восторг и в то же время испуганные дерзкою исповедью Даниеля, которого Дюма заставил говорить, как Калиостро, предсказывающего будущее¹².

Альфонс де Ротшильд, который никогда не блистал храбростью, струсил и вообразил, что его засадят и потребуют отдачи тех трех или четырех миллиардов, которые он у нас позаимствовал. Увы! у Франции на то уши, чтобы не слышать, и Дюма мог говорить что угодно, в полной уверенности, что его не поймут.

О существовании китайских евреев известно лишь с XIII века.

Первые сведения о них сообщены иезуитом о. Риччи, первым и величайшим миссионером своего ордена в Китае.

Израильтяне появились в Китае в царствование династии Кар (т. е. по крайней мере 2000 лет тому назад), в количестве 70 семейств или групп, носящих одно и то же имя. Число их по видимому уменьшилось, может быть оттого, что многие из них приняли мусульманство несколько веков тому назад.

Сперва израильтяне заняли несколько городов, между прочими Пекин. Теперь их можно встретить только в Каи-Фу.

Китайские израильтяне питают особое уважение к книге Эсфирь, которую они называют *Jpetea mata* (великая мать). Их свитки Торы написаны без запятых и точек под тем предлогом, что Бог так скоро говорил заповеди Моисею, что тот не успевал расставлять знаков препинания.

Изо всех этих рассеянных сынов израиля наиболее интересны — Феллахи.

Они обитают, говорит Иосиф Галеви в отчете

¹² Надо упомянуть, хотя бы между прочим, о докладе некой г-жи Делавиль, читанном на бульваре Капуцинов, 30-го октября 1882 г.: «Парижские израильтяне, их таланты, ум, деньги, могущество».

«Евреи», говорила буквально докладчица, «достаточно богаты для того, чтобы купить Францию, и они ее купят может быть, когда динамит сделает свое дело».

Евреи качали своими лысыми головами, — я как сейчас вижу это покачивание; и ни один француз не встал и не закричал: «молчи, дерзкая, Франция еще не продажна!»

Представитель немецкого анти-семитического комитета, следящий за всеми еврейскими манифестациями не с точки зрения Франции, которую ему не поручено защищать, а с точки зрения арийской расы, унижение которой в некоторых странах ему больно видеть, сказал выходя: «если бы евреи позволили себе публично оскорблять таким образом Германию, какую бы резню устроили на другой день этим нахам!»

о своей абиссинской миссии, в провинциях Ширэ, Адубо, Асегедиз, на севере: цвет лица у них смугл, но не черен, они носят или еврейские имена, произносимые на абиссинский лад, или случайные имена, по обычаю древних евреев и племени Кез. По их уверению, они потомки еврейских послов, составлявших почетную свиту Македы, знаменитой царицы Савской и ее сына Менелика, отцом которого был Соломон.

Абиссинские евреи постоянно говорят об Иерусалиме и сильно рассчитывают на восстановление еврейской национальности.

Но оставим этих далеких евреев и возвратимся к нашим европейским.

Евреи по происхождению, не соблюдающие обрядов подобно Деронде, почти так же многочисленны, как и настоящие. Если нет переодетых иезуитов, за то есть, если можно так выразиться, переодетые евреи. Дизраэли, бывший знатоком этого дела, неоднократно прекрасно изображал их с их таинственной работою на пользу общего дела.

Кто не помнит этого отрывка из «Конингсби» или «Нового поколения».

«Хитрая и таинственная дипломатия, причиняющая столько хлопот западной Европе, организована и удачно ведется по преимуществу евреями. Подготавливаемая в настоящее время в Германии грозная революция, которая в сущности будет только второй, более важной реформацией, — в Англии о ней еще почти не подозревают, — развивается исключительно под руководством евреев, захвативших в свои руки профессию в Германии. Неандер, основатель спиритуалистического христианства и королевский профессор богословия в берлинском университете — еврей. Бенари, не менее знаменитый доцент того же университета — еврей. Вель, профессор арабского языка в Гейдельберге — еврей... И вообще, что касается немецких профессоров, происходящих из этого племени, то имя им легион. В одном Берлине, я думаю, не более десяти».

«Несколько лет тому назад крупные денежные дела заставили меня отправиться в Испанию».

«Получив аудиенцию у испанского министра, сеньора Мендизабеля, я очутился лицом к лицу с арагонским евреем. По получении надлежащих разъяснений в Мадриде, я прямо отправился в Париж, чтобы посоветоваться с президентом совета французских министров. Он оказался сыном французского еврея, героем, маршалом империи».

«А Сульт — еврей» ?

«Да, так же как и другие французские маршалы и даже знаменитые: напр. Массена, которого настоящее имя было Манассе. Но возвратимся к моему рассказу. Следствием наших совещаний было то, что понадобилось прибегнуть к одной из северных держав, в качестве посредницы при полюбовной сделке».

Наш выбор пал на Пруссию, и президент совета обратился к прусскому министру, который приехал через несколько дней, чтобы присутствовать на нашем совещании. Когда граф Арним вошел в гостиную, я в нем узнал прусского еврея. И так вы видите, мой милый Конингсби, что свет управляет-

ся совершенно различными личностями»...

Картина интересна и ясно показывает, каким образом под различными видами еврей действительно находится всюду. Вошедшая в поговорку жадность Массены, лихоимство, которому он предавался во всех походах, по-видимому подтверждает то, что Дизраэли говорит о его еврейском происхождении, хотя свидетельство о крещении маршала было опубликовано в *Intermediaire* (№ от 25 ноября 1882 г.). Ней, кажется тоже принадлежал к этому племени. Что же касается до Сульта, то подобное мнение о нём по-моему неосновательно.

В другом месте Дизраэли утверждает, что многие из членов общества Иисуса были евреи, но это положительно не выдерживает критики. Иезуиты, которым даже их враги не могли никогда отказать в уме, всегда остерегались евреев, как чумы. На этот счет правила знаменитого ордена строги; они положительно запрещают принимать тех, кто происходит от еврейского или сарацинского племени до пятого колена. Это непреложное запрещение, *indispensabilis*, которого не может нарушить сам генерал ордена.

Единственный еврей, когда-либо вступивший в орден, вследствие совершенно исключительных обстоятельств, — Декаста, не мог в нем оставаться.

В этих предписаниях нет ничего удивительно. В былые времена действительно не говорили на каждом шагу о социологии, но существовала социальная наука, основанная на опыте, наблюдении фактов, изучении типов и сила наследственности была отлично известна.

Предосторожности, которые принимались против Маранов, иудействующих, вообще семитов, кажутся непонятными народу в полном упадке, каков наш; но они вполне соответствовали основательным заботам о законной охране общества. Да разве мы не видим, что единственная нация крепко стоящая на ногах — Германия, поднимает этот вопрос совершенно в той же форме и, нисколько не заботясь о религиозной точке зрения, старается противодествовать семитическому вторжению.

На этой-то почве стояло общество Иисуса, ибо оно не исключало из своего лона обратившихся неверных арийского происхождения, предоставляя в этом случае решение генералу ордена.

Притом иезуит есть полная противоположность еврея. Игнатий Лойола — чистокровный ариец; герой осады Пампелуны, рыцарь пр. Девы — последний из паладинов. В этом святом есть что-то донкихотское но в то же время и современное; в преклонном возрасте он сел на университетскую скамью, как бы воплощая собою движение, которому суждено было стать преобладающим в мире, где перо должно было отныне играть роль, которую в прежние века играл меч.

Хотя эта ошибка и доказывает, что Дизраэли лучше знал евреев, чем иезуитов, во всяком случае свидетельство английского государственного человека не теряет своего интереса.

В «Эндимионе» Дизраэли снова возвращается к таинственной дипломатии, которая вот уже более столетия, как перевернула свет вверх дном.

«Семиты оказывают теперь широкое влияние на дела при посредстве незначительной, но самой оригинальной ветви — евреев. Нет расы, которая бы была в большей степени одарена стойкостью и организаторскими способностями. Благодаря этим качествам, они приобрели беспримерную власть над собственностью и над неограниченным кредитом. Что бы вы ни предпринимали, евреи во всем будут вам становиться поперек дороги на вашем жизненном пути. Давно уже они запустили руку в нашу тайную дипломатию, которою почти завладели; лет через двадцать пять они потребуют участия в управлении».

Евреи, скрывающие свое происхождение, понятно оказывают общему делу тем большие услуги, что они менее заметны. Они находятся всюду, в администрации, в дипломатии, в редакциях консервативных газет, даже под рясою священника, не возбуждая подозрения. И так еврейская армия имеет в своем распоряжении три корпуса: настоящих евреев, явных, как их называют «Архивы»; они официально почитают Авраама и Иакова и довольствуются тем, что имеют возможность обогащаться, оставаясь верными своему Богу; евреев, переряженных в свободомыслящих (тип Гамбетты, Дрейфуса, Рейналя); эти прячут в карман свое еврейское происхождение и преследуют христиан во имя славных принципов терпимости и священных прав свободы; евреев-консерваторов, которые оставаясь по внешности христианами, связаны с предыдущими видами теснейшими узами и выдают своим товарищам тайны, могущие им пригодиться.

При таких условиях легко объясняется огромный успех евреев, как бы невероятен он ни казался.

Сила евреев в их солидарности. Все евреи солидарны между собою, как объявляет «Израильский союз», принявший за Эмблему две сомкнутые руки под ореолом.

Это правило соблюдается из края в край вселенной с умирительной точностью. Легко угадать, какое преимущество, с человеческой точки зрения, этот принцип солидарности дает еврею над христианином, который может быть достоин удивления за свое милосердие, но чужд всякого чувства солидарности.

Поверьте, никто более меня не восхищается тем чудным цветком, который, благодаря влиянию христианства, распускается в душе человеческой неутомимым, неисчерпаемым милосердием, которое дает беспрестанно не только деньги, но самое сердце, время, разум.

В этом труде, являющем собою плод строгого анализа, мне особенно хотелось бы указать на разницу, существующую между солидарностью еврея и милосердием христианина.

Христиане открывают широкие объятия всем несчастным, откликаются на всякий призыв, но не держатся крепко друга за друга. Так как они привыкли, что впрочем очень естественно, считать себя дома в стране, которая им принадлежит, то им и в голову не приходит спланиваться тесными рядами, чтобы противостоять евреям. Поэтому еврей легко справляется с ними, побивая их поодиночке. Пожелает ли еврей воспользоваться богатством какого-

нибудь купца, — все торговцы евреи сговариваются между собою, чтобы медленно довести его до банкротства. Стесняет ли их писатель, — евреи доводят его до отчаяния, до пьянства или до сумасшествия. Случится ли что аристократ, носящий громкое имя, грубо обойдется на скачках с какимнибудь подозрительным бароном, — тотчас стараются доставить несчастному любовницу — еврейку; биржевик, принадлежащий к той же шайке, предлагает ему выгодное предприятие; иной раз удается поймать жертву на удочку по первому разу, а под конец она оказывается одновременно разорена и обесцечена.

Если бы купец, писатель, вельможа сговорились, соединились между собою, они бы избегли своей участи, защитили бы друг друга, оказали бы взаимную поддержку — но повторяю, они падают, не видя друг друга и не подозревая даже, кто их истинный враг.

Благодаря этой солидарности, все, что бы ни случилось с евреем в самом отдаленном уголке пустыни, тотчас принимает размеры события. У еврея действительно есть, лишь ему одному свойственная манера кричать и жаловаться.

Еврейская крикливость всегда приводит на память эпизоды из средневековой жизни, когда несчастный еврей, одетый в желтые лохмотья, избитый за какой-нибудь дурной поступок, испускал страшные жалобные вопли, приводившие в смятение весь гетто.

К несчастью, на свете всегда есть еврей, который кричит и требует чего-нибудь. Чего именно? Того, что у него отняли, что у него могли бы отнять и чем он мог поживиться. Очень часто англичанин, пронюхав о выгодном деле, принимается вслед за евреем испускать свои горловые аое, аое, которые делают какофонию еще ужаснее.

Кто не помнит еврея Пасифико, которого Тувенель, бывший нашим представителем в Греции в то время, когда наши представители не были ни евреями, ни лакеями евреев — пригрозил повесить на мачте одного из наших военных судов, если он не замолчит.

Кто забыл Мортару, маленького еврея, из за которого вся пресса, подкупленная израиелем, осыпала оскорблениями святого пастыря, сказавшего только мальчишке со своею ангельскою улыбкою: «милое дитя, ты никогда не узнаешь, что мне стоила твоя душа».

Отец Момоло Мортара был типичный человек; он эксплуатировал своего сына, как Рафаэль Феликс эксплуатировал Рашель (в своем контракте с американским импресарио она предоставила право показывать ее в гробу мертвую, закутанную в мантию). Как только Мортара-отцу нужны были деньги, он чувствовал, что его скорбь оживает и шел к Кавуру.

Кавур уверявший, что дело Мортара помогло ему освободить Италию столько же, сколько Гарибальди, давал огорченному отцу несколько золотых; французские либеральные газеты, приветствовавшие итальянское единство, как они должны были впоследствии, со своим обычным патриотизмом, приветствовать объединение Германии, затягивали

свою воинственную песнь против вечного фанатизма, инквизиции, папского деспотизма и проливали слезы над этим бедным отцом, которого они называли «жертвой духовенства».

Смерть Кавура и занятие Рима итальянцами разорили бедного Мортару, который был отодвинут на второй план, как только оказался не нужен; будущи обвинен в убийстве, он предстал пред судом присяжных в Боленье в 1871 г., и ему удалось быть оправданным только благодаря поддержке франмазонов.

Как только в деле замешан еврей, можете быть уверены, что подымится страшный шум.

Каким образом умер Оливье Пэн? Никто не знает. Друзья его жалеют, но общество об нем не думает. Случайно оказывается, что князь Бисмарк, желая сблизиться с теориями, только что взявшими перевес, и разъединить Францию с Англией, решает, что нужно бы было нанести оскорбление лорду Лионсу, уже много лет бывшему послом во Франции.

Тогда выступает на сцену еврей Гершель Селикович. Это бывший воспитанник школы высших наук, постепенно сделавшейся чем то вроде еврейской семинарии, где с величайшим тщанием воспитывают революционных агентов; он издал брошюру, озаглавленную «Le Sceeol des eebreux et le Sest des Egyptiens». Больше о нем ничего не известно, но за то он знает самые сокровенные тайны; он уверяет чество, что видел как застреливали Оливье Пэна, и объявляет, что это преступление не может остаться безнаказанным.

Ему верят, устраивают митинги для выражения негодования, грубо оскорбляют Англию, королеву, принца Уэльскаго; летят дипломатические ноты; Рошфор клянется, что отомстит на лорде Лионсе смерть Пэна; парижане знают, что памфлетист ограничится тем, что на другой день поставит на скачках пари в несколько золотых, но наивные люди приходят в ужас, английское посольство запирает двери...

Чтобы наделать всю эту суматоху, достаточно было проклятого еврея. Как он ухитрился так взволновать всех? — Не спрашивайте, я и сам не знаю, — это его тайна, ему лишь свойственный дар. Это у него является естественно, как у музыканта в Нума Руместане.

К какой бы стране еврей ни принадлежал, он может быть уверен, что найдет ту же поддержку. Отечество в том смысле, какой мы придаем этому слову, не имеет никакого значения для семита. Еврей, — употребим энергичное выражение «Израильского союза», отличается неумолимым универсализмом.

Я не понимаю, почему евреев упрекают в том что они так думают. Что значить отечество? Земля отцов. Любовь к родине запечатлевается в сердце наподобие имени, которое вырезано на дереве и с каждым новым годом все более углубляется в кору, по мере того, как дерево старится, так что дерево и имя составляют одно целое. Нельзя вдруг стать патриотом: это должно быть в крови.

Может ли вечно кочующий семит испытывать

такие продолжительные впечатления?

Конечно, можно переменить отчизну, как сделали некоторые итальянцы во время прибытия Екатерины Медичи во Францию, как сделали французские протестанты после отмены Нантского эдикта. Но для того, чтобы такие пересадки удавались, нравственная почва должна быть более или менее однородна с покинутой, под верхним слоем должна быть христианская основа.

Кроме того первое условие для принятия нового отечества заключается в том, чтобы отказаться от прежнего, а у еврея есть родина, от которой он никогда не откажется, — Иерусалим, священный, таинственный город. Иерусалим торжествующий и преследуемый, ликующий и опечаленный служит связью для всех своих детей, которые всякий год на празднике Рош Гашана говорят друг другу: «в будущем году в Иерусалиме».

Вне Иерусалима всякая страна является для еврея просто местопребыванием, социальным агломератом, среди которого он может себя хорошо чувствовать, интересам которого ему даже бывает выгодно служить временно, но к которому он принадлежит только на правах свободного общника, временного члена.

Здесь мы касаемся вопроса, на который раньше указывали, и к нему нам придется еще возвратиться: это несомненный умственный упадок у французов, постепенное раствление, выражающееся неопределенною склонностью любить всех и с другой стороны какую то завистливою ненавистью друг к другу. Нечто подобное бывает с некоторыми помешанными, которые лишают наследства своих собственных детей и осыпают благоденствиями посторонних людей.

Если бы мозг наших сограждан работал так же правильно и нормально, как и у их отцов, то они скоро убедились бы, что у еврея нет никаких оснований быть патриотом.

В самом деле, чем какой-нибудь Рейналь, Бишофсгейм или Левен связан с Францией времен Крестовых походов, Бувина, Мариньяна, Фонтенуа, Людовика святого, Генриха IV и Людовика XIV?

По своим традициям, верованиям, воспоминаниям эта Франция есть абсолютное отрицание всего еврейского. Если она и не жгла евреев, за то упорно запирала перед ними свои двери, наделяла их презрением, сделала из их имени жесточайшее из оскорблений.

Я знаю, что, по их мнению, новая Франция возродилась из сентябрьской резни, что она очистилась от своей старой славы кровью, которая текла из отрубленных голов стариков и женщин, что революция была, по выражению еврея Сальвадора «Новым Синаем».

Это все звучные, но бессмысленные слова, страна остается тем же, чем была в начале, как дитя, вырастая, сохраняет свою первоначальную природу. Франция, Германия, Англия никогда не будут родиною для евреев и они, по моему мнению, совершенно правы в том, что нигде не делаются патриотами под всеми широтами следуют особенной, личной, еврейской политике.

Наши предки, люди здоровые, знали это и защищались. Делайте то же самое, если время еще не ушло, но не удивляйтесь; предоставьте Виктору Гюго, который кончил тем, что доверил своих внуков попечением еврея, негодующие тирады против Дейца.

В скобках сказать, как прелестен этот, эпизод, как все актеры в нем на своем месте! Вот наследница Бурбонов, бесстрашная женщина арийского племени, с рыцарским духом, уверенная, что все похоже на нее. Кому она доверится? Какому-нибудь сыну честного ремесленника из южан, какому-нибудь Мэро, которого Додэ изобразил в «Королях в изгнании», с его восторженностью и великодушием?

Нет, пустая голова руководит этим бесстрашным существом. Засаленный, пресмыкающийся, отвратительный еврей овладел её доверием; и не нашлось ни одного здравомыслящего француза, который бы сказал матери своего короля: «что вы делаете, государыня? предки этого несчастного подвергались преследованию, изгнанию, сожжению от королей, ваших августейших предков; он вас ненавидит и имеет на то основание».

Тот, с своей стороны, тоже очень интересен, типичен. Он не шутя обещает восстановить трон св. Людовика, который изгонял его единоверцев, алтарь того Христа, которого он считает за самого презренного обманщика. Он даже обращается в христианство, как Бауер, и продает королеву, потому что видит в этом выгоду для своей религии и сверх того рассчитывает — без этой черты характер расы был бы неполон, — на маленькую, совсем маленькую прибыль от этой операции.

Раздаются крики негодования, — он дает пройти грозе с тем спокойствием, которое выказывают его единоплеменники, когда какой-нибудь биржевой крах, какое-нибудь воровство бесстыднее других, навлекают на них ожесточенные проклятия. Кремье принимает торжественный вид и объявляет, что он отказывается защищать этого негодя, который бесчестит еврейский народ, известный своею честностью. Дейц не шелохнется, — затем, когда шум поутих, он отправляется к Кремье и говорит: «брат, оскорбления всей Европы мало смущают меня, но я дорожу вашим уважением и уверен, что всегда его заслуживал, действуя на пользу израиля».

Кремье, понятно, утвердительно кивает головою и выдает честному Иуде требуемое удостоверение.

Жаль было бы не привести речей, с которыми обращаются друг к другу два Гаспара.

Дейц говорит как честный депутат республиканского единства; он охотно сказал бы вместе со своим единоверцем Гамбеттою: «клерикализм — вот враг».

«Эта записка, говорит он, не есть оправдание, представляемое судьям; он в нем не нуждается, и его совесть самый справедливый и строгий судья говорит ему, что он оказал стране огромную услугу, затушив междоусобную войну, готовую возгореться с новой силой, сохранив кровь стольких великодушных граждан и нанеся смертельный удар этой партии, непримиримому врагу нашей свободы. Я при-

нес в жертву моим убеждениям гражданина, говорит он в заключение, мои интересы человека»¹³

Кремье, будущий покровитель Гамбетты, находит, что все это прекрасно. Способ, каким этот достойный республиканец определяет, что такое намерение, преисполнил бы радостью честного Поля Бера, перед которым бедный Эскобар не более, как ребенок.

«Намерение, говорит красноречивый казуист, есть без сомнения суть невинности или преступления: но намерение не выступает тотчас наружу, а если действия таковы, что сразу возмущают совесть, то в них не ищут намерения, а видят и судят самые действия».

Мы рады, что можем противопоставить двум смысловым и уверткам Кремье письмо, написанное А. Дюма к г. Норуа 13 марта 1883 г. Сцена, описанная Дюма, поистине драматична и прекрасна. Нам скажут спасибо, если мы приведем письмо целиком.

М. Г. Дело заключается в следующем: у меня был школьный товарищ и близкий друг Анри-Дидье, депутат Ажьера во времена империи, умерший в 1868 г. Он был внуком Дидье, расстрелянного в Гренобле во время реставрации, вследствие бонапартистского заговора, и сыном Дидье, бывшего генеральным секретарем при министерстве внутренних дел, когда произошел арест герцогини Беррийской по доносу Дейца. Этому-то Дидье и было поручено уплатить доносчику требуемые им 500,000 фр. Мой друг рассказал мне однажды, взяв с меня обещание обнародовать этот факт только после его смерти, что в день платежа отец спрятал его десятилетнего мальчика в своем кабинете за драпировкой и сказал ему: «смотри хорошенько на то, что произойдет и никогда не забывай этого. Ты должен знать, что такое подлец, и как его вознаграждают». Анри спрятался и Дейца ввели. Г. Дидье стоял перед столом, на котором лежали 500/т. фр. в двух пачках, по 250/т. в каждой. В ту минуту, как Дейц приблизился, Дидье сделал ему рукою знак остановиться, взял щипчики и подал ими Дейцу обе пачки одну за другою. Ни слова не было произнесено во время этой сцены, которую я вам воспроизвожу так, как она была мне рассказана моим другом, честнейшим человеком в свете. Вот, М. Г., все сведения, которые я могу вам сообщить по этому предмету. Мне тоже неизвестно, когда умер Дейц.

Примите и проч. А. Дюма:

Существует очень распространенное мнение, будто чрезвычайно интересные бумаги, составлявшие дело Дейца, исчезли из национального архива. Во всяком случае франмасон Ферри формально отказался сообщить содержание этих бумаг г. Норуа, как о том свидетельствует письмо, помещенное в Фигаро 19 марта 1883 г.

В ответном письме Ферри объясняет свой отказ тем, что он не хотел оскорблять приличий. Неправда ли, как милы эти слова под пером одного из участников 4-го сентября, которые с лакейскою

¹³ Заметьте, что этот молодец такой же француз, как Споллер, баденский уроженец, или Левен, родившийся во Франкфурте, и не имеет ровно никакого основания вмешиваться в наши дела.

бесцеремонностью опорожняли ящики в Тюльери и сделали предметом всеобщего любопытства бумаги совершенно интимного характера. Для документов, которым более 50 лет и которые следовательно стали достоянием истории, вопрос должен бы ставиться иначе. Правда, что дело идет о Дейце, единоверце Ротшильда.

Возмущенный таким ответом Ферри, г. Норуа стал наводить справки о Дейце при посредстве Intermediaire; но тут явилось новое осложнение. Г. Фоку, редактор Intermediaire, получил весьма интересные сведения, но отказался сообщить их г. Норуа из весьма понятной щепетильности, а может быть из боязни потерять свое положение в Карнавал. Г. Норуа возымел намерение возбудить против него процесс, который бы наверно проиграл.

Достоверно только то, что Дейц не умер в Америке разоренным. Тридцать сребреников, увеличенные пятьюстами тысяч франков, приумножились в его руках. Он оставил двух сыновей, принявших фамилию Гольдемид. Старший погиб во время кораблекрушения, а младший поселился в Лондоне.

Брат Дейца обладает огромным состоянием, приобретенным на бирже; он завсегда у наших театров и занимает великолепную квартиру в оперном квартале.

Дети не ответственны за проступки родителей; этим тезисом Фоку мотивирует свой отказ г. Норуа сообщить ему требуемые документы. Этот тезис был бы справедлив, если бы дети отказались от денег, добытых преступлением; в таком случае они были бы достойны всякого сочувствия; но желать пользоваться благосостоянием, добытым подлостью отца, и в то же время не желать переносить презрения, заслуженного этой подлостью, противно всяким правилам нравственности. Уровень общественной нравственности так низок, что поведение Фоку многим покажется похвальным.

Повторяю еще раз: не надо судить о евреях по нашим понятиям. Несомненно, что всякий еврей изменяет тому, кто его употребляет орудием. Кавур говорил о своем секретаре, еврее Артеме: «этот человек для меня тем драгоценен, что распространяет то, что я собираюсь сказать; не знаю, как он ухитряется, но едва я успею произнести слово, как уж он меня выдал, не выходя из моего кабинета». Бисмарк, в свою очередь, говорит, что «Бог лишь на то создал евреев, чтобы они служили шпионами».

Седекия отравил Карла лысого; еврей Мейер отравил Генриха III Кастильского; совет десяти обсуждал 9 июля 1477 г. предложение еврея Саломончини и его братьев отравить Магомета ИИ, при помощи врача, еврея Валхо. Еврей Лопец, врач Елизаветы, был повешен за то, что продался Филиппу ИИ. Еврей Льюис Гольдсмит служил Талейрану шпионом в Англии во времена первой империи; еврей Мишель был обезглавлен за то, что выдал России военные документы; другой Гольдсмит украл три года тому назад планы прусского генерального штаба. Известна роль, которую играла Паива перед войною. Кто не помнит попыток еврейки Коллы узнать наши планы мобилизации? Кто забыл Эсфирь Гюимон и ее знаменитый политический са-

лон?

Еврей Густав Клоатц изменил генералу Гиксу, зарезанному вместе со своим отрядом солдатами Махди. Клоатц получил крупную сумму и произведен в генералы. Крашевский доверился еврею Адлеру, который выдал его Пруссии, и старый польский поэт был заключен в крепость.

В виду этих фактов, число которых легко можно бы увеличить до бесконечности, становится очевидным, что дело идет не об единичном случае, который ничего не доказывает, а о призвании, свойственном расе.

Составляет ли это в глазах евреев шпионство или измену? Ничуть не бывало. Они не изменяют отечеству, которого у них нет, а просто обделяют политические и дипломатические дела. Настоящие изменники своей родине те коренные уроженцы, которые позволяют иностранцам совать нос в свои дела; достойны всякого презрения те республиканские министры, которые, не довольствуясь тем, что произвели в кавалеры ордена Почетного Легиона Опперта Бловица, немца по рождению и англичанина в силу случайности, но еще делают его своим доверенным лицом и выдают ему тайну наших arsenalov. А по какому праву вы запретите этому еврею, склоняющемуся попеременно то к одной то к другой стороне, сообщать свои сведения той из них, которая лучше платит?

Понятно, что это очень затрудняет изучение еврея с точки зрения преступности. Как говорит добрейший Кремье, вся суть в намерении. Зло, причиняемое евреями, ужасное, неизмеримое, неизвестное, подходит под категорию преступлений, совершаемых во имя государственных причин. Убить, разорить, ограбить христианина, по их мнению, составляет преступление угодное Богу. Эйзенменгер объясняет в «Разоблаченном Иудействе», что у них это называется сделать «Жорбан».

Еврей, который при помощи своих единоверцев доведет до отчаяния или до самоубийства negocianta-христианина, из желания занять его место, будет по отношению к своим — самым милосердным, услужливым, бескорыстным другом.

Отсутствие всяких серьёзных статистических данных, искусство, с каким евреи, которые все заодно, скрывают свои поступки, окружают почти непреодолимыми затруднениями всякие исследования подобного рода.

В 1847 г. Серфбер Медельсгейм¹⁴ обнаружил несколько интересных, но лишенных основания цифр.

«В 22 главных тюрьмах государства, говорит он, содержится 18000 человек, присужденных к различным наказаниям.

Из этих 18000 осужденных, евреев приблизительно 110 человек.

Так как все население королевства достигает 34 миллионов жителей, то один осужденный на тысячу человек составляет около 1/2%.

Евреев же, напротив, всего около 100,000, и отношение осужденных израильтян составляет более одного на тысячу их единоверцев».

Надо прибавить, что евреи редко совершают жестокие преступления, и, кроме того, благодаря поддержке особого тайного общества, которое Бисмарк называет «золотою интернационалкой, «golden Internationale», они почти всегда ускользают от закона.

В *Rewue des Deux Mondes*, от 15 июля 1867 г., М. Дюкан сообщил несколько сведений, которые впоследствии, с несколькими изменениями, заняли место в прекрасной книге. «Париж, его органы, управления и жизнь;» сведения эти вдвойне интересны в том отношении, что в то время евреи еще не успели захватить всех мест, и можно полагать, что факты эти имеют довольно определенную основу. Теперь, когда масонство завладело префектурой, все преступления, совершаемые евреями, сваливаются на шею тех, которые известны за католиков. Если бы вы потребовали каких-либо документов, касающихся израиля, брат Кобэ, состоящий на жаловании у «Союза», немедленно призвал бы еврейских агентов, которые клятвенно засвидетельствовали бы, что они видели, как вы убили вашего отца.

Легко понять, что бесчисленные Леви, Саломены, Мейеры, которыми кишит префектура полиции, от высших до низших, арестуют своего единоверца лишь в случае крайней необходимости¹⁵.

Вот что писал Максим Дюкан во времена очень отдаленные от нас не столько протекшими годами, сколько совершившимися переменами.

«Осуждение, постигшее семейство Натан: отца, мать, братьев и зятьев, всего четырнадцать человек, представляло собою сумму в двести слишком лет тюремного заключения¹⁶. Предаваясь незамет-

¹⁵ В своей книге: «Охрана общественной безопасности, бывшего её начальника» г. Масэ, он показал нам, что есть агенты, которые подписывают свои донесения масонскими... и всюду, при исполнении своих обязанностей, выставляют знаки своего ордена.

¹⁶ Старший из Натанов был настоящий патриарх; его первое осуждение за воровство относится к 11 жерминалю XIII года, а последнее постигло его шестидесяти лет от роду, в 1852 г. В это время он занимался дровяной торговлей и пользовался большим уважением в своем околотке; он был любителем искусств и благодетелем артистов, живших на бульваре Тампля, ссужая им деньги под 50%.

«В племени Натанов», говорят «Знаменитые процессы», «были и свои женския представительницы: Минетта или Эсфирь Натан, жена Мейера, очень ловко воровавшая из магазинов, и в особенности её сестра, Розина Натан, изящная и изобретательная на переодевания. Два раза Эсфири удавалось бежать из тюрьмы, переодевшись в богатое платье сестры, потому что Розина Натан в течение долгих лет обманывала свои жерт-

¹⁴ Этот Серфбер был, по-видимому, прямой и здравомыслящий человек. В 1847 г. он обратился к династии Орлеанов, вполне находившейся под влиянием Ротшильдов, со следующими строками, которые как будто вчера написаны, с тою разницею, что те которые пять лет тому назад изгоняли французов из их жилищ, не были ни слепы, ни безумны, а лишь подкуплены еврейским масонством.

ным, но беспрестанным злодеянием, евреи как бы совершают наследственные отправления. Их надо бояться не за смелость, потому что они редко убивают, а за настойчивость в зле, за ненарушимую тайну, которую они хранят между собою, за терпение, выказываемое ими, и легкость, с которою они находят убежище у своих единоверцев. Воры евреи редко становятся в открытую вражду с обществом, но всегда находятся с ним в глухой и коварной борьбе.

Порой они собираются в шайки и совершают воровства в больших размерах, подобно тому, как ведут торговлю¹⁷. У них есть свои корреспонденты, свои склады, свои покупатели. Таким образом поступали и Натаны, о которых я только что говорил, Клейны, Блумы, Серфы, Леви. Им все годится: краденые водосточные трубы и платки, вытасненные из

вы и полицию при помощи самых разнообразных переодетых. В случае надобности она становилась светской женщиной, и, как у Бальзаковской “Азии”, у нея являлись своя прислуга, своя карета, свои кружева и бриллианты. У нея была внешность и манера выражаться знатной дамы; она была в одинаковой мере комедианткой и воровкой”.

Она слегка напоминает Шумахер, дочь кучера, бывшую одною из самых изящных женщин Парижа и вышедшую замуж за барона де Мобрель. Её брат был на каторге где, понятно, недолго оставался, между тем как его сестра принимала самое избранное общество Парижа.

¹⁷ По видимому эти ассоциации евреев-злоумышленников продолжают возникать. В октябре 1884 г. арестовали в Страсбурге некоего Мейера, он же Лейтем, специальностью которого было собирать в свои руки бумаги и ценности, добытые кражею. У него нашли 400,000 фр. в акциях, украденных в Брюсселе, на миллион ценных бумаг, украденных несколько лет назад у владельца меняльной конторы Бюра, на 200,000 бумаг, украденных у вдовы Бонтан, содержательницы кафе Мон-мартрского театра.

Трудно было-бы понять, каким образом Мейер мог приходить в соприкосновение с этими различными ворами, если-бы не существовало правильно действующаго международного учреждения.

Впрочем, что может быть многозначительнее писем, обращенных к финансовому обществу, после одной знаменитой кражи, и подписанных Михаэлем Абрагамс? Всякие комментарии были-бы излишни перед спокойным нахальством этих людей, которые служат посредниками вору и говорят об этом открыто, как о самом обыкновенном деле.

Телеграфный адрес:

Лондон, Мабрамс. 27 сентября, 8 час.

Финансовому Обществу, Париж.

“У нас был сегодня г. Самюэльс, поверенный лиц, у которых находятся ваши бумаги. Он вас уведомляет, что они согласны возвратить ценности N... с условием уплаты 35%. Что касается до ценностей “Город Брюссель” и т. д., то он вас просит, чтобы вы им предложили известный процент, чтобы получить их обратно.

Мы думаем, что они отдадут акции N... менее чем за 35%. Будьте добры сообщить нам, какую сумму согласны выдать ваши доверители, чтобы получить обратно свои бумаги”.

Подпись: Михаэл Абрагамс, сын и Ко.

Вот и другое письмо, написанное тем-же самым в то время, как обокраденные затягивали переговоры, в надежде выговорить более выгодные условия:

“После получения вашего письма от 26 октября у нас было лицо, уполномоченное владельцами ценностей вести переговоры и сказало, что его друзья не принимают 100,000 фр., которые вы предлагаете; и так нечего больше делать”.

Примите и проч. Михаэл Абрамсон, сын и Ко”.

карманов. Предводитель шайки обыкновенно называет себя торговым комиссионером и совершает поездки в северную Америку, Германию или Россию. Немецко-еврейский жаргон, на котором они между собою говорят почти непонятен, и еще более помогает сбивать с толку преследование. Они первые укрыватели в свете и скрывают свои грабительства под видом постоянного ремесла.

В наше время грабителю Корню, описанному Максимом Дюкан,¹⁸ не пришлось бы заниматься воровством и разбоем; вместо того, чтобы находиться в каторжных работах, он бы был министром общественных работ и черпал бы прямо из первого источника. Натан показал бы Франции, как разыгрывают вельможу; он был бы кавалером Почетного Легиона, как Клеман, и стал бы таким образом товарищем старых воинов, весьма польщенных подобным соседством.

Серф снова принял бы свою немецкую фамилию (Гирш), у него была бы великолепная охота в окрестностях Парижа и наравне, с одною известною вам личностью, он принимал бы избранное общество Жюкей-клуба.

Наоборот, если бы Гендле, Кон, Шнерб, Левальян родились на свет тридцатью годами раньше они бы были ворами, взламывающими замки, в одной из тех немецко-еврейских шаек, о которых говорит М. Дюкан; теперь же они префекты. Вы мне, может быть, скажете, что их занятие от этого немного изменилось...

Удивительно, как после этого Максиму Дюкан удалось попасть в академию. Кто бы ни нападал на евреев: Гуссенель, поэт-ученый, Капфиг, автор полусотни великолепных книг, даже Гонкур, который едва начинает выходить из тени, — еврейская пресса всегда старалась умалить успехи этих людей, как бы по приказу обходила их молчанием. В том случае, когда враждебный писатель не приобрел известности, служащей ему оплотом, ему просто расставляют ловушку в каком ни будь месте, где дежурным — еврей полицейский и конец делу.

Лучше всего можно изучить еврея по процессу об убийстве часовщика Пешара в Каене. Дело это интересно, как роман; все обвиняемые в нем немецкие евреи, у всех характеристичные физиономии. В

¹⁸ Очень жаль что Максим Дюкан в своих “Философских рассуждениях о коммуне” не указал на огромную роль, которую в ней играл еврейский элемент. Ренан, который вообще боится затрагивать власть имущих, однако писал: “еврейский элемент играл важную роль во французских революционных движениях”. Дюкан оставил в тени этот вопрос. Может быть существуют по этому предмету документы в заметках, касающихся его книги, которые он не без основания спрятал в верное место, и которые должны увидеть свет только после его смерти. Рассказывая, что коммуна издала приказ арестовать его, автор “Парижа”, по-видимому, не отдавал себе точного отчета в этой мере. В то время, бывший гарибальдиец, еще не приобрел репутацию реакционера, которой он обязан изданием своего труда о коммуне. Очевидно приказ исходил от какого-нибудь Дакоста или Мейера, который хотел отомстить за оскорбление, нанесенное евреям. Появление в Revue des deux Mondes этих нескольких страниц, стремившихся лишить евреев ореола святости, который им так по лицу, возмутило израиля. Мы находим следы этого гнева в “Бюллетене Союза”, где один оратор, чтобы успокоить всеобщее негодование, объявляет, что будут приняты необходимые меры.

особенности выдается Соломон Ульмо, с виду честный негоциант, а на деле принадлежащий к шайке убийц.

Суть процесса и вообще еврейской политики во всех странах и во всех классах общества, не без наивности, высказана госпожою Ульмо, которая ответила председателю буквально следующее: «по нашему закону для нас нет большего удовольствия, как повредить христианину».

Домашняя обстановка этих разбойников самая почтенная; убийство для них такая же спекуляция, как и всякое другое дело, и не исключает семейных добродетелей. Семейство Ульмо было на отличном счету в Шомоне, где, впрочем, живет не малое число евреев. Свидетели заявили, что сын усердно занимался делами, не посещал своих сверстников, никогда не ходил в кафе и слепо подчинялся отцу. Невероятная, скарденность царила в этом семействе, расход которого не превышал 35-45 франков в месяц.

Дело Пешар относится к 1857 г., теперь его замяли бы. При теперешнем правительстве евреев преследуют очень редко и то только, когда положительно невозможно поступить иначе¹⁹.

Если правосудие и делает вид, что занимается евреями, то лишь для того, чтобы оказать им услугу. Два года тому назад группа акционеров привлекла к суду барона Эрмангера, и суд был принужден отложить прения. Излишне говорить, что никто никогда не услышал о результате этого следствия, которое закончилось приказом «оставить без последствий».

С каждым днем на наших глазах увеличивается число доказательств полной безнаказанности евреев. Парижане верно помнят историю бедной маленькой испанской куртизанки, полной жизни и веселья, про которую сочинили, что она бросилась из окна, между тем как ее сбросил с высоты балкона какой-то еврей. При простом освидетельствовании места, ребенок признал бы неправдоподобность этой истории.

В 1882 г. какая-то смириотка была уличена в краже в большом магазине. Оказалось, что она родственница одной актрисы-еврейки, которая надоедает Парижу шумом своих реклам. Этого было довольно; тотчас объявляют, что воровка страдает kleptomанией, может быть оттого, что она приехала из страны kleптов. Впрочем, я очень рад за нее и почти готов допустить вместе с доктором Лассег, что все те, которые промышленуют воровством в магазинах, психически больны. Представьте себе теперь, что женщина-христианка украдет десятикопечную вещь из еврейского магазина, и вы увидите, скажут ли, что она одержима kleптоманией.

Сара Бернар, возмущенная книгой Марии Ко-

¹⁹ Банкир Гирш, разменявший заведомо фальшивые кредитные билеты, был впрочем осужден 8-м отделением палаты к штрафу в 7500 фр., но этот сравнительно легкий штраф носил характер дисциплинарного семейного наказания. Банкир был наказан за то, что обратился к г. Манто и хотел обмануть единовременца.

ломбье, напала с тремя сообщниками на квартиру своей соперницы, вооруженная хлыстом, который, как говорит Вольф, «был подарком знаменитого воина» и разбила все, что попало под руку. Очевидно, что это было нападение на жилое помещение; а было ли возбуждено преследование?

Если дело генерала Нее осталось невыясненным, то только потому, что в нем была замешана еврейка и кроме того боялись последствий процесса о двоеженстве. Большею частью банкротства еврейских торговых комиссионеров, которые суть ничто иное, как мошенничества, вроде описанных Дюканом, сходят благополучно с рук: гой создан для того, чтобы его обкрадывать.

Вспомним только самые свежие факты: разве мы не видели, что два еврея из Майнца, братья Блох, в 1882 г. поселились в улице Абукир, велели себе доставить всевозможные товары и скрылись в сентябре 1883 г., на кануне платежа в 300 тысяч фр. В августе 1884 г. другой немецкий еврей, Мендель, живший в улице Энгильен, исчез, захватив с собою на 600,000 фр. бриллиантов, взятых у фабрикантов, — попробуйте-ка сделать это в Германии.

Бесчисленные еврейские банкиры, которые наживаются сбережениями бедных людей, работавших всю жизнь, чтобы скопить гроши, преспокойно уезжают, и вероятно сами полицейские агенты несут их дорожные мешки на вокзал, берут им билеты и наказывают обер-кондуктору не будить их ночью.

Еврей Жан Давид, директор «Национального Кредита», украл более 3 миллионов у несчастных, доверивших ему свои капиталы. Тысяча двести человек обвиняют его в злоупотреблении доверием, и наши неподкупные судьи, отказавшие в трехдневной отсрочке, необходимой для собрания акционеров, директорам «Всеобщего Союза», против которых была всего одна и то неосновательная жалоба, позволяют Давиду преспокойно уехать. Только за неявкой он был присужден 11-м исправительным отделением палаты к десятилетнему тюремному заключению, 3000 фр. штрафа и пятилетнему надзору, что для него, поверьте, безразлично.

Когда сделали обыск у этого Давида, то нашли до 200 писем от депутатов. Честный чиновник, хотевший его арестовать в ту минуту, когда он собирался бежать, нашел при нем 40 тысяч фр.; 10 тыс., благодаря чрезмерной снисходительности, были отданы жене негодяя, носящей громкое имя в истории искусств, а 30 000 были взяты в залог. Казна отказалась воспользоваться случаем получить штрафы, причитавшиеся на её долю, и, благодаря проискам политических деятелей, Давид мог спокойно уехать за границу и наслаждаться там плодами своего воровства.

Конечно, еще встречаются наивные чиновники, которые добросовестно относятся к своему назначению и не колеблясь клеймят презрением мошенников, даже если они евреи. Бюло выказал подобное мужество в деле Брелэ и другого Жана Давида, бывшего одним из клеветников Гамбетты и

занимавшего видное место в политическом мире ²⁰. Но к чему все это ведет? Вы думаете, что Жан Давид склонит голову под заслуженным позором? Какой вздор! Он смеется над этим, как в последствии Рейналь будет смеяться, когда ему напомнят о погибших в Тонкине; он как будто говорит: «моя религия повелевает мне делать то, что вы осуждаете; я не нуждаюсь в вашей оценке». Впрочем, он уверен в своей безнаказанности и, будучи уличен в делах, заслуживающих каторги, отделяется какими-нибудь 500 фр. штрафа, которые наверно не уплатит подобно своему однофамильцу из «Национального кредита».

Послушайте Массэ, когда он рассказывает, как Кобэ отнял у него приказ, полученный им от суда для немедленного исполнения. «Этот человек франмасон вы не приведете в исполнение этого приказа!» Разве может Кобэ отказать в чем-нибудь масонству? Каких преследований он не остановит ради братьев? Несколько лет тому назад, сидя за прилавком своей жалкой лавчонки писчебумажных принадлежностей в улице Сены, он тоскливо прислушивался к жидкому звонку, возвещавшему какому-нибудь брата, который заходил купить «Масонский мир» или номер «Обзора позитивной философии». В настоящее время он получает баснословное жалованье, сделан кавалером Почетного Легиона и, невзирая на устав, держит для своих частных услуг целую толпу слугителей, отвлекая их от службы. Он говорит: «Франсуа, велите заложить наших лошадей в нашу карету, чтобы везти наше семейство».

Эта безнаказанность, безмолвно признаваемая за евреями, не только позволяет им отнимать у не-

²⁰ Поль-де-Кассаньяк набросал очень остроумный портрет этого Жана Давида, умершего недавно и бывшего главою республиканской партии в Жере, портрет, достойный фантастического карандаша Калло.

«Это высокий долговязый человек, с головою как у горбатаго, с кривляющимся лицом, напоминающим тех зеленых бронзовых Мефистофелей, которые служат фантастическими подсвечниками».

Когда он покоен, то похож на висельника, высохшего на виселице. Когда он ходит согнувшись, как развинченный, то чуются странные звуки, шуршание кожи, какое издают старые пергаментные свитки, и кажется, что его кости сталкиваются и стучат. Боишься, чтобы он не сломался, как скелет, плохо занумерованный и скрепленный слишком слабыми проволоками».

В нравственном отношении это плод избирательного вооружения.

Он трижды подготовлял падение своего конкурента, моего доброго друга Пейрюса, и при посредстве фокуса, который сам признал необъяснимым, будучи мэром города Ауха, подменил ночью списки, мешки с записками и оказался избранным три дня спустя после объявления голосования, которым был избран Пейрюс.

Впрочем это обыкновенно в Аухе. Совершенно открыто избирают умерших, отсутствующих, недостойных и довершают это деяние, поддельная голоса консервативных избирателей. А наблюдать за голосованием и не пытаться: их там триста мошенников, которые составляют непреодолимую преграду между урной и вами и служат ширмой для избирательного обмана известного и признанного всеми”.

счастливых их сбережения, но, при помощи барышничества, служит причиною той дороговизны всего, которая так тяжело ложится на бедняков.

Между тем ст. 420 уложения о наказаниях ясна; она карает барышничество двухгодичным тюремным заключением.

Почему же, в таком случае, позволили Бидерману, который застрелился в 1883 г., скупить масла со всего мира? Тут более чем где-либо было уместно применить существующие законы.

Все газеты сообщали подробности этого огромного предприятия.

«Выдающимся событием в коммерческом мире на этой неделе, говорит «Journal des Debats», является крах знаменитой операции с репным маслом, которая уже несколько месяцев держала в мучительной неизвестности все европейские рынки. Образовался синдикат, который при содействии больших финансовых сил скупил значительное количество масла в Париже, Берлине, Кельне, Гамбурге и своими постоянными покупками возвысил цену с 75 фр. до 105 и 110 фр. Таким образом эта компания приобрела 45 миллионов кило масла. В последнее время положение сделалось очень натянутым».

Эти огромные скупки, так сильно нарушающие экономическое равновесие и дающие некоторым лицам ужасающую власть, являются одною из поразительных черт царства евреев. Между ними есть цари, как их называют «Израильские Архивы». Эфруси в настоящее время царь торговли зерновым хлебом, как был Моисей Фридендер, умерший в 1878 г. в С.-Франциско. Моисей Рангер был царем хлопчатой бумаги; он обанкротился в 1883 г. в Ливерпуле на 18 мил. фр.; Струсберг, настоящее имя которого Борух Гирш Страйсберг, был царем железных дорог.

Дерзость, с которою эти люди обращаются с подобными операциями, являющимися для них просто игрою, невероятна. Мишель Эфруси сразу покупает или продает на 10-15 миллионов масла или хлеба, не выказывая ни признака волнения; он сидит целых два часа у колонны на бирже и, флегматически держа бороду в левой руке, раздает приказания тридцати маклерам, которые тянутся вокруг него с карандашом наготове. Иногда де-Гонто-Бирон, тоже завсегдаю биржи, развлекает его, рассказывая ему маленькие великосветские скандалы. Утром он уже побывал в Шантили, чтобы осмотреть свою конюшню, затем позавтракал в Cafe Anglias, после биржи прокатится в Булонском лесу, а вечером будет дирижировать котильоном в С.-Жерменском предместье, где, несмотря на его гнусное происхождение, он изо всех евреев Парижа — на самом лучшем счету и действительно persona grata.

От этого-то человека, от его прихоти играть на повышение или понижение, зависит вопрос о хлебе для тысяч человеческих существ.

Излишне повторять, что в настоящее время невозможны никакие серьезные исследования по вопросу о преступной статистике евреев.

Для тех собратий, которые, в менее благоприятные для израиля времена, потерпели неприятности, они даже придумали нечто вроде особой узаконенной реабилитации. Прежде, бывало, банкрот вновь приобретал уважение только после того, как сполна уплачивал своим кредиторам. Давид Рейналь изменил это правило в пользу Леви Бинга.

На этот раз восстал один из единоверцев банкрота, Александр Вейль, поместил в июне 1883 г. письмо в *Evenement*, и восстал с тем большим негодованием, что сам он — еврей фанатик, но прямого нрава, не принадлежит к спекулирующему еврейству... и кроме того он потерял 36,000 фр., которые не были ему возвращены, равно как и 12 миллионов франков других акционеров. «Я знаю только, говорит Вейль в заключение, что Рейналь, зять Леви Бинга, главного воротилы этого несчастного банка, — брат того Рейналя, который в настоящее время министром... не припомню чего».

Этот Давид Рейналь, один из приближенных Гамбетты, сам тоже замечательная личность; вместе с каким-то Астриком он занимался комиссионерством, агентурой в Суэзской компании, торговлей сардинками и проч. Легко угадать, какую независимость этот министр, бывший торговый комиссионер, должен был вносить в сношения с железнодорожными и иными компаниями.

Мне пришлось встретиться и с Леви Бингом, с виду весьма почтенным стариком. Он тоже задумал произвести свою маленькую революцию, избрал для этой цели язык и издал толстую книгу под заглавием «Разоблаченная Лингвистика», которая заканчивалась так: «употребление финикийского языка является необходимостью». Не думайте, что это пустая фантазия; у семита такая потребность все разрушить, завладеть всем, навязать побежденным христианам свой язык, нравы, образ мыслей, что этот проект имеет не мало сторонников.

Некто де Мальберг проводил эту идею в *Moniteur Universel* и предлагал основать академию всех языков, «которая будет заниматься составлением грамматики и словаря будущего всемирного языка, сколь возможно простого, понятного для всех народов и близкого к финикийскому, первоначальному языку».

Евреи, с Жюлем Симоном во главе, — самые решительные противники смертной казни, не ради самой казни, потому что ее часто применяли в царстве израиля, а потому, что в наше время трудно было бы соблюсти все формальности необходимые при казни еврея.

Тело осужденного, еще до исполнения приговора считается трупом, а по закону христианин не смеет прикасаться к трупу еврея.

Казнь еврея Исаака в 1817 г. в одном Эльзаском городе была, по-видимому, последнею, совершенною по правилам.

Десять именнейших израильских жителей города попросили позволения взойти на эшафот, чтобы совершить *minian*, общую молитву, которую должны читать мужчины не моложе тринадцати лет.

Преступник, освобожденный от уз, шел твердым шагом; на нем был саргенес, белый саван вроде длинной блузы, в котором хоронят покойников (подобный саван вручается мужу женою в виде свадебного подарка), талет, полотняное покрывало, надеваемое на молитву и тефилины, которые прикрепляют ко лбу и к левой руке. Его сопровождал главный раввин из Винценгейма.

Исаак произнес в последний раз видуй — молитву, которую читают умирающие, а также говорят в день Великого прощения, и был привязан к доске своими единоверцами.

Заметьте, что при воспроизведении этих подробностей мне и в голову не приходит насмехаться. Эта помощь, подаваемая несчастному его братьями, кажется мне очень трогательною, хотя мы и не видели, чтобы Ротшильд или Камондо привязывали кого-нибудь из своих товарищей к доске.

Прибавим, что братства кающихся, существовавшие почти до наших дней, были основаны именно с тою целью, чтобы помогать осужденным сделать трудный шаг.

Во времена империи, когда предстояла чья-нибудь казнь, Вольфу посылали входной билет, как на первое представление; на бульварах оповещали всех празднующихся кутил и кокоток. В квартире директора, освещенной а *giorno*, пили и ели во всех углах, пока к осужденному не приходил начальник охраны со словами: «ну, любезный, время настало». Парижский архиепископ никогда не протестовал против подобных безобразий. Вспомнил ли об этом преосвященный Дарбуа, когда в свою очередь был посажен в ля-Рокет?

Теперь Гриви милует без разбору; взмахом пера он прощает отцеубийц, отравителей и т. п. и он прав: общество, которое терпит подлости, совершающиеся на наших глазах в течении шести лет, так низко пало, что даже не имеет права карать.

Во всяком случае следует сравнить уважение, выказанное правительством Реставрации к обычаям религии, являющей собою отрицание нашей, с неблагородным поведением, которым отличился в Рош-сюр-Ион в 1882 г. один прокурор республики, принадлежащий к еврейскому масонству. До сих пор еще не забыты эти скандальные сцены: судья, с утра напившийся пьяным, вместе с привратниками, оскорбляет, издевается над человеком, приговоренным к смерти, поносит священника, который хочет утешить этого несчастного, отказывает дать отсрочку на четверть часа, чтобы отслужить обедню. Несмотря на все орфографические ошибки, письмо Барбье к родителям, в котором он их извещает, что ему не разрешили принять св. причастие — один из наиболее поразительных документов, которые мне случилось видеть.

Бедный священник, который пытался исполнить свою обязанность и не послушался недостойного судьи, был смещен префектом Кальвэ, а прокурор республики получил награду.

Вот вам еще пример, на этот раз даже преувеличенной терпимости христиан к евреям. 6-го февраля 1875 г., т. е., когда консерваторы еще были у власти, стало известно, что ученики из евреев, довольно многочисленные в лицее Карла Великого,

отказались принять участие в банкете, потому что мясо не было кошерное. Тогда эконом заказал весь обед у израильского ресторатора, все ели кошерное мясо, «и сыновья раввинов, говорят «Архивы» могли принять участие в празднике Карла Великого, наибольшем из всех праздников, ибо он происходит в лицее, покровителем которого состоит сам великий император».

Теперь если случится, что в страстную пятницу едят постное в учебном заведении, зависящем от правительства, вся еврейская пресса изливает потоки богохульств и оскорблений. Прижмите негодяя он вам уступит, в противном случае сами от него пострадаете.

Еврейки составляют наибольший контингент проституток в больших городах. Факт этот нельзя отрицать и даже «Израильские Архивы» его признали.

«Вот уже целых четверть века, пишут они, мы не можем выбрать более отдаленного срока, моралисты задают себе вопрос: отчего во всех больших городах Европы между женщинами дурного поведения замечено больше евреек, чем христианок? Вопрос этот к несчастью основателен, потому что в Париже, Лондоне, Берлине, Гамбурге, Вене, Варшаве и Кракове в том, что принято называть полусветом, на площадях и даже в домах терпимости встречается больше евреек, чем христианок, если принять во внимание отношение, существующее между количеством населения тех и других.

Между тем порок носит у евреев совсем особый характер. Вообще достоверно, что отец и мать евреи, если они бедны, преспокойно продают своих дочерей, между тем как наши бедняки в больших городах допускают, за недостатком присмотра, отдаваться своим дочерям первому встречному. Еврейская куртизанка отдается за деньги, холодно, без признака опьянения, с твердым намерением выйти за муж, когда накопит капиталец; тогда она выходит за актера, негодяя или финансиста.

В прошлом году судили в Вене шайку мошенников, которые, в сообществе с проститутками, совершали бесчисленные воровства.

Во время прений адвокат, еврей Глазер, защищавший одну из осужденных, сказал: «всякая женщина имеет право продавать свое тело и извлекать из него возможно большую пользу».

Возмущенная публика принялась кричать; председатель выразил свое негодование. Между тем Глазер придерживался чисто семитической традиции. Гиеродулы, проституция в храмах Кипра и Пафоса не имели никакой связи с греческой религией, а были исключительно финикийского происхождения.

Впрочем проститутка по своему служит израилю; она как бы исполняет миссию; разоряя, доводя до бесчестия сынов нашей аристократии, она прекрасное орудие для разведок в руках еврейской политики.

Еврейская женщина достаточного класса живет по восточному даже в Париже: отдыхает в полдень, отличается замкнутостью и сонливостью. Она чужда сильных страстей, которые так часто смуща-

ют сердце христианки, более неохранным верою; ее оберегает от этого именно отсутствие всякого идеала, характеризующее семитов²¹.

Какова же главная причина заблуждений у арийца, который вечно рвется из мира действительности? Стремление к идеалу, не находящее истинного пути, мечта существа стоящего выше других, химерическая надежда встретить родственную душу, потребность жить хотя бы несколько часов в области чистых чувств, пылкой любви, бесконечной нежности. Ни семит, ни семитка не способны на подобную восторженность.

Вы никогда не услышите, чтобы еврейка говорила о вопросах веры, относительно которых они все отличаются круглым невежеством. Еврей отлично понял, какую опасность представило бы обучение, благодаря которому ослепление израиля стало бы ясно для женщины, и она убедилась бы, что исполнение пророчеств и пришествие Христа не могут быть предметом сомнения для честных душ. Так как женское сердце не отличается мстительным упорством мужской головы, то оно одним порывом обратилось бы к Богу.

Талмуд формально запрещает женщинам всякое изучение подобного рода. «Тот, кто обучает свою дочь священной науке, так же виновен, как если бы он ее научал непристойностям». Так гласит трактат Сота.

Хотя еврейка очень поверхностно знает свою религию, тем не менее точно исполняет все ее уставы, даже среди самой рассеянной жизни. Посмотрите на мисс Аду Исаак, которая одно время пользовалась успехом, долженствовавшим впоследствии выпасть на долю Сары Бернар: она оставалась верна своей религии. После тридцати представлений подряд в С.-Франциско, она вдруг остановилась для того, чтобы отпраздновать ночь Коль Нидрэ, и провела ее в польском миньяне. Как только где-нибудь нападали на ее единоверцев, она тотчас посылала в защиту их статью в газету «Израильтянин Цинцинната».

Нельзя не похвалить уважения, которым евреи окружают дочь своего племени, какой бы путь она ни избрала. Если она актриса, то говорят, что никогда свет не видел ничего прекраснее, восхищаются, млеют, выпускают восторженные крики при её появлении. Если она вернется к обыденной жизни, все двери перед нею открыты.

О ком бы ни шло дело: об актрисе, о биржевице, о писателе, всюду вы встретите ту удивительную солидарность, которая составляет преобладающее свойство еврейского племени и объясняет, оправдывает и почти узаконяет его успех.

Когда подлая газетка нападает на католика, все остальные католики от него убегают с отчаянными жестами, крича: «я его не знаю!»

На позорной скамье, у подножия эшафота,

²¹ То, что я сказал о любовной страсти, применимо и к пьянству, более редкому у евреев чем у христиан. Потребность раздвоения, возбуждения, сильного движения всего организма есть низшая форма стремления к идеалу, это идеал опустившийся до инстинкта. Еврей чужд этим душевным волнениям. Как только ему доказано, что пьянство не дает прибыли, у него не является и желания.

евреи не покидают своих и не позволяют по этому поводу оскорблять «великую семью». Наилучшим примером этого духовного мужества служит дело Пешар, о котором мы недавно упоминали.

Берто, бывший тогда профессором юридического факультета в Канне и адвокатом семейства Пешар, позволил себе, в виду возмутительности преступления, так энергично выразить негодование и порицание обычных поступков израиля, что многим это не понравилось.

«Это исчезновение их скомпрометирует, воскликнул он, но это безразлично; они, евреи, говорят: все пропало, кроме... капитала. В виду необходимости они вам предлагают Ульмо-отца, как икупительную жертву за сына, а спасенный сын отдает на хранение в верные руки... евреев состояние, лежавшее без употребления. Подобная предосторожность свойственна людям этого племени.

Ах, если бы не мои великие идеи всеобщего либерализма, я бы был готов извинить наших предков, которые в средние века преследовали это племя, как диких зверей».

Тотчас раздаются крики всеобщего негодования, все вмешиваются, центральный парижский кагал сообща решают, что должно обратиться к генеральному прокурору Канна, чтобы заставить взять назад оскорбительные слова; некоторые члены кагала отправляются к государственному канцлеру жаловаться на председателя суда, который пропустил без протеста инсинуацию насчет того, что евреи любят деньги.

Известно, что бедный Берто никогда не считался образцом твердости характера; припомните, как он однажды сперва объявил, что право конгрегаций неоспоримо, а затем поспешил заявить противное, за что получил очень доходную должность генерального прокурора при кассационной палате. Испугавшись криков негодования, поднявшихся против него, он сократил все, что потребовали, и чуть не стал утверждать, что несчастный часовщик убил евреев.

Во все евреи вносят это рвение на пользу общую²². Аристократические завсегдатаи вторников Theatre Francais неистово аплодируют насмешкам над религией; если же появится пьеса, в которой в

²² Выше я вам говорил о Леви Бинге. Прочтите, что о нем писали «Архивы» во время его несчастий, когда праздновался Ресасе, «праздник освобождения не был всеобщим для стран, где еще не светит заря свободы и для людей, которых угнетают несчастья и в числе этих несчастных, как нам не вспомнить того, кто пал, если не причиною, мы этого не знаем, то во всяком случае первою жертвою большого финансового крушения, поразившего одновременно парижскую биржу и восточные области. Вдали от близких и даже лишенный общества себе подобных, вследствие слишком строгих юридических требований, должен был праздновать пасху автор «Религиозных Размышлений», напечатанных десять лет тому назад».

Какой изящный оборот придан этому делу! как все это нежно и тонко! Нельзя деликатнее дать понять, что у единоверца вышли недоразумения с Фемидой! Предположите, что будущи осужден не за то, что хотел присвоить чужие деньги, а за то, что защищал истину, я справляю Пасху в тюрьме, какая католическая газета вспомнит обо мне и пошлет мне приветствие? Какой собрат будет говорить обо мне в таких сердечных выражениях?

непривлекательном виде выставлен еврей, то всеми мерами мешают её постановке или проваливают ее. Тут не один кагал вмешивается, а всякий, в своей маленькой сфере, защищает племя как может.

Во времена империи разразилась целая буря из-за комической оперы «Дон-Педро», в которой испанский еврей играл незавидную роль.

Еврей Фульд дошел до того, что окончательно запретил выводить евреев на сцену. В своем замечательном произведении «Драматическая цензура и театр» Галлэ-Дабо указывает как смешна эта мера.

«Театр, пишет он, имеет свои привычки, свои нравы и приличия, с которыми трудно не считаться; есть исторические типы, которые нельзя уничтожить одним взмахом пера... Если религиозные особенности имеют право на уважение, что является основным условием величайшей свободы — свободы совести, то нельзя применять того же к исключительно человеческому типу известного племени, которое, как таковое, принадлежит критике, роману, драме по своим выдающимся качествам, равно как и по присущим ему порокам».

Тем не менее министерские инструкции были приведены в исполнение, и евреи исчезли из всех пьес. Пошли даже далее: чтобы не оскорблять обрезанных, изуродовали самого Шекспира.

«Театр Ambigu-Comique рассказывает опять Галлэ-Дабо, хотел возобновить драму «Венецианский Еврей», игранную в 1854 г. Драма была переделкой произведения Шекспира. Что сделалось с Шейлоком, — бессмертным творением, в котором воскресают века притеснений, вынесенных еврейским племенем, его глухая борьба с христианством, его радости, торжества и унижения Шейлока, поразительный облик, саркастический смех и крики отчаяния которого освещают целую темную сторону средневековой жизни? Старый еврей должен был подчиниться общему закону. Ни память о Шекспире, ни легендарная сторона личности, ни время и место действия — ничто не спасло Шейлока. Жестокий обрезаец был лишен своих характеристических черт и обратился в самого заурядного венецианского ростовщика. Пьеса была возобновлена под заглавием «Шейлок или Венецианский купец».

Представьте себе, что подобному искажению подвергнуто произведение одного из величайших гениев человечества, чтобы не оскорбить христиан, — и уж вы слышите протестующие вопли Поля Мериса и Локруа.

Разве все это не жидовство? вся раса оказалась в этом контрасте: теперь, когда они властвуют, они изрыгают на нас все нечистоты, которые проглотил Иезекииль; даже когда они составляли незначительное меньшинство, и то они не позволяли дотронуться до себя и тотчас высокопарно упоминали о принципах 89 года.

Нельзя придавать никакой веры статистическим данным о численности евреев во Франции. Цифра 45,000 окончательно принята, в ней нельзя ничего изменить, она воспроизводится во всех статистических отчетах. Хотя бы Париж был наводнен евреями, вам все будут твердить, что во Франции 45,000 евреев. Если бы на экзамене, на вопрос,

сколько во Франции евреев, ученик не ответил: 45,000, то его безжалостно провалили бы.

Сами евреи избрали наилучший способ, чтобы раз навсегда отклонить стеснительные для них справки: они заставили правительство, которое им повинуются, издать распоряжение, чтобы при переписях ни у кого не спрашивали, какого он вероисповедания.

Мы понимаем, какая выгода евреям в том, чтобы их численность не была выяснена: при случае они могут сослаться на свою малочисленность, если бы кто ни будь стал доказывать, что во всяком восстании, во всякой газете, оскорбляющей христиан, во всяком дурном деле, замешан еврей. Однако мы позволим себе заявить, что в данном случае они нагло лгут, как и во многих других.

Еще в 1830 г., в речи, произнесенной в палате, Андрэ утверждал, что некоторые почтенные израильтяне насчитывают до 400,000 единоверцев среди французов.

В 1747 г. Серфбер, один из их бывших единоверцев, признавал, что во Франции находится 100,000 евреев, в 1869 г. один оратор объявил в собрании «Союза», что французские евреи достигают 150,000 человек.

Протокол аудиенции, данной персидским шахом комитету «Израильского союза», дает нам тоже цифру в 100-120,000.²³ Протокол этот носит характер достоверности, ибо его подписали кроме председателя Адольфа Кремье, еще главный французский раввин, почетный президент, вице-президент и другие.

Шах спросил: «сколько евреев во Франции» ?

«От 100 до 120 тысяч, государь».

«А в Англии» ?

«Немного менее».

«А в других странах Европы» ?

Альберт Кон, член центрального комитета, отвечал: «Государь, в Германии 500,000, в Австрийских владениях 1,200,000, в России — 2,400,000».

Франк, один из немногих достойных людей израильской партии, пишет в статье в «Летописях христианской философии», что, на 37 1/2 миллионов населения, во Франции приходится 60,000 евреев.

Хотя эмиграция из России наверно значительно увеличила цифру, данную Кремье, однако, Теодор Дейнах смело утверждает в 1884 г., что во Франции всего 63,000 евреев.²⁴ «Ежегодник израильских архивов» за 1885 г. говорит, что число евреев колеблется между 80 и 85 тысячами, из кото-

рых 50 тысяч живет в Париже.

Как мы уже сказали всякие исследования затрудняются тем, что при переписях не обозначают вероисповедания. Приведем лишь, в виде приблизительной справки, выписку о доходе с еврейских погребений, которая помещена в «Статистике Парижа» д-ра Бертильона. В 1872 г. доход с погребений равнялся 18,776 фр. при населении в 23434 человека. В 1880 г. он достигал 42,288 фр., что доказывает, что число евреев в Париже более чем удвоилось.

Если столько израильтян живет в одном Париже, то судите сами, насколько правдивы статистические данные утверждающие, что во всей Франции всего 45,000 израильтян²⁵.

В действительности цифра еврейского населения, выведенная из доходов с погребений, представляет не более трети еврейского элемента в Париже, относясь лишь к тем евреям, которые остались верны своей религии.

Евреи, сохранившие все пороки своего времени и утратившие те нравственные правила, которые всегда служат уздой для дурных наклонностей, живут в Париже в количестве от 120 до 150 тысяч человек по меньшей мере, в провинции — до 400,000, тоже по меньшей мере, и будучи связаны между собою масонством, они водворяются во всех комитетах, руководят избирательным корпусом и создают то искусственное мнение, которое иные принимают за настоящее.

Это все та же вечная история пяти-шести сот негодяев, которым удалось навязать Парижу коммуны 93 года, коммуны Эберта и Шометта, — история делегатов якобинского клуба, которые во время террора являлись и основывали клубы во всех городах. Эти разбойники, никому не известные в стране, спокойно гильотинировали, чтобы завладеть чужим имуществом стариков, молодых девушек, кавалеров ордена Людовика святого, покрытых ранами, которых все в окрестностях любили и уважали.

По наблюдениям, сделанным в Германии евреем Мейером, которому конечно нельзя доверять, средняя продолжительность жизни достигает у евреев 37 лет, а у христиан — 26 лет, что составляет 11 лет разницы.

Если хотите, упомянем еще для сведения несколько цифровых данных, собранных д-ром Легуа с 1855 по 1859 г.

По его словам, у новорожденных средняя продолжительность жизни у преобладающего населения больше, чем еврейского; во всех других возрастах преимущество на стороне последнего. Что каса-

²³ Эти хорошие отношения между персидским шахом и «Израильским союзом» длились не долго. В 1883 г. у еврея Исаака Давиша нашли бриллианты, украденные у Мирзы-Али-Хана, сына покойного великого визиря. Во Франции его наградили бы орденом, но персияне не так взглянули на дело. Исаак преданный пытке, сознался, что получил бриллианты от еврея Хаима Исаака. Арестовали тоже Барши, главу тегеранской еврейской общины; и главного раввина, Авраама Хаджи Баба. Удалось отнять у них 125,000 фр. Естественно, что «Израильский союз» начал кричать о притеснениях и мы чуть не объявили войну Персии.

²⁴ «История израильтян от их рассеяния до наших дней».

²⁵ Одна из наиболее полных книг, изданных доселе о евреях: «Zur volkskunde der Juden», Ричарда Андрэ, 1881 г., дает цифру в 6 слишком миллионов евреев для всего света, во и здесь много грубых ошибок, ибо автор приводит данные, неверность которых мы доказали; напр. он определяет в 24.000 число израильтян в Сенском департаменте, что кажется насмешкою нам парижанам, встречающим их повсюду.

Теодор Рейнах, автор последнего труда, появившегося по этому вопросу, определяет все израильское население в 6,300,000 человек, распределенных следующим образом: 5,400,000 в Европе, 300,000 в Азии, 300,000 в Африке, 250,000 в Америке и 12,000 в Океании; он считает, что в Париже находится 40,000 евреев, что, очевидно, ниже действительности.

ется евреек, то у них средняя продолжительность жизни меньше, чем у других женщин, до 60 лет, а свыше этого возраста — больше.

В заседании 1-го апреля 1882 г., д-р Ланьо представил в академию нравственных и политических наук довольно любопытную записку о движении населения у евреев, сравнительно с таковым же у католиков и протестантов, по его мнению приращение населения у католиков, протестантов и евреев находится в отношении 1, 2, 3.

Почти во всех странах евреи представляют необычайно быстрый рост населения. Во Франции и Австрии он в семь и в четыре раза превосходит рост католического населения.

Д-р Ланьо говорит между прочим, что число незаконнорожденных у евреев несравненно меньше, чем у других жителей.

«Израильские архивы», воспроизведшие некоторые из этих цифр, конечно приходят в восторг от добродетели евреев, у которых так мало незаконнорожденных; однако, мы позволим себе спросить, на чем д-р Ланьо основывал свои изыскания для Франции, если вместо 500,000 евреев, которых конечно, набралось у нас с тех пор, как республика сделала из нашей страны дойную корову для семитов, с упорством утверждает, как на смех, что их всего 45,000.

Будучи совершенно не похож на христианина в своей племенной и индивидуальной эволюции, еврей находится в совсем иных условиях и в санитарном отношении.

Он подвержен всем болезням, служащим признаком порчи крови: золотухе, скорбуту, чесотке. Почти все польские евреи страдают колтуном и не скрывают этого; многие элегантные и хорошо одетые французские евреи, которым мы пожимаем руку, тоже больны им, но скрывают. Все они избегают обращаться к врачам, не исповедующих их религии, — пример, которому христианам не мешало бы следовать.

Между нашими высокомерными банкирами много находится, подобно герою Додэ, страдающих «нечистым недугом — пауком, с длинными, цепкими ногами, живучим и жадным до добычи». Возможно, что это — болезнь золота и, чтобы излечиться от наследственной чумы, они по целым дням сидят в целебной грязи С.-Амана; таким образом еврейское золото возвращается к своему первоисточнику.

Зато еврей обладает замечательной способностью привыкать ко всем климатам. «Евреи живут под всеми широтами, с 33° южной до 60° северной широты, от Монтевидео до Квебека, от Гибралгара до берегов Норвегии, от Алжира до мыса Доброй Надежды, от Яффы до Пекина!» Так восклицает один из них в порыве восторга.

Много раз было замечено в средние века, да и теперь подтвердилось во время холеры, что еврей пользуется особыми преимуществами по отношению к эпидемиям; в нем как будто есть какая-то постоянная зараза, предохраняющая его от обыкновенной заразы; он сам для себя предохранительная прививка и живое противоядие. Бич заразы отстupa-

ет при виде его!²⁶

Еврей действительно скверно пахнет. У самых изящных из них есть специфический запах, «fetor judaica», который выдает племя и помогает евреям узнавать друг друга.

Этот факт не однократно подтверждался. «Всякий жид воняет», сказал В. Гюго, который умер, окруженный евреями.

В 1266 г., рассказывает великий поэт, произошел достопамятный спор, в присутствии короля и королевы арагонских, между ученым рабби Зекиелем и о. Павлом Кирыком, очень ученым доминиканцем. Когда еврейский ученый кончил цитировать «Архивы Синедриона», «Ветхий» и «Новый завет», «Талмуд» и проч., королева спросила у него в заключение, «отчего от евреев скверно пахнет».

Вопрос этот долго занимал выдающиеся умы²⁷. В средние века думали, что евреев можно очистить от этого запаха, выкрестив их. Байль утверждает, что это явление зависит от естественных причин, и что теперь еще в Гвинее есть негры, распространяющие нестерпимое зловоние. Банаццини, в своем «Трактате о ремесленниках», приписывает зловоние, свойственное евреям, их нечистоплотности и не умеренному употреблению козьего и гусиного мяса.

Невроз — вот болезнь, преследующая евреев. Нервная система их окончательно расшатана вследствие долгого преследования, непрерывных тревожений и заговоров, лихорадочной спекуляции и занятия только такими профессиями, в которых преобладает мозговая деятельность.

В Пруссии умалишенных гораздо больше у израильтян, чем у христиан; между тем как у протестантов их приходится 24,1 на 10 тыс., у католиков 23,7, — у евреев, на 10 тыс. жителей, бывает 38,9 умалишенных. В Италии один умалишенный приходится на 384 еврея и 778 христиан.

Д-р Шарко сделал по этому поводу, в своем курсе в Сальпетриере, прелюбопытные разоблачения относительно русских евреев, единственных, о которых можно говорить, потому что другие тщательно скрывают свои недуги в своих дворцах. Констатируя «эту ужасную подробность», «Израильские архивы» объявляют, что этот факт не нуждается в комментариях.

Пусть так, пусть лечат евреев, страдающих болезнями мозга! Но зачем смущать своим собственным безумием умы народов, которые жили счастливо и спокойно, пока израильское племя не приняло активного участия в их существовании. Подобно Герцену в России, Карлу Марксу и Ласса-

²⁶ См. по этому поводу две прекрасные статьи в Revue scientifique от 23-го апреля и 14-го мая 1881 г.

Во время эпидемии 1884 г., когда в Марсели приходилось 1800 смертных случаев на население в 360,000 человек, среди еврейского населения, достигающего до 4000, было всего 7 смертных случаев. Из этих семи человек двое были давно больны, а одному было 99 лет.

²⁷ Марциал сравнивает дыхание тех, кто соблюдает субботный пост, с миазмами, выделяющимися из сернистых паров Альбулы, с плащом старого солдата, с чадом нагара потушенного светильника Леды, с зловонием гнезда ехидны, с запахом распространяемым лисицею.

лю в Германии, во Франции всегда найдется какой-нибудь еврей, проповедывающий социализм и коммунизм, требующий передела имущества, а в это время его единоверцы, пришедшие босиком, обогащаются и ничуть не выказывают намерения делиться чем бы то ни было.

Этот невроз, по-видимому, передается даже тем, у кого только мать еврейка. Дюма в тридцать лет был подвержен необыкновенно сильным нервным припадкам.

Кто не помнит Фейгину, иностранку, принятую в Театре Français только потому, что она была еврейка, между тем как француженку или другую христианку, обладающую таким же талантом, не пустили бы и на порог? Еще задолго до кризиса, это странное существо, описанное Тургеневым под именем Клары Милич, страдало неврозом.

Сара Бернар, со своими погребальными фантазиями и белым атласным гробом в комнате, — очевидно психопатка.²⁸

Не упускайте однако из виду, что в самых безумных бреднях еврея всегда есть задняя мысль о личной выгоде, о прибыли; даже когда еврей теряет голову, он все-таки спасает кассу. Сара Бернар делает себе рекламу из своих эксцентричностей; Гамбетта в своих самых нелепых экспедициях, как

²⁸ — По поводу склонности Сары Бернар к похоронному, напомним недурной случай. Во время первого представления “Федоры” один из наших братьев, Фелисьен Шансор, вздумал поместить в своей газете снимок, с знаменитого портрета артистки, лежащей в гробу. Эта выдумка не понравилась Саре, и она приказала перехватить этот № газеты, что и было поручено одному из друзей. Пылая ревностью, тот бросается к комиссару.

— “Господин комиссар, появился гнусный рисунок!

— Что вы глупости говорите! верно осмеяли какого-нибудь бедного старого священника или изобразили монаха в неприличной позе. Свобода сударь, да здравствует свобода!

— Что вы, да знаете ли, на кого осмелились напасть? На еврейку, на Сару!

— Напасть на еврейку, на Сару? Что вы говорите! Я арестую, я все арестую, я самого себя арестую...”

И оставив заключенного, которому должен был делать допрос, он бросается, чтобы наложить запрещение на возмутительные экземпляры.

Это напоминает не менее забавный случай с Камескассом.

Как только русские евреи поселились в Дорэ, то задумали открыть молитвенный дом, и я их за это не осуждаю: какому бы Богу не молиться, всегда хорошо молиться.

К несчастью Камескасс не был предупрежден об этом, и когда прочел на обложке дела: “Открытие молельни”, то в пал в неописанное негодование.

“Молельню, часовню!” кричал он вне себя. С Кобэ, вошедшим в эту минуту, чуть не сделался удар при слове часовня. “Часовня! часовня! “рычал он икая;” зададут им часовню, закроют и печати наложат!”

Чиновник принесший дело к докладу, напрасно пытался вставить слово.

— “Позвольте, господа!” бормотал он.

— “Позволить это? “ревел Кобэ;” что скажут “Милосердная Дружба” и “Друзья Синая”?”

— “Но ведь это молельня для русских евреев!” вымолвил наконец чиновник.

— “Для евреев!” пробормотал Камескасс, “да еще для русских евреев, друзей барона Ротшильда! Ах какие славные люди! пусть молятся сколько угодно и где угодно. А я-то думал, что дело идет о христианах и французах!”

напр. Тонкинской, всегда метил на то, чтобы сколотить деньги, идти наравне с синдикатом.

Странная вещь; еврей сообщил этот невроз всему нашему поколению. Еврейский невроз займет место в судьбах мира. За те двадцать лет, что семиты, по выражению Дизраэли, держат нити тайной дипломатии, низводя настоящих посланников на ступень показных кукол, за те двадцать лет, что они руководят еврейской политикой, эта политика делалась совсем неразумной и даже безумной. Слова Бисмарка: «Париж есть дом умалишенных, населенный обезьянами» вполне применимы к Пруссии и ко всей Европе. В советах правителей уже нет более следа сознания, или сколько-нибудь возвышенной государственной пользы.

История последних лет являет картину мира, руководимого сумасшедшими, которые рассуждают, умствуют и, как это часто бывает, выказывают накануне окончательного кризиса, кажущуюся логичность, которая в первую минуту сбивает с толку.

Вследствие того, что невроз отнимает у еврея всякое чувство стыдливости, всякое размышление, даже понятие о чудовищности того, на что он отваживается, — и появились теперь типы ни в чем не похожие на те, которые существовали раньше. При этом евреям так неожиданно и неслышанно везет, даже вопреки здравому смыслу, что положительно становишься в тупик. Еврей всегда смело идет вперед с твердой верой в «маццал». Что такое маццал? Это не древний фатум, не христианское провидение, а просто счастье, звезда, удача; жизнь каждого еврея кажется сбывшимся романом.

Возьмите г-жу Паиву. Она родилась в семье польских евреев, Лахманов, вышла замуж за бедного портного в Москве, бросила его и приехала в Париж искать счастья. На парижской мостовой она узнала все крайности нужды, все ужасы продажной любви: однажды она упала в изнеможении на Елисейских полях и поклялась себе, что на этом самом месте построит себе отель, когда ей, наконец, улыбнется судьба, в которую она твердо верила.

Она сочеталась мorganатическим браком с панистом-евреем, знаменитым Герцом, который представил ее в Тюльери, как свою законную жену; ее выпроводили, и она поклялась отомстить. Разоренный и прогнанный ею Герц бежал в Америку, тогда она вышла замуж, на этот раз законно, за маркиза Паива, который вскоре после того застрелился. Став любовницей графа Генкеля, она купается в золоте, принимает политических деятелей, писателей, артистов, в своем волшебном отеле в Елисейских полях, который может соперничать в великолепии с её роскошным поместьем в Поншартрене. С искусством, свойственным её племени, удвоенным злобою и местью, она, незадолго до войны, организовала прусское шпионство против нас, это было ей тем легче, что она имела сношение со многими политическими знаменитостями, которые говорили о делах у неё за обедом. Она подготовила гибель империи и возвысилась при её падении, стала наконец графиней Генкель фон Доннерсмарк, купила бриллианты той императрицы, которая ее отвергла, и приказала Лефюэлю, архитектору императорского двора, воздвигнуть в Силезии замок, совершенно

похожий на тот дворец Тюльери, из которого ее выгнали.

Отличаясь глубоко-артистической натурой, эта дочь простоллюдинов одарена инстинктом всего изящного и пониманием самого утонченного искусства. Снедаемая нервным недугом, она ни минуты не наслаждается покоем среди всего этого очарования; ее преследует мысль, что ее хотят убить, чтобы завладеть ее бриллиантами; она приказывает, под страхом отказа от службы, чтобы ни один садовник не находился в парке, когда она там гуляет. Эта женщина, которая прежде голодала и отдавалась первому встречному, стала строже, деспотичнее эрцгерцогини; среди огромного штата своей прислуги она ввела строжайшую дисциплину и прогнала однажды несчастного метрдотеля за то, что он осмелился улыбнуться, услышав остроту за столом. Наконец она умерла в своем Тюльери в Силезии от прилива крови к мозгу.

Соберите все эти наскоро набросанные черты, постарайтесь внести некоторый порядок в перипетию этого странного жизненного поприща и перед вами восстанет совсем особый образ: еврейка.

А вот еще роман, герой которого — сын венгерского раввина, ставший впоследствии Мидхатпашею! Этот паша начал по обыкновению с служения своим, устраивая вместе с Камандо и Сассоном еврейские школы на востоке; затем он старался привить революционное учение в стране косности и нашел средство расшевелить неподвижных и невозмутимых турок, которых ничем не проймешь; он создал партию юной Турции и избрал своим поверенным и агентом в Европе некоего Симона Дейча, ориенталиста, политического маклера, замешанного в деле Арнима, заседавшего одновременно и в канцеляриях и в пивных латинского квартала. На глазах Мидхата, в его конаке на берегу Босфора, разыгралась кровавая драма убийства Абдул-Азиса: он попал в немилость, был приговорен к смерти и наконец сослан в Дждду, около Медины; там он завязал новые интриги с Махди, что окончательно побудило султана приказывать его отравить.

У евреев встречаются тысячи подобных существований.

Если хотите видеть хороший образчик еврея политического деятеля, то возьмите Накэ и изучите его. Этот — из числа беспокойных: в молодости он изобретает взрывчатое вещество, чтобы разрушать города, издает книгу «Религия; собственность, семья»;²⁹ в зрелом возрасте он обращается к оппортунизму и, под руководством какого-то Барнума, заведывающего поездками, совершает целое путешествие из города в город, проповедует развод; теперь он обращается к принцу Наполеону.

Даже, достигнув цели своих желаний, еврей остается торгашом, спекулятором. Накэ не доволь-

ствуется тем, что потрясает основы общества, а еще придумывает помаду для придания блеска волосам, которые встали дыбом на головах от его теорий. Я был уверен, что он изобретатель той помады для расчесывания волос, о которой было так много объявлений во всех газетах в следующих выражениях:

Перемена адреса!

«Макассар» — Накэ.

Растительное масло, единственное, признанное превосходным, для улучшения и восстановления волос. № 1, площадь Оперы, бывший Палэ-Рояль, 132.

М. Накэ объявил в газетах, что он не имеет ничего общаго с этим «макассаром», тем не менее достоверно, что он изобрел «макассар»; он сам признался в письме, правда очень остроумном, напечатанном в Figaro, что он взял на себя миссию бороться с плешивостью и сединой. «Я взялся за дело, говорит он, и мне удалось составить смесь с основанием из висмута серно-кислой соли соды, которая окрашивает волосы и бороду, не причиняя ни малейшего вреда употребляющим ее».

Эта, по-видимому, странная жизнь, немеющая ничего общаго с жизнью прежних общественных деятелей, представляет все-таки нечто целое: будь он химик, член каких угодно обществ, депутат, сенатор, Накэ всегда останется оплотом израиля.

Развод, например, гиттин, чисто еврейское измышление. Только один оратор осмелился громко высказать это, а именно архиепископ Фреппель; в заседании 9-го июля 1884 г. он воскликнул: «движение, которое приведет в законодательстве к разводу, в настоящем смысле слова, семитическое движение, начавшееся с Кремье и кончающееся Накэ». Он сказал обещанной левой: «ступайте, если хотите, на сторону израиля, ступайте к евреям, а мы останемся на стороне церкви и Франции».

Можете, быть архиепископ Фреппель и не подозревал какую истину он высказывает.

Чтобы быть уверенным, что этот подходящий для него закон, применимый к его собственным постановлениям, будет издан, израиль поручил подготовке проекта раввинам.

Бывший брюссельский раввин Астрюк взялся редактировать новый закон и, так сказать, предписал его палате депутатов.

«Бракоразводная комиссия, пишет Накэ к Астрюку, приняла вашу поправку и допускает (ст. 295), что супруги, разведенные по какой бы то ни было причине, не могут снова соединиться, если после развода один из них вступил в новый брак».

Если бы люди честные, красноречивые, верующие, как напр. Люсьен Брен или де Равиньян занимались подобными вопросами³⁰, или имели доста-

²⁹ Мы рекомендуем это произведение, говорит издатель Кистемакерс, франмасонский и в то же время порнографический книгопродавец, всем лицам желающим основательно ознакомиться с философскими мнениями, знаменитого поборника развода во Франции. Эта книга не имеет себе подобной в этом роде: она отличается неслыханною смелостью и логикой. Г. Накэ развивает в ней идеи, которые, не решаясь заявить вслух с французской трибуны.

³⁰ Г. де-Гаварди, довольно мужественный католик, имел, впрочем, прекрасный случай указать на вторжение евреев во время прений о законе, касательно свободы денег, опять-таки чисто еврейском законе, поощряющем ростовщичество. В своей речи 1-го декабря 1885 г. он говорил о Моисее, но не сказал ни слова о Ротшильдах и о еврейских банкирах; поэтому его речь, которая могла быть интересна с точки зрения социального вопроса, не имеет никакого значения: она ничему не соответствует. Г. де Ларенти, находящийся, сколько мне известно, в

точно мужества открыто говорить о них, то они могли бы перенести спор на надлежащую почву. Конечно, они не были бы в силах изменить постановления, но, по крайней мере, выставили бы в истинном свете действия этого племени, которое, не довольствуясь тем, что занимает преобладающее место в обществе, не им созданном, хочет еще изменить все его обычаи и законы, сообразно со своим личным взглядом; они произнесли бы одну из тех речей, которые заставляют мыслителей задумываться и готовят общественное мнение к мерам, которые Франция должна будет принять под страхом гибели. Вместо того, они ограничиваются благочестивыми общими местами, лишенными значения, потому что они неприменимы к действительности, понятно, какое пренебрежение выказывают таким нерешительным оппонентам люди, подобные Накэ.

Не довольствуясь введением в свод законов еврейского развода, Накэ выступает на защиту интересов каких-то подозрительных спекулянтов, и, наконец, оказывает еврейству услугу в деле, которое ему ближе всего к сердцу: он заставляет палату вотировать отмену ст. 1965 гражданского уложения.

До этих пор, если какой-нибудь несчастный находил очевидное доказательство, что израильские финансисты на бирже ограбили его, как в лесу, заманили, как в игорном доме, у него было средство спастись, бросив игру; ему удавалось иногда сбечь таким образом клочок своего наследия, приданое дочери, кусок хлеба на старость.

Благодаря закону, вотированному по наущению Накэ, несчастный гой должен отдать Шейлоку все до последнего гроша.

До 1883 г. французский закон хоть не вмешивался в гнусные проделки биржи; он отвечал Нюсингенам, желавшим dokonать свои жертвы, то же, что отвечал публичным женщинам, преследовавшим свою добычу: «мы не знаем подобного ремесла! толкуйте о своих низких делах вдаль от судилища!» Отныне, он беззащитно принимает сторону грабителя и будет помогать ему снимать последнюю рубашку с ограбленного.³¹

холодных отношениях с Ротшильдами, между тем как раньше он был с ними очень хорош, тоже ни слова не сказал о них. Ни один католик не обсуждал живо и жизненно этого закона, завершающего торжеством израиля борьбу, которая длится уже 14 столетий между Церковью и евреем, желающим обобрать христианина; ни один из них не напомнил с каким мужеством боролись некогда с еврейскими банкирами францисканцы: блаженный Бернард Фельтрский, фра Барнабе из Терни, и другие.

³¹ Во всяком вопросе еврей руководится исключительной мыслью быть полезным своим. Посмотрите, что делается с книжечками рабочих. Французская промышленность, разоренная иностранною конкуренцией, переживает тяжелое время. Наши французские рабочие больше не находят работы, потому что им делают подрыв 400,000 немецких и 200,000 итальянских рабочих; главные представители нашей промышленности видят, что у них не только перенимают приемы, но даже крадут фабричные марки те люди, которых они приняли на свою службу.

Что делает еврей Эдуард Мильо? У этого мнимого космополита в сущности только одна забота — выгоды его племени, одно желание — облегчить вторжение иностранных евреев. В заседании сената 19 июня 1883 г. он требует уничтожения этой книжечки, которая служит ручательством для французско-

Трудно объяснить себе, почему биржевые маклера жалуются на убытки, которые они терпят от биржевых операций, когда они не могут в них принимать участие? Ведь закон ясен:

«Биржевым маклерам запрещается давать свое посредничество для биржевых игр, с какими бы то ни было целями». (Закон IV и X года).

«Биржевой маклер должен заранее получить векселя, которые ему поручено продать или необходимые суммы для уплаты по тем, которые он принужден купить». (Постановление 27-го прериаля X года, ст. 13).

Предполагать при подобных условиях, что маклера могут терять что-нибудь, значило бы допускать, что они нагло нарушают существующий закон, а подобные злорадные мысли запрещается питать по отношению к таким честным людям.

Эти современные существа, не имеющие ничего общаго с нашей прежней жизнью, странные, живущие среди разгула, излишеств и шума, с какой-то полубезумной, полудициной дерзостью, почти всегда оканчивают драмою.

Еврей влечет за собою драму, вносит ее в страны, которые захватывает и в дома, куда вкрадывается.

Смешанные браки, называемые в свете «культурною ферментов», до сих пор не дали хороших результатов.

По какому-то странному закону, почти все семьи, которые породнились с евреями, с исключительною и, более или менее, открыто признаваемою целью наживы, постигла какая-нибудь катастрофа. Ла-Москова женился на Гейне, и вам известно, при каких плачевных обстоятельствах погиб этот несчастный. Герцог Ришелье тоже женился на Гейне и преждевременно умер на востоке. Дочь Герцога де-Персиньи вышла за пражского пивовара, еврея Фридмана, и попала с ним на скамью подсудимых. Бесчестие и разорение проникли к Ла-Пануз вместе с девицей Гейльброн, Г-жа Кремье, родственница президента «Израильского союза», была убита двумя бродягами, после сцены чудовищного разврата. Фульд-сын, во время империи, сочинял пасквили на своего отца и печально окончил блестяще начатую жизнь. Еврей Мертон приобрел миллионы и лишил себя жизни.

Граф Бортиани женился на дочери еврея Шоссберга и был убит на дуэли Розенбергом: жена его вторично вышла замуж через несколько месяцев.

В феврале 1883 г. родственник того Накэ, который изобрел средство для рашения волос, Даниэль Накэ, один из богатейших евреев юга, выбросился из второго этажа того дома в Карпантра, в котором он жил со своим братом, и разможил себе череп. В ту минуту, когда он испустил дух, его брат, Жюстен Накэ, повесился.

В октябре 1885 г. богатый гамбургский банкир Примсель, компаньон Дрейфуса, торговав-

го рабочего, равно как и для хозяина, которая дает возможность директору учреждения отдать себе отчет в национальности, происхождении, прошлом работника, которого он возьмет к себе и посвятит в тайны своего производства и своих дел.

шего гуано, бросился в Сену с моста Пек.

Внезапная смерть, впрочем, встречается у евреев чаще, чем самоубийство, которое возрастает в поразительной пропорции, доказывающей успехи невроза у евреев.

Какое ужасное зрелище представляет невроз несчастного Парадоля, тоже еврея по происхождению, превознесенного, прославленного, возведенного франмасонством в великие люди и трагически окончившего в Вашингтоне, сорока лет от роду, шумное, неестественное существование, напоминающее своею пустотою жизнь Гамбетты.

И в данном случае рок, тяготеющий над племенем, безжалостно настигает всю семью, уничтожает ее, так сказать, вырывает с корнем. Сын кончает самоубийством в двадцать лет, дочь, которой г-жа Ротшильд, в этом случае прекрасно поступившая, потому что дело шло «о своих», предложила сто тысяч франков приданного, — не решилась вступить в борьбу с жизнью и нашла в монастыре Dames de la Retraite убежище от скорбей.

Конечно, мы видим только те события, которые всплывают наружу, или обязаны какому-либо обстоятельству особою огласкою; чтобы быть последовательным, надо бы было собирать бесчисленные трагедии из буржуазной жизни, факты, совершающиеся в более скромных сферах, в которые еврей, даже не делая зла добровольно, вносит с собою какой-то злой рок.

Еврей, который по выражению Гегеля «был извергнут из лона природы», напрасно старается, с помощью поразительной хитрости и терпения, навязать себя социальной жизни: как будто какая-то невидимая сила ежечасно отталкивает его.

Драма, подобная непреодолимому античному Фатуму, уже насильно вошла в ворота гордого жилища Ротшильдов, думавших, что они заключили договор с судьбою. Весь Париж говорил о самоубийстве барона Джемса Ротшильда, и хотя они заставили христиан дорого поплатиться за эту смерть, однако Ротшильдам небезызвестно, что кровь самоубийцы приносит несчастье дому, и что проклятие висит над ними. Они чувствуют, среди своих празднеств, что над их головами, как будто летает большая черная птица и бьет крыльями прежде, чем спуститься на свою жертву.

Особенность драмы, преследующей еврея, заключается в том, что она всегда таинственна, почти никогда неизвестна причина этих ужасных сцен, все остается загадкой. Какой-нибудь посланный Ротшильда является к следователю, которому поручено следствие, называет имя своего господина и приказывает бросить бумаги в огонь, между тем как следователь, если он новой формации, целует землю, по которой удостоил ступить посланный, столь могущественного властелина. Попробуйте-ка найти хоть что-нибудь, касающееся процесса Мишеля убийцы, осужденного во время директории, или узнать истину о деле Нее, Вимпфена и других.

Впрочем, хотя племя и находится в исключительно благоприятных условиях для сохранения, оно тем не менее очень дряхло. Легенда гласит, что какой-то сицилийский пастух, времен короля Вильгельма, нашел в земле сосуд, содержащий жидкое

золото; он его выпил и снова стал молодым. Над евреями золото не сделало подобного чуда. Взгляните внимательно на преобладающие в Париже образчики политических деятелей, биржевиков, журналистов и вы увидите, что их всех снедает анемия. Глаза лихорадочно вращающиеся между потемневшими веками, указывают на болезни печени; у еврея действительно накипело на печени от восемнадцативековой ненависти.

Встречаются прелюбопытные, поразительные случаи атавизма: племя, очищаясь, возвращается к первоначальному восточному типу. Взгляните на молодого Изидора Шиллера: его отец-немец, толстый, белокурый, круглолицый, а сын поджарый, с маленькою головой, как две капли воды похож на пленников с ниневийских барельефов; эго настоящий современник Манассии и Иокима.

Повторяю, большинство из них анемичны до последней степени. В Париже они живут в наглухо закрытых помещениях, где всегда царит чрезмерно высокая температура; в огромных венских отелях они выискивают уголки, гроты, освещенные газом, даже днем. Пожмите вашу рукою эти маленькие пальцы с тонкими концами, — они еще выдают некоторые племенные наклонности, но в них нет крепкой цепкости и крючковатости, как в отцовских. В лице ни кровинки; оно приняло оттенок тонкого голубоватого севрского фарфора; под нашим небом евреи дрожат от холода, бегут в Ниццу, между тем как бедняки за них работают и составляют их газеты.

Это физическое состояние отчасти объясняет печаль, составляющую основную черту еврейского характера, но оно не является единственным поводом ее.

Меланхолия эта зависит от причин, на которые я должен указать, чтобы дополнить этот очерк, несмотря на все мое желание не касаться собственно религиозных вопросов, до такой степени у меня велико уважение ко всяким верованиям.

Чтобы успеть в своем нападении на христианско цивилизацию, евреям во Франции пришлось хитрить, лгать, притворяться свободомыслящими. Если бы они откровенно сказали: «мы хотим разрушить прежнюю славную и прекрасную Францию и заменить ее владычеством горсти евреев, собравшихся из разных стран», то наши отцы, которые не были такими тряпками как мы, понятно не поддались бы. Но евреи долго не высказывались, действовали через масонство, укрывались за громкими фразами об эмансипации, свободе, борьбе с предрассудками и суевериями прошлого века и проч.

Сперва они соблюдали все свои обряды, но потом, сохраняя племенные инстинкты, мало по малу утратили то, что есть хорошего в каждой религии; ими овладела та ужасная душевная сухость, которою отличаются неверующие люди.

Кроме религиозных празднеств, соединявших всю семью, установленных трапез, обрезания, Пурима, Бар Митцва, существовало прежде множество случаев скрепить узы братства, обменяться сивлонессами, подарками. Сиум, т. е. окончание изучения какого-нибудь отдела талмуда целым обществом или отдельным лицом было поводом для пира.

Когда объявляли, что у кого-нибудь Зохер, т. е. родился младенец мужского пола, то к нему отправлялись с поздравлением. Шабаш, предшествовавший свадьбе, шпингольц, и продолжавшийся до следующей субботы, подавал повод к бесконечным пиршествам, и при этом столы бывали обременены теми сластями и пирогами, которые Генрих Гейне столько раз с восторгом нам перечислял. Все это почти целиком перешло теперь в область предания. Конечно евреи строже исполняют свои религиозные обряды, чем принято думать. Иной писатель, который только что напечатал в республиканской газетке энергичную статью с целью отнять у обездоленных последнюю веру, единственное утешение во всех скорбях, который грубо осмеивает наши таинства, наш пост, наш обычай водить детей к первому причастию, — сам бежит в синагогу, чтобы исполнить там свои религиозные обязанности. Во время пасхи можете встретить у Ван-дер-Гама, в улице Моберж, за роскошной сервировкой негоциантов и чиновников из центрального квартала. В этот ресторан по преимуществу ходят голландцы и немцы. Там-то была сказана одному из наших собратий, который с виду свободомыслящий, а в сущности ревностный еврей, т. е. фанатически ненавидящий Христа прелестная фраза, воспроизведенная «Израильскими Архивами». Он пришел завтракать в первый день пасхи и перед уходом попросил счет у прислуживавшей молодой девушки.

«Сударь, ответила ему голландка, сегодня праздник, и мы не берем денег».

— «Но ведь вы меня не знаете; а что, если я не вернусь?»

«О, сударь, кто справляет пасху, тот вернется!»

Несомненно однако, что равнодушие проникло и в среду израильтян. Уж это не первый кризис переносит еврейская религия.

Не задевая за живое некоторых вопросов, что редко делают даже евреи, ставшие христианами, аббаты Леман, обращенные израильтяне с необычайной точностью резюмировали некогда все последовательные фазы, через которые прошло иудейство.³²

За периодом ожидания и напряжения, предшествовавшего пришествию Спасителя, следует беспокойный, бурный период, во время которого израиль с упорством ищет Мессию, не желая сознаться самому себе, что он его распял.³³

Пророчествам о Мессии начинают придавать самые странные толкования, на тысячи ладов высчитывают предсказание Даниила о семидесяти седминах, и под конец все-таки приходят в отчаяние.

Раввины предают анафеме всякого, кто заговорит о пришествии Мессии. «Все времена, назначенные для пришествия Мессии, прошли», говорит рабби Рава. «Пусть будут прокляты те, которые высчитывают время пришествия Мессии», объявляет вавилонский талмуд «пусть кости их сокрушатся»,

прибавляет рабби Иоханан.

Если румынские евреи с большими издержками содержат в Сада-Гора священное семейство Изрольца, в котором должен родиться Мессия, если польские евреи открывают окна, когда гремит гром, чтобы Мессия мог войти, то цивилизованные евреи более не верят в Искупителя: они признают лишь мифического Мессию, как они выражаются, или вернее, Мессия, будущий царь мира, — это израиль.

Мишель Вейль, великий раввин, ясно говорит, что пророчества никогда не упоминали ни о потомке Давида, ни о царе Мессии, ни о каком-либо личном Мессии. «Настоящим искомителем, — по его словам, будет не отдельная личность, а весь израиль, который станет маяком народов, возвысится до благородного назначения быть учителем человечества, которое он будет поучать своими книгами и своей историей, непоколебимостью в испытаниях, равно как и преданностью учению».

Не буду повторять, сколько гордого нахальства в претензии этой шайки торгашей быть маяком народов, у которых были Карл Великий и Людовик Святой, Карл V и Наполеон, величайшие святые, глубокие мыслители, самые выдающиеся гении и прекрасно организованные общества. Тут очевидно настоящее коллективное безумие, нечто в роде мании величия, овладевшей не одним человеком, а целым племенем, которому быстрые успехи ударили в голову.

Во всяком случае эти успехи не доставили евреям душевного счастья.

По мере того, как их мечта сбывалась, их небольшой запас идеализма и религиозного спиритуализма все уменьшался; по мере того, как их настоящая жизнь становилась все более блестящей и широкой, их понятие о бесконечном, познание будущей жизни все суживалось, исчезало.

Их романтическая надежда обладать миром и безраздельно пользоваться тем, что основали, создали, произвели бесчисленные поколения христиан, сбывлась несмотря на свою невероятность. При помощи всевозможных фантастических объявлений они выманили из карманов бедняков трогательные, святые сбережения, которые старуха держала завернутыми в бумажке и с улыбкой гордости показывала своему мужу, когда он боялся, что больше не будет в состоянии работать. На эти деньги, награбленные мошенниками у простодушных, они купили исторические замки, славные жилища, в которых великие люди былых времен отдыхали в уединении, послужив своему отечеству. Выродки аристократии унизились до того, что ходят любоваться баронскими коронами и сомнительными гербами, красующимися на конюшнях Ферьера или Борегара. Им стоило только кивнуть вожакам масонской демократии, чтобы быть избранными в министры или депутаты, как Рейналь и Бишофсгейм.

И несмотря на все это они испытывают разочарование, «Как, только-то всего?» как будто говорят они.

В дорогих ложах, за которые заплатили несчастные, доведенные ими до самоубийства, на террасах, украденных ими дворцов, эти торжествующие, и все-таки не радостные, победители не могут

³² «Вопрос о Мессии и Ватиканский Собор».

³³ Аббаты Лемань насчитывают двадцать пять ложных мессий с 34 по 1666 год. Они появлялись в Палестине, на Крите, в Испании, Франции, Персии, Феце, Аравии, Австрии, Ост-Индии, Голландии и Турции

избавиться от осаждающих их мрачных мыслей, которые приходили в голову библейскому Шелемо на террасе его дворца или в аллеях его Этамского сада.

«Человек не имеет никакого преимущества перед животным и у обоих конец один и тот же: они снова обращаются в прах».

«Живая собака лучше мертвого льва».

«Наилучшее благо для человека — пить, есть и наслаждаться».

Так говорит в «Екклесиасте» Коэлет, верный истолкователь садукейской морали.³⁴

Видение смерти, которая приближается большими шагами и после которой ничего нет, гроба, вносимого в пышный дом, где зеркала будут завешены целую неделю, трупа, который вынесут уже полусгнившим, — набрасывает тень на их чело.³⁵

Действительно, хотя евреи и сохранили в глубине самих себя понятие о Боге, хотя их назначением свыше было поддерживать и распространять эту веру в мире, однако вера в будущую жизнь у них очень смутна и шатка, несмотря на то, что о ней упоминается в погребальных молитвах. У фарисеев были спиритуалистические стремления, но саддукеи были совершенными материалистами. В Пятикнижии едва упоминается о бессмертии души, и единственным текстом, ясно говорящим о нем в Ветхом Завете, является следующий стих Даниила: «многие из тех, которые спят во прахе, проснутся, одни для вечной жизни, другие для вечного стыда».

Мишна запрещает углубляться в эти задачи, а Агадах приводит в подтверждение этого запрещения историю четырех ученых, которые отважились проникнуть «в райское преддверие». Один из них умер, другой сошел с ума, третий стал отступником, и только четвертый спасся, благодаря своему стойкому здравому смыслу.

Шарль де Ремюза вполне основательно писал по этому поводу:

«Иудейство придерживающееся Моисеева закона, хранит молчание относительно будущей жизни или говорит о ней так редко и темно, что почти осуществляет парадокс религии, могущей обойтись без догмата, без которого всякая религия бесполезна. Священный законодатель евреев как бы ограничил этим миром все стремления народа Божия».

Легко угадать, что при этих условиях горизонт евреев очень узок вследствие того, что они лишены тех прекрасных надежд, которые составляют наше утешение и нашу радость.³⁶

³⁴ Нечего и говорить, что мы с покорным сердцем принимаем толкование св. Писания, даваемое нам Церковью; мы только думаем, что во вдохновенной книге, являющейся в то же время верно историей народа, позволительно отыскивать черты, характеризующие племя.

³⁵ Евреи избегают даже произносить слово смерть. В трактате Кегубот читаем, что один раввин заслужил порицание за то, что сказал в надгробной речи: «много людей осушит чашу жизни». Много людей осушило чашу — есть дозволенное выражение, говорит Абаиз, но надо избегать говорить: «много людей осушит чашу».

Обычай выливать всю воду из дома, в котором кто-нибудь только что умер, внушен тем же чувством: это способ сообщить о смерти всем соседям, не употребляя рокового слова.

³⁶ Сведенборг, мечтатель, у которого встречаются описа-

надо прибавить, что евреи, которым всегда известно все, что происходит не только в мире фактов, но и в мире идей, живо заинтересованы антисемитическим движением, охватившим всю Европу. Нельзя себе представить, в какую ярость их привело появление в Париже маленькой газетки, очень смелой, очень современной и хорошо осведомленной относительно всех финансовых темных делишек, называемой «Анти-Семитической Газетой»; она всякий раз снова всплывает, когда думают, что она уже совсем исчезла.

Одним словом у евреев есть смутное сознание того, что их ожидает. С 1870 по 1879 г. они пережили период безумной гордости. «Какое счастье родиться в подобную эпоху!» восклицал еврей Вольф в National-Zeitung: «es ist eine Lust zu leben!» в то время, как на берегах Шпре — Ласкеры, Блейхредеры, Ганземаны обирали миллиарды у пруссаков, опьяненных победою. Какое счастье! отвечала им из Франции шайка космополитов, видя, что места, деньги, отели, великолепные экипажи и лошади, охоты, ложи в опере все им принадлежит, а добрый народ довольствуется какою-нибудь прочувствованною речью о новых формациях.

Теперь они немного спустили тон и чувствуют, что христиане всех стран затевают что-то такое, что будет посильнее «Всемирного Израильского Союза».

Еврей от природы печален. Разбогатеv, он становится нахален, не переставая быть мрачным; у него даже дерзость угрюма: tristis arrogantia Тацитова Палладия.

Ипохондрия, являющаяся одною из форм невроза, вот единственный дар, принесенный ими Франции, бывшей прежде такою игривой, резвой, веселой здоровым весельем.

«Еврей мрачен», говорит Шефтебюри в своих «Характеристиках», великое слово, более глубокое, чем кажется с первого взгляда.

Ошибочно мнение, что еврей веселится среди своих, даже ошибочно думать, что он их любит. Христиане не поддерживают, но любят друг друга, им приятно видеться между собою. Еврей, напротив, поддерживают своих до последнего издыхания, но не могут любить друг друга; они сами в себе возбуждают ужас, и как только прекращаются деловые отношения, они избегают себе подобных. Не более удовольствия доставляет им общество христиан; до-

ния, достойные Данта, видел евреев в большом количестве в месте, предназначенном для жадных или в аду, полном нечистот, где находятся люди, жившие только для наслаждения.

«Большая часть этого ада», говорит он, «наполнена евреями, которые были скупы до гнусности, присутствие их обнаруживается крысиным запахом при их приближении к другим душам».

Так как представление, которое они себе составили и которого крепко придерживались во время земной жизни, не дает им познания, что под новым Иерусалимом должно разуметь царствие Божие на небесах и на земле, то отсюда происходит, что, когда они переходят в другую жизнь, то налево от геенны перед ними предстает город, куда они стекаются и теснятся, но этот город грязен и зловонен и вследствие того называется «Оскверненным Иерусалимом», там они бегают в грязи и тине по щиколку, жалуясь и испуская вопли. (Небесная Тайны, 939, 940).

статочно одного почтительного слова о Христе, чтобы они заболели; шутка над Иудею, которую они принимают с натянутым смехом, выводит их из себя.

Собственно говоря, до сих пор полно живого значения изречение, написанное на воротах итальянских гетто:

«Ne populo regni coelestis eoeredi usus cum exeoerede sit». «Не подобает народу, наследнику царства Божия, иметь общение с тем, который лишен его».

Порою на этих лицах мелькнет тонкая улыбка, при мысли о какой-нибудь хорошей шутке, проделанной над христианином. Действительно, лисица есть аллегорическое животное еврея; «Месшабот Сшуалим», басни о лисице — первая книга, которую дают в руки маленькому еврею. Сделавшись большим, он находит удовольствие в том, чтобы подчеркивать шутку, сыгранную над арийцем. Так например Блейхредер организовал тунисскую экспедицию, стоившую Франции жизни её сынов, кучу денег и союза с Италией, и еще издевается над своей жертвой, заставляя одного презренного министра произвести себя в командора Почетного Легиона.

За этими приступами злобной радости следует иногда выражение наивности. Наивность у еврея? воскликнете вы. Вы шутите? Да, у него есть даящая сторона. Этот представитель цивилизации в самом остром, утонченном её проявлении обладает хитростью дикаря и вместе с тем его наивным тщеславием. Его рот иногда полуоткрывается от удовольствия перед каким-нибудь торжеством мелкого тщеславия, подобно тому, как у африканских дикарей глаза и зубы блестят от удовольствия, когда они получают кусок стекла или лоскут яркой материи.

На похоронах Луи Блана я смотрел, как в лице Риволи устанавливались депутации, и с невыразимым удовольствием наблюдал, как все эти субъекты с грязными желтоватыми бородами важничали в своих широких синих франмасонских лентах. На подлых лицах этих людей сказывалось ребяческое удовольствие от того, что они стоят здесь, напротив Тюльери, внушая уважение блюстителям порядка, имеют значение, играют роль в почти официальной церемонии и носят костюм, который их отличает от всех прочих. И еврей гораздо чаще бывает таковым, чем думают; когда он вам рассказывает, что получил какое-нибудь отличие, какую-нибудь медаль за шоколад на выставке, он пристально смотрит на вас, чтобы увидеть, не смеетесь ли вы над ним, что составляет его постоянное опасение; тогда его бледное бескровное лицо освещается лучом счастья, как часто бывает у детей.

Единственное чувство, уцелевшее у этих развращенных и пресыщенных людей, это ненависть к церкви, священникам и особенно монахам.

Сознаемся, что эта ненависть вполне естественна; вот человек интеллигентный, рожденный в богатстве, иногда носящий громкое имя, не похожее на имена всех этих новоиспеченных Герольштейнских дворян, и он бросает все, чтобы уподобиться беднейшему; разве это не есть отрицание, уничтожение всего того, чем гордится еврей? Обет бедности монаха кажется как бы постоянной насмешкой

над обетом богатства, которого придерживается еврей.

Вот женщина, предпочитающая простое грубое платье, которого не надела бы и служанка, шелку и кружевам; не кажется ли она, несмотря на кротость своего ангельского личика, живым и постоянным укором еврею, который не может купить цену всего своего золота то, чем обладает эта нищая: веру, надежду, любовь к ближнему.³⁷

К смерти она равнодушна, и гроб, будь он хоть простой деревянный, ее не страшит.

Симон, он же Локруа, может оскорблять монахов, требуя, чтобы их прогоняли из келий; Дрейфус может предлагать нашим честным республиканцам, чтобы у сестер милосердия отнимали кусок хлеба, поддерживающий их существование, — у них все таки останется распятие, которое они носят на шее; оно медное, а жидовские баронессы любят только то, на чем есть проба.

Один тот факт, что существуют эти возвышенные добродетели, это равнодушие ко всему материальному, это прекрасное самоотречение, встает как терние из ложа грубого сибарита еврея, который, владея всем, чувствует, что он бессилен над этими душами.

Об этом состоянии духа евреев мы встречаем драгоценные сведения у Ренана. Его портрет современного еврея в «Екклесиасте» великолепен. Это дело рук художника, имеющего таинственную склонность к Иуде; он всегда кладет смягчающий тон рядом с слишком резкой истиной, затушевывает черту, могущую оскорбить и подчеркивает эпитет, который может понравиться. Он удивляется этому паразиту, «свободному от династических предрасудков, умеющему пользоваться обществом, которое не им создано, пожинать плоды с поля, которое не он обрабатывал, вытеснять преследующего его ротозоя и делаться необходимым глупцу, который им пренебрегает».

Поверите ли вы, что только для него Хлодвиг со своими франками наносил тяжеловесные удары мечем, для него династия Капетингов вела свою тысячелетнюю политику, Филипп Август одержал победу при Бувине, а Кондэ при Рокруа. Суета сует! О, как легко отвоевать себе все радости жизни, обьявив заранее что они суетны! Мы все знаем этого преданного земному мудреца, которого никакая сверхъестественная химера не собьет с пути, который отдаст все мечты о другом мире за один час наслаждения действительностью: он против злоупотреблений, а между тем он совсем не демократ,

³⁷ Вера, это сверхчеловеческое, восторженное, экспансивное чувство, возносящее существо над самим собою, проявляющееся в прозелитизме, т. е. в горячем желании разделить с ближним возвышенные радости, которые сам испытываешь, совершенно неизвестна евреям, даже самым верующим. У них религия есть верность традиции, привязанность к племени, к которому принадлежишь.

В докладе, сделанном в “Обществе изучения евреев” и озаглавленном “Религия и наука в иудействе”, г. Франк говорит: “надо отметить поразительный факт, что в еврейском языке, я хочу сказать в языке Библии и Пророков, нет слова соответствующего слову “вера”. Выражение, переведенное впоследствии таким образом, (эмуна) и встречающееся в теологических спорах, означает постоянство, твердость, верность, истину”.

перед властью послушен, и в то же время горд, аристократ по своей тонкой коже, нервной впечатлительности, своему положению человека, отстранившего от себя тяжелый труд, в то же время, он буржуа по своему презрению к воинской доблести и по сознанию своего векового унижения, от которого не спасает его даже видимое изящество.

Он взволновал весь мир своею верою в царствие Божие, а сам не верит ни во что кроме богатства, ибо богатство действительно не является его настоящею наградою. Он умеет трудиться, умеет и наслаждаться. Никакие безумные рыцарские бредни не заставят его променять его роскошное жилище на славу, добытую с опасностью жизни; никакой стоический аскетизм не заставит его выпустить добычу ради призрака. Вся ставка жизни по его мнению — здесь на земле. Он достиг совершенной мудрости: наслаждаться в мире плодами своих трудов среди произведений утонченного искусства и воспоминаний о наслаждениях, исчерпанных до дна.

Поразительное подтверждение философии суетности всего земного! Стоило ли смущать мир, распять Бога на кресте, вынести все мучения, несколько раз обращать в пепел свое отечество, надругаться над всем тиранами, ниспровергнуть всех идолов для того, чтобы под конец умереть от болезни спинного мозга в роскошном отеле в Елисейских

полях, сожалея, что жизнь так коротка, а наслаждение так мимолетно. Суета сует!

Нет, дилетант, не для того Хлодвиг бился при Толбиаке и Филипп-Август при Бувине, чтобы еврей умирал от болезни спинного мозга в отеле в Елисейских полях. Наши отцы жертвовали собою, умирали на полях битв для того, чтобы была Франция, как есть Англия и Германия, чтобы наши дети молились, как молились их отцы, чтобы у них была вера, которая бы их поддерживала в жизни.

Впрочем везде, во всех почти государствах, становится заметно анти-симетическое движение: «Всемирный анти-семитический союз» основан, и «Всемирный израильский союз» его не одолеет.

Что до меня, то я не более как провозвестник предстоящих событий. Может быть я умру оскорбленный, поруганный, непризнанный, прежде чем стану свидетелем их. Что за беда, я исполню мой долг и завершу труд мой.

«Во всех делах», говорит Боссюэт, «есть то, что их подготавливает, что побуждает людей их предпринять и то, что им дарит успех. Истинная историческая наука состоит в том, чтобы подмечать тайный распорядок, который подготавливает события и стечения обстоятельств, благодаря которым эти события совершаются».

Книга II. Евреи в истории Франции

«События гораздо менее разнообразны, чем предполагают люди не знающие, кто держит нити».

Дизраэли.

От первых времён до окончательного изгнания в 1394 году

Евреи в Галлии. — Возвышенные религиозные чувства и Ренан. — Евреи в Бретани. — De arrogantia iudaeorum. — Еврей в Средние века. — Распространенные заблуждения. — Школы, раввины и поэты. — Изгнание евреев из Испании. — Абу Искак, поэт-патриот. — Касидаен-Нун. — Еврейство на юге. — Поход против альбигойцев. — Желтый лоскуток. — Меры для общественного спасения. — Процесс по поводу Талмуда. — Элегии. — Ауто-да-фе в Труа и Lanterne. — Еврей описанный Мишлэ. — Храмовники и евреи. — Орден храма вследствие подкупа становится орудием евреев. — Святотатства. — Храмовники и масонство. — Прокаженные. — Социальная война в XIV в. — Семитическое движение. — Окончательное изгнание в 1394 г. — Величие Франции.

От первых времён до окончательного изгнания в 1394 году

Евреи пришли в Галлию вслед за римлянами. В IV в., около 353 г., они убили на берегах Дюрансы военачальника, который раньше управлял Египтом и возвращался в Галлию по приказу императора Констанция. Надгробная надпись этого несчастного была найдена и описана провансальским врачом, Петром Беранже. В IV томе своей «Истории императоров» Тильмон тоже упоминает об этом факте.

Хотя присутствие нескольких евреев, пришедших одновременно с римлянами, и неоспоримо, но все же трудно допустить с Ренаном, что евреи обращали в свою веру людей «одушевленных возвышенными религиозными чувствами», употребляя своеобразное выражение этого писателя³⁸, утвер-

ждение, что синагога осталась наряду с Церковью «в виде несогласного меньшинства», не основывается ровно ни на каком свидетельстве.³⁹

³⁹ Это смягченный вариант знаменитого тезиса развиваемого Дизраэли в его «Опыт о политической жизни лорда Джорджа Бентинга». По его мнению евреи все принесли в мир. Они одни цивилизовали огромные расы, каковы тевтонская и славянская. Через несколько лет этому будут учить в наших школах и это станет догматом веры во всех академиях, где евреям заблагорассудится его ввести, теперь еще пока позволяется утверждать, что это положение совершенно бессмысленное. Вот главный отрывок у Дизраэли: «отношения, существующие между племенем бедуинов, которое под именем евреев встречается во всех частях Европы и племенами тевтонов, славян и кельтов, занимающих эту часть света, составят когда ни будь одну из самых замечательных глав философской истории человечества. Саксы, славяне и кельты приняли большинство обы-

³⁸ «Иудейство как раса и как религия».

Дело в том, что евреев беспокоит гораздо более чем они признаются, что им придется отдавать отчет в том, какую роль они играли во время последних религиозных преследований, — и они боятся, как бы второе преследование евреев во Франции не окончилось как первое; им бы хотелось опереться на то, что они давно пользуются правом жить во Франции, на почве которой они всегда обитали, как кочевники и ничем не способствовали развитию всеобщей цивилизации.

Только по отношению к Бретани, в которой евреи были довольно многочисленны до VII в., можно было бы утверждать существование семитической колонии, появившейся там в очень отдаленное время. Изображения, высеченные в пещерах Гаврини, имеют нечто общее с символическою секирою, вырезанною на египетских памятниках. При виде ручьев, осененных библейскою смоковницею, напоминающих Силоам, порой приходят на память воспоминания, еще доселе живущие в местном предании, о сказочном городе Ис, о царе, окруженном восточною роскошью, называвшемся Соломоном. Альфонс де-Ротшильд, который всегда старается сгруппировать рассеянных братьев для своего будущего царства, совершил круговую поездку около Карнака, но прием, оказанный ему, несмотря на его миллионы, населением, в сердцах которого тверда вера, должен был ясно показать ему, что если здесь и было одно из колен израилевых, то для него оно безвозвратно погибло.⁴⁰

В Галлии евреев встретило то же презрение, что и в Риме. Между тем как христианство, которое не имело ничего общего с иудейством, считавшимся признаком особого племени, делало быстрые успехи и привлекло все сердца и умы, евреи видели, что народы, вполне чуждые римских предрассудков, вдруг начинали к ним относиться с удвоенною строгостью. Бургунды и вестготы одинаково жестоки к ним. Ваннский собор, собранный в 465 г., запрещает духовным лицам посещать евреев и вкушать с ними трапезу. Лотарь II в 615 г. отнимает у них право вчинять иски против христиан; в 633 г. Дагоберт II изгоняет их из своих владений.

Постоянно встречая притеснения за свое родовичество, они не унывают, и в начале Каролингского периода мы видим, что они могущественнее, чем когда-либо.

Карл Великий посылает еврея в числе послов к Гарун-аль-Рашиду. При слабых монархах, вроде Людовика Добродушного, они дают полный простор своей склонности к захвату. Тогда, как и теперь, они не довольствуются разрешением свободно исповедовать свою религию, а хотят, чтобы другие терпели неудобства ради того, чтобы им не было стеснения; они заставляют издать декрет, по которому воспрещается торг по субботам, и требуют освобождения их от налогов, которые тяжело ложатся на

чаев этих арабских племен, равно как и их литературу и всю их религию; и так они им обязаны наибольшей частью того, что упорядочивает, скрашивает и смягчает нравы.

⁴⁰ У нас есть доказательство насколько евреи всегда старались связать себя с кельтическим элементом, в лице Нострадамуса, еврея по происхождению; в своих любопытных «Центуриях» он предсказал царство монарха, который будет называться «Великим Кельтом».

других коммерсантов.

Как и теперь их нахальство возмущает всякого. Лионский епископ Агобард пишет свой трактат; «de insolentia iudaeorum». Переведите этот протест на современный язык, напишите книгу озаглавленную: «Самонадеянность или дерзость евреев», и вы получите брошюру с отпечатком живейшей современности.

Тогда, как и теперь, они пролезли в правительственные сферы. Седекия пользовался полным доверием Карла Лысого, которого он и отравил.

Вследствие постоянного племенного влечения к востоку, евреи всегда находились в сношениях с сарацинами, и выдали им Безьер, Нарбонну и Тулузу. Со времени этого проступка ежегодно, в день Пасхи, еврей получал три пощечины на пороге собора и платил за тринадцать фунтов воску. До XII в. их положение по-видимому все улучшается. В 1131 г., когда папа Иннокентий II прибыл во Францию и праздновал Пасху в знаменитом аббатстве С.-Дени, настоятелем которого был Сугерий, синагога, по свидетельству Сугерия, в его «Жизнь Людовика Толстого», фигурировала в огромном шествии, которое проходило перед папой в Страстную среду.

Войска, построенные в боевом порядке, пишет Адольф Вето в своем «Сугерии», стояли шпалерами и с трудом сдерживали густые толпы народа, перед глазами которого в поразительной картине был воспроизведен вход Иисуса Христа в Иерусалим, праздновавшийся в этот день церковным торжеством. Сходство оказалось еще более разительным, когда, среди этой толпы верующих, появилась парижская синагога, желавшая воздать почести представителю. Того, Которого старшины древней синагоги, при подобных же обстоятельствах, обрекли на смерть. Принимая из рук раввинов текст Ветхого Завета, написанный на пергаментном свитке и обернутый в драгоценное покрывало, апостол Нового Завета сказал им с братскою кротостью: «да снимет Всемогущий Бог завесу, покрывающую Ваши сердца».

Как видно, синагога имела определенное место в строе тогдашнего общества. Всякий добросовестный читатель, если только он учил историю не по руководству Поля Бера, легко мог убедиться из немногочисленной сказки, которую рассказывают простакам, будто очень злые священники, преданные очень алчным королям, находили удовольствие в том, чтобы преследовать бедных евреев из-за их религии; правда же оказывается была в том, что пока евреи не довели до крайности страны своими нечистыми финансовыми спекуляциями, изменами и убийствами христианских детей, до тех пор им спокойнее жилось, чем христианам той же эпохи. Между тем вера была так же жива в начале XI в., когда монастыри строились повсюду, когда король Роберт Благочестивый сам пел на клиросе, как и сто лет спустя. Поэтому религия не играла никакой роли в мерах, принятых впоследствии против евреев.

Легко убедиться в очевидности этого, изучая тогдашнее еврейское общество. Несомненно, что эта эпоха была для израиля самою блестящею со времени разрушения храма.

Евреи во Франции достигали тогда количества 800,000, чего нет даже в настоящее время у нас.⁴¹ Они были так же богаты, как и теперь, и владели уже половиною Парижа. Повсюду процветали школы, повсюду выдающиеся раввины привлекали к себе толпу. Таковы были Моисей де Куси, Леон Парижский, Яков де Корбейль, и др.

Отметим любопытный факт, свидетельствующий о невероятной твердости этой расы; о стойкости, с какой передается устное предание у людей, для которых века не существуют, — а именно упорства, с каким евреи возвращаются полновластными обладателями в места, где они раньше жили и откуда их выгнали. Мельницы Корбейля, принадлежавшие некогда еврею Крессану, теперь составляют собственность Эрлангера; почти все владения Ильде-Франса, где некогда жили евреи, принадлежат Камандо, Эфруси, Ротшильдам, которым доставляет несказанное удовольствие видеть, в числе своих застольников и льстецов, выродившихся сыновей той знати, которая некогда царила в этой стране. Равным образом целая стая израильских банкиров налетела на Анъен и Монморанси, где у их предков некогда были дома.

Они владеют почти всем кварталом Тампля, бывшего в XII и XIII в. еврейским, а также кварталом св. Павла, где старая Еврейская улица напоминает об их прежнем пребывании. За исключением двух или трех, все дома на Королевской площади, говорил мне Альфонс Доде, долго живший там, принадлежат евреям. Эта прекрасная площадь, обстроенная Генрихом IV, видевшая блестящий карусель 1613 г., на котором сражающиеся изображали героев «Австрии», бывшая свидетельницей героических дуэлей тогдашних щеголей, слышавшая беседы знатных вельмож и умнейших людей начала XVII в., — теперь в руках каких-то ростовщиков и подозрительных спекулянтов. *Sic transit gloria*

⁴¹ По поводу этой цифры Альберт Кон произнес в заседании «Израильского Союза» в 1870 г. несколько слов, заслуживающих быть воспроизведенными: «отчего происходит, спрашивали мы себя, что в России и Польше насчитывают 3 миллиона евреев, между тем как во Франции их всего 120.000, в Англии 60.000, в Италии 45.000? Что бы найти ответ, надо обратиться к началу XII в., к печальной эпохе Крестовых походов и к средним векам. До XIV в. в одной Франции было до 800.000 евреев, которых целый ряд различных обстоятельств заставил удалиться сперва в Германию и на берега Рейна, а во время религиозных преследований — в Польшу; эта последняя, представляя собой в то время обширное государство, дала полную свободу нашим единоверцам, преследуемым везде в других местах подобно диким зверям. Их влияние сделалось столь преобладающим, что однажды, когда палатины и вельможи собрались после смерти короля, согласно конституции, для избрания нового властелина и не могли прийти к соглашению в своем выборе то, по предложению одного из них, избрали временным королем рабби Шаула Валя — еврея, известного своим умом и честностью, с правом назначить того, кто окончательно должен был быть королем Польши. И таким то образом еврей, предок лондонской фамилии Самуэль, на одну ночь был королем Польши». Ответ на подобный вопрос не труден. Франция потому и выгнала евреев, что их было 800.000. Она сделалась величайшею нацией в Европе, именно вследствие того, что выгнала их. Приняв этих евреев, Польша, преданная заговорам и анархии, перестала существовать как государство. И теперь Франция идет к своей гибели только потому, что, в свою очередь, приняла этих польских евреев.

mundi! Тут еще раз выступает преобладающая черта еврея, который не довольствуется тем, что все захватывает в настоящем, но еще хочет обесчестить прошлое. Вот еще многозначительный факт: церковь св. Иакова в де-Бушере была построена или, по крайней мере, реставрирована вполне, благодаря щедрым пожертвованиям легендарного Николая Фламелья, который, как говорят не без вероятия, присвоил себе суммы, доверенные ему бежавшими евреями во время изгнания в 1394 г.

В 1797 г. еврей, ставший впоследствии членом кагала в Меце, купил церковь, велел ее разрушить и развеял по ветру прах ярого израиля, который, как известно, велел себя похоронить в ней; одна только колокольня устояла от разрушения.

Неправда ли как любопытна эта ненависть, переходящая по преданию от отцов к детям и пробуждающаяся через 400 лет с такою же силою, как и в первые дни?

На юге особенно евреи были полновластными хозяевами.

Семитический элемент в лице евреев и арабов, говорит Мишлэ, был силен в Лангедоке; Нарбонна долго была столицею сарацинов во Франции. Евреи были бесчисленны. Хотя с ними дурно обращались, но их терпели, и они процветали в Каркассоне, Монпелье и Ниме; их раввины держали там открытые школы. Они составляли связь между христианами и магометанами, между Францией и Испанией. Науки, применимые к материальным нуждам, каковы медицина и математика, были предметом изучения для людей всех трех вероисповеданий. Монпелье был теснее связан с Салерно и Кордовой, чем с Римом. Особенно со времени Крестовых походов Верхний Лангедок как будто приблизился к Средиземному морю и обратился к востоку; графы Тулузские владели Триполи.

Между тем как в окрестностях Парижа, на берегах Сены, они владели прелестными виллами среди лесов, как напр. вилла еврея Крессана из Корбейля, проданная за 520 парижских ливров, или вилла Иосонна из Кулемье, на которой одни постройки, прилежавшие к замку, стоили 400 турецких ливров, — они были иногда и на юге владельцами обширных поместий. В Нарбонне они с гордостью показывали на знаменитую Кордату, принадлежавшую фамилии Калонимов, глава которой наследовал титул «Нази» или царя еврейского.

Когда был издан окончательный приговор об изгнании, царьком Кортады, которою евреи очень дорожили, потому что она была помещьем свободным от налогов и таким образом как бы давала им право иметь таковые, — был Колонимус-бен-Годрас, называемый в документах того времени Мумет-Торос. Кортада была продана консулам Нарбонны за 862 турецких ливра.

В Лангедоке «этой Иудеи Франции», как выразился Мишлэ, евреи носили простые имена. Астриук, Бугодас, Крескас, и т. п., но смешиваясь сколько возможно с населением, они оставались верными воспоминаниям своей родины и давали имена библейских городов местным городам: Люнель становился — Иерихоном, Монпелье — Гаком; Каркассон — Кириаф-Иаримом; они становились

французами, чтобы покорять и обращать в еврейство все, что считали покоренным.

На севере равнины были по преимуществу учеными талмудистами. Тозафисты особенно занимались изучением Пятикнижия. Соперник Маймонида, рабби Саломон, сын Исаака из Труа и более известный под именем «Расши» основал в Шампани знаменитую толковую школу. Николай Лирский заимствовал у него позднее многие из его аргументов против Церкви и эти аргументы перешли к Лютеру. «Расши и тозафисты» говорит Ренан, «создали Николая Лирского; Николай Лирский создал Лютера». Сам Ренан черпал из этого же источника и некоторые возражения против христианства, встречающиеся в его книгах, были ему подсказаны Нейбауером, который доставил ему почти все материалы для его очерка «Равнины во Франции в начале XIV в.».⁴²

Равнины, особенно на юге, были тоже и поэтами, и здесь ясно выступает сухость еврейского гения, когда его более не вдохновляют масляные рощи его родины и свежее долины Иордана. Те, кого прозвали отцами синагоги, провансалец Беракхиа-бен-Натронай, Люнельский раввин Иегонгатан-бен-Давид, Зеракия-Халеви, Авраам Бедерси из Безьера, равно как и Исаак Корбейльский, Иезекиель Парижский, пробовавшие свои силы и в поэзии, были не более как второстепенными баснописцами, чем-то вроде средневековых Вьенне.

Эти нравоучительные басни бывают различны. Есть «Скиегат Декалин» или «Рассказы деревьев», вроде тех, что писал Иоханан, сын Захарии; затем народные и наивные басни «Мешелот Кобзем», или «Рассказы прачек». Самые удачные из этих коротких рассказов «Мешелот Сшуалим» или «Басни о лисицах», которые, как мы уже сказали, играют большую роль в воспитании юных израильтян, научая их с раннего возраста быть хитрыми и надувать гою.

Некоторые басни Бракхия: «Муха и Вол», «Два Оленя», «Вол», «Лев и Козел» — очень милы, но не представляют ничего особенного. «Пук прутьев» — Исаака Корбейльского — пикантнее; нравоучение этого рассказа резюмирует в себе все еврейское движение и могло бы стоять в виде эпиграфа под сомкнутыми руками — эмблемой «Все-

⁴² По этому предмету, кроме труда Ренана, изданного в томе XXVII «Литературной Франции», не бесполезно ознакомиться с книгой Густава Сэж «Евреи в Лангедоке». Труд этот свидетельствует о серьезных изысканиях, но остается пожалуй об отсутствии философской точки зрения, а также всякого сравнения между прошлым и настоящим, что придает цену и полезное значение истории, а иначе она была бы лишь нагромождением документов.

Автор как будто бы верит сказке о том, что еврея без всякого основания преследовали люди, которым он ничего не сделал худого. Одним словом на каждой странице чувствуется робость человека, который боится написать хоть строчку, могущую ему повредить в глазах современных властителей. Этот постоянный страх проглядывает у всех наших ученых, которые дорожат своей карьерой, за некоторыми исключениями; так, например, г. Валуа говорит открыто и здраво о деле Талмуда; этот страх унижает нашу молодую историческую школу в глазах иностранцев и особенно — Германии, которая осмеливается говорить еврею: «вот что ты такое, вот какие козни ты строил христианам, отомстившим тебе».

мирного израильского союза».

Восточная басня будет вечно истинна. Если человек свяжет в пук несколько прутьев, то самый сильный из сильных не будет в состоянии их переломить; если же их развязать, то слабейший из слабых легко их переломит.

Евреи особенно любили фокусы, преодолевания трудностей, акrostихи. Авраам Бедерси, автор преобладающим значением слова над идеей и той притязательной бесплодностью, которая воцарилась в нашей литературе с тех пор, как ею завладели евреи.

Как видите, во всем этом еще нет ничего, чтобы бы сильно подвинуло вперед историю цивилизации. Мы далеки от широкого веяния *seansons de geste*, импровизаций, полных наивности и ярких красок труверов и менестрелей, далеки от Жана Боделя и Рютебефа. Если бы евреям позволили, то они бы нам дали оперетку несколькими веками раньше; это величайшая похвала, которую можно сделать их литературе.

Дни оперетки тогда еще не настали, и на всех этих поэтов должна была обрушиться трагедия.

Их несчастье началось с юга, где евреи, казалось, крепче всего угнездились.

Скажем сперва, возвратясь немного назад, что пример их единоверцев, изгнанных из Испании и принужденных искать убежище в цветущих еврейских кварталах Тулузы и Нарбонны, должен бы был сделать их осторожнее.

В XI в. евреи были всемогущи в Испании. Один из них рабби Самуил-Ха-Леви, торговец пряностями, принял участие в междоусобных войнах, которые, по странному совпадению, всегда бывают сильнее там, где есть евреи, и сделался любимцем короля Габу.

Его сыну, рабби Иосифу-Ха-Леви, Нази или Нагхиду, т. е. царю евреев, удалось сделаться визирем короля Бадиса.

Этот сын торговца пряностями вел себя точно так, как позднее Гамбетта, тоже еврей и тоже сын бакалейщика: он возмущал всех своим нахальством (*insolentia iudaeorum*), грубо оскорблял местную религию и вскоре у всех явилось только одно желание — избавиться от него и от шайки, которую он вел за собою. «В то время», говорит один арабский историк, «царство стоило меньше, чем ночник при наступлении дня».

Поэт-монах, славный Абу-Искак-аль-Эльбири ходил из города в город, порицая слабость, проповедуя преданность, примиряя между собою долго враждовавших Синхаджитов и Берберов, повсюду декламируя свою знаменитую «Касиду», для возбуждения мужества. И всюду за ним повторяли припев его песни: «евреи стали важными господами, они царят всюду, в столице и в провинциях; их дворцы разукрашены мрамором, фонтанами, они величественно одеты и роскошно пируют, а вы бедно одеты и голодаете».

Представьте себе Дерулэда — но истинного

патриота, а не такого, который примкнул к партии Гамбетты из любви к банальной рекламе, — предводителя, не боящегося смерти, и несколько мужественных людей из народа, которые ринулись в одно прекрасное утро на дворцы евреев финансистов и подозрительных спекулянтов, — и вы получите понятие о сцене, разыгравшейся в Гренаде в день шабаша 9 тебета 4827 г. (30 декабря 1066 г.).

Гамбетта XI века, не догадавшийся умереть во время, был убит вместе с 4000 своих единоверцев.

Легенда сохранила память о высоком бескорыстии выказанном Абу-Искаком. Когда толпа принесла поэту, перед которым военачальники почтительно склоняли свои окровавленные мечи, груды золота, драгоценных камней, дорогих ожерелий, блестящих тканей, так что произведения искусства тысячами валялись по земле, Абу сорвал с дерева гранату, утолил ею жажду и сказал: «сегодня гнетущий жар, меня мучить жажда; разделите между собой эти соковища, дети мои, но не забудьте прочитать вечернюю молитву, ибо один Бог велик!»

Евреи, спасшиеся от этого преследования, и увеличили собою еврейскую колонию в Лангедоке. Но опыт не послужил им на пользу (какой опыта может когда-либо проучить еврея?); они возобновили свои интриги, пытались развратить страну, в которой их так хорошо приняли, отнять у неё верования и сделали необходимым ужасный Крестовый поход против альбигойцев.

В чем собственно состояло учение альбигойцев? Неизвестно; тут было все: манихейство, гностицизм, атеизм; во всяком деле, где замешан еврей, бывает такая путаница, что кошка бы там не узнала своих котят. А в основании всех этих смут было иудейство. «Евреи», говорит Мишлэ, «живое изображение востока среди христианства, были тут как бы нарочно для того, чтобы поддерживать ненависть к религии. Во время естественных бедствий, политических катастроф они, говорят, имели сношения с неверными и призывали их». В другом месте историк показывает до какой степени евреи развратили идеи альбогойской знати.

Южная знать, ничем не отличавшаяся от буржуазии, вся состояла из детей евреек или сарацинок; это были люди совсем иного склада, чем невежественное и благочестивое рыцарство севера; они очень любили горцев, которые им были преданы. Эти дворяне обращались со священниками так же дурно как и с крестьянами, одежали своих жен в священнические одежды, били клириков и, в насмешку, заставляли их петь обедню; они с особенным удовольствием пачкали, портили изображения Христа, ломали у них руки и ноги. Короли ими дорожили вследствие их нечестия, делавшего их нечувствительными к духовным наказаниям. Будучи нечестивы, как современные нам люди и жестоки как варвары, они тяжелым гнетом лежали на стране, грабили, налагали подати, убивали кого попало и вели жестокие междоусобия. Самые высокопоставленные женщины были также развращены умом, как и их му-

жья и отцы, и стихотворения трубадуров были полны нечестия.⁴³

Преподобный Петр, аббат Клунийский, посланный папою к альбигойцам, за 60 лет до Крестового похода, без всякого оружия кроме убеждения, делает для их обращения намеки на факты, которые как будто произошли только вчера или сегодня. «Я видел», писал он епископам Эмбрюна, Ди и Гоп, «как совершались преступления, неслыханные у христиан: оскверняли церкви, опрокидывали алтари, сжигали кресты, секли священников, сажали в тюрьму монахов, угрозами и мучениями принуждая их жениться».

Затем он обращается к самим еретикам: «нагромоздив огромный костер из крестов, вы его зажгли, жарили на нем мясо, которое ели в Страстную пятницу, открыто приглашая весь народ делать то же».

Как видите, эти сцены почти тождественны с происходившими в Монсо-ле-Мин и организованными, по словам самих республиканских газет, австрийским евреем Гендле, префектом Соны и Луары; подлый и трусливый, как и все ему подобные, он затем преспокойно перешел в департамент Нижней Сены, предоставив бедным рабочим, бывшим лишь его бессознательным орудием, разделяться с судами.

Евреи достигли этого результата главным образом при помощи школ, о которых аббат Дуэ написал несколько прекрасных страниц в своей книге «Альбигойцы». Ту же цель и теми же средствами они преследуют и теперь; но став более искусными чем прежде, они ухитряются заставлять христиан содержать те школы, в которых их детей научают ненавидеть Христа.

Против семитизма, который угрожал всему христианству, восстал Монфор, человек севера, ариец с прямым и бестрепетным сердцем; он боролся с ним и остался победителем.

Во что бы то ни стало, все должны были узнать семита, который всюду угрожал опасностью и вмешивался в социальную жизнь только для того, что бы расстраивать и развращать; надо было знать, с кем иметь дело, не доверять более лживой маске, которую надевает еврей, необходимо было предохранить все общество.

Решение, принятое в 1215 г. Латранским собором, было следствием войны с альбигойцами, окончившейся поражением Раймунда V при Мюрэ 1213 г. Евреям вменялось в обязанность носить на груди кусочек желтой материи; в этом не было для них ничего унижительного, а просто это было предохранительною мерою, внушенною не религиозными предраассудками — об них тогда не думали — а просто настоятельною необходимостью

⁴³ Граф Прованский Карл II изгнал евреев из своих владений за их ростовщичество и постыдные дела «et quia cum multis mulieribus cristianis se nefarie commiscebant». (Нац. арх. P. 1334, № 7, f. 9).

предохранить других. Если бы вы теперь заставили евреев носить желтый значок, то оказали бы услугу многим людям, которые легко поддаются обману и, слушая, как евреи проповедуют против нашей религии, воображают, что они поддерживают дело прогресса, между тем, как в них просто говорит вековая вражда.⁴⁴

Во всей Франции дела израиля шли хуже и хуже. Во время Крестовых походов евреи не могли воздержаться от желания вступить в сношения с семитами других стран, которым угрожала опасность, предупредить их о замыслах против них, о сделанных приготовлениях и маршруте.

Не постигаю, как можно было оспаривать эти переговоры, о которых свидетельствуют все современники.

Евреи позволяли себе более важные проступки, они не стеснялись мучили христиан и особенно детей. Дети, эти невинные и прелестные создания, в душе которых отражается чистота неба, всегда были предметом ненависти евреев. Ирод их избивал, Герольд и масоны оскверняют их своим обучением; евреи средних веков заставляли их исходить кровью и распинали. У каждого века свои обычаи и приемы.

Я знаю, что утверждать это, значить становится в разрез с современной официальной наукой. Все свидетельства, все памятники, воздвигнутые в прославление событий, очевидцем которых был целый город, одним словом, все достоверные документы, на которых до сих пор основывалась правдивость истории — не имеют теперь более никакой цены, если только они не нравятся евреям. Что до меня, то я с несравненно большим доверием отношусь к рассказу предка, который мне повествует о том, что случилось в его время, чем к опровержениям какого ни будь Дармштетера или Вейля, будь он хоть членом Академии Надписей.

Впрочем, мы будем подробно разбирать вопрос о кровавом жертвоприношении в VI книге; достоверно только, что все хроникеры единогласно свидетельствуют об убийствах христианских детей евреями.

Прежние люди были не то, что теперешние выродившиеся французы, слабые, бессильные существа; они умели защищать своих детей и протесты были энергичны.

Кроме того, свойственная евреям способность высасывать все богатство страны, как только их оставляют хотя сколько ни будь в покое, развилась

⁴⁴ Все народы были принуждены принимать такие же меры: Птоломей Филопатор приказывал вытеснять на коже евреев лист плюща в честь Вахха; калифы заставляли их носить кусок желтого сукна на одежде; в других странах требовали, чтобы у них на груди было изображение колеса, чтобы они носили длинные рукава, красные или желтые шляпы, а у женщин на шляпах должен был быть рог. О желтой кокарде можно бы немало сказать. Из многих королевских приказов, например из приказа короля Иоанна приставу Монпелье видно, что евреи ее скрывали в складках одежды, делали ее меньше против установленного размера и т. д. При короле Рене в Провансе они купили себе разрешение носить на поясе только кружок из тесьмы, величиною с небольшую серебряную монету и то только в городах. Этот кружок становится все меньше и меньше, так что в 1472 пришлось восстановить старинную кокарду.

до необычайных размеров. Со всех сторон к трону стали возноситься жалобы.

Не забудем, что Капетинги, поддерживаемые народом и церковью, сосредоточивавшие в себе с всеобщего согласия всю власть, были столько же заботливыми отцами народа, сколько королями.

Филипп-Август, при своем вступлении на престол, должен был заняться этим вопросом, и решил его в благоприятном смысле для своего несчастного ограбленного народа.

Он конфисковал часть еврейских имуществ и простил должникам все их долги. Отдавая подобный приказ, он, что бы там не говорили, не руководствовался никакими личными выгодами, доказательством этого служит то, что он едва ли оставил себе пятую часть из отнятых сумм.

Наполеон, как увидим далее, был принужден поступить почти так же; всякий государь, будь-то император или король, который сознает все свои права и не довольствуется чем-то в роде управления, врученного ему, как бы в насмешку, должен бы был теперь поступить точно так же. Он бы должен был сказать всем организаторам, более или менее подозрительных финансовых обществ, которые разоряют акционеров, обогащая основателей: «вы не трудом добыли миллиарды, которыми владеете, а хитростью; вы не создали никакого капитала, а отняли тот, который был плодом сбережения других людей; возвратите несколько миллиардов из тех тридцати или сорока, которые вы неправильно добыли». Я думаю, что все нашли бы напр., что не дурно бы гг. Ротшильдам удовольствоваться 5-6 стами ливров дохода. На это можно жить, и не одному.

Людовик святой, бесстрашный рыцарь соединивший в себе идеалы святого и паладина, хотел повидимому разрешить этот вопрос с еще более высокой точки зрения. Будучи избран своими врагами судьей в своем собственном деле и осудив самого себя, святой король был томим неутомимую жаждою справедливости. Если бы он был античным героем, то как Геркулес

...В своем окровавленном плаще из львиной шкуры.

Всюду водворял бы вечную справедливость.

Но он христианский герой и потому накидывает на нее свой плащ, затканый лилиями; цвета которых напоминают одновременно прозрачную лазурь небосклона и чистоту незапятнанного цветка.

Он хотел узнать, какое зло начало побуждать евреев делаться предметом всеобщей ненависти. По просьбе папы Григория IV, внимание которого было тоже привлечено этим вопросом, он приказал рассмотреть Талмуд в торжественном собрании под председательством Вильгельма Овернского и велел пригласить раввинов.

Г. Ноэль Валуа, доктор прав, издавший замечательную книгу под заглавием «Вильгельм Овернский», посвятил этому диспуту очень интересную главу.

«Это было в Париже, «пишет он», в начале лета (24 июня 1240 г.). Двор Людовика святого, во главе которого на этот раз была королева Бланка, увеличился значительным количеством клириков и прелатов, принадлежавших к другим епископствам; Вильгельм тоже не преминул явиться. Взоры любопытных были привлечены несколькими книгами, покрытыми чужеземными письменами, и, обращенный в христианство, Николай сообщил, что эти письмена еврейские, а книги эти — Талмуд. Но вскоре еще более интересное зрелище приковало внимание зрителей. Дверь залы открылась и вошли четыре раввина, которых один еврейский автор, в порыве восторга, высокопарно называет «священным наследием», «царственным духовенством»; это были Иезекииль Парижский, Иуда, сын Давида, Самуил, сын Саломона и Моисей де Куси, сын Иакова, известного своими проповедями во Франции и Испании. По рассказу очевидца — еврея, они входили во дворец неверного короля «печальные и беспокойные», между тем, как еврейский народ расселся во все стороны, как стадо без пастыря».

Евреям была предоставлена полная возможность защищаться и они защищались мужественно и искусно. Тем не менее они были принуждены признать, что Талмуд содержит предписания противные не только христианскому, но и всякому цивилизованному обществу.

Вот некоторые отрывки, которые основательно внушали опасения:

«Повелевается убивать самого лучшего из гоев. Слово, данное гою, ни к чему не обязывает.⁴⁵ Каждый день на молитве евреи должны трижды призывать проклятие на служителей церкви, царей и врагов израиля».

Для Людовика святого гои, с которыми следовало так мало стесняться, это были его подданные, его бароны, это был он сам; и монарху, может быть, простительно, что он захотел защитить все то, на что так яростно нападали.

Впрочем святой король выказал необыкновенную кротость. Когда Иезекииль, парижский раввин, выразил опасение за своих, один из офицеров короля сказал ему: «Иезекииль, кому приходит в голову делать зло евреям»? Сама Бланка Кастильская изъявила намерение защищать евреев против всяких насилий.

Талмуд, однако, был осужден и все экземпляры, которые удалось схватить, были преданы огню.

Евреи не унывали. Они подкупили одного дурного священника, какие к несчастью бывают во все времена, и он сделался их защитником.

Имена тоже имеют свою судьбу. В 1880 году, исполнителем приказа евреев был Клеман, изгонявший из монастырей святых старцев; в 1246 тоже

Клеман, Эд Клеман, архиепископ Руанский, проданся врагам Христовым. Год спустя, день в день, после подписания этого договора, он почувствовал такие страшные боли во внутренностях, что вскоре умер. «Король в ужасе» говорит Ноэль Валуа, «бежал со всею своею семьею, и за этою карою, которую сочли чудом, последовали новые гонения».

По своей отеческой доброте Людовик святой, по-видимому, только тогда решился на строгие меры против евреев, когда его к тому принудила настоятельная необходимость защитить своих подданных.

Приказ 1254 г. только запрещает евреям заниматься ростовщичеством, нападать и произносить хуления на верования французов, среди которых они живут, и внушает им предаваться честному труду.

В том же направлении старался разрешить этот вопрос и Наполеон.

Людовик св., по-видимому, даже не прогневался на Иезекииля Парижского за ту энергию, с какою он защищал Талмуд. Гведалиа-бен-Иахим, в своей «Цепь предания», приводит по этому поводу анекдот, нелишенный характерности.

У этого Иезекииля, который знал толк в кабалистике и занимался чародейством, была на верху дома лампа, как говорят, горевшая без масла. В своем жилище, накрепко запертом и защищенном от всякого вторжения, он поместил заколдованный гвоздь, который ему стоило только нажать, чтобы люди, приближавшиеся к его дому опускались в землю.

Однажды вечером раздался стук в дверь. Иезекииль нажимает на гвоздь, который вместо того, что бы войти в стену, выскакивает в комнату. Иезекииль понял, что все его колдовство бессильно перед посетителем и угадал, что пришедший к нему — святой; он тотчас подумал о том, кого народ еще раньше решения Церкви приветствовал именем святого. «Король здесь!» сказал он, бросился к дверям и стал на колени перед государем.

— «Зачем ты пришел к моей двери, спросил раввин; разве ты не знаешь, что мое жилище охраняет гений?»...

«Я не боюсь демонов», отвечал король, «я пришел посмотреть на твою лампу, о которой говорит весь Париж».

Неправда ли, как характерно это посещение короля, направляющегося ночью через темный средневековой Париж для того, чтобы навестить ученого в глубине его таинственного убежища?

Со времени Филиппа Августа евреи должны были принять новые предосторожности; для них наступали все более тяжелые времена. Их литература свидетельствует об этом настроении умов. За небольшими стихотворениями, шутливыми поэмами и свадебными песнями, которые произносились за десертом на брачных пиршествах, следуют селихас, жалобные элегии.

⁴⁵ Долина слез, летопись страданий израиля от рассеяния его до наших дней, рабби Иосифа Ха Когена, врача в Авиньоне (1575 г.), издан. в первый раз по-французски Юлианом Сэ.

Евреи теперь всюду декламируют жалобы Захарии-Га-Леви, прозванного Хашгари, автора «Духа милосердия».

«Увы! дочь Иуды облеклась в траур, ибо всюду легли ночные тени».

«Надейся на мою благодать, о моя голубка. Я по прежнему вознесу твой ковчег; в нем я приготовлю лампаду для Давида, царя твоего и когда ты снова убедишься, я сдержу диких зверей, поджидавших в засаде, чтобы тебя растерзать, о моя прекрасная, сладкогласная голубка!»

Евреи всюду принуждены продавать маленькие школы «*sceolae inferiores*», в которых с таким злорадством научали богохульствовать против христианской веры. В Нарбоне, школа прихода С.-Феликса была продана за 350 ливров; в Ормане, маленькую школу уступили за 140 ливров, другую побольше за 340 ливров.

В течение веков евреи умели возбуждать жалость всего мира к этим несчастиям, а как только добились власти, так стали тотчас закрывать школы других.

Я помню, как один старый священник, вынужденный к выселению, показывал мне, со слезами на глазах, свои научные приборы, изломанные во время перевозки. Посмотрите на коллекции газет во время изгнания «*Republique Francaise*», еврея Гамбетты, *Rappel*, еврея Поля Шериса, *Lanterne*, еврея Эжена Майера, «*Paris*», еврея Вейль-Пикара, «*Debats*», в которой еврей Рафалович господствует вместе с Леоном Сэ, креатурой Ротшильдов; они испускают дикие крики радости при виде несчастных монахов, принужденных покинуть начатый труд и сказать «прости» ученикам, составлявшим их единственную привязанность в этом мире.

Надо отдать справедливость евреям столь дерзким и презренным в счастье, что они замечательно переносят превратности судьбы. Во время преследований они были достойны удивления; матери часто сами бросали детей в огонь из боязни, чтобы их не окрестили.

Следы казни в Труа сохранились в элегической поэме, являющейся одним из редких памятников простонародного языка, оставленных нам средневековыми евреями.

Mout sont a mechiet' Israël, l'egaree gent

E is poet mes s'is, se vont enrayant;

Car d'entre os furet ars meinz proz cors sage et gent

Ki por lor vivre n'oret done nus raceet d'argent.

Конец сказания. Да спасёт нас Бог от жестокого народа.

Автор этого стихотворения был рабби Иаков, сын Иуды Лотрского (Лотарингского), который сочинил еще селиху, по-еврейски, на то же событие.

Действительно, событие в Труа сильно поразило евреев. 26 марта 1288 г. в Страстную пятницу,

христиане напали на дом богатого еврея Исаака Шателена, автора элегических стихотворений, и арестовали его со всею семьею. Несчастные предлагали откупиться ценою золота, но им согласились даровать жизнь только в том случае, если они отречутся от своей веры. Они отказались и в субботу 24 апреля 1288 г., а еврейской эры 5048, они взойшли на костер в числе тринадцати человек. Все шли на смерть безбоязненно, пели схему и ободряли друг друга; жена Исаака сама бросилась в пламя; её два сына, невестка и зять Самсон последовали её примеру.

Дармштетер рассказывает об этой казни в «Израильских Архивах» и, естественно, ее не одобряет. Что же он думает о приятной заметке своего друга Майера, которая появилась в маленькой корреспонденции «*Lanterne*» 4 декабря 1883 г.

Тут нет полемического увлечения, которое возбуждает до того, что порой выражение бывает сильнее мысли. Просто честный человек спрашивает мнение Майера об убийствах в ла-Ракет, и вот что еврей отвечает.

«N.B. — И вы заключаете, что не следовало расстреливать бедных монахов в 1871 г. Мы противного мнения; мы даже находим, что с ними поступили слишком снисходительно.

Тут не могло быть мучеников и действительно их не было».

Конечно, нельзя не чувствовать жалости к страдальцам, кто бы они ни были; сердце сжимается, когда пробегаешь длинный мартиролог израиля, эту «долину слез», где вписаны жертвы всех стран.⁴⁶ Однако не мешает противопоставить лицемерным фразам евреев их истинные чувства к христианам. Это тем более поразительно, что в течение более ста лет «бедные монахи» не сказали ни слова против евреев, не требовали против них никаких насильственных мер.

Еще раз становится очевидным, что существует разница между историею, как ее понимают в академиях и салонах ложных католиков и настоящею историею, как ее видят в фактах мыслители, преданные истине.

Тем не менее мужество выказанное жертвами казни в Труа, было удивительно. Чтобы вполне оценить эту душевную силу надо перенестись ко времени, когда происходили эти сцены. Общество тогда было вполне верующее; идя в разрез с верованиями, еврей не только становился вне закона, но, по выражению Гегеля, которое мы уже раз приводили, «извергался некоторым образом из природы». Могла ли остаться какая ни будь надежда на борьбу со столькими соединенными силами у этого бедного народа, Бог которого со времени разрушения храма, оставался глух ко всем мольбам?

⁴⁶ Долина слез, летопись страданий израиля от рассеяния его до наших дней, рабби Иосифа Ха Когена, врача в Авиньоне (1575 г.), издан. в первый раз по-французски Юлианом Сэ.

Энергия евреев и тут оказалась поразительной. Я говорю не о мужестве, выказанном перед оскорблениями, палачами в виду костров, — а о более редкой энергии, которая необходима для того, чтобы противостоять течению, влиянию среды, чувству полной беспомощности.

Сопоставьте с этим поведением низости, совершаемые перед презираемым правительством людьми богатыми, высокопоставленными, которым бы следовало только немного подождать и судите...

Тогда и только тогда еврей становится личностью, обрисованною Мишлэ в несравненной странице, которая отличается силою и жизненным колоритом Рембрандтовского офорта.

«В средние века», пишет он, «настоящим алхимиком, настоящим колдуном, знавшим, где лежит золото, был еврей или полу еврей ломбардец. К нему-то и следует обращаться, к этому нечистому человеку, который не может дотронуться ни к еде, ни к женщине без того, чтобы их затем не сожгли, к человеку, который терпит оскорбления и на которого все плюют.

Еврейское племя более, чем какое либо другое, одарено способностью размножаться, оплодотворяющею силою, которая одинаково размножает овец Иакова и цехины Шейлока. Преследуемые, изгоняемые и снова призываемые, они в течение всех средних веков служили необходимым посредником между казною и жертвою казны, между деньгами и плательщиком, высасывали золото в низших слоях и затем отдавали его королю со скверною гримасой, но всегда удерживали себе хоть немного... Терпеливые, живучие, они победили выносливостью, они разрешили задачу — сделать богатство летучим, вексель их освободил и теперь они царят; прежде они получали пощечины, а теперь они владыки мира.

Для того, чтобы бедняк обратился к еврею, чтобы он приблизился к мрачному жилищу, о котором идет такая худая молва, заговорил с человеком, который, говорят, распинает маленьких детей, нужно не менее, чем ужасное давление казны. Между казною, которой нужна его кровь и мозг костей его и чертом, которому нужна его душа, он берет в посредники еврея.

Когда у него истощались последние средства, когда приходилось продать даже кровать, а жена и дети, лежа на полу дрожали в лихорадке и кричали: «хлеба!» — тогда, опустя голову и склоняясь как бы под тяжелою ношею, он медленно направлялся к отвратительному дому еврея и долго стоял у двери, не решаясь постучать. Еврей осторожно открывал оконце и завязывался странный разговор. Что же говорил христианин? «Ради Бога!» — «Еврей убил твоего Бога». — «Из состраданья!» — «А разве хоть один христианин выказывал состраданье еврею? тут не слова нужны, а залог». «Что может дать тот, у кого ничего нет?» Еврей кротко говорит ему: «Друг мой, по приказу нашего короля и повелителя я не даю денег под залог окровавленной одежды и земледельческих орудий... нет, в виде залога я хочу

тебя самого. Я не вашей веры, мое право не есть право христианское; это старинное право (in partes sekando); ты ответишь своим телом. Кровь на золото».

Филипп Красивый поступал с евреями более жестоко, чем какой-либо из его предшественников. Эдикт 1306 г. изгонял их и в то же время повелевал конфисковать все их имущество, какое только можно было схватить.⁴⁷

Однако евреи и тут не унывали.

Все что есть непонятого в деле храмовников, оставшегося в истории загадкою, к которой не могли подыскать разгадки — вполне объясняется, если отдать себе отчет в образе, действий евреев.

Этот образ действий мало изменяется, они не любят нападать открыто, а создают, или вернее искажают уже созданную (потому что даже на это у них не хватает изобретательности) могущественную ассоциацию, которая им служит стенобитным орудием для разрушения стесняющей их общественной организации. Орден Храмовников, франмасонство, интернациональный союз, нигилизм — им все годится. Как только они водворяются, то поступают как в финансовом товариществе, в котором силы всех направлены исключительно к тому, чтобы служить целям и интересам евреев, при чем, большею частью люди не имеют понятия о том, что они делают.

Рыцари Храма неоднократно вступали в сношения с евреями из-за денежных дел. Действительно, все финансовые операции Крестовых походов, механизм которых еще так мало исследован, происходили при посредстве храмовников; они собирали деньги, которые аббатства выдавали для вспомоществования христианским армиям; вельможам они давали деньги вперед и учитывали векселя с уплатою в Палестине. А достоверно, что всякий человек, всякое учреждение, всякое племя арийского происхождения, которое любит заниматься денежными делами — погибло: деньги их разворачивают без всякой пользы для них.

Пока евреи могли покупать земли непосредственно у рыцарей, отправлявшихся в святые места, они действовали сами; но когда королевская власть стала ограничивать их ростовщические проделки, они были принуждены пользоваться для прикрытия — храмовниками. Этим объясняется более кажущееся, чем действительное богатство ордена.

Каким образом рыцари Христа, герои Птолемаиды и Тивериады дошли до того, что стали оскорблять распятие? Г. Миньяр постарался объяснить это прогрессивное нравственное разложение ордена в очень ученом труде, посвященном описанию любопытного ларца, принадлежавшего герцогу де Блака.

Этот ларец, найденный в одном из домов ордена Храма в Эссаруа, весь покрыт кабалистическими знаками и арабскими надписями и воспроизводит главнейшие символы гностиков, семь знаков, звезду с семью лучами. Учения, зародившиеся в еврейской школе в Сирии, распространенные впоследствии Манесом, проникли в орден Храма, и ма-

⁴⁷ Неизд. док. т. II.

нихеизм, побежденный вместе с альбигойцами нашел себе приют у этих, прежде столь ревностных, служителей христианской религии.

Одно только достоверно, подтверждается всеми свидетельствами, становится ясным из каждой строчки актов процесса, изложенного Мишлэ в «Неизданных документах истории Франции», это то, что, около времени уничтожения ордена, оскорбление распятия составляло часть обряда посвящения.

К числу таких обществ принадлежал и ма- сонский орден Мопсов (XVII века).⁴⁸

Все общества, имеющие целью унижить человеческое существо, заставляя его отречься от его Божественного происхождения, от Богочеловека, умершего за нас, испытывают потребность символизировать это падение видимым знаком.

Любимая мечта, взлелеянная евреями, мечта о всемирной революции, подготовленной в высших слоях — космополитическим орденом, связанным почти со всеми знатными фамилиями, в низших прокаженными, которые передавали друг другу лозунг, а за границу испанскими маврами и тунисскими семитами, с которыми их французские единоверцы были в деятельных сношениях — погибла в пламени костра Якова Молэ.

Предание, хранящееся в масонстве утверждает, что 18 марта 1314 г., день всегда празднуемый в ложах, несколько посвященных, переодетых каменщиками явились на «Коровий Остров» ныне «Place Dauphine», собрали пепел гроссмейстера и поклялись истребить Капетингов и отомстить за павшие жертвы.

Они не скоро исполнили свою клятву, но во всяком случае Людовик XVI был заключен именно в Тамплэ, колыбель тамплиеров во Франции, прежде чем взойти на эшафот, равно и маленький Людовик XVII был замучен в Тампле евреем сапожником Симоном.⁴⁹

Я полагаю, что нам нечего настаивать на тесной связи, существующей между франмасонством и храмовниками, которые сами называли себя «*militia templi Salomonis, fratres militiae Salomonis*». Факт этот доказывается самым названием некоторых лож. Руководство или «Кровельщик» объявляет, что «хотя храмовники и исчезли как гражданский орден, но оставили следы в масонстве», Рагон, ма- сонский авторитет, тоже допускает эту связь.⁵⁰

⁴⁸ Разоблачение ордена франмасонов и тайны мопсов, Амстердам, M.DCC. VIII.

Лист VII изображает принятие дамы в придворном наряде с завязанными глазами, которой дают целовать собаку.

⁴⁹ У Марии Ангуанеты, как и у всех жертв рока, бывали предчувствия, которые ее никогда не обманывали; она чувствовала инстинктивный страх перед башнею Тамплэ. «Меня всегда охватывал ужас при виде этой башни, говорила она в конце 1792 г., и я тысячу раз просила графа д'Артуа ее разрушить. Это было предчувствие того, что нам всем придется испытывать в ней».

⁵⁰ Стокгольмский капитул утверждает, что он обладает автографом завещания Якова Молэ, в котором тот установил

Об этом пункте особенно подробно говорит Реггелини.

Почти не подлежит сомнению и то, что евреи, сговорившись с Гренадским королем и Тунисским султаном, устроили заговор прокаженных с целью отравить источники и таким образом всюду, вселить ужас и создать один из тех кризисов, один из тех периодов неопределенного беспокойства и смятения, которые сделали возможным гигантский переворот 93 года, столь выгодный для израиля.

Эти факты изобилуют доказательствами. Мне опять таки очень хорошо известно, что теперь все сговорились признавать апокрифическими документы, неблагоприятные для евреев, но человек читающий меня не обязан подчиняться этому приказу; ему позволительно думать своим умом и судить прошедшие события при свете настоящих.

Самое существование общего восстания прокаженных засвидетельствовано всеми авторами того времени, например продолжателем Гильома де Нанжи. «Мы сами», говорит он, «своими глазами видели такую ладанку в одном из местечек нашего васальства». Одна прокаженная, проходившая мимо, боясь, чтобы ее не схватили, бросила за собою завязанную тряпку, которую тотчас понесли в суд и в ней нашли голову ящерицы, лапы жабы и что-то вроде женских волос, намазанных черной, вонючей жидкостью, так что страшно было разглядывать и нюхать это. Когда сверток бросили в большой огонь, он не мог сгореть: ясное доказательство, что это был сильный яд.

Много было разговоров и разноречий. Самое достоверное мнение то, что король Гренадских мавров, с горестью видя, что его так часто побеждают, задумал отомстить за себя, сговорившись с евреями и погубить христиан. Но евреи, будучи сами слишком подозрительны обратились к прокаженным. и, при помощи дьявола, убедили их. Предводители прокаженных собрали последовательно четыре совета и дьявол через евреев дал им понять, что так как прокаженные считаются самыми презренными и ничтожными существами, то хорошо бы было устроить, чтобы все христиане умерли или стали бы прокаженными. Это им всем понравилось; каждый в свою очередь рассказал это другим... Многие из них, подкупленные ложными обещаниями царства, графств и других благ земных, говорили и твердо верили, что так и случится.

Сир де Партенэ, читаем мы у Мишлэ, писал королю, что один «важный прокаженный», схваченный в своем поместье, признался, что какой то богатый еврей дал ему денег и некоторые снадобья. Они состояли из человеческой крови, мочи, с примесью тела Христова. Эту смесь сушили и измельчали в порошок, зашивали в ладанки с тяжестью и бросали в источники и колодцы.

Ничего нет удивительного, что прокаженные были возбуждены евреями. Разве мы тут не встречаем постоянного образа действий, приемов и систе-

продолжение таинств храмовников под видом мистического братства каменщиков.

мы семита? Не обращайтесь внимания на странную смесь из мочи и человеческой крови, а предположите, что речь идет о петролеуме, нитроглицерине или динамите, и вы очутитесь среди современного движения. Будь то Накэ, проповедывающий об употреблении гремучего хлопка во время империи, братья Гольдберг, Гартман или Есса Георман, употребляющая нитроглицерин в России — во всех этих специальных делах замешан семит. Нигде вы тут не встретите арийского начала. Ариец нанесет удар кинжалом, или выстрелит из ружья, но ничего не понимает во всей этой пачкотне.

Сношение евреев в XIV в. с иностранцами тоже не подлежат сомнению. Я не вижу, на основании каких причин отвергают подлинность писем, писанных к израильтянам королями Гренады и Туниса. Подлинность эта не оставляет и тени сомнения.⁵¹

Важнейшее из этих писем, т. е. оригинальный французский перевод, удостоверенный пятью королевскими нотариусами и припечатанный государственным печатом, находится в хранилище рукописей (нац. арх., папка Т, 429, № 18).

В этих письмах король и султан сообщают парижским евреям, что посылают им различные снаряды для отравления рек и источников; советуя поручить это прокаженным, обещают прислать много золота и серебра и просят их не щадить расходов, лишь бы скорее отравить христиан и французского короля в особенности. В конце перевода следуют подписи пяти нотариусов с приложением печатей.

Во всяком случае другие документы подтверждают эти сношения.

Для того, чтобы руководствоваться в оценке происшедшего, пишет г. Руперт в своем ученом труде: «Церковь и синагога», у нас есть перед глазами памятник, извлеченный из компиляторов «Богемских летописей» и изданный Маркармом и Фрегером. Изложение фактов составляет приложение к письму «De leprosis» папы Иоанна XXI. В этом письме, помеченном 1321 годом, папа воспроизводит донесение, сделанное ему Филиппом, графом Анжуйским, где говорится о различных средствах, пускаемых в ход евреями, чтобы вредить христианам.

«Наконец, на другой день, говорит Филипп, люди нашего графства ворвались к евреям, чтобы потребовать у них объяснения на счет питья (impotationes), приготовленного ими для христиан. Предавшись деятельным поискам в одном из жилищ, принадлежавшем еврею Бананиасу, в темном месте, в маленьком ларце, где хранились его сокровища и заветные вещи, нашли овечью кожу или пергамент, исписанный с обеих сторон. Золотая печать, весом в 19 флоринов придерживалась шелковым

шнурком. На печати было изображено распятие и перед ним еврей в такой непристойной позе, что я стыжусь ее описать».

«Наши люди не обратили бы внимания на содержание письма, если бы их случайно не поразила длина и ширина этой печати. Новообращенные евреи перевели это письмо. Сам Бананиас и шесть других ученых евреев сделали тот же перевод не своею волею, но будучи принуждены к тому страхом и силою. Затем их заперли отдельно и предали пытке, но они с упорством давали тот же самый перевод. Три писца, сведущих в богословской науке и еврейском языке наконец перевели письмо по латыни».

Письмо обращалось к королю Сарацинов, владыке востока и Палестины. В нем ходатайствуют о заключении дружеского союза между евреями и сарацинами, и, в надежде, что когда ни будь эти два народа сольются в одной религии, просят короля возвратить евреям землю их предков. Вот что там читаем:

«Когда мы навсегда поработим христианский народ, вы нам возвратите наш великий град Иерусалим, Иерихон и Ай, где хранится священный ковчег. А мы возвысим ваш престол над царством и великим городом Парижем, если вы нам поможете достигнуть этой цели. А пока, как вы можете убедить через вашего заместителя — короля Гренады, мы действовали в этих видах ловко, подсыпая в их питье отравленные вещества, порошки, составленные из горьких и зловредных трав, бросая ядовитых пресмыкающихся в воды, колодцы, цистерны, источники и ручьи для того, чтобы все христиане погибли преждевременно от действия губительных паров, выходящих из этих ядов.

Нам удалось привести в исполнение это намерения главным образом благодаря тому, что мы роздали значительные суммы некоторым бедным людям их вероисповедания, называемым прокаженными. Но эти негодяи вдруг обратились против нас и, видя, что другие христиане их разгадали, они обвинили нас и разоблачили все дело. Тем не менее мы торжествуем, ибо эти христиане отравили своих братьев; это верный признак их раздоров и несогласий».

В этом письме находится еще один многозначительный отрывок:

«Вам легко будет, с помощью Божьей, перейти через море, прибыть в Гренаду и простереть над остальными христианами ваш доблестный меч могучею и непобедимою дланью. А затем вы воссядете на престол в Париже, а в тоже время мы, став свободными, вступим в обладание землею наших отцов, которую Бог нам обещал и будем жить в мире, под одним законом и признавая одного Бога. С этого времени больше не будет ни страха, ни горестей, ибо Саломон сказал: «тот, кто связан с единым Богом, имеет с ним одну волю». Давид при-

⁵¹ Если бы обнародовать письма, которыми обменивались еврей Элиас Муссали и еврейские банкиры с государственными людьми, устроившими Тунисскую экспедицию, то наверное нашлись бы выражения посильнее этих «против собак-христиан», позволявших себя убивать, чтобы доставить миллионы Камондо и Гиршам.

бавляет: «О, как хорошо и сладко жить вместе, как братья!» Наш святой пророк Осия так заранее говорил о христианах; «в сердце их раздор и вследствие этого они погибнут».

Ненависть к распятию, это преобладающее чувство еврея, высказалась тут вполне; политика семитов тоже очень ясно выражена. Пользоваться чужеземным государем, как точкою опоры, будто Наполеоном I против Германии, или Вильгельмом против Франции, заставлять христиан биться между собою и пользоваться этими раздорами для торжества племени, все дети которого крепко держатся за руки — вот каково постоянно было учение евреев и ему то они, обязаны всеми своими успехами.

Очевидно, что Европа в конце XIII и начале XIV в. пережила период кризиса, подобного тому, который мы теперь переживаем, когда крупный банк, масонство и космополитическая революция, попав в руки евреев — различными средствами способствуют одной цели. Она натолкнулась на стремление евреев одновременно отнять у христиан и религиозную идею, которая помогает обходиться без денег и деньги, тем более необходимые для тех, которые верят только в земную жизнь.

Внезапность решения, которую Филипп Красивый высказал, схватив всех храмовников, спасла христианство от семитизма, как победа Карла Мартеда при Пуатье спасла его от того же бича за 6 веков до того, как сильный и одновременный удар, нанесенный евреям всеми государями Европы, спас бы его теперь.

Евреи то изгоняемые, то снова призываемые еще некоторое время появлялись среди нас. При Филиппе Валуа постарались извлечь пользу из их шпионских наклонностей, делая их сборщиками податей. Иоанн Добрый, при вступлении на престол, по-видимому хотел решительного испытания и выполнил его при условиях, поразительных по своей честности. Евреям разрешено было жить во Франции в течение 20 лет и сын короля Иоанна, — граф Пуатье, был назначен хранителем их привилегий. Карл V и Карл VI подтвердили эти распоряжения.

При своем невероятном упорстве в зле, евреи продолжали свои многочисленные интриги. Они снова начали разорять страну ростовщичеством, и совершать гнусные поступки, оскорблявшие христианскую религию.

Понятно, что народ, менее терпеливый чем теперь, стал кричать; проповедники говорили громовые речи и короли были принуждены снова принять предохранительные меры.

Карл VI наконец издал 17 сентября 1394 г. окончательный приговор об изгнании: он изгнал евреев из своих владений на веки и запретил им жить в них под страхом смерти.

Это изгнание, по замечанию сделанному в своей книге «Евреи во Франции» Галлезом, который впрочем доброжелателен к евреям, совершенно отличается от предшествующих, как по своему характеру, так и по результатам. «Побудительною причиною к нему была не любовь к наживе и дух грабежа; доказывается это тем, что все долги и обя-

зательства должны были быть уплачены евреям. Надо заметить, что сроки, назначенные законами Иоанна Доброго почти истекли, когда был издан указ об изгнании».

Этот 1394 год один из самых важных в нашей истории. Короли попеременно пробовали кротость и строгость; теперь стало ясно, что еврей не может акклиматизироваться во Франции. Самые разнородные племена: кельты, галло-римляне, германцы, франки, норманны — слились в одно гармоническое целое, которое называется французской нацией, они сгладили свои угловатости, внесли свои хорошие качества и снисходительно относятся к недостаткам друг друга. Один только еврей не мог войти в эту амальгаму. Франция говорит ему: «друг мой, мы не можем сойтись, — расстанемся и желаю тебе успеха».

Конечно в этом есть нетерпимость, но не в религиозном значении слова, ибо самыми страшными противниками евреев были государи вроде Филиппа Красивого, бывшего скорее политиком, чем мистиком; тут есть нетерпимость в том смысле, какой придает этому слову наука, когда она говорит: «субъект не может переносить такой-то субстанции». Франция не может переносить еврея — и извергает его.

Благодаря удалению этого яда, Франция, еще погруженная в ужасы столетней войны, быстро достигнет степени неслыханного процветания; она сделается великою европейскою нацией, будет царить оружием, литературою, искусствами, изысканною любезностью, вкусом, очарованием своей открытой и общительной природы, своею оригинальностью хорошего тона, которая так согласуется с образом мыслей других. Она будет судьей, образцом, предметом зависти всего мира; в числе своих детей она будет насчитывать доблестных полководцев, знаменитых министров, несравненных писателей; у нее будут успехи и превратности, но честь всегда будет неприкосновенна; она не будет лишена пороков, но пороки эти не унижительны. В ней будут, если не богаты, то по крайней мере счастливы, ибо там не будет еврея ростовщика, который как паразит пользуется чужим трудом. Одним словом, начиная с 1394 г. — времени изгнания евреев, Франция все будет возвышаться. Начиная с 1789 г., когда она их снова приняла, она все будет падать и падать...

С 1394 до 1789 г.

Раздумье еврея после изгнания в 1394 г. — Великое молчание. — Каббала. — Рейхлин. — Напечатание Талмуда. — Реформация. — Нострадамус. — Кончини. — Лопец. — Евреи в Голландии. — Мир Рембрандта. — Евреи в Англии. — Кромвель и Манассэ. — Драма В. Гюго. — Четыре еврейския семьи в Париже времен Людовика XIV. — Мецкие евреи. — Покровительство семьи Бранка. — Евреи в Конта. — Хороший совет раввина. — Папский Авиньон и Мистраль. — Евреи в Бордо. — Монтэнь и Александр Дюма. — Принцесса Багдадская. —

Мараны. — Усилия евреев проникнуть в Париж. — Прошение парижских торговцев и негоциантов. — Еврейский золотой паук, die judisee goldsprinne. — Вольтер и евреи. — Два агента. — Вольтер-финансист. — Невежество XVIII века относительно евреев. — Еврейская колония в Париже. — Пейк-отто. — Первое еврейское кладбище. — Людовик XVI и евреи. — Скрытое еврейское движение. — Масонство. — Изгнание иезуитов. — Переряженные евреи: Ло, граф Сен-Жермен, Калиостро. — Ненависть евреев к Марии-Антуанетте. — Еврей Ангелуччи и Бомарше. — Мария Терезия и еврей. — Дело об ожерелье. — Иллюминизм. — Ложка св. Иоанна Невинного. — Герцог Орлеанский, гросмейстер франмасовства и союзник евреев. — Страдания Людовика XVI. — Мецкая Академия. — Аббат Грегар. — Евреи и учредительное собрание. — Эмансипация. — Старый и новый режим. — Новый Синай.

С 1394 по 1789 г.

Что случилось с евреем с 1394 по 1789 г.? Неизвестно. Он исчез, скрылся, как преследуемый заяц, изменил план действий, изобрел новые хитрости, умерил свой пыл. Он по-видимому весь погрузился в каббалу,⁵² поглощен чтением «Захара» или «Сефер Зетзира», занимается алхимией, составляет гороскопы, вопрошает звезды, и стоит ему заговорить о «философском камне», чтобы ему всюду открылся доступ. На этот счет он не истощим, действительно он знает, и странствующие братья, с которыми он вступает в переговоры в каждом городе, тоже знают, какой смысл скрывает слово «философский камень» в своем таинственном символизме. Делать золото при посредстве банкиров, царить над людьми, которые верят только в священника и в солдата, в бедность и в героизм, вот цель еврейской политики. Но это намерение, об исполнении которого беспрестанно гадают по числам, кажется несбыточным или, вернее, очень отдаленным. Прежде чем предпринимать что-либо, надо низвергнуть старую иерархию, Церковь, монаха, папу.

Где же действовать? О Франции нечего думать. Испания, которую евреи передали маврам, начинает шаг за шагом отвоевывать почву родины и окончательным изгнанием евреев подготавливает себя к тем великим судьбам, которые ее ожидают при Карле V и Филиппе II. Германия удобнее для движения; она раздроблена, и в ней не встретишь той могущественной королевской власти, которая по ту сторону Рейна централизует силу и защищает общие верования. Однако Германия, как и Франция, не терпит евреев, и от времени до времени сжигает некоторых из них.

Еврей, ставший осторожнее после всех своих злоключений, не нападает более открыто на католицизм: он исподтишка дает советы Лютеру, вдохнов-

ляет его, внушает ему его лучшие аргументы.

Еврей, говорить совершенно справедливо Дармштетер,⁵³ умеет разоблачать уязвимые стороны Церкви, и для их открытия к его услугам, кроме познания священных книг, является еще опасная пронырливость притесняемого. Он наставник неверующего; все возмущенные умы обращаются к нему тайком или открыто. Он помогает великому императору Фридриху и князьям Швабским и Арагонским изобретать богохульства, выковывает весь тот запас смертоносного рассуждения и иронии, который он впоследствии завещает скептикам возрождения, вольнодумцам великого века; и сарказм Вольтера, есть ничто иное, как последний громкий отголосок слова, произнесенного шепотом за шесть веков до того в тени гетто и еще раньше, во времена Цельсия и Оригена, в самой колыбели веры Христовой.

Протестантизм послужил евреям мостом для перехода, если еще не в общество то в человечество. Библия отстраненная в средние века на второй план, заняла место ближе к Евангелию, Ветхий Завет стал рядом с Новым. За Библией появился Талмуд. Рейхлин, креатура евреев, взялся за то, чтобы снова пустить в обращение изгнанную книгу.

Этот Рейхлин, по-видимому, был подкуплен врачом Максимилиана, евреем. В 1444 г. он выказал себя сторонником израиля в своей книге «De verbo mirifico», где он вывел философа древности Сидониуса, еврея-раввина Баруха и христианского философа Капнио (латинский перевод Рейхлина, что означает дымок). Ему было поручено рассмотреть Талмуд, и он не нашел, ничего предосудительного в оскорблениях против христианства, которые в нем содержатся.

Процесс по поводу Талмуда стал европейски известен. Парижский факультет в сорока семи заседаниях занялся этим вопросом и решительно высказался, как и вся тогдашняя Франция, против евреев и осудил Рейхлина. Император Максимилиан, напротив, оправдал защитника евреев. В 1520 г., в том самом году, когда Лютер сжег папскую буллу в Виттенберге, первое издание Талмуда печаталось в Венеции.

Однако Лютер, которого протестанты по привычке изображают проповедником терпимости, когда дело касается своих, был жесток к евреям и в гораздо большей степени, чем какой-либо священник.

«Обращайте в пепел, кричал он, синагоги и дома евреев, а их загоняйте в конюшни! Из их имущества образуйте казну для содержания обращенных; сильных и здоровых евреев и евреек приставляйте к самой тяжелой работе, отнимите у них их священные книги, Библию и Талмуд, и запретите им под страхом смерти произносить имя Божие.

Никаких послаблений, никакой жалости к евреям! Пусть государи их изгоняют без всякого

⁵² Каббала происходит от глагола kibel, который по-еврейски означает: получать через посредство устного предания.

⁵³ Взгляд на историю еврейского народа.

суда! Пусть пастыри внушают своей пастве ненависть к евреям. Если бы я имел власть над евреями, я собрал бы самых лучших и ученых из них и пригрозил бы им, что им вырежут язык до самой глотки, в доказательство того, что христианское учение говорит не только о едином Боге, но о Боге в трех лицах».⁵⁴

Как бы то ни было, но дело разрушения христианского общества, предпринятое протестантизмом, оказалось выгодным для евреев. Это было для них случаем освободиться хоть в Германии от запрещения заниматься ростовщичеством, запрещения, которым Церковь с материнскою заботливостью охраняла в течение веков благосостояние трудолюбивого и простодушного арийца от жадности хитрого и алчного семита. Приводимая Янсенем проповедь того времени прекрасно обрисовывает суть дела.

«Каких только зол не порождает ростовщичество! Но ничто не помогает. Ведь каждый видит, что крупные ростовщики быстро богатеют, то всякому тоже хочется разбогатеть и извлечь наибольшую пользу из своих денег. Ремесленник, крестьянин несет свои деньги в общество или к купцу; этого зла прежде не было; оно стало повсеместным лет десять тому назад. Они хотят много заработать и часто теряют то, что у них было».

Картина этой переходной эпохи, говорит Бреда,⁵⁵ не менее интересна для изучения по своей аналогии с тем, что происходит в наши дни. Склонность к труду утрачивалась, все искали дела, которое бы приносило большой доход при малой затрате труда. Число лавок и кабаков возрастало в невероятном количестве даже в деревнях. Крестьяне беднели и были принуждены продавать свое имущество; ремесленники выходили из корпораций и, лишенные их спасительного покровительства, впадали в нищету. Слишком большое число людей одновременно бросалось на одно и то же занятие, и следствием этого являлся раздраженный пролетариат. Богатство быстро возросло в руках немногих, а масса обеднела.

Конечно евреи пробовали почву и во Франции. Разве не похож на еврейского агента Корнелий Агриппа, преподаватель тайных наук, замешанный во все интриги своего времени, говорящий загадками, со своими постоянными поездками из Нюрнберга в Лион а из Лиона в Италию, со своими пояснениями о рейхлиновском «*Verbo mirifico*». Монахи не ошибались, обвиняя в иудействе этого Калиостро XVI века, который рыскал всюду в сопровождении своей черной собаки и произносил странные речи.

В Провансе, мы встречаем загадочную личность — Нострадамуса, который, сидя на медном треножнике, вопрошает Каббалу о судьбе своего племени и спрашивает себя порой не пустой ли звук его наука, и есть ли то мерцание, которое он видит,

действительно заря возрождения.

Во время таинственной работы своих соплеменников, он предсказывает с точностью, поражающе нас теперь, ужасные события, которые должны были совершиться в конце XVII в. и вывести израиля из его могилы.

Впрочем пророк из Салона происходил из племени, которому издавна был присущ дар пророчества.

Нострадамус, пишет ученый Хайнце в своей книге «Жизнь и завещание Нострадамуса», был провансалец, происходил от знатной фамилии, хотя Питтон и пытался установить противное в своей «Критике провансальских писателей». Эта семья принадлежала к обращенным и как таковая была внесена в знаменитую перепись, составленную в 1502 г. для подобного рода семейств этой провинции. Она помещена в числе семей, живших в городе, Сен-Реми, принадлежала она к племени Иссахара, известному тем, что его сынам был присущ дар провидения. Нострадамус, которому небезызвестно было его происхождение, гордился этим. См. 32-й стих 12-й главы книги «Паралипоменон», где сказано, что сыны Иссахаровы были люди опытные, умевшие распознавать и замечать все времена.

Во всяком случае час благоприятный для израиля еще не настал! Людовик XII распространил на страны, вновь присоединенные к Франции, окончательный указ об изгнании, изданный Карлом VI, чем вероятно и заслужил прозвище «отца народа».

Только нескольким евреям изгнанным из Испании, удалось тогда укрепиться в Бордо, но с какими предосторожностями им пришлось действовать, под какими передеваниями скрываться? Дальше мы будем говорить об этой интересной колонии, которая, по крайней мере, отплатила Франции за гостеприимство, потому что ей мы обязаны Монтэнем. Укажем только, что пришельцы отнюдь не выдавали себя за евреев и по крайней мере в течение 150 лет не исповедовали гласно своей религии. Жалованные грамоты Генриха II, разрешающие им пребывание во Франции, были выданы не евреям а «новым христианам».

Некоторые из евреев пытались войти с другой стороны, и в 1615 г. пришлось возобновить указы, изданные против них, но тем не менее в малолетство Людовика XIII евреи вернулись в Францию в большом количестве. При дворе у них был могучей покровитель: Кончини был окружен евреями. Говорили, что Галигаи была родом еврейка. «Она постоянно жила, говорить Мишлэ, окруженная евреями — докторами, колдунами и как бы одержимая фуриями. «Когда она страдала ужасным неврозом, исключительно свойственным её племени, тогда Эли Монтальт, тоже еврей, убивал петуха и прикладывал ей к голове.

Кончини грабил, спекулировал, мошенничал, Франция была вполне в руках евреев. Разве эта кар-

⁵⁴ Von den Juden und ieren Lugen (Виттенберг, 1541).

⁵⁵ Политическая экономия в её отношениях к нравственному закону.

тина не похожа на современную? Гамбетта в многих отношениях был ничто иное, как воплощение Кончини.

В министерство Фарра по казармам раздавали брошюру, озаглавленную: «Генерал Гамбетта». Не напоминает ли вам этот болтун-генерал графа де ла-Пенна (граф пера), маршала д'Анкр (чернильный маршал), который никогда не вынимал шпаги из ножен.

К несчастью наш Кончини, до встречи с Витри, мог причинять сколько угодно зла. Франция более не производит людей, подобных этому храбрцу, который со шпагой под мышкою, в сопровождении всего трех гвардейских солдат, на Луврском мосту спокойно загородил дорогу гордому авантюристу, приближавшемуся в сопровождении многочисленной, как полк, свиты. — «Стой! «— «Кто осмеливается говорить со мною таким образом»? И так как негодяй иностранец сопровождал свои слова жестами, Витри, прицелившись, раздробил ему голову выстрелом из пистолета.

Затем он пошел к королю и сказал: «дело сделано». — «Большое спасибо», кузен, ответил Людовик XIII скромному капитану, который, благодаря своему мужеству, как еще и теперь бывает в Испании, сделался родственником короля; «вы маршал и герцог, и я счастлив, что первый могу вас приветствовать новым титулом».

Между тем в это самое время в окно доносился шум голосов: Париж восторженными рукоплесканиями приветствовал отмщения за все вынесенные оскорбления.

В наше время биржа имеет своих баронов, но героизм более не дает права на титул маршала или герцога. Иностранцы евреи могут себе позволить у нас что угодно, и ни один Витри не вынет шпаги, что бы остановить притеснителей своей родины. А между тем, я знаю в Париже мост в конце знаменитой площади, где какой либо бесстрашный полковник мог бы заслужить еще более прекрасный титул, чем тот, который храбрый капитан заслужил 24-го апреля 1617 г. на Луврском мосту.

Едва Кончини был убит, как евреям, которые со своею обычною деятельностью уже устроили нечто вроде маленькой синагоги у одного члена парламента, был отдан приказ немедленно удалиться.

Единственный мало-мальски выдающийся еврей, следы которого можно в то время найти в Париже, это Лопец. Но был ли Лопец евреем? Он от этого отрекался, как мог, уверял, что он португалец или, по меньшей мере магометанин, и ежедневно наедался свинины чуть не до болезни, чтобы отвратить подозрения.

Несмотря на все отнекивания бедного Лопеца, я все-таки думаю, что и он принадлежал к этому племени. Он был и продавцом безделушек, и торговцем бриллиантами, и банкиром, и политическим агентом и под конец членом государственного совета; не напоминает ли он теперешних правителей?

Он являет собою как бы смесь Пру и Бишофсгейма.

«Лопец с несколькими ему подобными», говорит Тальман де Рео, который немало потешался над этой личностью, «приехал во Францию, чтобы устроить кое какие дела для мавров, к которым он принадлежал». Генрих IV увидел в этом прекрасный случай создать внутренние затруднения для Испании и свел Лопеца с герцогом де ла Форца. Смерть короля прервала переговоры; но Лопец не унывал и сделался торговцем бриллиантами; «он купил большой необделанный бриллиант и велел его отшлифовать. Это создало ему известность, и отовсюду к нему стали присылать необделанные бриллианты. Он держал одного человека, которому платил 8000 ливров в год и кормил его с семьей: этот человек с замечательным искусством гранил бриллианты и с не меньшим искусством разбивал их ударом молотка, когда было нужно».

В «Романе о связи герцога Немурского с маркизой де Пуаннь» герцог советуется на счет красивых драгоценных уборов с одним португальцем, по имени дон Лопе, который в этом знал толк, как никто.

Ришелье, гений которого имеет столько общего с гением кн. Бисмарка, первый понял какую пользу политический деятель может извлечь из прессы, которою он руководит, и покровительствовал Ренадо, основателю первой газеты во Франции. Он тоже ясно видел, насколько могли быть полезны проникательные, пронырливые, всеведущие агенты из евреев, которые впоследствии в лице Бловица, Левинсона и друг. должны были оказать столько услуг железному Канцлеру.

Он употребил Лопеца в качестве шпиона, остался им доволен, поручил ему переговоры относительно каких то кораблей в Голландии и, по возвращении, сделал его ординарным советником.

Тип никогда не теряет своих черт. Если бы еврея короновали императором Западной Римской Империи, он бы ухитрился продать железную корону. Во время своей миссии Лопец занимался торговлей подержанными вещами и по возвращении в Париж устроил продажу, на которую сбегались еще больше, чем на распродажи Рашели и Сары Бернар. «В Голландии он накупил множество индейских редкостей и, по возвращении домой, составил опись, которую опубликовал через судебного пристава. Это вышла С.-Жерменская ярмарка в малом виде; там постоянно теснилась знать».

Однако этот Лопец, кажется, был сравнительно честным человеком. Его обвиняли в том, что он был шпионом двух правительств, но впоследствии было доказано, что он служил лишь одному, что, как нащептывает мне на ухо один анти семит, доказывает, что он был не настоящий еврей.

По видимому Ришелье не особенно церемонился со своим государственным советником. Однажды, рассказывает тот же Тальман, когда Лопец возвращался из Рюэля со всеми своими бриллианта-

ми, с целью показать их кардиналу, Ришелье, ради забавы, приказал, чтобы на него напали мнимые воры, которые, впрочем, только напугали его. Дело шло обо всем имуществе Лопеца, а потому страх его был так велик, что на мосту в Нельи ему пришлось переменить рубашку, настолько она была испачкана. Канцлер, в карете которого он ехал, рассказывал, что он довольно смело оборонялся от воров. Кардиналу было неприятно, что он сыграл Лопецу такую штуку, потому что он чуть не уморил бедняка и, чтобы поправить дело, пригласил его к своему столу, что было не малою честью.

Впрочем для Лопеца не щадили насмешек. Однажды аббат де Серсе и Лопец препирались из-за того, кому пройти первым. «Да ну же, Лопец», сказал Шателье, «Ветхий Завет ведь предшествует Новому».

В другой раз Лопец заломил невероятную цену за распятие.

А ведь вы самого Христа дешевле продали, заметил ему кто-то.

Благодаря тому, что он занимался одновременно несколькими профессиями, Лопец скопил себе значительное состояние, которым и хвастался с нахальством себе подобных. У него было шесть упряжных лошадей, «и ничья карета не бывала так часто впереди карет посланников, как эта».

У него был довольно хороший дом в улице *Petits Ceamps*, и он постоянно повторял: «в моем доме огромное количество дымовых труб».

Что удивительного в этой фразе, над которой потешались современники? Подобная мысль придет в голову всякому, и самое это удивление указывает на огромную разницу между тогдашним вежливым, утонченным, хорошо воспитанным и теперешним грубым обществом.

В наше время восприимчивость к известным тонким оттенкам притупилась даже у христиан. Никто не удивляется, когда барон Гирш, угощая за своим столом людей, которые имеют претензию быть представителями С.-Жерменского предместья, спокойно говорит своим гостям в ту минуту, как подают клубнику в январе: «не стесняйтесь, кушайте сколько угодно; хоть это и дорого стоит, но мне ни по чем»⁵⁶

Был ли Лопец евреем или нет, но он умер в Париже, в 1649 г. христианином. Его похоронили на кладбище св. Евстафия и на его памятнике начертаны следующие надписи:

*Natus Iber, Vixit gallus, legemque secutus,
Auspice nunc Christo, mortuus astra tenet.*

⁵⁶ Тот же самый Гирш сказал однажды после обеда Лависсу, профессору истории в Сорбоне, адъюнкт профессору при университете, согласившемуся давать его сыну уроки истории: «возьмите-ка эту сигару: наверно дома вам не всякий день приходится такую курить, она мне стоит 25 су». У Лависса оказалось больше чувства собственного достоинства, чем у светских людей, и через две недели он отказался от урока.

Если во Франции еврей приобретал права гражданства только при том условии, что энергически отрекался от своего происхождения, то в других местах он перестал быть парией прежних дней; в Голландии он нашел не только убежище, но и благоприятную почву, на которой все его недостатки не имели возможности развиваться, а хорошие стороны могли проявляться.

Действительно, судьба этого племени странна: изо всех племен оно одно пользуется преимуществом уживаться во всяком климате, а между тем оно может удерживаться без вреда для себя и других лишь в совершенно особой нравственной и интеллектуальной атмосфере. Со своею склонностью к интриге, своею манией беспрестанно нападать на христианскую религию, своею страстью разрушать чужую веру, что составляет такой странный контраст с его полным нежеланием обращать кого-либо в свою собственную, еврей во многих странах подвергается искушению, которому редко может устоять; этим-то и объясняется то непрерывное гонение, предметом которого он является, как только ему приходится иметь дело с глубокомысленными мозгами немцев, столь жадных до систем и идей, с умами французов, которые так любят новинки и остроты, с воображением славян, всегда находящимися в поисках за мечтами. — Он тогда не может удержаться, выдумывает социализм, интернационализм, нигилизм извергает в общество, которое его приютило, революционеров и софистов Герценов, Гольдбергов, Марков, Лассалей, Гамбетт, Кремье; он зажигает страну, чтобы испечь яйцо, содержащее нескольких банкиров, и наконец все единодушно восстают, чтобы выгнать его.

Напротив, над крепкими головами англичан и голландцев еврей бессилён. Он чует своим длинным носом, что нельзя ничего поделывать с людьми, преданными своим старым обычаям, стойкими в своих традициях, унаследованных от предков, внимательно следящими за своею выгодой. Он ограничивается тем, что предлагает сделки, которые подвергаются предварительному обсуждению и принимаются только тогда, если они выгодны, но он не рассказывает там неблиц, не говорит сыновьям, что их отцы были каналы или презренные рабы, не предлагает им сжигать свои памятники, не делает мошеннических займов, не устраивает коммуны: он счастлив и другие тоже.

Маленькая промышленная и торговая Голландия, сама чуждая того рыцарского идеала, который так ненавистен сынам Иакова, была настоящею колыбелью современного еврея. Впервые израиль вкусил там не тот блестящий успех, который опьяняет еврея и губит его, а продолжительное спокойствие, правильную и нормальную жизнь.⁵⁷

Если хотите хорошо изучить еврея, то смотри-

⁵⁷ Однако и там, по-видимому, подготавливается реакция, потому что евреи наконец выведут из терпения самых спокойных людей. В Амстердаме, в октябре 1884 г., рассказывают «Израильские архивы», владелец одного из первых кафе в городе воспретил евреям доступ в свое заведение, ссылаясь на отвращение к ним других посетителей. Один из изгнанных, Вертгейм, кавалер ордена Почетного Легиона и член академии, понятно потому что он еврей и иностранец, резко протестовал, но владелец отстоял свое право и был горячо приветствован всеми.

те Рембрандта; нет этого мало, его надо созерцать, изучать, анализировать.

Рембрандт, ученик Изааксона-ван-Шваненберга и Якова Пинаса, был сперва жильцом, а потом владельцем того дома в Иоден-Брестрет (Еврейская улица), в котором он написал все свои чудные произведения, и всю жизнь провел среди израиля. Даже его мастерская, заваленная изящными произведениями искусств, представляющего склад материй и безделушек, похожа на лавку старьевщика, в глубине которой разбегающиеся глаза замечают отвратительного старика с крючковатым носом. Его произведения отличаются еврейским колоритом, их общий тон — желтый, тот горячий и яркий желтый цвет, который кажется как бы отблеском золота.

Как красноречивы эти Рембрандтовские евреи, при выходе из синагоги разговаривающие о делах, о курсе флорина или о последнем транспорте из Батавии; эти путешественники, идущие потихоньку с палкой в руке, с видом вечного жида, который чувствует, что придет до места и сядет где-нибудь.⁵⁸

Еще поразительнее алхимик, стоящий в испуге перед каббалистическим кругом, вокруг которого начертаны таинственные письмена, поясняющие «Сефер» или «Зохар» и открывающие день и час, в который совершится великое событие. А доктор Фауст облик которого едва выступает из густой тени, разве не еврей? В этом одушевленном рембрандтовском мраке, движутся светящиеся атомы. Вам чудится, что вы слышите, что думает этот высохший, как пергамент, костлявый, полумертвый с виду человек, который через открытое окно вопрошает небо и ищет в нем звезду израиля, долженствующую встать на востоке после стольких лет ожидания.

Действительно все шло к лучшему для евреев. В Англии они нашли человека по сердцу, Шило,

⁵⁸ В 1640 г. в Брюсселе явился вечный жид, и Рембрандт, может быть, был поражен этим рассказом. По

словам горожан, встретивших вечного путешественника, его одежда была в самом плачевном состоянии; он вошел с ними в таверну, выпил, но сесть отказался. Его видели в Любеке 14 января 1603 г. и в том же году в Нюрнберге, где он присутствовал на проповеди. Последнее явление вечного жида произошло в 1774 г. К этому-то времени относится, хорошо известная всем

лубочная картина, украшенная портретом, писанным с натуры гражданами Брюсселя. Двадцать четвертый куплет в своей пошлой наивности замечательно метко рисует характер еврея: «господа, время не терпит, до свиданья, благодарю за ваши любезности. Для меня слишком мучительно, когда меня останавливают». Не думаю, чтобы философы и мыслители могли хоть что-нибудь прибавить к этой откровенной исповеди. Таков еврей: он мучится и мучит других, когда должен где-нибудь спокойно поселиться. Он всегда ухитряется нарушить покой того народа, который его приютил, так что под конец приходится его прогонять. Интересна книжечка, напечатанная в количестве лишь 50 экземпляров у Технера, после появления романа Евгения Сю: «Историческая и библиографическая заметка относительно предания о вечном жиде». См. тоже отдельное издание очерка, напечатанного в энциклопедии религиозных наук: «Вечный жид» Гастона Пари.

ложного мессию, исключительно земного вождя, который, не опираясь ни на какое традиционное право, поневоле принужден обращаться к тайной силе, находящейся в руках евреев. Кромвелль,⁵⁹ поддерживаемый франмасонством, уже могущественным, но еще тайным и очень осторожным,⁶⁰ был ревностным покровителем евреев и старался отменить указ об изгнании, тяготевший над ними. Утверждают, что в это время евреям было формально даровано право селиться в Англии. В своей любопытной книге «Моисей Мендельсон и политическая реформа евреев в Англии» Мирабо, бывший еврейскою креатурою, как и Гамбетта, таким образом рассказывает о переговорах, завязавшихся по этому поводу.

«Ненависть к папизму, которая тогда преобладала или вернее разжигала другие страсти, внушала настроение благоприятное для евреев. В их пользу было сделано несколько парламентских запросов, и если ни один из них не имел успеха, то по крайней мере они побудили амстердамских евреев сделать предложение о том, чтобы их единоплеменникам было дозволено селиться в Англии.

Начались переговоры и Манассия-бен-Израель был избран для совещаний об условиях. Этот почтенный раввин приехал в Англию и убедил Кромвелля серьезно отнестись к заявлению, выраженному им от лица его братьев.

Тогда протектор созвал на совет двух судей, семерых граждан и четырнадцать духовных лиц и спросил их, будет ли законно вновь допустить евреев в Англию, и в случае утвердительного ответа, при каких условиях это может быть снова признано. Четыре дня прошли в ненужных пререканиях со стороны служителей св. Евангелия и Кромвелль

⁵⁹ Образ этого страшного сектанта, заставившего своего короля погибнуть под топором, по-видимому сильно поразил воображение евреев, которые даже в самых отдаленных странах отлично знали, что происходило в Европе. «Странное посольство, пишет Леон Галеви в своем «Кратком очерке истории евреев», прибыло к Кромвеллю из глубины Азии. Это было несколько евреев, предводимых знаменитым восточным раввином Иаковом Бен Азабел, которые пришли, чтобы убедиться не есть ли Кромвелль сам Мессия. Они получили у протектора несколько аудиенций и сделали ему предложение, которое он отверг, — купить все еврейские книги и рукописи Кэмбриджского университета. Так как они не скрывали главной цели своей миссии, то их выслали из Лондона, где одно только подозрение, что Кромвелль мог быть евреем, возбудило волнение в народе».

⁶⁰ Евреи были столь же безжалостными врагами дома Стюартов, как и дома Бурбонов. Амстердамский еврей помог Вильгельму Оранскому свергнуть с престола своего родственника. «Вильгельм, принц Оранский, готовился к своей экспедиции против Иакова II Английского и с беспокойством думал, где он найдет необходимые средства, чтобы вооружить флот и привести свои намерения к желанному результату. В это время один амстердамский еврей попросил у него аудиенции. Представ пред принцем, этот гражданин, по имени Шварцау, сказал ему: «Ваше Высочество, Вам нужны деньги, чтобы привести в исполнение ваше предприятие, — я принес вам два миллиона. Если вы восторжествуете, то отдадите их мне, если же потерпите неудачу, то мы квиты». (Субботние утра, книга для нравственного и религиозного воспитания израильского юношества, Бен Леви).

их отослал, говоря, что они еще усилили его нерешительность.

Исход частных переговоров протектора неизвестен. Некоторые писатели утверждают, что он даровал евреям разрешение поселиться в Англии, но другие свидетельствуют, что это разрешение было им дано лишь в царствование Карла II в 1664–65 г.»

Манассия-бен-Израель, которому Виктор Гюго уделил такое выдающееся место в своей драме «Кромвелль», играл при Кромвелле роль, по преимуществу свойственную евреям, роль Рейнаха, которому можно все говорить, не стесняясь совестью, живущего в душе самого низкого христианина. По часто встречаемому противоречию и более логичному, чем думают обыкновенно, протектор вопрошал о тайнах неба человека, которого употреблял для самых низких житейских целей.⁶¹

«Странная участь! следить за людьми и за звездами; на небе быть астрологом, на земле шпионом».

Благодаря внезапной перемене, Манассия, который в первом своем явлении кладет мешок с деньгами к ногам Кромвелля, вдруг из ловкого посредника в денежных делах, приносящего свою долю добычи всемогущему человеку, становится каббалистом, алхимиком, и когда протектор его спрашивает: буду ли я королем? отвечает ему с некоторою искренностью: «...» в своем эллиптическом течении твоя звезда не составляет таинственного треугольника со звездой Зода и звездой Надира».

Потом ненависть к христианину и жажда крови гоя овладевает евреем при виде спящего Рочестера и он начинает искушать вопрошающего. Кромвелль может приобрести эту высшую власть, ему достаточно принести в жертву христианина. Не есть ли это вечный договор, предлагаемый израилям честолобцам? Пусть они поразят Церковь, и они будут велики; в обмен за преследования им дадут скоропреходящий призрак власти.

Манассия.

«Порази его! ты не можешь совершить лучшего деяния!

(В сторону) Рукою христианина принесем в жертву христианина!

⁶¹ Манассию сильно занимал вопрос о десяти коленах, о которых мы упоминали в 1-й книге. Постоянная забота, говорят «Израильские архивы», омрачала Манассию: что случилось с коленами, уведёнными Салманассаром и пропавшими без вести? Может быть они погибли? Восстановление Иудейского царства было невозможно без этих десяти колен и самое исполнение пророческих обещаний становилось сомнительным. Слияние племени Иудова с израилям, возвещенное пророками, было возможно только при наличии этих колен. Манассия постоянно думал об этом и предавался всевозможным предположениям насчет того, где их найти. Тогда случайность, которую он считал откровением свыше, столкнула его с Монтезино, уверившим его, что остатки десяти колен находятся в Южной Америке. В это-то время, не сомневаясь в правдивости этого рассказа, он написал свою «Надежду на израиля».

Сегодня субботный день, порази его!»

Но Кромвелль не Гамбетта; он не похож на вождей директории, которые, избив республиканцев, просят у республики немного золота, чтобы содержать публичных женщин. — Это неустрашимый и мрачный герой Ворчестера и Нэзби, человек верующий. При слове шабаш, он как бы просыпается от сна и вздрагивает.

Кромвелль.

«...Сегодня постный день!

Что я делаю? в день бдения и божественного отдыха

Я чуть не совершил убийства и слушаю прорицателя.

Уходи прочь! еврей»...

Поэт, ясновидящий, творец «Молитвы за всех», долженствовавший покинуть своих внуков на попечение какого-то Локруа, был положительно вдохновлен духом Шекспира, когда писал «Кромвелля».

Мишлэ изобразил нам ростовщика требующего крови за золото, Шекспир в Шейлоке нарисовал торговца человеческим мясом; тип же воплощенный Виктором Гюго в Манассии — иной. Это уже современный еврей, замешанный в заговорах, разжигающий междоусобия и войны, переходящий то на сторону Наполеона, то на сторону Священного союза.

Вся эта сцена IV акта достойна Шекспира; это театр как его понимал Шекспир в «Генрихе V», а до него Эсхил в «Персах»; живая история, изложенная в виде диалога и представленная перед собравшимися зрителями. Послушайте, что говорит «шпион Кромвелля, банкир кавалеров».

«Не все ли равно, которая из враждующих сторон падет? Лишь бы христианская кровь текла ручьями. Я надеюсь, по крайней мере! Вот хорошая сторона заговоров».

Уже более столетия мы слышим этот монолог от берегов Сены до берегов Шпре. Не есть ли он заключение всех пушечных выстрелов в Европе? Лишь бы текли кровь и золото, израилям всегда рад, и Берлин через посредство «Всемирного Израильского Союза» подает руку Парижу.

В XVII веке Франция, к счастью для себя, еще не дошла до этого и даже не вступала на путь соглашения с Англией.

Знаете ли, сколько в Париже насчитывалось евреев при Людовика XIV, когда Франция была в апогее своего могущества и по истине царила над миром не только силою оружия но и превосходством своей цивилизации? Не более четырех семейств, живших в столице и полтора человека приезжих. В 1705 г. было всего восемнадцать человек, большей частью служивших при складах в Меце и имевших разрешение от канцлера приезжать в столицу.

«Нет сомнения» говорит главный начальник

полицей, «что ажиотаж и ростовщичество составляют их главное занятие, ибо это, если можно так выразиться, вся их наука, и у них считается как бы законом по возможности обманывать тех христиан, с которыми они имеют дело».

Изредка в переписке управляющих провинциями идет речь о каких-нибудь отдельных евреях, каков напр. некий Мендес, обладатель состояния в 500-600 тысяч ливров, изгнание которого вредно отозвалось бы на торговле провинции. Кажется можно считать евреем актера Монфлери, настоящее имя которого было Захария Жакоб. Это тот самый, который в отмщение за безобидные насмешки Мольера, подшутившего над ним в «*Imprompti Versailles*», что он «толст и жирен за четверых», обратился к Людовику XIV с челобитной, в которой обвинял великого комика в том, что он женат на собственной дочери. Самуил Бернар, по-видимому, тоже был еврей. Вольтер утверждает, что да. Мы читаем в его письме к Гельвициусу: «Я бы желал, чтобы парламент наказал за банкротство Самуила Бернара — еврея, сына еврея, обер-гофмейстера королевы, рекетмейстера, обладателя девяти миллионов и банкрота».

В данном случае денежный вопрос, всегда имевший такое значение в глазах Вольтера, мог внушить ему эпитет еврея. В 1738 г. в своей речи о «Неравенстве состояний», он посвятил Самуилу Бернару-отцу два стиха, которые впоследствии исключил из своих произведений, когда сын, носивший титул графа де Кубер, заставил поэта потерять 60 тыс. ливров.

В эпоху регентства появился еврей Дюлис, злодеяния которого занимали весь Париж. Этот разбогатевший еврей имел любовницу, актрису Пелисье; разорив не мало народа и будучи принужден бежать в Голландию, где было все его состояние, он дал Пелисье 50 тыс. ливров с тем, чтобы она за ним последовала, но та прокутила эти деньги с Франкером, скрипачом оперного оркестра, и не подумала уезжать. Взбешенный Дюлис послал в Париж своего лакея, чтобы он убил Франкера; попытка не удалась, лакея схватили и колесовали живьем, а Дюлис, не явившийся в суд, был заочно приговорен к той же казни.⁶²

Барбье замечает, что следовало задержать Пелисье и приговорить ее к наказанию за то, что она была в связи с евреем. Действительно, в некоторых провинциях христианам и христианкам, имевшим сношения с врагами их племени, этот поступок вменяется в преступление против природы.

Впрочем евреев терпели в Меце, где французские короли нашли их уже поселившимися. Жалованные грамоты, дарованные Генрихом IV, гласят,

что он берет под свое покровительство «двадцать четыре еврейских семейства, происходящих от восьми первых, живших в Меце при его предшественнике».

Эти евреи жили в Арсенальной улице близ окопов Гиза; герцога Эпернон дал им в 1614 г. право приобретать дома в квартале С.-Феррон, но нигде более. Его сын, герцог Ла-Валетт, определил, какой доход они могут получать, и чтобы очистить квартал, приказал ограничить место, заключавшее их жилища, большими каменными распятиями, вделанными в стену последнего дома каждой улицы. Мецкие евреи носили бороду, черный плащ и белые брыжжи и были избавлены от желтой шляпы.

Среди них было несколько случаев обращения. Братья Вейль приняли крещение от Боссюэта, бывшего тогда каноником мецкого собора. Во время пребывания Людовика XIV в Меце, дочь короля крестила 11 летнюю еврейку из соседней деревни; в таких случаях стреляли из пушки и звонили в колокола.

В начале XVIII в. Бранка каким-то образом узнали о существовании этих евреев и возымели остроумную мысль извлекать из них доход.

31 дек. 1715 г. Людовик Бранка, герцог де Виллар, барон Уаз, выхлопотал от регента постановление, по которому мецкие евреи поступали под его покровительство с обязательством платить по 40 ливров от семьи.

Этот оброк был на 10 лет предоставлен Бранка и графине Фонтен. Евреи протестовали, что им вовсе ненужно это покровительство, Бранка хотел его оказывать во что бы то ни стало, и наконец сошлись на 30 ливрах. Число евреев в Меце, по переписи 1717 г., равнялось 480, в 1790 их было до 3000.

Впоследствии израиль многократно и безуспешно хлопотал перед королем, Бранка упорно защищали доходную статью, которую сами себе создали. Блестящий герцог де Лорагюэ, тоже из рода Бранка, продолжал брать этот оброк, невозмутимо получал его вплоть до 1792 г. и выпустил своих протеже по неволе лишь у подножия революционного эшафота.

«Вот злоупотребления, от которых нас избавил 89 год!» воскликнут республиканские писатели, и те же писатели, которые находят отвратительным, чтобы Виллар получал с евреев несколько золотых на свои карманные расходы, считают совершенно справедливым, чтобы евреи, при помощи финансовых мошенничеств, обирали миллионы у христиан, чтобы вчерашний нищий становился завтрашним нахалом. Во всех случаях они стоят за иноземцев. Притом эти вельможи делали честь деньгам, которые тратили широко и щедро. Артисты и ученые были как у себя дома в несравненных жилищах этих патрициев. Лорагюэ беспрестанно занимал Париж своими любовными и иными приключениями, своими остротами, дуэлями, брошюрами, эпиграммами, эксцентричными процессами, взрывами своего чи-

⁶² История Дюлиса наделала много шума даже за границей. В Англии были изданы в 1739 г. анекдотические воспоминания, относящиеся к истории г. Дюлиса, или продолжение его приключений после катастрофы, закончившей его похождение с девицей Пелисье, актрисой парижской оперы. Лондон, изд.— Самуила Гординга.

сто французского веселья.

Неправда ли что пышность больше была к лицу этому вельможе с высокомерным видом, любовнику Софии Арну, щедрому расточителю, который дал необходимую сумму, чтобы уничтожить скамейки, загромождавшие сцену, сотруднику Лавуазье, оригинальному причуднику, чем маленькому невзрачному Альфонсу Ротшильд, который угрюмо проезжает по Парижу со своей бесцветной немецкой физиономией.

Нет медали без оборотной стороны и нет победы без неприятных последствий. Покорение Эльзаса тоже принесло Франции значительное количество евреев, без которых она отлично обошлась бы.

Евреи весьма многочисленны в Эльзасе, терпели там очень дурное обращение. Они зависели не прямо от короля, а от вельмож, которые, по странному противоречию, имели право их принимать, а изгонять не смели. Евреи должны были платить, кроме взноса за право жительства, достигавшего обыкновенно 36 ливров в год, еще почти такую же сумму при водворении на месте и кроме того несли дорожную пошлину. Вследствие восстания возбужденного между ними в 1349 г., они были лишены права жить в Страсбурге и платили налог всякий раз, как входили в город.

Присоединение Страсбурга к Франции несколько улучшило положение евреев. Начиная с 1703 г., говорит Легрель в своей книге «Людовик XIV и Страсбург», французские власти стали настаивать на отмене этих старых обычаев, ибо израильские купцы взяли на себя военные поставки. Эта перемена, которою воспользовалась и семья Серфбер, привлекла столько евреев, что до 89 г. их уже насчитывали в той местности до двадцати тысяч, при чем в их руках находилось долговых расписок миллионов на 12-15.

Людовик XII распространил на Прованс указы об изгнании евреев из Франции, но многие из них в той местности последовали совету, данному их иностранными единовольцами, и сделали вид, что обратились в христианство. В 1489 г., когда шла речь об изгнании евреев, Шаморр, раввин Арльского приказа, написал, от имени своих братьев, константинопольским раввинам, спрашивая их, что делать, и получил от них следующее письмо.

«Возлюбленные братья в Моисее,

Мы получили ваше письмо, которым вы нас уведомляете о неудачах и несчастиях, переносимых вами, в чем мы вам так сочувствуем, как будто это случилось с нами.

Вот совет наших величайших раввинов и сатрапов: вы говорите «что французский король хочет, чтобы вы были христианами, — поступите так, если нельзя сделать иначе, но продолжайте хранить в сердце закон Моисея. У вас хотят отнять ваше имущество, — сделайте из своих детей купцов, и при помощи торговли вы заберете их добро.

Вы жалуетесь, что они посягают на вашу жизнь, — пусть ваши дети сделаются врачами и ап-

текарями, и, без страха наказания, будут их лишать здоровья.

Они разрушают ваши синагоги, — старайтесь, чтобы ваши дети становились канониками и причетниками, ибо тогда они могут разрушать их Церковь.

Что же до того, что вам приходится переносить оскорбления, — пусть ваши дети сделаются адвокатами, нотариусами и вообще людьми, которые занимаются общественными делами, и этим способом вы будете властвовать над христианами, приобретете их земли и отомстите им. Не уклоняйтесь от совета, который мы вам даем, ибо по опыту увидите, что из униженных вы станете владыками.

V.S.S.V.F.F. — Глава Константинопольских евреев, 21 Касле, 1489.

Излишне говорить, что это письмо тоже объявлено апокрифом. Что до нас касается, то мы не видим, на каком основании можно оспаривать подлинность этого документа, который в сжатых чертах замечательно резюмирует суть еврейской политики.⁶³

Только в авиньонском округе, бывшем тогда папскою областью, французские евреи нашли более или менее полную свободу и относительную безопасность. В середине средних веков Авиньон мог бы назваться «еврейским раем».

Авиньонские евреи, насчитывавшие в своей среде выдающихся раввинов, по-видимому, некоторое довольно долгое время составляли особую ветвь, отличную от немецких и португальских евреев. В XIV в. раввин Рейбер заставил их принять особую обрядность, которую они соблюдали до XVIII века, когда окончательно слились с португальскими евреями.

Конечно, от времени до времени против них разражались народные вспышки вследствие слишком вопиющего ростовщичества, но тут всегда вмешивался папа или легат, чтобы успокоить умы.

Впрочем и там, как и всюду, евреи, ничуть не стесняясь, бесчестно поступали с христианами, согласившимися их принять, и оскорбляли их верования. У входа в церковь св. Петра Авиньонского долго находилась кропильница, напоминавшая одну из их выходов: «кропильница прекрасной еврейки». Одна еврейка, редкой красоты, вздумала проникнуть в храм в праздник Пасхи и плюнуть в освященную воду. В наше время, в награду за такой прекрасный подвиг, прекрасная еврейка получила бы звание главной смотрительницы всех школ Франции; но тогда она подверглась наказанию кнутом на торговой площади, и в память этого события была составлена надпись, напоминавшая о совершенном святотатстве и понесенном наказании.

В Карпантра, говорит нам Андреоли в своей «Монографии о соборе св. Сиффрена», стоял некогда на паперти большой железный крест со следу-

⁶³ По этому поводу надо прочесть в труде аббата Шаботи: «Евреи — наши повелители» несколько страниц, которые являются *seef d'oeuvr'*ом остроумной и тонкой критики, начитанности и умеренности.

ющею надписью: «Horatius Carponius Florentinus, episcop. Carpentor crucem hanc sumptibus hebreorum erexit ut, quam irriserant magis conspicuam, venerandam ac venerandam aspicerent, 11 febr. 1603». Однажды в Страстную пятницу евреи в насмешку торжественно распяли соломенное чучело. Крест этот был водружен ради искупления, и евреи должны были его поддерживать вплоть до 1793 г., когда он был заменен деревом свободы. Соломенное чучело хранилось в архивах епископского дворца, откуда его вынимали раз в год.

Одна только еврейская колония в Бордо процветала. Когда Испания, по окончательном поражении гренадских мавров, была призвана играть роль в Европе, она сделала то же самое, что и Франция после усиления монархии: она удалила из своих недр элементы, бывшие причиной беспрестанных волнений. 30 марта 1490 г. король Фердинанд Арагонский и королева Изабелла Кастильская, по совету знаменитого Ксименеса, издали указ, повелевавший всем израильтянам покинуть страну.

Несколько семейств укрылись тогда в Португалии, где нашли временное покровительство; вскоре они были снова изгнаны, и Мишель Монтэнь, родители которого принадлежали к гонимым, пересказал раздирающие сердце подробности этого вторичного отъезда в главе, где чувствуется больше душевного волнения, чем обыкновенно в произведениях этого скептика.

Некоторые из изгнанных пришли искать убежища в Бордо. Между ними находились Рамон де Гранольяс, Бертран Лопец или де Лупп и другие, которые быстро заняли место в Бордоском обществе в качестве юрисконсультов, врачей и негодяев.⁶⁴

И так мать Монтэня, Антуанетта де Лупп или

⁶⁴ Здесь опять-таки подтверждается то, что мы говорили о влиянии среды на еврея. Несмотря на свою кажущуюся экспансивность, бордосцы, собственно говоря, люди холодные и степенные, как и их вино. Англия, столь долго занимавшая эту страну, оставила в ней частицу самой себя, своего здравого смысла, своей рассудительности; во многих отношениях бордосцы — те же англичане, только более стойкие. Израиль, в лице впрочем очень достойных представителей, встретил там не такое население, которое бы он мог смущать, а буржуазию, вполне способную оценить выдающиеся коммерческие способности пришельцев. Всеобщее доброжелательство высших классов общества еще более, чем жалованные грамоты Генриха II, оберегало вновь прибывших, защищало их и дало им возможность устроиться прочно и надолго.

Отметим мимоходом низкую черту этого племени, которое всегда платит за добро злом. Во время террора, на одном празднике Разума, бордоские евреи устроили святотатственную пародию вроде нынешних; папство, которое во всех странах света берет под свою защиту евреев, было смешано с грязью; еврей огромного роста шел во главе процессии и извергал непристойные слова.

Заметим еще по этому же поводу, что именно в Бордо еврейка Дебора, чтобы обесчестить французскую армию, составила заговор, в котором попались три офицера, бывшие по всем видимостям совершенно невинными, но ставшие жертвою толков, возбужденных по этому поводу еврейскою прессой.

Во время исполнения декретов вся еврейская сволочь Бордо оскорбляла на улицах монахов, выгнанных из их монастырей.

Лопец, была еврейка, и этот факт небезынтересен для тех, кто любит объяснять наследственностью темперамент писателя. Житейская мудрость и краткая ирония этого насмешника и разочарованного как бы имеет связь, не смотря на столетия их разделяющие, с разочарованной философией «Екклизиаста». Не взирая на воспитание и христианскую атмосферу эпохи, на многих страницах «Опытов» находим отголосок безнадежных речей библейского Когелета, который, прогуливаясь по террасе этамского дворца, размышлял о тщете человеческих намерений и объявлял, что самые лучшие надежды не стоят наслаждений данной минуты и хорошей трапезы, вспырнутой энгадийским вином.

Осторожное возражение учению Церкви и скрытая шутка, сдерживаемая в границах благоразумия, у Монтэня идут дальше, чем кажется сначала. В трогательном рассказе о страданиях португальских евреев, носящем заглавие: «Различные преследования, которым тщетно подвергали евреев, чтобы заставить их переменить веру», чувствуется тайное восхищение перед этими упрямыми, которые столько выстрадали и все же не отреклись. Кое-где, проскальзывает намек на семейные несчастья, которые во что бы то ни стало хочешь забыть и других заставить забыть, чтобы не напоминать людям, среди которых живешь, о проклятом происхождении. Это видение испанских костров, которое предстало автору «Опытов» во время посещения синагоги в Риме, описанного им, как будто преследовали советника парламента в его замке Монтэнь, когда он писал: «надо очень высоко ценить свои догадки, чтобы ради этого изжарить человека живем».⁶⁵

Монтэнь и Дюма-сын, оба еврейского происхождения по матери, суть единственные по истине достойные французские писатели, которых произвело израильское племя, оплодотворенное примесью христианской крови. Не делая сближения между легкой улыбающейся шуткой первого и горькой насмешкой второго, можно сказать, что оба они были разрушителями, оба в различных видах выставляли на показ смешные стороны и пороки человечества, не давая ему взамен положительного идеала. Оба смеялись и плакали, оба были разочарованы и разочаровывали других.

У Дюма в особенности влияние, оказываемое

⁶⁵ Видно, что Монтэня не раз преследовало представление о костре, к которому у него не было ни малейшего призвания. Чтобы оправдаться в том, что он бежал из Бордо во время чумы, когда его обязанность, как мэра, была подавать пример другим, он пишет: «я буду поступать по правде, хотя бы дошло до костра, но только если буду в состоянии». По этому поводу Вельо замечает: «когда чума свирепствовала в городе, был июль месяц, стояла сильная жара, вот и все объяснение».

Впрочем еврейская натура, не созданная для героизма, проявляется в Монтэне в каждой строке и являет резкую противоположность с нравами эпохи, когда всякий отважно умирал за свое дело. В этом отношении ему надо по крайней мере отдать справедливость, что он чистосердечен, и его признания вполне откровенны. «Каким бы образом говорит он, ни укрыться от ударов, хотя бы под телячью шкуру, — я не такой человек, чтобы отступить перед этим».

еврейским племенем, обуславливает уменьшение умственного наследия нашей страны. Ни один современник не был так занят религиозными вопросами, ни один не проникал так глубоко в тайники человеческого существа. Я просил одного из самых выдающихся членов тех конгрегаций, которые были изгнаны шайкою Гамбетты, прочесть прекрасные «Предисловия», в которых столько мыслей, и помню, что он мне писал по этому поводу: «этот человек был создан, чтобы быть священником».

Будучи освещен истиною, этот стойкий и зрелый ум мог бы оказать неисчислимые услуги: у него самого как будто было внутреннее сознание того, что он сам терял и заставлял других терять тем, что не верил. Он не повиновался ни низкому тщеславию, ни грязному соблазну, ни желанию стать в хорошие отношения с так называемыми нынешними свободомыслящими, о которых он часто отзывается с высокомерным презрением, но никогда не мог сделать решительного шага: он был, слепорожденный и остался слеп.

Интересно будет впоследствии изучать у великого писателя тот рок, тяготеющий над племенем, от которого он никак не мог избавиться.

По поводу Шекспира великий драматург красноречиво говорит в предисловии «Иностранец» о тех писателях, которые под старость теряются в отвлеченностях, расплываются в том, что составляет сущность их бытия. А каким же светом озаряет психология писателя миллионы нетронутого золота в «Багдадской принцессе»?

Шекспир, ариец по преимуществу, устремился в область мечты, в феерию, в почти неосязаемую фантастичность «Цимбелина» и «Бури». Последний артистический замысел Дюма имел целью материализовать до последних пределов, придать осязаемую действительную форму той спорной страсти к золоту, которая живет во всяком, имеющем хоть каплю семитической крови в жилах. Шекспир возвращается на небо, Дюма возвращается на восток, в Багдад; первый, в последнем и высшем усилии своего таланта, хочет поймать облако, второй хочет нагромоздить как можно больше металла сразу, и, что бы соблазнить свою героиню, не находит ничего лучше, как возможность ворочать грудями нового, девственного золота. Это напоминает нам гнев, охвативший афинян в храме Вакха, когда, в пьесе Эврипида, Беллерофон воскликнул, что надо боготворить золото. Арийский гений возмущился таким богохульством, и актер, чуть не побитый камнями, должен был удалиться со сцены.

Мы уже говорили, что португальские евреи были допущены во Францию в качестве не евреев, а «новых христиан», и только на правах христиан они получили в августе 1550 года жалованные грамоты, которые были проверены в заседании парламента и в парижской отчетной палате 22 сент. Того же года, а записаны только в 1574 г. Докладная записка парижских купцов, которые в 1767 г. восстали против

поступления евреев в ремесленные корпорации, настаивает на этом обстоятельстве.

Невозможно, говорит эта записка, придумать проект, составленный с большею ловкостью и хитростью, чем проект о поселении евреев в Бордо. Во первых они предстали в новом виде, а именно под названием «новых христиан», которое было выдуманно для того, что бы обмануть религию всехристианнейшего короля. Генрих II даровал им жалованные грамоты и можно предположить, что они поспешили заставить внести их в списки; ничуть не бывало: 24 года прошло, не без пользы для них, в поисках за местом, которое бы было самым подходящим для их видов, — и они выбрали Бордо. Вы опять подумаете, что они представили свои жалованные грамоты парламенту этого города для внесения в списки? Их пути не так прямы. Менее известные в Париже, чем в Бордо, они обращаются к парижскому суду и там заставляют внести в списки свои жалованные грамоты в 1574 г.

Как бы то ни было, португальцы всякий раз энергически протестовали, когда их считали за евреев. В 1614 г. их потревожили и они доложили королю, «что они уже давно живут в Бордо, и что зависть к их имуществу заставляет смотреть на них, как на евреев, чего вовсе нет, ибо они очень ревностные христиане и католики».

Они строго подчинялись всем обрядностям католической религии, список их рождений, бракосочетаний и смертей вносился в церковные метрики; их контракты начинались словами: во имя Отца и Сына и св. Духа.⁶⁶

Прожив таким образом около полутора лет, евреи остались так же верны своим верованиям, как и в день прибытия. Как только обстоятельства оказались благоприятны, в 1686 г., по словам Веньямина Франча, они открыто вернулись к иудейству, перестали крестить детей и сочетаться браком у христианских священников.

Даже евреи, семейства которых более 200 лет официально исповедовали католицизм в Испании, перешли границу и позволили совершить над собою обряд обрезания и бракосочетания по израильскому обряду в Бордо, как только там поселились раввины.

Стойкость, упорная живучесть иудейства, которую ничто не может сокрушить, даже самое время и которая тайно передается от отца к сыну, наверно является одним из самых любопытных явлений для наблюдателя.

⁶⁶ По этому поводу полезно справиться с трудом Теофиля Мальвезена, «История бордоских евреев», который полон изысканий и мало известных фактов.

Немногие умы во Франции, еще способные связать две мысли подряд, найдут здесь случай поразмыслить над анти религиозным движением, изучение которого еще впереди, ибо элементы этого изучения, т. е. сведения о настоящем происхождении преследователей очень неполны, хотя с некоторого времени уже занимаются собиранием этих сведений.⁶⁷

⁶⁷ По этому предмету стоит прочесть описание путешествия по Испании, напечатанное в «Jewish cronicle» в 1848 г. и перепечатанное «Израильскими архивами» (т. IX). С виду это пустяк, но в сущности это исторический и «человеческий» документ.

В 1839 г. один английский еврей пожелал войти в сношения со своими испанскими единоверцами и с большим трудом достал себе рекомендательные письма к некоторым из них. Он является к одному еврею в городе, которого из скромности не называет, входит в гостиную, наполненную статуэтками святых, серебряными распятиями и священными картинами. Он называет себя, но хозяин, открывая ему объятия, просит его не говорить ничего такого, что могло бы его скомпрометировать, потому что здесь все его считают ревностным католиком, и его сын и дочь не знают, что он еврей.

Ночью глава семейства со своим гостем спускается в подземелье. Там-то собираются члены маленькой еврейской общины, о существовании которой никто не подозревает.

С потолка спускается неугасаемая лампада, у восточной стены стоит шкаф, обтянутый черным бархатом, в котором хранятся свитки Пятикнижия и экземпляр пророчеств, на бронзовом столе вырезаны десять заповедей.

Около шкапа находится еврейский календарь и список всех знатных лиц из евреев, которые, не будучи, признаваемы за таковых, играли значительную роль в делах Испании.

По середине, на черном мраморном столе лежат талеты, молитвенные книги на еврейском языке.

Виднеется только одна могила. Будучи сами принуждены сносить позор — погребение на католическом кладбище христианами священниками, евреи сумели избавиться от этого осквернения тело своего раввина и похоронили его здесь. По смерти каждого члена общины на эту чтимую могилу возлагается камешек.

Чужеземец с испанцем долго беседовали в этом святилище о своих общих надеждах, но вот через отдушину проник дневной свет, настал час утренней молитвы. «Прежде чем покинуть синагогу, мы должны вознести сердца наши к Богу отцов». С колокольни соседнего монастыря несутся серебристые звуки колокола; молодая девушка спешит в церковь, чтобы не пропустить ранней обедни...

Путешественник возвращается в Испанию через десять лет и ему кажется, что он не туда попал: на том месте, где стоял скромный дом его единоверца, он находит дворец; все садятся за стол и читают обычную молитву, — молодая девушка открыто исповедует еврейство.

Впрочем, евреи снова почти совсем завладели Испанией. Еще в 1869 г. Жюль Лан констатировал, что большинство обращенных евреев сохраняет *ebraico cogazon*, то, что по-немецки называется жидовским сердцем (*ein judisceer herz*). Он предается дифферамбическим восторгам, встречая на каждом шагу в Мадриде, в квартале крупных негодьянгов, Бернгеймов, Майеров, Леви и проч.

Этим достаточно объясняется, почему Испания вечно бывает жертвою революционных вспышек.

Во время освящения лиссабонской синагоги, несколько лет тому назад, рассказывает Теофиль Рейнах, все были удивлены появлением семейств, приехавших издалека изнутри страны, чтобы принять участие в празднике Великого Прощения. Это были Мараны, в течение трех сот лет в неприкосновенности сохранившие веру и предания отцов.

Слово Марран происходит от еврейского *Marganatea*, «анафема на тебя!» которое евреи произносили вполголоса, проклиная католических священников, когда их принуждали

Многие из бесчисленных иностранных евреев, пробравшихся во Францию вследствие большого передвижения 1789 г. устроились втихомолку и зажили тою же жизнью, что и все. Вдруг представился благоприятный случай; старая ненависть против христианства, усыпленная у отцов, проснулась у детей, и; прикрываясь именем свободомыслящих, они принялись оскорблять священников, ломать двери святилищ, ниспровергать кресты.

В Бордо, как и всюду, развитие еврейской язвы следовало своему психологическому течению, той эволюции, которой оно подчиняется везде, во всех климатах, во все эпохи, без всяких исключений.

22 мая 1718 г. де Курсон, губернатор Бордо, констатировал присутствие 500 лиц принадлежавших к еврейскому вероисповеданию. В 1733 г. их было уже 4000-5000. Как только они почувствовали себя вольнее, то нашли возможность открыть семь синагог.

Со своим обычным нахальством они вздумали занять первое место. Чтобы возвысить пышность своих погребений, они заставляли участвовать в процессиях городской стражу.

На наших глазах повторяются те же факты в аналогичном порядке. Под тем предлогом, что дежурный офицер, сообразуясь с буквой устава, отказался следовать за гражданскими похоронами Фелисьена Давида, еврейское франмасонство завопило: «что вы сделали со свободной мыслью, этой великою вещью!» Это первая ступень. Когда надо было везти Гамбетту на кладбище Пер-Лашез, масонство заставило чиновников и офицеров принять участие в похоронах, которые возбудили негодование всех порядочных людей. Это вторая ступень. Через некоторое время чиновникам, офицерам и гражданам запретят присутствовать при церковных похоронах на том основании, что это клерикальная манифестация. Это будет третья ступень.

По достижении этой третьей ступени обыкновенно является в странах, еще не вполне охваченных гниением, энергичный человек, который, вооружившись хорошей метлой, выгоняет в шею всех этих господ. Тогда разражается сцена протеста, — это самое решительное средство.

«О, бедный израиль, жертва злых! ты плачешь, но придет и твой черед».

Между тем бордоские евреи не прочь были и позабавиться. Доклад, поданный в 1733 г. де Буше, свидетельствует, что евреи брали в услужение хороших крестьянок, соблазняли их для того, чтобы они служили кормилицами их собственных детей, а детей рожденных крестьянками, отдавали в воспитательный дом.

Это в порядке вещей: гой, дочь или сын гоя созданы для того, чтобы обогащать и забавлять еврея. Их удел быть пушечным мясом, рабочим скотом, служить для наслаждения и непотребных домов. Вчерашняя история повторяется и сегодня. Не присутствовать при богослужении.

которым добрым женщинам и героическим девушкам удавалось прежде спасти эти жертвы нищеты и разврата от отчаяния и стыда, теперь и этому будут мешать.

Канцлер д'Агессо, которого нельзя заподозрить в ненависти к просвещению, был поражен смелостью действий бордоских евреев и старался их сдерживать.

По правде сказать, португальские евреи таки терпели от своих единоверцев. Разные Сильва, Ланейры, Перейры и Ко стояли во главе банкирских и торговых домов и оказывали государству некоторые услуги. К несчастью, видя город открытым, целая туча авиньонских и немецких евреев ринулась на Бордо. Португальцы, принадлежавшие к колену Иудову, были поставлены в весьма затруднительное положение сынами колена Вениаминова, которые деятельно предались торговле старым платьем и тряпьем и при этом не всегда отличались желаемою честностью.

В довершение беды возгоралась сильная распря из-за кошерного вина, на которое раввины предъявляли права на том основании, что они его делали по уставу, между тем как немецкие раввины хотели его готовить сами и ничего не платить.

В наше время эти раздоры были бы прекращены очень просто: всех соперничающих евреев назначили бы префектами или под-префектами и попросили бы их вымещать свою злобу на христианах; но XVIII век до этого еще не дошел.

Несмотря на сопротивление авиньонских евреев, утверждавших, что они занимаются крупной торговлей, определением совета от 22 янв. 1734 г. было решено окончательное изгнание без всякого отлагательства всех авиньонских и немецких евреев, поселившихся в Бордо или в других местностях провинции Гюйены. Благодаря этой мере, португальские евреи могли в относительном спокойствии оставаться в Бордо до революции.

Однако Бордо был для евреев слишком узким полем действия; они тщетно пытались в 1729 г. поселиться в Ла Рошель; другое постановление от 22 авг., вследствие донесения д'Агессо, которого мы находим всюду, где идет речь о спасении отечества, изгнало их из Невера.

Но особенно они добивались попасть в Париж. В 1767 г. они вообразили, что нашли средство проникнуть туда. Одно постановление совета гласило, что, при помощи грамот жалованных королем, иностранцы могут вступать в ремесленные цехи. Евреи, которые никогда не унывают, вообразили что им легко будет пробраться этим путем.

Шесть торговых корпораций выразили энергический протест. «Прошение парижских купцов и негоциантов о недопущении евреев» является одним из самых интересных документов по семитическому вопросу.

Действительно, больше нельзя рассказывать нам старые сказки о фанатических народах, подстрекаемых монахами, о религиозных предрассудках. Эти горожане-парижане XVIII века, совре-

менники Вольтера, вероятно довольно равнодушны к вопросам веры.

Они обсуждают вопрос не с религиозной, а с социальной точки зрения. Их доводы, внушенные здравым смыслом, любовью к отечеству, чувством самосохранения, тождественны с доводами берлинского, австрийского, русского, румынского комитетов, и их красноречивое прошение является первым документом современного антисемитического процесса, на который будет опираться начинающее двадцатое столетие, если процесс затянется до тех пор.

Парижские купцы энергично противятся тому, чтобы евреев ставили на один уровень с иностранцами. Иностранец — есть понятие свойственное всем цивилизованным людям; еврей же стоит вне всяких наций, это чужой, нечто вроде древнего циркулятора.

Принятие этого сорта людей в политическое общество является очень опасным; их можно сравнить с осами, которые забираются в ульи для того,⁶⁸ чтобы умерщвлять пчел, вскрывать им живот и высасывать мед, находящийся в их внутренностях. Таковы евреи, у которых невозможно предполагать гражданских добродетелей, присущих членам политических обществ.

Ни один из этих людей не был воспитан в правилах законной власти. Они даже считают, что всякая власть есть захват их прав, и мечтают только о том, чтобы достигнут владычества над вселенной, считают все владения своею собственностью, а поданных всех государств за узурпаторов, отнявших у них имущество.

Часто случается, что, желая возвыситься над предрассудками, утрачиваешь настоящие руководящие правила. Известная современная нам философия пытается оправдать евреев и доказать несправедливость отношения к ним европейских государей. И так, или надо считать евреев виновными или ставить в вину государям, предшественникам Его Величества, жестокость, достойную самых варварских веков.

Эти купцы XVIII века, которые были поумнее наших теперешних лавочников, позволяющих выгонять себя для того, чтобы уступать место дерзким пришельцам, указывают в выражениях, достойных Туссенеля, на свойственный евреям дар сплачиваться и соединяться против тех, кто им оказал гостеприимство. То, что они пишут о состояниях, добытых честным трудом, является как бы завещанием старых парижских коммерсантов, столь честных, добросовестных, далеких от бесстыдной рекламы, без которой вам теперь не продадут и аршина камлота, и благодаря которой туристы смотрят на Париж, как на разбойничий притон.

Евреи притесняют всех иностранцев; это честицы ртути, которые бегают, рассыпаются и при малейшем наклоне соединяются в одно целое. Редко случается быстро разбогатеть от торговли, если ее вести с должной честностью; вообще можно утверждать, что состояния французов и особенно париж-

⁶⁸ Немцы выражают ту же мысль еще образное, называя семитизм «еврейским золотым пауком» die judissee Goldspinne.

ских купцов добыты законно. Евреи, напротив, в течении немногих лет накопляли огромные богатства, да и по ныне мы это видим. Уж не обязаны ли они этим какой-нибудь сверхъестественной способности?

Евреи не могут похвалиться, что предоставили хоть какую-нибудь выгоду жителям тех стран, где их выносят. Новые изобретения, полезные открытия, усидчивый и тяжелый труд, мануфактура, вооружение войск, земледелие — ничто не входит в их систему. Но пользоваться открытиями, чтобы искажать плоды их, подделывать металлы, прятать краденые вещи, покупать у первого встречного, даже у убийцы и слуги, ввозить запрещенные или испорченные товары, предлагать расточителям или несчастным должникам средства ускоряющие их разорение, заниматься учетом векселей, ажиотажем, ссудой под залог, меной, торговлей подержанными вещами, всякого рода ростовщичеством — вот их промысел.

Разрешить одному только еврею открыть в городе торговый дом, значит разрешить в нем торговлю всему племени, противопоставить силам каждого негоцианта силу целого племени, которое не применит воспользоваться этим, чтобы вредить по одиночке всем торговцам, следовательно вредить торговле всего города.⁶⁹

Если их деятельность опасна везде, то в Париже она была бы пагубнее, чем где-либо. Какое обширное поле для алчности! Какая возможность совершать проделки по их вкусу! Ни строжайшие законы, ни бдительность полицейских чиновников, ни старания городского управления способствовать видам администрации, — ничто не было бы в состоянии предотвратить последствия их алчности. Было бы невозможно уследить за ними на их извилистом и темном пути.

Приведем еще пророческое заключение этого замечательного произведения, в котором проглядывает честная и патриотическая душа наших предков.

У одного древнего философа спросили, откуда он родом; он отвечал, что он космополит, т. е. гражданин вселенной. Другой говорил: «я предпочитаю мою семью самому себе, мое отечество семье, а человеческий род моему отечеству». Пусть защитники евреев не впадают в заблуждение! Евреи не космополиты, нет такого места во вселенной, где бы они были гражданами; они предпочитают себя всему человечеству, они его тайные враги, ибо предполагают когда-нибудь его поработить.

Этот негодующий протест восторжествовал. Первый приговор от 25 июля 1775 г. разрешал снять запрещение с товаров захваченных сторожами в еврейских лавках и позволял евреям продолжать торговлю: но совет изменил это решение, и приговор от 7 февр. 1777 г. окончательно отказал евреям в иске.

⁶⁹ А что же творится теперь, когда министерство, полиция, судьи, комиссары, низшие агенты, банки, газеты, все в их руках, и они сговариваются между собою, как шайка мошенников на огромной ярмарке, что бы обирать христианина.

Евреев защищал Лакретель; но надо признаться, что они выбрали странного защитника.

«Этот народ, пишет он, освоившийся с презрением, избирает низость путем для своего благосостояния; будучи неспособен ко всему, что требует энергии, он редко попадает в преступления, но часто в мошенничестве. Он жесток из недоверия и принесет в жертву добрую славу, все счастье, лишь бы приобрести для себя самую ничтожную сумму.

У него нет других средств кроме хитрости, и он ловко умеет обманывать. Ростовщичество, — это чудовище, которое раскрывает руку самой скупости, чтобы насытиться еще более, которое в тишине, во мраке принимает тысячи различных образов, беспрестанно высчитывает часы, минуты ужасного заработка, всюду ходит, высматривает несчастных, чтобы подавать им коварную помощь, — как бы избрало еврея своим орудием. Вот что могло собрать о еврейском народе самое тщательное исследование, и, признаться по правде, можно ужаснуться этого изображения, если оно правдиво, а оно слишком правдиво, это прискорбная истина».

Это столь энергично выраженное чувство отвращения тем более знаменательно, что по-видимому никто, особенно во Франции, не подозревал истинной силы еврея. Вольтер, нападавший на Ветхий Завет из ненависти к Новому, осыпал евреев своими сквернословными шутками, но говорил о них как обо всем, не зная хорошенько, что он говорит.

Надо признаться, что ненависть автора «Девственницы» к израилю проистекала из самых низких и грязных побуждений. Вольтер был в XVIII веке совершеннейшим типом нынешнего оппортуниста, с придачей таланта, стилия и ума. Он был жаден до денег и всегда был замешан во все подозрительные денежные аферы своего времени. Когда на столетнем юбилее Вольтера, в заседании, председательствуемом баденцем Спюллером, Гамбетта принялся хвалить друга Прусского короля и объявил, что он был отцом нашей республики, он этим самым исполнил сыновний долг. Вольтер, бывший в компании с поставщиками, которые заставляли наших солдат издыхать от холода и голода, находившийся в дружеских сношениях со всеми лихоимцами своего времени, — в наши дни имел бы сообщником Феррана, выручил бы круглую сумму при займе Морган и в финансовых предприятиях заткнул бы за пояс Шальмель-Лакура и Леона Рено. Поэтому нет ничего удивительного, что Вольтер был издавна замешан во все еврейские истории. Впрочем этот француз с прусским сердцем разрешил трудную задачу — быть более жадным к наживе, чем сыны израиля, и более пройдохой, чем те, кого он оскорблял.

Шпион шпиона, оплачиваемый Дюбуа — таково положение, в котором нам прежде всего является великий человек, столь близкий сердцу французской демократии. Любопытный отрывок из

его переписки, на который из всех писателей один только Брюнетьер сделал легкий намек,⁷⁰ представляет нам философа, — в том возрасте, когда благородные чувства проявляются у наименее одаренных людей, выдающим кардиналу Дюбуа какого-то несчастного еврея из Меца, Соломона Леви, который честно занимался ремеслом шпиона.

Это письмо к Дюбуа интересно с точки зрения тех исследований, которыми мы занимаемся; оно хорошо освещает личность Вольтера и в то же время рисует деятельность еврея, международного разведчика, проникающего всюду, благодаря своему племени.⁷¹ Однако Вольтер оказался наиболее ловким из двух, вероятно потому, что он был наименее щепетильный.

«Ваше Высокопреосвященство,

«Посылаю Вам маленькую заметку о том, что мне удалось узнать относительно еврея, о котором я имел честь говорить Вам.

Если Ваше Высокопреосвященство считаете этот случай важным, то я осмелюсь доложить, что так как для еврея отечество там, где он зарабатывает деньги, то он также легко может выдать короля императору, как и императора королю».

Записки о Соломоне Леви.

«Соломон Леви, родом из Меца, был сперва на службе у г. Шамильяра и затем перешел к врагам с тою легкостью, с какою евреи всюду принимаются и изгоняются. Ему удалось сделаться поставщиком императорской армии в Италии: отсюда он доставлял все необходимые сведения маршалу Виллерау, что не помешало ему быть захваченным в Кремоне.

«Впоследствии, будучи в Вене, он переписывался с маршалом де Виллар. В 1713 г. он получил приказ от г. де-Торси следовать за милордом Мальбруг, вступившим в Германию, чтобы воспрепятствовать миру, и отдавал точный отчет в его действиях.

«Полтора года тому назад он был тайно послан Лебланом в Пирц, яко бы по государственному делу, которое оказалось вздором. Что касается до его сношений с Вилларом, секретарем кабинета императора, то Соломон Леви утверждает, что Виллар, если и открывал ему что-либо, то как человеку преданному интересам империи, так как он брат другого Леви, служившего в Лотарингии и очень известного».

«Однако невероятно, чтобы Виллар, который получал деньги от Соломона Леви в обмен за тайны своего государя, выданные лотарингцам, не брал бы их так же охотно и для той же цели у французов.

⁷⁰ Критические очерки французской истории и литературы.

⁷¹ Это призвание до такой степени им присуще, что даже Гейне, «этот соловей, который, по удачному выражению, свил гнездо в парике Вольтера», пользовался тайными суммами в течение всего царствования Луи-Филиппа.

«В настоящее время Леви скрывается в Париже по частному делу, которое он ведет с другим мошенником Рамбо де С.-Мер. Дело это находится в Шателэ и нисколько не касается Двора».

Многочисленные денежные операции, которыми предавался Вольтер, не раз терпели неудачи. Будучи участником в делах еврея Медины, он потерял при его банкротстве 20 тыс. ливров, которые оплакивал всю жизнь, ибо он не обладал философским взглядом добрых акционеров Бингэмских рудников.⁷²

«Когда Медина, писал он незадолго до своей смерти, заставил меня потерять в Лондоне 20 тыс. ливров — 44 года тому назад, то он мне сказал, что это не его вина, что он никогда не был сыном Белиала, а всегда старался жить, как сыны Божии, т. е. как честный человек и хороший израильтянин. Он меня умилил, я его обнял, мы вместе восхвалили Бога, и я потерял 80%...»

Около полувека прошло с тех пор, не смягчив жгучего воспоминания.

Дело Авраама Гирша или Гиршеля еще больше поразило великого человека. Хотя при этом лишь слегка пострадало его доброе имя, которым он мало дорожил, зато он утратил дружбу Фридриха, которую очень ценил.

Чтобы понять дело Гирша, стоит вспомнить тунисский заем; это та же операция с незначительными изменениями.

В царствовании польских королей Саксония выпустила билеты, называвшиеся Слауерскими и упавшие на 35% ниже номинальной цены.

Фридрих условился Дрезденским договором, чтобы эти бумаги оплачивались по выпускной таксе; будучи однако честнее наших правительств он формально запретил, чтобы с этими бумагами допускался ажиотаж.

Ясно, что это было совершенною противоположностью тому, что произошло с нашими правительственными железными дорогами, когда депутаты участвовавшие в предприятии, скупили за бесценок из первых рук упавшие бумаги, которые вдруг поднялись в цене, как только Франция выдала обеспечение. То же было и с тунисскими облигациями. Упав в цене до последней степени, благодаря нападкам на них еврея Леви-Кремье в *Republique Francaise*, они были захвачены шайкой Гамбетты и сделались первостепенной ценностью с тех пор, как Франция, чтобы набить карманы некоторых членов республиканского союза, берет на себя долги тунисского бея, до которых ей столько же дела, сколько до долгов китайского императора.

Один еврей, золотых дел мастер увидел, что предприятие выгодно, и сказал Вольтеру: «Вы в милости при дворе, купим пополам Слауерские билеты по низкой цене, и пусть нам за них заплатят ал

⁷² См. по этому поводу весьма интересный труд, изданный под заглавием: «Вольтер и евреи» в «Израильских архивах» (апр. 1882 г.).

pari)».

Что же произошло затем? Трудно узнать с достоверностью. В дело замешался другой еврей, Ефраим Вейтель, желая получить свою долю барыша. В обмен за свою подпись Вольтер потребовал от Гирша залог из бриллиантов стоимостью в 18 тыс. ливров. Он велел протестовать свой вексель и хотел купить бриллианты чуть не даром; кроме того он потребовал, чтобы Гирш принес ему перстень и зеркало осыпанные бриллиантами, и, недовольствуясь еще этим залогом, грубо сорвал кольцо, которое было надето на пальце несчастного еврея.

Последовавший за тем процесс наделал ужасного шума. Вольтер, который охотно доносил и всегда умел быть в ладах с властями, просил Бисмарка, одного из предков страшного канцлера, велеть арестовать Гирша, которого продержали некоторое время и потом выпустили.

Фридрих II выказал заслуженное презрение человеку, которому республиканская Франция воздвигает теперь памятники. «Вы меня спрашиваете, пишет он по этому поводу маркграфине Байрейтской, в чем состоит дело Вольтера с евреем? Это дело мошенника, который хочет надуть другого мошенника. Вскоре мы узнаем из приговора, который из них наибольший бездельник».

Изгнанный из Потсдама Вольтер униженно смиряется перед презрением. «Государь, пишет он, умоляю Ваше Величество заменить состраданием ту доброту, которая меня пленила и побудила привести у ваших ног остаток моих дней.

Прошу прощения у Вашего Величества, у Вашей доброты, у Вашей философии».

«У Вас вышло с евреем самое грязное дело», ответил Фридрих и велел ему покинуть свои владения.

Эти денежные неприятности объясняют враждебность, которую Вольтер всегда выказывал евреям; его насмешки над их правилами гигиены, клички обрезанцев и вшивых, которые постоянно выходят из-под его пера.

Удивительнее всего, даже если знать невежество Вольтера, который всегда ошибается, когда не лжет. — это понятие составленное им, о количественной силе евреев.

«Мы думаем», пишет он в статье «Один христианин против шести евреев», «что вас теперь не более 400,000, да и того нет. Сосчитаем: 500 у нас около Меца, человек 30 в Бордо, 200 в Эльзасе. 12000 в Голландии и Фландрии; 4000 скрывающихся в Испании и Португалии, 15000 в Италии, 2000 открыто живущих в Лондоне, 20000 в Германии, Венгрии, Голштейне, Скандинавии, 25000 в Польше и соседних странах, 15000 в Турции, 15000 в Персии. Вот все, что мне известно о численности вашего населения; оно достигает только 108,730 евреев. Я согласен набавить еще 100,000 — больше я не могу ничего сделать, чтобы служить вам. Вы смее-

тесь с вашими четырьмя миллионами».

Сравните эту цифру, приведенную человеком правда очень поверхностным, но принимавшим деятельное участие в движении своего времени, с цифрой 8 млн. евреев, открыто признаваемою теперь. Вы поймете почему израиль оградился вдруг глубоким молчанием, чтобы посвятить себя подземной работе против общества. Эта сосредоточенность израиля, если можно так выразиться, позволила Европе в течение всего XVIII века прожить в сравнительном спокойствии, возделывать искусства в мире, прерываемом лишь небольшими войнами, которые не были ни племенными, ни религиозными столкновениями, а потому не отличались губительностью. Перед битвой противники отдавали друг другу честь шпагой, после битвы пожимали друг другу руки и отправлялись вместе в театр.

Впрочем в конце XVIII в. нескольким евреям удалось устроиться в Париже, хотя и при очень ненадежных условиях.

Помимо бродячих евреев, которые пробирались тайком и умели обходить закон, в столице терпели несколько еврейских семейств немецкого толка, пришедших из Лотарингии и Эльзаса; у них был свой представитель, старшина, некто Гольдсмит, потомки которого кажется владеют пышным отелем, в улице Монсо и даже носят титул, заслуженный уже наверно не в Крестовых походах. Они подчинялись полицейскому чиновнику, по имени Брюжер, и должны были являться к нему каждый месяц для возобновления вида на жительство; он имел право отказать в выдаче вида и требовать немедленного удаления из Парижа. Как видите, это было совершенно то же отношение, как к женщинам известной категории.

Кроме этих семейств существовала в Париже маленькая колония португальских евреев, которые, будучи большею частью родом из Бордо, способствовали поддержанию привилегированного положения, заслуженного евреями этого города известною выдержкою, действительными достоинствами и относительным уважением, столь редким у евреев, к религии тех людей, которые им оказали гостеприимство.

Синдиком этих португальцев был человек, которому наука отвела особое место, Яков Родриго Перейра, изобретатель метода для обучения глухонемых. Людовик XV, пораженный опытами при которых присутствовал, пожаловал в 1750 г. пенсию Родриге Перейре; в 1753 г. академия присудила ему премию за записку по вопросу: «Какие средства могут заменить ветер на больших кораблях»; наконец в 1765 г. он был назначен переводчиком восточных языков при короле.

И так уважение, которым пользовался синдик, усиливало благосклонность ко всем португальским евреям.

Однако правительство, которое знало, или вернее думало, что знает евреев, держало их в границах, чтобы под прикрытием отдельных личностей

пользовавшихся уважением, не произошло всеобщее нашествие.

Письмо Лемуара к Перейре, обнародованное общиною, ибо оно все-таки служило гарантией известных прав в зависимости от известного поведения, свидетельствует о заботливости, с оттенком беспокойства, с какою старая Франция следила за израиляем.

«Все евреи, прибывающие в Париж, пишет Лемуар, могут в нем жить лишь по паспортам, выдаваемым на короткий срок; ибо они подчиняются совсем особой полиции. Одни только испанские и португальские евреи, известные под именем новых христиан или португальских купцов, были до сих пор избавлены от этого правила; но я думаю, что если бы они сами не были подчинены известному уставу, то из их привилегий проистекли бы некоторые неудобства, а именно, разные иностранные евреи ложно принимали бы звание португальских купцов и проникали бы в Париж, чтобы нарушать порядок, и это было бы для них тем легче, что за ними следили бы менее зорко, чем следует.

Чтобы предупредить эти злоупотребления, король постановил, чтобы все испанские и португальские евреи, откуда бы они ни приехали, если захотят жить в Париже, представляли удостоверения синдика и шести других почетных, утвержденных законом лиц своей общины, которые подтвердят их приметы и засвидетельствуют их личность.

Представляя для записи свои удостоверения и другие документы, свидетельствующие об их подлинности, они должны объявить о причинах своего пребывания в Париже, о своем местожительстве и за три дня известить о дне отъезда.

Все эти объяснения должны вноситься в список, который будет предъявляться при всяком требовании.

Говоря о португальских евреях в Париже, надо отвести особое место знаменитому Пейксотто. В жизни этого миллионера мы встретим много знакомых имен: имя Дакоста, убийцы наших священников, имя Катулла Мендеса.

Сам Пейксотто — настоящий современный еврей; это тип, который мы встречаем на каждом шагу: грубые пороки, глупое тщеславие, нахальство, постоянная потребность быть на виду, заставлять говорить о себе.

В 1775 г. весь Париж занимался его разводом с женою. У него не было особых причин жаловаться на свою подругу жизни, ибо он ей ставит в укор лишь то, что она всегда в дурном расположении духа, становится стара, сварлива, мелочна и любит противоречить.

Как оказывается, этого более чем достаточно по закону Моисея, чтобы признать развод, который еврею Накэ таки удалось силою навязать Франции, столь долгое время обязанной своим нравственным величием уважению к нерасторжимости брака.

Раввин Гиллель, на которого Пейксотто ссылается, говорит правда, что муж не может отвергнуть жену без причины, но что малейшего повода

бывает достаточно. По его мнению довольно уважительною причиною может считаться то обстоятельство, что жена переварит обед своего мужа: *etiam ob cibum ejus nimis ardore coctum*.

С развязностью, свойственною подобным людям, Пейксотто приводит в пример какого-то князя, состоявшего в родстве с королевским домом, чтобы доказать, что нельзя жениться за границей без разрешения короля, и напоминает о расторжении брака герцога Гиза с девицею Берг. На это адвокаты отвечали, чего бы себе теперь, может быть, не позволили, что банкир «не француз и даже не натурализованный, а еврей», не одно и то же, что герцог Гиз.

Отвращение Пейксотто к супружеским узам объяснялось причинами, которых от нас не скрывали современные хроникеры. Гнусные наклонности банкира были известны всему Парижу.

У нас есть другое свидетельство о нравах Пейксотто в «Оленьем Парке» или «Происхождении ужасного дефицита», но просто затрудняешься говорить о приключении с Деврие и о картинке, сопровождающей текст.

Я предоставляю это евреям — издателям из улицы Полумесяца, которые припишут эту историю какому-нибудь честному христианину и заслужат еще раз уважение еврейского масонства. Шум, поднятый Пейксотто, не так-то скоро стих. Не знаю, вследствие каких обстоятельств он отправился в Испанию и был окрещен 18 авг. 1781 г. Дон-Жуаном Дини де ля Гуерра, епископом Сигуэнцы.

Надо сознаться, что самые знаменитые нынешние чудачки, — Гирш, выставляющий свой герб на конюшнях Борегара, Ефруси, смело расположившийся в славном жилище де Люинов, Ротшильд, говорящий герцогу Омальскому: «я разделяю страсть наших предков к охоте», — не могут сравниться с ним в комизме.

Другим выдающимся лицом, среди французского еврейства XVIII века, был Лифманн Кальмер. «Ежегодник Израильских Архивов» сообщает нам, что он родился в 1711 г. в Ганновере, поселился в Гааге и женился на Рахили Моисей Исаак. Вскоре он покинул Голландию и переселился во Францию, где ему удалось каким-то образом выхлопотать права гражданства для себя и детей. Кальмер не остановился на пол пути, и действительно он был первым еврейским бароном во Франции.

Один ничтожный человек, Пьер Бри, владелец Бернапре, купил у кредиторов герцога Шольн за 1,500,000 ливров баронию Пикиньи и Амьенское видамское достоинство. Вскоре оказалось, что это приобретение было сделано от имени Лифмана Кальмера, богатого гражданина города Гааги, получившего права гражданства во Франции и ставшего таким образом владельцем баронии Пикиньи и носителем Амьенского видамского достоинства.

Начиная с этого времени Кальмер проводил свою жизнь в тяжбах. Вместо того, чтобы быть

миролюбивым и скромным, он изъяснял притязания на пользование во всей строгости своими феодальными правами; он довел свое нахальство до того, что сам хотел раздавать церковные доходы коллегиальной церкви св. Мартина в Пикиньи. В то время еще не привыкли видеть, чтобы евреи, как впоследствии делал Кремье, назначали епископов, и епископ Амьенский с редкою энергиею восстал против этого неслыханного притязания.

Несмотря на весь шум, наделанный Пейксотто и Кальмером, положение евреев в Париже было еще очень шатко. Об этом красноречивее всего говорит одна подробность: они даже не знали, где им хоронить своих покойников, и погребали их в ла Вилетт, в саду извозничьего трактира под вывескою «Золотого солнца», они платили владельцу Матару 50 фр. за тело знатной особы.

Матар безжалостно эксплуатировал этих парий, оскорблял их самые священные верования, велел сдирать шкуры с быков и лошадей на земле, предназначенной для погребения, смешивал мясо и кости этих животных с останками людей, мешал евреям во время похоронных церемоний и грозил им, что не будет принимать их покойников.

Неправда ли, как поразителен контраст между вчерашним и сегодняшним днем? Посмотрите на этих несчастных, которые потихоньку отправляются в отдаленное предместье Парижа, ибо у них нет места, где бы они могли плакать и читать молитву: «о, предвечный Боже, скала миров, сущий во веки, милосердный, прощающий обиды и заглаживающий беззакония, молю Тебя о душе того, который умер». Прежде чем пройдет сто лет, они будут владыками блестящего Парижа, по которому теперь скользят как тени; у них будут дворцы, резвые кони, ложи в опере, власть — все у них будет. В этом самом закоулке Вилетт будут возвышаться заводы Гольфена, где три тысячи христианских рабочих, согбленных под бременем непрерывного труда, задыхающихся в 50 градусной атмосфере, ведомые из-под палки подобно строителям пирамид, будут впадать в чаютку и харкать кровью начиная с 40 лет, для того, чтобы у этого человека прибавилось немного золота.

Мне захотелось увидеть это кладбище, существующее поныне, и я нашел под № 44 во Фландрской улице «Золотое солнце» почти таким, каким оно было в прежнее время, хотя трактир не существует, но дом сохранил свое название.

В первую минуту кажется, что вы попали в трактир XVIII века. По огромному двору, напоминающему двор фермы, расхаживают куры, индюки, утки, которые полощутся в луже, коза дополняет эту сельскую картину.

Дом примыкает к главным магазинам и тут же построены обширные сараи для складыванья излишка товаров.

В околотке не знают, что тут есть кладбище. Впрочем евреи приходят сюда иногда, — кто знает?

может быть для того, чтобы сосредоточиваться, как Абдоломан, который, из садовника сделавшись царем, уходил в отдаленный угол своего дворца и смотрел на свою скромную одежду, напоминавшую ему о его первоначальном состоянии.

Трудно отыскать более удобное места для размышлений. Почерневшие от селитры стены разваливаются; сухая тощая трава растет на бесплодном пространстве, осеняемом несколькими чахоточными деревьями. Сырость разъела могильные камни, покрытые еврейскими надписями, большая часть которых стала неразборчива. Это место служит теперь для свалки всякого хлама; в углах складывают черепки от бутылок и негодное железо. Под зеленым мхом виднеется несколько надписей, свидетельствующих, что кладбище служило для погребения еще во времена республики и первых годов империи.

Тут встречаются имена Сильвейра, Лопец, Дакоста, Соломона Перпильян — одного из основателей бесплатной школы рисования. Всего на кладбище 28 могил.

Тело Иакова Перейра, погребенное там, было вырыто заботами его семьи в 1878 г.

Жалость берет, как подумаешь о прежних похоронах украдкой. Я знаю, что сами евреи стали безжалостны к нашим умершим, как только захватили власть, и расскажу дальше горестную историю 70 летнего старца, которого еврейское франмазонство выбросило на снег, не дав ему уснуть вечным сном в убежище, где он мечтал спокойно молиться.

Поневоле растрогаешься и заинтересуешься усилиями евреев отвоевать себе могилу на французской земле, которая должна была в последствии принадлежать им.

Немецкие и португальские евреи, в лице их представителей Гольдсмита и Иакова Перейры, просили разрешения приобрести место для общего отправления похоронных служб; это подало повод, в течение всего 1778 г., к длинной переписке между Ленуаром и Перейрой.

Дело шло о приобретении места между ла Вилетт, Пантенем и Бельвилем. Они хотели купить пол десятины, пространство могущее вместить до 200 могил, или $\frac{3}{4}$ десят. или даже целую, с тем, чтобы окружить стеною две трети или половину всего пространства. По вычислению в Париже умирало 12-15 евреев в год, что свидетельствовало о населении в 400 человек приблизительно.

Ленуар отвечал, что земля может быть куплена только евреем, получившим права гражданства. Один только еврей Кальмер находился в подобных условиях, а других лишь терпели. Между тем Матар притеснял бедняков, требовал огромное вознаграждение в 40,000 ливров, и то лишь с правом пользования его землею в течение шести лет.

На проекте учреждения кладбища для парижских евреев, редактированном Перейрой по приказу Ленуара, написано на полях: «читано в собрании 27 окт. 1778 г., состоявшем из Серфбера, Лифмана, Кальмера и его трех сыновей, Гольдсмита, Израиля

Соломона, Сильвейра и Перейра».

Вот вступление к этому проекту: «М.м. Г. г. Дети израиля, которых провидение привело во Францию и поддерживает, не знают, как благодарить небо за счастье, которое они вкушают при правительстве, отличающемся порядком, правосудием и гуманностью.

Что касается до этой последней добродетели, в которой евреи наиболее нуждаются всюду и для которой они со времени рассеяния, так сказать, служат пробным камнем у всех народов, — то они особенно видят его плоды в Париже, благодаря милостям г. Лемуара, управляющего полицией, каковые милости наиболее способны возбудить их благодарность».

В 1780 г. Иаков Перейра, по-видимому условился насчет окончательной покупки земли для кладбища евреев португальского толка, но Сильвейра, синдик португальских евреев и агент Байонской общины потребовал, чтобы немецкие евреи обязались приобрести отдельное кладбище.

Эти последние снова обратились к Матару, но он им отказал наотрез, не позволил хоронить никого из их толка и даже хотел вырыть уже похороненных покойников, чему воспротивился Лемуар.

Только пять лет спустя после португальцев, немецким евреям удалось приобрести кладбище. Серфбер, пользовавшийся большим уважением среди израильской партии, выдал необходимую сумму и по этому поводу обратился с новой просьбой к Лемуару, с приложением жалованной грамоты Людовика XVI, от 15 апр. 1775 г., в силу которой ему разрешалось приобретать и владеть недвижимостью в королевстве.⁷³

⁷³ В 1778 г. была открыта первая молельня для немецких евреев в улице Бризмиш, вторая в 1780 г. в улице Ренар-С.-Мерри. Несколько лет спустя, устроили третью в бывшем кармелитском монастыре, которая получила название Carmelites sceul, кармелитская синагога. Четвертая молельня в улице Petits Ceamps-Sn.Vartin была долго известна под именем Nutmaseer-Sceul, вследствие того, что рядом находилась лавка шляпочника. В этой последней синагоге помещалось 166 человек; кантором (cazan) в ней был Леман Гирш Филипп, а даровым раввином Натан Полак. Первым официальным раввином был Зелигман Михель.

Храмы в улицах С.-Авуа и Шом были закрыты в 1821 г., когда была построена синагога в улице Победы.

Первый еврейский ресторатор назывался Бертоан: он дал приют в 1784 г. главному раввину из Амстердама, Саулу, который отправлялся через Париж в Иерусалим, чтобы покончить дни свои в св. городе. Альберт Кон, у которого мы заимствуем некоторые из этих подробностей, говорит, что евреи воспользовались знанием Талмуда этого путешественника для устройства священной купальни, которая тогда еще не существовала. Одновременно устроили такую же купальню на прачечном плоту близ навого моста, где она оставалась в течении 38 лет.

Почти в то же время открыли две маленькие школы для мальчиков, в которых учили еврейской грамоте. Одною заведовал Я. Каген, другою М. Арон, поляк, один из потомков которого, бывший мой соученик, стал редактором «Journal officiel» на том основании, что он еврей и под тем предлогом, что я христианин, лишил меня маленького места, занимаемого мною в этой газете.

Наконец все препятствия были устранены и 31 мая 1785 г. Лемуар разрешил Серфберу отдать в распоряжение евреев участок земли, купленный им в Монруже. Этот участок служил еще в 1804 г. и был заменен местом на кладбище Pere Laseaise, уступленным городом, но так как и это вскоре оказалось недостаточно, то город дал землю на Монмартре. Когда христиане начнут стеснять евреев, которые будут становиться все многочисленнее, тогда их кости будут выбрасывать на ветер или сжигать, как того хотят Накэ и Соломон.

Монружское кладбище было открыто не только для парижских евреев, но и для тех, которые рыскали вокруг двора в Версали, выжидая случая, дать деньги в рост какому-нибудь дворянину, находящемуся в стесненных обстоятельствах.

Благодаря им Людовик XVI очутился однажды лицом к лицу с евреем, которого его предки изгоняли, и который выдвинул перед ним вечный семитический вопрос.

Рассказ, переданный «Израильскими Архивами», поразителен.⁷⁴

Однажды в 1787 г. Людовик XVI отправлялся на охоту, окруженный тою пышностью, которая всегда сопровождала счастливого, улыбающегося, веселого повелителя самого прекрасного королевства в мире.

Вдруг в окрестностях Версаля, который до сих пор возбуждает в уме представление о благородстве и грустном величии, подобно солнцу, заходящему в пурпуре, среди долины Роканкур, король увидел четырех старцев со странными лицами, несших гроб, покрытый грубым холстом. За ними следовала кучка людей восточного типа с длинными носами и приниженным видом. По приказу короля капитан телохранителей осведомился, кто они, и донес, что это евреи, которые являются в Версаль ради денежных дел и что они переносят тело одного из своих единоверцев на Монружское кладбище.

Благородная жалость охватила сердце короля слабого, неспособного на какой-либо мужественный поступок, но за то полного доброты. Воспоминание о несчастных, встреченных им в дороге, преследовало его даже в великолепном дворце, где он еще царил во всем блеске своего всемогущества. Он призвал Мальзерба и стал убеждать его разделить его великодушные намерения. В 1788 г. была образована комиссия для изыскания средств улучшить судьбу евреев. Комиссия эта под председательством Мальзерба, привлекла к себе нескольких евреев, уважаемых в их среде: Фуртадо, Градиса, Серфбера

Во время террора оба эти учителя каждую декаду водили своих учеников в собор Богоматери, ставшей храмом Разума, и показывали им балетную танцовщицу, плясавшую на главном алтаре.

⁷⁴ Замечательно самое место встречи. 50 лет спустя еврей Фульд был мэром Роканкура и, благодаря своей тирании, наводил ужас на жителей. Прекрасные охоты Роканкура принадлежат теперь Гиршу, чудаку, который утверждает, что французское дворянство считает за честь бывать у него. Это тот самый, который велел своему сторожу стрелять в артиллерийских офицеров, батарея которых квартировала в Версале, потому что собака одного подпоручика имела дерзость пробраться в его владения (см. книгу V).

и других.

Увы! добряк заботившийся о несчастиях других, сам уже был предназначен на эшафот. В день коронавания он, согласно церемониалу, лег на несколько мгновений, завернувшись в черный бархатный покров, который несли на гробе Карла Великого в Ахене, а впоследствии оказалось, что он еще несчастнее того бедняка, нищенский гроб которого возбудил его сострадание, ибо должен был быть лишен даже гроба. Первого из христианнейших королей, принявшего участие в евреях, постигла горькая участь: его обезображенный труп, даже не прикрытый обрывком сукна, должен был быть сброшен с окровавленного помоста в яму с негашеной известью в улице Анжу.

Под 21 января я тщетно искал иногда в еврейских газетах — «Lanterne» Мейера, «Nation» Дрейфуса, хоть слово похвалы или сострадания к этому гуманному человеку, который первый во Франции постарался улучшить положение израиля; я находил только самые грубые ругательства против Капета, который позволял себе думать, что с евреями можно обращаться иначе, чем с собаками.⁷⁵

В это время еврей, которого никуда не допускали, в действительности был повсюду; началось это со времен регентства. Нельзя с уверенностью настаивать на израильском происхождении Ла, хотя это имя Law, (Lawis, Lewy) и носит еврейский характер. Во всяком случае, система его была чисто еврейским измышлением. По истине Ла основал во Франции на развалинах, которые ни для кого не были поучительны, финансовую эксплуатацию человеческой глупости, долженствовавшую принять такие громадные размеры. Он был смелым апостолом нового Символа веры, кредита, веры в воображаемые ценности, которая должна была стать религией общества более наивного и легковверного, чем древнее, при чем теперь взывают не к идеям высшего порядка, а к вожделениям и страсти к наживе.

Успех шотландца во Франции — важное событие, свидетельствующее, что на смену искреннему и благородному христианину былых времен выступает тип, совершенно незнакомый прежним векам — кутила, бездельник, обманщик, акционер...

Иностранец еврей лучше сознает это положение, чем французский; он берет смелостью, и настоящий еврей, скромно входящий в кабинет Ленаура, часто встречается с нахальной личностью, которую начальник полиции провожает с раболепными поклонами.

— Карету графа С.-Жермен! кричат лакеи в прихожей.

А иногда может быть, еврей говорит потихоньку своему блестящему единовверцу, наклоняясь к нему как бы затем, чтобы просить его покровительства, «поздравляю вас, брат мой Вольф, невоз-

⁷⁵ Иногда под этим числом читаешь объявления вроде следующего, от 11 янв. 1884 г:

«По случаю годовщины казни Людовика XVI избирательным комитетом 11-го округа будет устроено большое собрание и концерт с лотереєю аллегри. Праздник начнется в 8 ч. веч., 205-107, С Антуанское предместье».

можно быть аристократичнее».

То, чего еврей не мог сделать в средние века через храмовников, он сделал при помощи масонства, в котором он слил все частные тайные общества так долго скрывавшиеся в тени.

После бесчисленных томов, выпущенных по этому вопросу, мне кажется излишним повторять то, что все историки, а особенно Луи Блан⁷⁶ писали о роли масонства в революции. Неоспоримо также, что руководство всеми ложами перешло в руки евреев. Португальский еврей Пасхалес основал в 1754 г. общество посвященных, когенов, идеи которого были опошлены С.-Мартеном. В 1776 г. еврей Вейсгаупт создал секту «иллюминатов», главной целью которой было уничтожение католицизма.

Загадочный граф С.-Жермен ездил из города в город, передавая таинственный лозунг, скрепляя узы, соединявшие ложи, всюду подкупая продажных людей, смущая умы фокусничеством или вздором, который он говорил с невозмутимым спокойствием.

Не следует однако придавать этим приготовлениям к революции, которые еще требуют изучения, странные и фантастические размеры, придаваемые им романистами и драматургами. Если крушение было огромно, то средства, употребленные для разрушения старой Франции, были в сущности довольно просты.

Масоны избавились от единственного врага, которого им собственно следовало бояться в этом легкомысленном и не внимательном обществе, от иезуита. В высшей степени пронизательный, прозорливый иезуит олицетворяет собою французский дух в его лучших проявлениях: здоровом смысле, любви к просвещению, уравновешенном уме, благодаря которым наш XVII в. так важен в истории. Будучи очень хорошо осведомлен, хотя не так, как еврей, иезуит кроме того обладал даром узнавать чутьем космополита, авантюриста, угадывать его инстинктом, как о. Оливен в «Жаке» Додэ тотчас догадался о сомнительном аристократизме Иды Баранси; он тотчас усматривает черную точку у подобных существ, не по какому-либо пробелу в манерах, которые иногда бывают безукоризненны, а по некоторому недостатку умственного образования. Кроме того система воспитания иезуитов, их упражнения в логике делали их способными рассуждать и не поддаваться словам.⁷⁷

⁷⁶ см. «Историю французской революции», гл. III, т. II, «Революционеры мистики».

⁷⁷ Жозеф де Местр прекрасно объяснил этот антагонизм. Общество, ассоциация людей, идущих к одной цели, может быть побеждено (если его нельзя уничтожить) и стесненно только противоположною ассоциацией. А главный, непримиримый, естественный, врожденный враг иллюмината есть иезуит. Они друг друга чувствуют, отыскивают, как собака и волк. Повсюду, где возможно один непременно пожрет другого. Рабо С-Этьен протестант и революционер, высказал суть этого вопроса в двух словах: «без предварительного уничтожения иезуитов французская революция была невозможна».

Как ни взгляни, этот противник посвященный во все мирские дела, не испытывающий при этом ни каких земных страстей, был стеснителен, и масоны выказали величайшую ловкость, сумев удалить его с арены, на которой должны были действовать.

Иезуиты ясно видели какая опасность грозила Франции, потому что еще в 1774 г. о. Борегар объявил с кафедры собора Богоматери, что в этом же храме, где он возвещает слово Божие, будут поклоняться проститутке, но они кажется не подозревали, что карты были в руках евреев. Силу еврея составляло тогда его кажущееся бессилие; как его теперешняя слабость есть сила, с цинизмом выставленная на показ, сила громадная, конечно, но не опирающаяся ни на что, в том смысле, что достаточно бы было нескольких движений телеграфа, чтобы конфисковать во всей Европе эти неправильно нажитые богатства. Успех людей вроде графа С.-Жермен и Калиостро вовсе не покажется удивительным, если судить об этих фактах по тому, что происходит на наших глазах. Чтобы понять это, нет необходимости предаваться важным историческим размышлениям, достаточно сравнить прошлое с настоящим.

Очарование, производимое иностранцем, всегда одинаково. Есть тысячи природных французов, очень почтенных, очень порядочных, которые никогда не вступят в высший круг, а между тем двери этого круга настежь открыты для еврейских спекулянтов, торговцев неграми и проходивцев всех стран. Если француз придет к одному из наших известных ювелиров и попросит его продать ему в кредит обручальное кольцо, купец его вытолкает в шею, а на другой же день выдаст на 300 тыс. франков бриллиантов — Бог весть какому графу или маркизу.

Достоверно только, что французское общество, требовавшее формальностей от такого достойного человека, как Иаков Перейра, приняло с распростертыми объятиями сына Эльзасского еврея, по имени Вольфа, который выдавал себя за графа С.-Жермен. Он играл роль во всех дипломатических интригах своего времени, был посвящен во все государственные тайны, и ни один из салонных скептиков не возражал ему, когда этот природный вечный жид утверждал, что будучи одарен вечной юностью, он был современником Христа и оказал ему услугу перед Понтием Пилатом. Никто не заподозрил его в том, что он делал фальшивые бриллианты. Что же тут удивительного? Разве на наших глазах Жюль Ферри, этот благородный ум, свободный от всяких низких предрассудков, не был убежден, что г-жа Сельгава, при помощи волшебного перстня, откроет ему достаточно драгоценностей в С.-Дени, чтобы пополнить дефицит, произведенный в бюджете Франции хищениями и кражами во время республики?

Влияние Калиостро было еще больше. Этот доводил свою генеалогию до Карла Мартелла, и Фридрих Бюлау в своих «Загадочных личностях», и «Таинственных рассказах» показывает нам, что должно думать об этой басне.

Истина, конечно, менее блестяща и романтична, но легко усмотреть, какие точки опоры она дала воображению Бальзамо. Обстоятельство, позволившее ему выдавать себя за одного из потомков Карла Мартелла, состояло в том, что один из его предков материнской стороны назывался Матвеем Мартелло. Впрочем у него были причины гораздо более настаивать на материнской генеалогии, чем на отцовской, потому что в последней по всей вероятности встречалось не мало евреев. У этого Матвея Мартелло было две дочери. Младшая из них, Винченца, вышла за муж за некоего Иосифа Калиостро родом из Нуавы и была крестной матерью нашего авантюриста. Она ему дала при крещении имя своего мужа, впоследствии Иосиф Бальзамо принял фамилию мужа своей крестной матери и прибавил к ней графский титул, чтобы придать ей больше важности. Кроме того эта перемена фамилии помогала сбивать с толку тех любопытных, которые хотели узнать его истинное происхождение.

Петр Бальзамо, отец авантюриста, потерпел в Италии некоторые неудачи, во всяком случае менее серьезные чем те, которые постигли дядю Гамбетты (тот, к несчастью, был повешен); он отделался злостным банкротством, как отец Шальмель-Лакура.

Еще за долго до появления Калиостро, после вступления на престол Людовика XVI, Мария-Антуанетта, которую израиль преследовал с особою ненавистью, — мы скажем дальше почему, — уже подверглась нападкам, как королева и женщина. Первый из памфлетов против несчастной королевы, которых потом развелось до бесконечности, был пущен евреем. Вот что говорит по этому поводу де-Ломени, у которого были в руках все бумаги Бомарше, и которому труд «Бомарше и его время» открыл двери академии.

«Так как нельзя было официально воспользоваться усердием Бомарше вследствие его дурной репутации, то правительство Людовика XVI послало его, опять таки в качестве тайного агента, в Лондон в 1774 г. Дело шло о том, чтобы помешать распространению пасквиля, который считали опасным. Заглавие его было таково: «Совет испанской ветви насчетееправ на французский престол за недостатком наследников». Под видом политического рассуждения памфлет этот был специально направлен против королевы Марии Антуанетты; автор его был неизвестен; знали только, что обнародование его было поручено одному итальянскому еврею Гильомо Ангелуччи, который в Англии носил имя Вильяма Аткинсона, употреблял массу предосторожностей, чтобы сохранить свое инкогнито, и располагал достаточным количеством денег, чтобы напечатать одновременно два довольно большие издания своего пасквиля, одно в Лондоне, другое в Париже».

Полное заглавие этого произведения, которому недавняя полемика придавала интерес чуть ли не современности, по-видимому было следующее:

«Рассуждение, извлеченное из другого большого сочинения, или важный совет испанской ветви насчет её прав на корону Франции за недостатком наследников, могущий даже быть очень полезным всему дому Бурбонов, особенно Людовику XVI». Париж M DCC L XX IV.

По словам Бомарше, автора «Севильского цирюльника», удалось купить английское и голландское издание за 1500 ливров (70,000 фр.). Узнав, что еврей, по получении денег, скрылся с одним экземпляром, который собирался перепечатать, Бомарше будто бы пустился за ним в погоню по всей Германии, настиг его в лесу в окрестностях Нюрнберга и, направив на него пистолет, вытребовав у него этот экземпляр.

В эту-то минуту, бтдто бы Бомарше, застигнутый ворами, был ранен и спасся только благодаря прибытию своих слуг.

Даже те которые, были склонны думать, что Бомарше драматизировал положение и преувеличил опасности, которым подвергался, никогда не выражали сомнения в действительности выкупа брошюры и даже в приключение в Германии, подтвержденного трактирщиком, к которому перенесли раненого Бомарше. Но известная школа, задавшаяся целью обещивать всех христиан, чтобы возводить евреев в святые, во всем сомневается.

Д'Арнет, издавший в Вене несколько документов сомнительной достоверности касательно Марии-Антуанетты, осмелился утверждать в брошюре «Бомарше и Зонненфельс», что Бомарше сыграл недостойную комедию, что он сам сфабриковал памфлет, а что еврей Ангелучи никогда не существовал.

Поль Гюго перевел в 1869 г. эту брошюру под заглавием: «Бомарше в Германии», причем никто не обратил внимания на этот парадокс.

Меня удивляет, что ученый, подобный Огюсту Витю, не побоялся принять эту странную версию в прекрасном введении, предпосланном им в главе «театр Бомарше».

Собственно говоря, ведь это важная вещь — обвинять в таком низком поступке писателя, который, как ни суди достоинство его произведений, сделал Франции честь своим талантом. На чем основывается Витю, принимая показания д'Арнета? Допустим, что Бомарше действительно был тем человеком, которого нам изобразил д'Арнет (по-моему он его оклеветал). Он сочинил пасквиль, получил 75,000 фр., чтобы его выкупить; проделка удалась, ему оставалось только вернуться во Францию. Зачем скакать в Германию в погоню за Ангелуччи? Зачем, придумывая историю об ускользнувшем экземпляре, давать такое жалкое понятие о своей ловкости, когда он добивался дипломатической миссии?

По-моему Витю выказал недостаток критического смысла, восставая против соотечественника прежде, чем разобрать побуждения руководившие

д'Арнетом. Австрия уже много лет в руках евреев: очаровательная и великодушная аристократия её, жертва своих пороков, положительно находится под ярмом у израиля; настоящий австрийский посланник в Париже, как видно из найденных писем, касающихся бедного графа Вимпфена, есть барон Гириш. Д'Арнет хотел оправдать израиля в одном из бесчисленных взводимых на него проступков, очернив французского писателя.

Было бы гораздо достойнее Витю раскрыть эту хитрость, посвятив себя более глубокому изучению вопроса, которое ему показало бы, что у д'Арнета встречаются несообразности на каждой строке.

Оскорбляя Марию-Антуанетту, израиль, отличающийся злопамятством и преследующий своих обидчиков до пятого колена, отомстил королеве, которая гнала евреев с суровостью, достойною средних веков.

Мария-Терезия была непримиримым врагом евреев. Она возобновила против них все прежние унижительные предписания, заставила их носить длинную бороду и пришивать к правому рукаву платья лоскут желтого сукна.

22 дек. 1744 г. в Праге и во всем Богемском королевстве был издан следующий указ:

— По различным причинам я решила более не терпеть евреев в моем наследственном Богемском королевстве, поэтому я хочу, чтобы в последний день января 1745 г. не было ни одного еврея в г. Праге; если же таковые найдутся, то будут изгнаны солдатами.

— Впрочем, для того, чтобы они могли устроить свои дела и распорядиться своими вещами, которые им не удастся увезти до последнего дня января, им будет позволено остаться еще на месяц в других местах королевства.

— По истечении шести месяцев евреи покинут все Богемское королевство.

— Наконец это выселение изо всей страны завершится раньше последнего дня июня 1745 г.

Доказательством того, насколько евреи уже были могущественны повсюду, с какою силою уже проявлялось их влияние, которое выступает с большею откровенностью и наглостью со времени основания «Всемирного Израильского Союза», служит то обстоятельство, что многие другие государства с жаром вступились за евреев. Генеральные штаты поручили голландскому посланнику, барону Ван-Бармени, воспротивиться этой мере: английский уполномоченный, сэр Томас Робинзон, тоже составил ноту. Им удалось достигнуть только того, что срок изгнания был отложен до конца марта: около этого времени 28 тысяч израильтян должны были покинуть Прагу.

Благодаря новому заступничеству Польши, Дании и Швеции, евреи получили разрешение жить в Богемии.

Указ, 26 мая 1745 г., гласит: «Её Величество по прирожденной своей доброте и из уважения к

могущественному заступничеству короля Великобританского и Генеральных штатов соединенных провинций, позволяет еврейскому племени жить в Богемии до нового указа и заниматься, как прежде, торговыми и иными делами».

Поэтому случаю нидерландские евреи выбрали медаль; тем не менее оскорбления, тяжкие налоги, унижения сыпались на австрийских евреев.

Действуя при помощи масонства, евреи отомстили Марии-Антуанетте за то, что их заставила вынести Мария-Терезия. Какие мучительные страдания пришлось вынести королеве, которую народ, ничего не понимающий в тех ужасах, на которые его подстрекают, научился ненавидеть под именем Австриячки и опошил бесчисленными памфлетами. Когда перечитываешь подробности этой медленной агонии, то спрашиваешь себя, каким образом человеческое существо могло столько вынести и не умереть. Во всем этом есть утонченная низость, изобретательность на нравственные муки, особое искусство обещивать, поворачивать кинжал в ране, заставляя почти отчаиваться в Боге, — то, что носит печать еврейства.

Дело с ожерельем одна из самых прекрасных проделок масонства; это в своем роде *ceuf d'oeuvre*, тут все есть: удовлетворенная месть, бесчестие для Церкви, благодаря роли, которую играет кардинал де Роган, и наконец грязная денежная спекуляция.

И с каким единодушием вся Европа подняла шум об этом мошенничестве, которое в сущности было так пошло. По размерам, которые принимает дело, сразу видно, что евреи ведут интригу. При первом знаке все приходит в движение, и больше всех волнуются, понятно те, которые вовсе не посвящены в тайну.

В этом грязном деле всюду проглядывают евреи. Первые деньги, переданные г-же де ла Мот кардиналом, были доставлены евреем Серфбером, которому Роган устроил подряд на фураж для графа Монбарэ и оказал содействие в оставлении за ним аренды.

В этих скандальных эпизодах Калиостро выказался не простым мошенником и даже не площадным фокусником, а чем-то вроде пророка. Действительно, еврей любит, — я это замечал не раз, — объявлять притчами и образами о том зле, которое он подготавливает. В самом тайном агенте всегда сидит наби.

Иосиф Бальзамо исполнил эту роль провозвестника, и чтобы королева не оставалась в неведении, явился и открыл ей, что она принадлежит року, и ничто не может ее спасти.

Гамбетта, который, не говоря об общем происхождении, очень похож на Бальзамо, охотно употреблял, — понятно в другой среде и при других условиях, — те же приемы: он показывал фокус с графином, страшал людей, расстраивал их, объявляя им заранее о большинстве на выборах, предсказывая будущее. Очевидно, что если бы он напал на настоящего француза прежних времен, на храброго, честного и здравомыслящего воина, то нашего наби пристрелили бы где-нибудь за углом, и никто слова

не сказал бы. Но политическая сила евреев именно в том и состоит, что они основываются на факте, что с французами все возможно, потому что никогда не встретится такой здравомыслящий и мужественный человек, который бы отразил удар.

В то время как Калиостро, при помощи внушения, заставил королеву увидеть отрубленную голову в графине, падение Капитингов уже было действительно решено. В 1781 г. учения немецких и французских иллюминатов слились воедино на съезде в Виллемсбаде: в собрании масонов во Франкфурте в 1785 г. была объявлена смерть короля Шведского, короля и королевы французских.⁷⁸ Самые знатные французские вельможи, герцог Ларошфуко, герцог Бирон, Лафайет, Шуазели, Ноайли — всеми силами способствовали революции.

Труд о. Дешан «Тайные общества и общество» содержит любопытное перечисление членов ложи Обращения, почти исключительно состоявшей из аристократов. Состав Версальской ложи может быть еще интереснее. Тайные вдохновители масонства, по остроумной иронии, окрестили эту ложу именем св. Иоанна Простосердечного; и действительно этим вельможам была нужна порядочная доза простосердечия, чтобы вступать в заговор против самих себя, принимая участие в обществе, которое должно было их обобрать кругом и пустить по миру.

Аббат Давен отыскал в замке Блемон протоколы этой ложи от 21 марта 1775 г. до 20 марта 1782 г. «Это, говорит он,⁷⁹ маленький фолиант в 340 стр., переплетенный в красный сафьян, украшенный на корешке и на углах масонскими знаками: компасом, наугольником, косяком, отвесом, ватерпасом, оливковой ветвью; на книге надпись: «список совещаний и приемов сделанных в ложе св. Иоанна Простосердечного во славу Великого Строителя вселенной, под покровительством светлейшего гроссмейстера 5775».

В этом списке встречаются самые лучшие

⁷⁸ Эти факты теперь не подлежат сомнению. См. по этому поводу письмо кардинала Матье, от 7 апр. 1875 г. и епископа Нимсаго, от 17 янв. 1878 г., напечатанные в «Univers». Оба эти письма помещены в «Пастырских трудах» епископа Бессона.

«В нашей местности, пишет Кардинал Матье, случилось одно обстоятельство, которое я не могу выдавать за достоверное. Во Франкфурте, в 1785 г., было собрание масонов, на которое были приглашены два влиятельных лица из Безансона, бывшие членами общества: Реймон, инспектор почт и Мэр де Булиньи, президент парламента. В этом собрании было решено убийство короля шведского и Людовика XVI. Реймон и Булиньи вернулись в ужасе и обещали себе, что нога их не будет ни в одной ложе и что они сохранят тайну. Последний из них, оставшийся в живых, сказал это г. Бургону, умершему 90 лет от роду в полной памяти. Вы верно слышали о нем здесь; он пользовался у нас известностью очень честного, прямого и стойкого человека. Я давно и хорошо его знал потому, что живу в Безансоне уже 42 года, а умер он недавно. Он часто рассказывал этот случай мне и другим. Вы видите, что эта секта заранее умеет подготавливать свои удары; вот в двух словах её история.

P.S. Г. Бургон был почетным президентом палаты.

⁷⁹ Боссюэт, Порт-Рояль и масонство.

имена, женщины стоят рядом с мужчинами, тут найдете сестру маркизу Шуазель Гуфье, сестру маркизу Куртбонн, сестру графиню де Блаш, маркиза д'Арсанбаль, маркиза де Люзиньян, маршала де Граммон-Кадерус, виконта де ла Рош-Эмон, шевалье де ла Шатр, графа де Клермон Тонер и. т. д.

Светлейший гроссмейстер был герцог Орлеанский. Монжуа описал нам церемонии, которым он должен был подвергнуться, чтобы быть произведенным в рыцари Кадош.⁸⁰

«Луи-Филипп-Жозеф был введен в темную залу пятью масонами, называвшимися братьями. В глубине этой залы находился грот, а в нем скелет, освещенный лампадою. В одном углу залы стоял манекен, покрытый царскими украшениями, а посередине двойная лестница.

Когда Луи-Филипп был введен пятью братьями, ему велели растянуться на земле, как будто он был мертвый; в этом положении он должен был перечислить все полученные им чины и повторить все данные им клятвы. Затем ему в напыщенных выражениях изобразили чин, который он готовился принять, и потребовали от него клятвы в том, что он никогда не передаст его никакому мальтийскому рыцарю. По окончании этих предварительных церемоний ему велели встать и влезть на самый верх лестницы; когда он достиг последней ступени, ему приказали упасть; он исполнил это, и тогда ему закричали что он достиг *pes plus ultra* масонства.

Тотчас после этого падения его вооружили кинжалом и приказали вонзить его в увенчанный короною манекен, что он и исполнил. Кровавого цвета жидкость брызнула из раны и залила пол. Кроме того ему приказали отрезать голову у этой фигуры и держать ее поднятою в правой руке, а окровавленный кинжал в левой; он и это исполнил.

Тогда ему сказали, что кости, которые он видел в гроте, были останками Якова Моле, гроссмейстера ордена храмовников, а человек, кровь которого он пролил, а голову держал в правой руке — Филипп Красивый, французский король. Кроме того ему сообщили, что знак того чина, в который его возвели, состоял в том, чтобы приложить правую руку к сердцу, затем протянуть ее горизонтально и уронить ее на колено в знак того, что сердце рыцаря Кадош готово к мести. Ему открыли также, что, в виде приветствия, рыцари Кадош брались за руку как бы для того, чтобы заколоть друг друга кинжалом».

Можно ли представить себе что-либо более странное, чем вид этого принца крови, поражающего французского короля и держащего в руках его окровавленную голову?

Эти умные глупцы, эти честолюбивые и непредусмотрительные люди, одураченные другими, более умными, которые ими руководили, не подозревали, что приглашая их восстановить храм Соломонов, до которого им вовсе не было дела, их за-

ставляли служить орудием для разрушения благородного здания старой Франции, в течение столетий укрывавшего и аристократию, и третье сословие, и народ. Они бы очень удивились, если бы им объявили, что меньше чем через сто лет самые прекрасные замки будут принадлежать евреям.

Когда совершатся угрожающие нам катастрофы, тогда будет очень поучительно сличить перечень вельмож, устроивших революцию, со списком членов правого и левого центра, устроивших еврейскую республику. Личности, конечно, менее блестящи, но за то есть много честных людей в общепринятом значении этого слова, землевладельцев, фабрикантов, вроде Казимира Перье, которые несравненно более виноваты, чем еврей, плюющий на Христа и изгоняющий его из школы ради племенной ненависти.

Как будут рассуждать эти люди, когда не только сами будут осуждены, но увидят жертвами террора своих жен и дочерей обреченных на ужасную смерть и скажут себе: «это дело наших рук». Вот что было бы интересно узнать, вот любопытное зрелище для артиста и мыслителя. У меня есть в передовых партиях два-три приятеля, которым я оказал литературные услуги, и они обещали, что откроют мне это, прежде чем меня расстрелять; но сдержат ли они слово? Будут ли в состоянии его сдержать?

Герцог Орлеанский, глава французского масонства, открыто вступивший в заговор против своего двоюродного брата, не мог отговориться незнанием; он был в близких сношениях с евреями и знал, что они были руководителями масонства. Граф Глейхер в своей книге «Достопримечательные события» рассказывает, что во время путешествия герцога Орлеанского в Англию, он получил от раввина Фальк-Шека перстень талисман, кайнаот, который должен был доставить ему престол. Хотя пророчество и не сбылось по отношению к Филиппу-Эгалите, но это кольцо⁸¹ было как бы залогом необъяснимого пристрастия всех Орлеанов, за исключением старшего сына Луи-Филиппа, к евреям.

Имели ли хоть смутное понятие те немногие осторожные люди, которых никогда ни слушают, о том, что было действительною причиною: об израильском владычестве? Надо полагать, что да, потому что около этого времени появилось несколько изданий, в которых имя еврея очень часто встречалось в связи с страданиями, — нельзя сказать с мученичеством монарха, ибо Людовик XVI не был мучеником, чтобы там ни говорили: он не исполнил

⁸¹ Если верить автору «Иудейства во Франции», это кольцо, находившееся при Филиппе Эгалите в ту минуту, когда он всходил на эшафот, было передано им еврейке Жюльетте Гудшо, которая будто бы передала его герцогу Шартрскому. Луи-Филипп хранил этот перстень до своей смерти и умирая передал его графу Парижскому. Так как кольцо было ему слишком велико, то его отослали в Париж к одному еврею, бриллианщику Жаку, в витрине которого оно некоторое время было выставлено.

⁸⁰ История заговора Л.-Ф. Орлеанского.

своей обязанности, не защищал народ, порученный его попечением, — а именно с страданиями этого бедного, честного человека. В 1790 г. по улицам продавали листки: «Страдания и смерть Людовика XVI, короля французов и евреев. — Иерусалим». Эпиграфом служили слова: «*Populus meus, quid feci tibi*», её заглавном листке находилась любопытная картина: она изображала короля в короне и в затканной лилиями мантии, надетой крестообразно; направо и налево от него находилось духовенство и парламент, в глубине виднелось заседание собрания, а на первом плане на него были направлены пушки. В тексте Филипп Орлеанский есть Иуда, Байльи — Пилат, Лафайет — Каиафа.

«Народ мой, народ мой любимый, почто ты меня оставил?»

Напрасно бедный король обращается к французам с этим отчаянным воззванием. Простой народ, предвидимый иноземными жожаками, отвечает: «он не царь наш, мы не хотим его царем, мы не знаем других царей кроме цезарей из фобургов и наших 1200 повелителей... На фонарь его! На фонарь его!»

«Новая Голгофа», гравюра изданная немного позднее и продававшаяся у Вебера в Пале-Рояле, составляла полную картину. № 1: Людовик XVI, привязанный мятежниками к кресту, увенчанному фригийским колпаком; внизу список осужденных на смерть с именами трех Роганов, Конде, Булье, Мирабо, Ламбеска. № 2 и 3: старший брат короля и граф д'Артуа связанные, по приказанию мятежников. № 4: Робеспьер, верхом на конституции, сопровождаемый якобинской сволочью, держит на острие пики губку, напитанную желчью его предложений касательно убийства короля. № 5: королева убитая горем, указывает на своего супруга своим братьям и требует немедленного отмщения. № 6: Герцогиня Полиньяк у подножия креста. № 7: принц Конде извлекает меч и собирается отомстить за своего короля.

Огромное большинство народа и не подозревало того, что его заставляли делать; понятно, что евреи, руководившие масонством, старались не показывать в чем дело и держались за кулисами.

Еврейский вопрос в собственном смысле слова не возбуждал симпатий во Франции. Впрочем, королевское общество наук и искусств в Меце учредило премию за лучшую записку об улучшении участи евреев. Премия, долженствовавшая быть выданной в 1787 г., была выдана лишь в 1788 г. аббату Грегуару за его «Очерк физического, нравственного и политического возрождения евреев».

«Труд аббата Грегуара, говорит Редерер в первом отчете, разрешает почти все трудности. Он освещен политикой, историей и нравственностью. В нем с достоинством и блеском проявляется здоровая и порой возвышенная философия... но произведение

это бесформенно и необдуманно, материал в нем дурно расположен».

Поправки, сделанные автором, устранили некоторые из этих недостатков, не избавив, однако, всего произведения от общего впечатления посредственности.

Ни скрывая своих симпатий к евреям, аббат Грегуар защищал их вроде Лакретеля; он нарисовал раздирающую картину притеснений и вымогательств, практикуемых ими с несчастными, с которыми они имеют дело.

«Несчастные обитатели Зюндау, отвечайте, если у вас еще на то хватить силы. Неправда ли, что эта ужасная картина есть изображение того состояния, до которого вас довели евреи?»

«Ваша страна, некогда плодородная и обогащавшая ваших отцов, едва производит теперь грубый хлеб для целой толпы их потомков, а кредиторы, столь же бесчеловечные, как и не добросовестные, оспаривают у вас плоды ваших трудов. Зачем вам отныне обрабатывать поля, пользование которыми так ненадежно? Ваш скот и земледельческие орудия проданы для удовлетворения ехидн и уплаты только части огромных процентов, которые на вас лежат. Не будучи в состоянии возбуждать плодородие земель, вам приходится проклинать плодородие ваших жен, давших жизнь стольким несчастным. Вам оставили только руки, иссохшие от горя и голода, и если у вас еще есть лохмотья, свидетельствующие о вашей нищете и смоченные вашими слезами, то только потому, что еврей-ростовщик пренебрег ими».⁸²

Я не знаю, почему евреи не велели вырезать этого отрывка на подножии статуи, воздвигнутой ими на наши деньги аббату Грегуару.⁸³ Что же каса-

⁸² Чтобы понять, что может вынести бумага, которая, говорят, все терпит, припомним картину, набросанную в заседании клуба С.-Симона горячим сторонником мнений Ренана по просьбе еврея Майрара, казначея клуба. Когда в 1791 г. Национальное собрание декретировало эмансипацию евреев, оно несколько не заботилось о племени, считая, что людей надо судить не по той крови, которая течет в их жилах, а по нравственному и умственному достоинству.

⁸³ Известно, какую печальную роль играл впоследствии этот отступник, который последовательно изменил всем сторонам и которому Жюль Симон не боялся произнести похвальное слово. Будучи послан в Савойю, он письменно вотировал «осуждение Людовика Капета конвентом без апелляции и отсрочки». Впоследствии он объявил, со свойственною ему увертливостью, что под этими словами он подразумевал, «чтобы Людовик XVI был приговорен к жизни». Назначенный командором Почетного Легиона, сенатором, имперским графом при Наполеоне, которого он осыпал самой низкой лестью, бывший якобинец один из первых потребовал свержения своего благодетеля и осмелился отправиться навстречу Людовику XVIII в парадном мундире сенатора Империи.

Будучи исключен из палаты пэров, изгнан из палаты представителей «как недостойный», вычеркнут из списков Почетного Легиона, он был отвергнут даже Луи-Филиппом. Граф Грегуар, столь же жадный, как и пронырливый, воспользовался однако революцией 1830 г., чтобы потребовать через Кремье свое недоданное жалованье бывшего сенатора. И вот люди, которым воздвигают памятники.

ется до идеи человека сказавшего: «вот чума, при-
вайте ее всей стране», то она входит в круг понятий
мне недоступных.

Во всяком случае усилия Грегуара увенчались
успехом. Изображаемая им картина одного уголка
Франции 1788 г. может примениться ко всей Фран-
ции 1888 г. При помощи нескольких новых займов
двух-трех финансовых обществ и нескольких краж,
евреи быстро отнимут то небольшое, что они согла-
сились нам оставить.

Конкурсная тема, предложенная Мецской ака-
демией, вызвала несколько записок и брошюр. Под
заглавием «Крик гражданина против евреев», де
Фуассак напечатал резкий протест против поведе-
ния евреев в Эльзасе и Лотарингии. О. Хаис, бене-
диктинец из С.-Авольда, предложил утилизировать
быстроту бега еврея для передачи административ-
ной переписки: он хотел тоже, чтобы, их употребля-
ли для сбора меду, до которого они очень лакомые.
В другой записке он прибавлял, что евреи хищные
птицы, которым надо обрезать клюв и когти.

Альекур полагал, что для упрочения счастья
евреев и спокойствия христиан, следовало перевез-
ти всех евреев в пустыни Гвианы.

Очевидно, что не было никакого общего мнe-
ния относительно эмансипации евреев.

Когда собралось Учредительное собрание, то-
гда несколько парижских израильских капитали-
стов: Мардохей, Поллак, Яков Тренель, Гольдшмит
и бриллианщик Лазард просили собрание об эман-
сипации французских евреев.

По странной случайности Учредительному
собранию пришлось в один и тот же день заняться
двумя существами, столь презираемыми прежде и
занимающими такое выдающееся место в нашем об-
ществе; актером и спекулятором. Дело шло о том,
могут ли члены этих двух корпораций быть допус-
каемы к отправлению общественных обязанностей.
Что касается актеров, то вопрос был разрешен без
затруднения, но прения очень оживились, когда
дело коснулось евреев.

Предусмотрительный Клермон Тонер не пре-
минул высказаться в пользу евреев; впрочем одного
из его потомков, кажется, порядочно обобрали в
деле всеобщего союза.⁸⁴

Епископ Нансийский, де ла Фар, рассказал
анекдот, который часто приходилось вспоминать по
поводу других евреев.⁸⁵ «Однажды, сказал он, я при-

⁸⁴ Этот друг евреев сам был наказан за плохую речь,
бывшую в то же время и дурным поступком. «С утра 10 августа
1792 г., говорит граф Рейзе в своем сочинении «Обычаи времен
Марии-Антуанетты» его отель был окружен, на основании
подозрения, что там находится оружие. Будучи разлучен с же-
ною и препровожден в свою секцию, он был признан невинным
и отправлен домой. Когда он возвращался, то какой-то повар,
которого он рассчитал, собрал вокруг него народ. Сперва к
нему обратились с речью, а потом ударили по голове косою. Он
убежал и скрылся у г-жи де Брассак в улице Вожирар. Его пре-
следовали до 4-го этажа, где и убили».

⁸⁵ Кто не знает остроты епископа Дюпанлу по поводу

шел на место мятежа и старался восстановить спо-
койствие. Один из мятежников подошел ко мне и
сказал: «ах, Ваше Преосвященство, если бы мы вас
потеряли, то, наверно, епископом сделался бы
еврей, настолько они умеют всем овладеть».

Аббат Мори произнес несколько разумных
слов и показал на примере Польши, что станется с
Францией, закрепощенной евреями.

«Еврей, сказал он, прошли через 17 веков, не
смешиваясь с другими племенами; они исключи-
тельно занимались денежными оборотами и были
бичом земледельческих провинций. Ни один из них
не облагородил своих рук, работая плугом. В
Польше они владеют большой провинцией, и что
же? Пот христиан-рабов орошает бразды, в которых
цветет роскошь евреев, а в то время, как их поля об-
рабатываются таким образом, они взвешивают ду-
каты и высчитывают, сколько они могут урезать от
монет, не подвергаясь взысканию закона.

«В Эльзасе в их руках находится на 12 млн.
закладных на земли; через месяц они будут владеть
большой половиной этой провинции; через 10 лет
они захватят ее совсем и она будет просто
еврейскою колонией».

Один представитель Эльзаса, которого нельзя
заподозрить в отсталости, но который знал евреев,
п. ч. видел их за делом, — Ревбель — подтвердил
справедливость этих фактов. Камиль Демулен, все-
гда судивший о вопросах не зная их, не преминул,
как и все нынешние республиканцы, взять сторону
иностранцев против своих соотечественников. Рев-
бель ответил этому стороннику семитов, которых
тогда называли африканцами, несколько слов заслу-
живающих быть упомянутыми. Предложив сперва
панегиристу евреев объехать Эльзас, Ревбель при-
бавляет: «после нескольких дней пребывания ваше
человеколюбие заставит вас употребить все ваши
способности на пользу многочисленного трудолю-
бивого и честного класса моих несчастных соотече-
ственников, угнетаемых самым ужасным образом
жадною толпою этих африканцев, которыми кишит
моя родина».

Робеспьер, отлично посвященный в тайны ма-
сонства, которого отец, председатель ложи в Арра-
се, был одним из ревностных распространителей его
во Франции, чем объясняется популярность сына
высказался за евреев.

Талейран, который, как и Вольтер, был еврей
душою, сделал то же; он отлично угадывал, что за
кулисами всего происходившего скрывались вечные
враги Христа и вступил с ними в переговоры, чтобы
получить свою долю при огромном разделе церков-
ных земель.⁸⁶

Жюль Симона: «он будет раньше меня кардиналом».

⁸⁶ Духовенство Отенского округа ясно видело, какие
грязные побуждения руководили недостойным епископом, и не
скрывало от него, что оно думает о его поведении.

Когда отступник предложил священникам и викариям
Соны и Луары подчиниться декретам, то известно какой ответ

Собрание, поставленное в затруднительное положение, отложило решение. Декрет от 28 июля 1790 г. постановил только, «что все евреи, известные под именем португальских, испанских, авиньонских евреев, будут продолжать пользоваться своими правами, которыми они пользовались доныне и которые им были дарованы жалованными грамотами».

30 апреля 1791 г. депутаты, подкупленные евреями возобновили попытку, но собрание определенно объявило, «что оно не намерено предрешать еврейского вопроса, который был и есть отложен». 27 сентября 1791 г. собранию вновь пришлось заняться этим важным вопросом. Дюпон ловко обратил социальный вопрос в религиозный и постарался стать на почву свободы вероисповеданий.

Де-Брольи пытался внести в закон, «чтобы принесение гражданской присяги евреями рассматривалось как формальное отречение от гражданских и политических законов, которым евреи подчинялись где-либо».

Один представитель по имени Прюньон, подкупленный евреями, воспротивился этому предложению под тем предлогом, что гражданские законы евреев тождественны с религиозными. По мнению Прюньона Франция должна была подчиниться евреям, и не евреям Франции.

Собрание, видимо утомленное этими дебатами, в следующих выражениях декретировало предложение Дюпона: «Национальное собрание, приняв в соображение, что условия, необходимые для принятия французского гражданства, утверждены конституцией, и что всякий человек, соединяющий в себе сказанные качества, дает гражданскую клятву и обещается исполнять обязанности налагаемые конституцией, имеет право на все преимущества, предоставляемые ею; —

«отменяет все оговорки и исключения, встречающиеся в предыдущих декретах по отношению к евреям, которые дадут гражданскую клятву, и которая будет рассматриваться, как отречение от всех преимуществ и исключений, ранее введенных в их пользу».⁸⁷

он получил.

«Ваше Преосвященство,

Ваше отступничество никого не удивило. Достигнув той степени бесчестия, на которой ничто уже не может унижить или опозорить в общественном мнении, Вы должны стремиться только к тому, чтобы довершить Ваши беззакония и воспользоваться их постыдными плодами. Но если Вы льстили себя надеждою встретить сообщников в лице почтенных священнослужителей, к которым вы обращаетесь в Вашем письме, то Вы жестоко ошиблись. Святотатственный грабитель церкви! Защитник евреев! Дают ли твои поступки право на наше доверие!»

⁸⁷ Добрая и благочестивая принцесса Елизавета хорошо видела, какая несчастья эта мера навлечет на Францию. «Собрание, пишет она г-же де Бомбель, довершило все свои глупости и беззакония, дав евреям доступ ко всем должностям. Не могу тебе высказать, в каком я гневе по поводу этого декрета. Но Бог не замедлит своей местию, и если Он долго терпит, за то

Ревбель не унывал и потребовал чтобы, собрание столь милосердное к евреям, имело хоть какую нибудь жалость к эльзасским христианам.

«Евреи, говорит он, в настоящее время состоят в Эльзасе кредиторами более чем на 12 мил. (капитала и процентов). Если принять во внимание, что все должники, вместе взятые, не владеют и тремя миллионными, а что евреи не таковы, чтобы дать займы 15 мил. под имущество в 3 мил., то можно быть уверенным, что в этих векселях по крайней мере на 12 мил. ростовщических процентов».

Собрание постановило, чтобы евреи в течение месяца представили оправдательные документы для своих векселей, для того чтобы можно было приступить к правильному расчету.

Понятно, что эта мера не имела последствий. Надо быть очень и очень хитрым, чтобы заставить еврея возратить неправильно захваченное.

Еврей был уже во Франции!

Новость эта переходила из города в город, пробуждала надежду в самых отдаленных гетто, заставляла воссылать самые пламенные благодарения к Богу во всех синагогах и школах.

21 окт. 1793 г. еврейская хвалебная песнь, сочиненная Моисеем Энсгаимом и спетая в мецской синагоге на мотив марсельезы, провозгласила торжество израиля.

Таинственное слово, чары Гермеса Трисмегиста, которые средневековые алхимики так долго искали в глубине своих лабораторий, склонясь над непонятными письменами, были наконец найдены! Для того, чтобы разъединить, разрушить эту Францию, все частицы которой так крепко держались вместе, могущественнее всяких волшебных формул оказалось воззвание к братству, к человеколюбию, к идеалу.

Старинная каббала кончилась, начиналась новая. Еврей не должен был больше быть проклятым колдуном, которого Мишле изображает нам занимающимся чародейством во мраке ночи; он преобразается и действует среди бела дня. Перо журналиста заменяет волшебную палочку; теперь можно разбить волшебное зеркало; за фантастическими явлениями бывшего последуют чудеса чисто интеллектуального свойства, которые беспрестанно будут показывать бедным одураченным простакам обманчивый образ счастья, который вечно бежит прочь.

Что за глупости нам рассказывали о наивном Шейлоке, с неприличною грубостью требующем фунт мяса? Еврей теперь требует уже не кусок мяса, а все тело, — тела сотен, тысяч христиан, которые сгниют на полях битв всей вселенной, во всех войнах, которые израилю заблагорассудится вести ради своих выгод.⁸⁸

и наказывает строго».

В речи произнесенной в 1872 г. Кремье слегка насмехается над невинной жертвой, которая была предусмотрительнее политиков.

⁸⁸ Г. Ле Плэ ясно видел эту перемену. «В деле возбуждения войны, говорит он, сказывается совершенно новое влияние: это влияние нескольких капиталистов, которые, опираясь на ажиотаж европейских бирж, постыдным образом строят целые

Разве теперь о том идет речь, чтобы обрезать дукаты? Из голя в настоящее время вытянут миллиарды. Золото будут ворочать лопатой в банках, кредитных учреждениях, всякого рода займах национальных, иностранных, займах для войны, для мира, займах еврейских, азиатских, американских, турецких, мексиканских, гондурасских, колумбийских. Прежние короли — честные люди не умели «работать», как говорят на бирже; у них собственно говоря было отеческое сердце; сделав Францию первую нацией в мире, ослепив вселенную блеском её величия, настроив всяких Версалея и Фонтенебло, они остановились в отчаянии перед дефицитом в какие-нибудь 52 миллиона. Дайте срок, еврей нам покажет, что можно извлечь из французов; у них хватит силы прокормить израильтян обоих полушарий, потому что Иаков добрый брат и хочет, чтобы каждый член семьи получил свою долю в мире.

Впрочем, ослепление полно; по странной галлюцинации, этот раб еврея, более поработанный, чем последнее вьючное животное фараонов воображает себя самым свободным, гордым и хитрым из людей.

Но пусть те, которые еще сохранили разум, посмотрят, каким он был, при отвратительном старом порядке вещей.

Землевладелец ли, мастеровой ли — он спокойно живет на той земле, на которой живут только такие же французы как он. Крестьянин по вечерам пляшет при звуке волынки и поет прекрасные песни старины, отдаленный отголосок которых нас иногда приводит в восторг в глухой провинции.

У мастерового есть свои корпорации, свои братства, где собираются, что бы молиться за умерших товарищей или слушать службу, прежде чем отправиться вместе поужинать в день приема нового мастера. Рабочий любит труд, у него есть время работать добросовестно, и он возвышает этот труд тем искусством, которое нас очаровывает в малейших остатках старины. Милиция, требующая всего десять тысяч человек в год и то лишь тех, которые выказывают склонность к военному делу, не ложится бременем на страну, и деревня весело провожает до ближайшего города солдата королевской армии.

Взгляните теперь на пария наших больших промышленных городов, согбенного под удручающим трудом, преждевременно постаревшего, ради того, чтобы обогатить своих хозяев, огрубевшего от вредного опьянения: он снова сделался тем, чем был античный раб, по словам Аристотеля, живым орудием, *empeukon organon*.

Надо согреть эту человеческую машину, надо что бы этот каторжник, которого еврейские журналисты научили, что нет неба, хоть на минуту оторвался от угнетающей его действительности. — Изобрели алкоголь. Нет больше тех легких вин, которые иногда били в голову, но действие которых

состояния на займах, делаемых для военных издержек и на чрезмерных контрибуциях, налагаемых в наше время на победенных» (Основы конституции).

было не продолжительно; вместо них явилась ужасная смесь купороса и других вредных веществ, причиняющих, по истечении нескольких лет *delirium tremens*, но в данную минуту возбуждающих уснувший организм.

Что за беда! отраву действует всегда. Послушайте-ка несчастного, который лежит пьяный на улице и с трудом приподнимается, чтобы не быть раздавленным каретой какого-нибудь Ротшильда или Эфруси. Он припоминает в бреду библейский жаргон, которым его научили говорить его эксплуататоры, и бормочет: «а все-таки правда, что французская революция была новым Синаем».

Революция и первая империя

Еврей во время революции. — Давид и Марат. — Ограбление государственной кладовой. — Еврейские спекуляции и директория. Был ли Наполеон I семитом? — Империя и масонство. — Великий синедрин. — Почетъ, возданная евреями папству и христианскому духовенству. — Неблагодарность восторжествовавшего еврея. — Оскорбление Пия IX. — Что следовало сделать в 1806 г. — Мнение Порталиса. Еврейское нашествие. — Репрессивные меры. — Декрет 1806 г. — Обязательство, налагаемое на евреев, выбирать себе фамилию. — Еврейские фамилии: Майер, Мейер, Меер. — Еврейская перепись при Наполеоне I. Маршал Ней и евреи. — Разрыв между евреями и Наполеоном. Ротшильд после Ватерлоо. — Ошибка Мишле.

Революция и первая империя

Где находится еврей во время революции? — На дорогах. Он ищет подходящего уголка, проникает чрез открытые бреши, пускает корни в том обществе, рамки которого только что были сломаны.

Действительно, случай прекрасен. В опустевших городах, где пали на эшафоте головы самых честных и интеллигентных людей, ему нечего больше бояться бдительного надзора, предметом которого он сделался бы в том старом обществе, где все, стар и млад, знали друг друга, потому что молились вместе в церкви, были связаны традиционными узами, поддерживали, любили друг друга.

С самого начала революция, как и теперешняя республика, носила характер нашествия. Французский элемент исчез, как и в наши дни, перед скопищем иноземцев, которые овладели всеми важными должностями и нагнали ужас на страну. «Вся пена всплыла наружу, говорить Форнерон.⁸⁹ Швейцария дала нам Марата, Гюлэна. Клавиера, Паш, Саладена. Бельгия выслала Теруань, Пролиса, Клоотса, Перейру, Флерио, которые все были вожаками убийц. Обездоленные всех стран были радушно приняты своими парижскими братьями, которые мнили, что будут решать судьбы Франции, а может быть и всего человеческого рода».

К этому списку надо прибавить поляков, вроде Лазовского, немцев — Фрейса, Тренка и Карла

⁸⁹ Общая история Эмигрантов.

Гессе, итальянцев — Горани, Дюфурни, Манпни, Пио и Ротондо, испанцев — Гуслана, Миранду, Маихену. В этом захватывающем потоке еврей прошел незамеченным.

Перейра, неразлучный спутник Марата, друг Гобеля, понуждавший его к известным святотатственным комедиям, был без всякого сомнения евреем; по упорному преданию, Симон, палач Людовика XVII, был еврей⁹⁰.

Утверждали что и Давид был еврейского происхождения, на что указывает самое имя. Таким образом племенной ненавистью можно объяснить оскорбления, нанесенные королю и королеве человеком, которого при старом режиме осыпали благодеяниями.

Что вы скажете о Марате? Настоящее его имя Мара. Семья эта была изгнана из Испании, укрывалась в Сардинии, затем искала убежища в Швейцарии и, в виду невозможности открыто считаться еврейской, приняла протестантство. Проказа, снедающая Марата, грязь, в которой он живет, ненависть, высказываемая им к христианскому обществу, свидетельствуют, что он действительно сын иудействующих, Маран, отмщающий за испанские костры французскою гильотиною.

Тэн вероятно имел это в виду, когда говорил о смешении племен, произведших это чудовищное существо, но и он не коснулся самой сути вопроса. Что он прекрасно очертил в своей «Психологии якобинских вождей»,⁹¹ так это нравственное состояние Марата, который начал с мании преследования и кончил маниею человекоубийства.

Однако безумие Марата чисто специфическое, это еврейский невроз. Самый смелый приверженец какого-нибудь учения, если он христианин и чужестранец, не решится явиться в Лондон, в Берлин, в Петербург и спокойно сказать: «в этой стране надо срубить 270 тысяч голов». Он не осмелится, а еврей смеет.

Эта умственная смелость, это поразительное нахальство, о котором мы часто говорили, потому что оно встречается на каждом шагу в финансовых, равно как и в политических предприятиях, основываются на идее, засевшей в мозгу евреев много веков тому назад. Религия, научающая еврея, что он должен уничтожить все то, что не он, что все находящееся на земле принадлежит ему, — является могущественной носительницей этих сумасбродных идей совершенно особого порядка; она есть родоначальница этих теорий, на ней основывается тайная и невидимая логика этих заблуждений, непонятных для поверхностного наблюдателя.

⁹⁰ Этот Симон был одним из первых и самых ярких сторонников перехода госпиталей в гражданское ведомство. «Однажды, говорит Гюре в «Моем свидетельстве», сестра короля, Елизавета, спросила как себя чувствует его больная жена в eotel-Dieu. «Ах, отвечал он, теперь приятно смотреть на сиделок eotel-Dieu; они одеты, как моя жена, как Вы.»

⁹¹ Происхождение современной Франции. Революция, III т.

Классическая фраза «отвратительный Марат» верна лишь на половину. Конечно, его рот без губ, подергиваемый как бы судорогою, жесток, но глаза прекрасны; они блещут гневом, когда он говорит с трибуны на портрете Симона Пти, но за то они почти кротки на портрете Боза и г-жи Алэ. Марат а ла Баязет, повязанный, как тюрбаном, фуляровым платком с торчащими концами, похож на старую восточную еврейку.

Всмотритесь внимательно в музей Карнавале в портрет, принадлежащий к коллекции С.-Альбена, и особенно в фарфоровый бюст, и в нем увидите одержимого галлюцинациями невропата; вы откроете у него, как у Робеспьера, да и вообще у многих актеров этих трагических сцен, то отсутствие симметрии в обеих сторонах лица, которое свидетельствует о неуравновешенности субъекта. То же впечатление производит и восковая маска снятая госпожою Тюссо, как известно очень искусной в подобных работах, немедленно после смертельного удара ножом героини. На этот раз есть и рука с тонкими пальцами; это рука не убийцы свирепого, кровожадного человека, который сам наносит удар, а негодяя теоретика. На лице его смерть внезапно вызвала наружу преобладающее настроение, основную черту еврея, великую, почти трогательную печаль.

Конечно не мало евреев было среди тех якобинских устроителей общества, которые являлись неизвестно откуда, доносили, изгоняли, посылали честных людей на эшафот. Вряд ли тогда особенно заботились о том, чтобы спрашивать у них паспорта.

Когда разовьется вкус к изучению еврейского движения во Франции, общий план которого мы набрасываем в этом произведении, тогда терпеливые исследователи станут с этою целью рыться в архивах департаментов, справляться о времени, когда такие-то жители прибыли в ту или другую местность, и в большей части случаев, я уверен, они встретят семитическое происхождение у тех семей, которые проявили наследственную ненависть к священнику.

В Париже, чтобы показаться достойными своего освобождения, евреи прежде всего поспешили наброситься на коронные бриллианты; они играли главную роль в ограблении казенной кладовой. Я в другом месте описал это воровство, которое до сих пор еще не выяснено, окружено тайною⁹² (4). В нем как будто видишь какой-то символ. Эти сокровища, терпеливо собранные бесчисленными поколениями, царские короны, чаши, пожертвованные Сюже, бриллианты, дарованные Ришелье, чудные и славные воспоминания, которые потом были растеряны беглецами во всех лужах, наскоро разделены на пустынном берегу Сены, закопаны в каком-то болоте, брошены по кабакам, спрятаны под лохмотьями, как бы служат прообразом блестящего прошлого Франции, отданной на растерзание ордам разноплеменной революции.

Как и дело ожерелья, затеянное Калиостро, так и ограбление государственной кладовой носило

⁹² Обзор Революции (5 марта, 5 апреля, 5 мая 1885 г.)

характер, свойственный всем еврейским предприятиям: наружно оно было связано с тонкой политической масонства, а в сущности дало кое что заработать израилю.

Переговоры, ведшиеся уже давно между французскими и немецкими масонами, касательно отступления прусской армии, не могли быть доведены до конца за недостатком денег. Коронные бриллианты доставили необходимые суммы для подкупа Брауншвейга.

В своих «Тайных мемуарах» д'Алонвиль очень подробно говорит об этом.⁹³

«Парижская коммуна, пишет он, вместе с Дюмурье не преминула завести интриги для сохранения своего кровавого владычества. Доом, имя которого встречается во всех тайных переговорах Пруссии, который во время восстания в Бельгии сошелся с аббатом Тондю, бывшим тогда журналистом в Герве, а затем министром иностранных дел под именем Лебрена, — Доом, имевший сношения с французскими якобинцами через некоего Бенуа, с самого начала кампании дал понять г-же Риц, а затем Луккезини и Ломбарду, бывшим в большой милости у Фридриха-Вильгельма, какие выгоды этот последний может извлечь лично для себя из тайного соглашения с Францией, и какие выгоды эта держава доставит естественному врагу Австрии, но честность прусского монарха и его желание спасти королевскую семью служили преградой вождениям его приближенных, которым, впрочем, нужно было золото, и много золота, чтобы заставить их удовлетворить желанию людей, ненавидевших королей.

«Чтобы преодолеть это двойное препятствие, было необходимо в 1-х уничтожить прусскую армию, — и медлительность герцога Брауншвейгского тому способствовала, во 2-х подкупить прусских министров, на что были употреблены коронные бриллианты.

«Бильо-Варенн, уехав из Парижа после убийств 2-го и 3-го сентября, 11-го-же отправился в армию и завязал переговоры, окончание которых задерживалось лишь неприбытием обещанных и еще неуплаченных сумм; 2-3 миллиона, награбленные 10-го августа, — вот все, чем обладала парижская коммуна, но этого было недостаточно. Почему вы не велите обокрасть государственную кладовую? воскликнул Пани, и это совершилось 16-го сентября, благодаря стараниям Тальена и Дантона, что доставило до 30 миллионов в виде различных ценностей.

«Предварительные переговоры облегчили Дюмурье выход из положения, в котором бы он погиб без помощи; последующие переговоры благоприятствовали тому, что он не был выбит из позиции во время канонады Вальми; с 23 по 28 переговоры, как мы уже сказали, велись очень деятельно».

Коронные бриллианты долго служили предметом торговли немецких евреев. Дантон и Фарб д'Эглантин, которых г-жа Ролан так явно обвиняет в воровстве, получили свою долю добычи. Суду были преданы лишь несколько незначительных евреев, которые попались.

«Одним из первых лиц, виновных в краже из государственной кладовой, говорит «Бюллетень уголовного суда», которого постигла законная кара, был еврей по имени Луи Лир, родом из Лондона, 28 лет, торговавший в квартале Бобур. Он обвинялся в том, что способствовал грабежу, совершенному в ночь на 11, 13 и 15-е сентября, и продал в течение этого месяца некоему Моисею Тренель жемчуг и бриллианты, — свою долю добычи. Он оставил пред смертью завещание, и, 13 октября 1792 г. в 10 1/2 ч. веч., претерпел свою кару, выказывая мужество и хладнокровие, достойные лучшего дела».

Другой еврей, живший в улице Старых Августин, Делькампо, называвший себя Дешан, тоже был казнен.

Все парижские евреи были замешаны в этом деле. В прениях встречаем имена Дакоста, всегда готовых на хорошее дело, Лиона Руф, ярмарочного торговца и трактирщика в улице Бобур, а также его жены Лейды, Израйля Аарона Гомберга, отца и сына Англес, продавших еврею Бенедикту Соломону большое количество бриллиантов. Этот Соломон уже воспользовался случаем и купил жемчугу на 150,000 фр.

Некоторые, по-видимому, были трусливее или совестливее Тренеля и Соломона. Мы читаем в «Ежедневном термометре», редактируемом Дюлором и Шапе, от 24 сентября 1794 г.: «около 30 бриллиантов из казенной кладовой были переданы при письме секретарю-регистратору коммуны евреями Ансельмом и Ю, которым их предложили для покупки».

Во всяком случае коронным бриллиантам не везет в руках республиканцев и евреев. Первая республика приказывает или позволяет их украсть; империя и монархия восстанавливают это чудное сокровище; при, теперешней республике еврей Локруа сближается с длинноносыми купцами, собирающимися в нижнем этаже Шведского кафе и, чтобы облегчить израилю выгодную операцию, предлагает и проводит закон, разрешающий продажу всех этих воспоминаний прошлого.

Евреи же устроили ограбление церковей⁹⁴, разрушение произведений искусств, внушенных верою гению наших средневековых художников. Какой прекрасный случай утолить одновременно свою ненависть и свое корыстолюбие, оскорбить Христа и обогатиться! Все церковное серебро, скупленное за бесценно, прошло через эти жадные руки. Сам Каллебон признает, что общественная казна почти не

⁹³ Тайные мемуары, V том.

⁹⁴ Настоящий народ был глубоко предан вере своих отцов. В 1793 г. рыночные торговки еще устраивали алтари для процессии в праздник Тела Господня. Впрочем, таковы же были чувства рабочих-французов во время коммуны.

получала доли в этих грабежах.

Часто евреи покупали целые церкви за пачку ассигнаций, и когда восстановилось спокойствие, дорого сдавали их верующим. Я уже рассказывал, как они купили и разрушили церковь Николая Фламелья во имя св. Иакова в Бушери. Два еврея, Оттовер и Стевенс, заставили присудить себе церковь С.-Ле-С.-Жиль в улице С.-Дени и в 1802 г. уступили ее в наем аббатам Морелю и Жирану, которые в ней и служили. Из года в год наемная плата повышалась, и от 3 тысяч дошла до 10 тысяч франков. Наконец церковь была выкуплена городом за 209,312 фр., по декрету 20 июля 1810 г.

Движимое имущество эмигрантов тоже было предметом выгодных операций. Сами члены конвента сговаривались с евреями, чтобы присваивать себе остатки имущества изгнанников.

В «Преступлениях семи членов старых комитетов общественного спасения и всеобщей безопасности», Лекуэнтр из Версаля рассказывает, что при продаже замка Монбельяр, его коллега Бернар сговорился с евреем, по имени Трефу, и заставил себе присудить неправильно и почти задаром вещи большой ценности. Кроме того, он якобы изъясил из инвентаря и велел упаковать для себя голубой мраморный стол, драгоценные книги т. д. Он заставил выдать себе добровольно, без аукциона, карету, 18 люстр, 12 металлических канделябров, 4 подставки под колонны.

Развращенная и спекулирующая Франция времен директории представляла для евреев почти такую же прекрасную добычу, как Франция третьей республики.

Евреи, пишет Капфиг в своей «Истории великих финансовых операций», увидев Париж открытым для своих спекуляций, вошли в него со всех сторон и начали брать обеими руками; сперва они робко начали с маленькой торговли, поставки лошадей и мелкого ростовщичества, ажиотажа, который ограничивался ассигнациями; они стояли еще недостаточно твердою ногою, чтобы осмелиться открывать банки, которые представляли женевам; сами они довольствовались тем, что покупали старую мебель замков, святыни церквей, конфискованные драгоценности или давали займы несколько луидоров эмигрантам под залог ценностей. В некоторых департаментах они укрепились на земле хлебопашцев, как ворон на добыче; в Нижнем и Верхнем Эльзасе и в Лотарингии они становились владельцами недвижимостей, благодаря займам под закладные и выкупу проданных вещей. В Париже они наводнили кварталы вокруг Тампля, ставшие в некотором роде их гетто. Если бы им дали волю, то через некоторое время они стали бы господами денежного и промышленного рынка.

Еврей того времени, менее обтесанный, чем теперешний, был полу разбойник, полу банкир или вернее, сперва разбойник, а потом банкир.

Это время знаменитого Мишеля, Мишеля убийцы, внуки которого потом вышли замуж за

герцогов и принцев, прежде чем успела исчезнуть мрачная легенда, связанная с этим именем. Мишель завлек в какой-то замок целую семью эмигрантов и зарезал их, чтобы овладеть деньгами и драгоценностями, которые они везли с собою обратно. Он был оправдан присяжными, несмотря на явные улики, которые исчезли вместе со всем делом: тем не менее, он был осужден общественным мнением.

Симон, который содержал девицу Лонж, модную гетеру, соблазнял город своим великолепием, и весь Париж пришел в восторг, когда в салоне VII года, в углу своей картины «Даная» Жироде изобразил миллионера в виде индюка с распущенным хвостом.

Между тем евреи вводят ту политику, которая отныне становится им свойственна; она состоит в том, что за революцией, во время которой можно ловить рыбу в мутной воде, следует временное царствование какого-нибудь спасителя, который правильным правлением узаконивает пользование награбленным добром. Законный король стеснил бы их в то время, и они всеми силами воспрепятствовали его возвращению, им нужен был Шило, каким был Кромвель, временный Мессия: такой человек был уже наготове.

Был ли Наполеон семитического происхождения? Дизраэли говорит, что да; автор «Иудейства во Франции» подтверждает это. Достоверно, что Балеарские о-ва и Корсика служили убежищем для многих евреев, которые были изгнаны из Испании и Италии, потом обратились в христианство, и, как там случалось, приняли фамилию тех вельмож, которые были их восприемниками, Орсини, Дориа, Колонна, Бонапарт. Мишле, обладавший, при своем даре ясновидения, чутьем угадывать многие глубокие истины, на которых он не смел настаивать ради своей партии, два или три раза касался этого пункта: «я сказал, пишет он в своем «Девятнадцатом веке», что один остроумный англичанин хочет уверить, будто Бонапарт — еврей по происхождению, и так как Корсика была некогда населена африканскими семитами, арабами, корфагенцами или маврами, маранами, как говорят испанцы, то скорее он принадлежит к ним, нежели к итальянцам».

Наполеон, который наверно был франмасоном и глубоко посвященным в тайны масонства, ярый якобинцем и другом Робеспьера младшего, обладал всем необходимым для того, чтобы сыграть роль, которой от него ожидали. Финансисты приняли его под свое покровительство; Мишели, Серфберы, Бедарриды ссудили его деньгами во время его первой экспедиции в Италию, когда государственная казна была пуста. Стоило ему появиться, и все ему удавалось; он в один день взял неприступную Мальту⁹⁵ (7); возвращаясь во Францию, чтобы

⁹⁵ Он заранее подготовил посредством тайных переговоров, пишет Тьер, передачу Мальты. Там находились масоны, вроде шевалье Долоньер и Босредона, и подлый гротескмейстер Гомспех принял его с почестями, выдав ему и прилегающие

устроить 18-е брюмера, он спокойно переплыл Средиземное море, изборожденное английскими крейсерами. Массонство устроило вокруг него тот восторженный заговор, который носится в воздухе, общается от одного к другому и наконец охватывает всю страну. У нас было повторение такого принужденного восторга с Гамбеттой, толстяком надутым словами, который был неспособен и нечестен во время войны, и которого Франция одно время считала необходимым человеком.

Наполеон расквитался со своими долгами евреям и занялся тем, что велел окончательно внести в законодательство равенство, столь неосмотрительно дарованное евреям Учредительным собранием.

26 июня 1806 г. было первое собрание еврейских депутатов в ратуше; оно состояло из самых почетных лиц и пятнадцати раввинов, под председательством Фуртадо из Бордо. Декрет от 22 июля предписал Порталису, Паскье и Моле следить в качестве комиссаров за всеми делами, касающимися евреев. Собрание должно было разрешить несколько религиозных вопросов, суть которых была в следующем: принимая выгоды равенства, т. е. вступая в готовое общество, в устройении которого они не принимали никакого участия, удостоят ли евреи изменить в своей религии то, что противно этому обществу?

Программа содержала следующие вопросы:

1. Есть ли подчинение гражданским и политическим законам государства обязанность, налагаемая религиею?

2. Освящены ли и допущены ли у евреев многоженство и развод?

3. Дозволено ли им нести воинскую повинность, обрабатывать землю, заниматься механическими работами?

4. Считают ли евреи христиан братьями или чужими?

5. Разрешается ли ростовщичество по отношению к другим нациям?

Дело не так легко пошло на лад, как бы можно думать. Евреи, депутаты из светских, вероятно, думали, что можно все обещать и затем ничего не сдержать, но раввины, по-видимому, движимые известною совестью, хотели в неприкосновенности отстоять древний закон Моисеев, который никогда не смешивает христианина, гоя, накри с евреем.⁹⁶

острова, взамен княжества в Германии или, за неимением его, 300,000 франк. пожизненной пенсии, 600,000 фр. одновременно, 700 фр. пенсии для рыцарей французского происхождения. Каффарели Дуфальга, один из высших офицеров свиты Наполеона, обозревая местность и любуясь укреплениями, сказал: «мы очень счастливы, что в крепости нашлись люди, которые отперли нам её ворота».

⁹⁶ Один раввин, споривший с Грегуаром, Залкинд Гурвиц, сказал: «Талмуд только запрещает обкрадывать чужеземца (накри), но позволяет пользоваться его заблуждением.» И так легко понять, что воспользоваться ошибкой и ввести простака в ошибку — почти одно и то же. Бишофсгейм, собственно говоря, не обокрал накри в Гондураском займе, а воспользовался

Один документ Архивов: «Заметки о совете министров, заседание 5 окт. 1806 г.», указывает на некоторые внутренние затруднения.

«В собрании находятся пятнадцать раввинов. Если этого числа недостаточно, то можно призвать еще тридцать других. К этим сорока пяти раввинам следовало бы присоединить тридцать главнейших членов собрания, и семьдесят пять человек образовали бы синедрин; но собрание в настоящем своем виде осталось бы неприкосновенным; оно увеличилось бы только тридцатью вновь призванными раввинами. Это большое число придавало бы смелости робким раввинам и подействовало бы на фанатиков в случае особого сопротивления, поставив их между необходимостью принять объяснения и опасностью отказа, следствием которого было бы изгнание еврейского народа. Эти семейные распри по всей вероятности привели бы к желанной цели.

«Но прежде чем призывать столь значительное количество раввинов для образования великого синедрина в недрах собрания, надо убедиться будут ли теперешние пятнадцать раввинов-депутатов того мнения, которое выражено в ответах на поставленные вопросы, и в какой мере они придерживаются теологических целей. Действительно, было бы смешно призывать с большими затратами тридцать новых раввинов для того, чтобы объявить, что евреи не братья французам».

Понятно, что не мало тайных переговоров велось для того, чтобы прийти к соглашению. О том свидетельствует письмо к императору, помеченное 1-м апр. 1806 г., от Моле, которому было поручено это щекотливое дело.

«Получив от нескольких евреев деликатные и конфиденциальные предложения, которые я считаю долгом повергнуть прямо на усмотрение Вашего Величества, я прошу для того особой аудиенции. Умоляю Ваше Величество видеть в моей просьбе лишь доказательство моего горячего рвения к службе Вашей и моего искреннего желания исполнить Вашу волю в поручении, которое Вы на меня возложили.

Вашего Императорского и Королевского Величества самый почтительный, преданный и верный подданный Мат. Моле».

Вследствие этих предварительных переговоров ответы общего собрания еврейских депутатов, сообразные с теми, каких ожидал император, были утверждены в заседаниях 4, 7 и 12 августа, и Моле выступил 18 сентября, чтобы объявить о созыве великого синедрина. Миссия этого синедрина, состоявшего из 75 членов кроме председателя, должна была состоять в том, чтобы изложить в форме учения ответы, данные уже собранием.

«Его Величество, сказал Моле, желает чтобы не осталось никакого извинения для тех, которые не его заблуждением и только составлял объявления, чтобы ввести его в это заблуждение.

сделаются гражданами; он вам обеспечивает свободное исповедание вашей веры и полное пользование вашими политическими правами, но взамен августейшего покровительства, оказываемого вам, он требует религиозной гарантии принципов, выраженных в ваших ответах».

Две трети членов синедриона должны были быть раввины, между которыми первое место принадлежало тем, которые входили в прежнее собрание, а остальные члены должны были быть назначены этим собранием посредством тайной баллотировки.

Великий синедрион собрался 4 фев. 1807 г., и его заседания продолжались до 4 марта того же года⁹⁷ (9). Воссоединение, по прошествии стольких веков, потомков этого так долго гонимого племени, должно было действовать на воображение. В первый раз после разрушения храма синедрион собрал членов этой блуждающей семьи в старинной часовне, которая прежде чем принадлежать к ратуше, долго была посвящена св. Иоанну, любимому ученику Христа.

Представители израиля были, по-видимому, взволнованы торжественностью этого зрелища. Один из их первых поступков носит отпечаток величия, которое вовсе несвойственно тому, что от них исходит.

Они припомнили долгие преследования, бесчисленный ряд годов, полных жестокого томления, под угрозой страшных опасностей. Они вспомнили, что в течение более чем 1200 лет только один человек постоянно говорил в их пользу, объявлял беспрестанно, что следует у них уважать свободу совести, выступал перед королями на защиту преследуемых, подавал пример терпимости, предоставляя евреям в своих владениях лучшее обхождение, чем где-либо. Этот человек всегда одинаковый в своем учении, всегда неизменный в своей благости, никогда не умирающий, есть наместник Христа.⁹⁸

⁹⁷ Шатобриан, по-видимому, думал, что у Наполеона была задняя мысль занять когда-нибудь Иерусалим. Он пишет в «Загробных записках»: «Наполеон, производивший во всем перемены, придумал около этого времени великий синедрион. Это собрание не присудило ему Иерусалима; но, вследствие сцепления обстоятельств, благодаря ему, финансы всего мира попали в еврейские лавочки и отсюда произошел роковой переворот в политической экономии».

⁹⁸ На каждой странице истории находим следы покровительства, оказываемого евреям папством. В VII в. св. Григорий их защищал и покровительствовал им во всем христианском мире. Александр II выказал горячее одобрение испанским епископам, взявшим под свою защиту преследуемых израильтян. Иннокентий II и Александр III хлопотали в их пользу. Григорий IX вступался за них во Франции, Англии, Испании и запретил, под страхом отлучения от церкви, нарушать их праздники; Климент VI дал им убежище в Авиньоне; Николай II писал инквизицию, запрещая ей принуждать их силою к принятию христианства; Климент XIII предоставил им свободу воспитывать своих детей по желанию, а масонство, как только захватило власть, отняло эту свободу у французских детей.

Факт понятен: с высоты, на которой он парил, наместник Христа видел только заблудших, за которых он молился, простирая над ними покровительственную руку, между тем как правители государства, стоя на экономической и социальной точке зрения, были принуждены заботиться о том, чтобы не был нарушен порядок в стране, порученной их защите.

Успокоившись, наконец, после стольких лет, евреи захотели поблагодарить представителя Неба, который так часто выступал защитником угнетенных перед сильными мира. Члены синедриона выразили эту благодарность в форме адреса, который является одною из самых достойных страниц истории израиля. В заседании 5 фев. 1807 г., по предложению Авиغدора, была выработана следующая редакция адреса:

«Израильские депутаты французской империи и королевства итальянского на еврейском собрании, разрешенном 30 сего мая, проникнутые благодарностью за последовательные благодеяния, оказанные христианским духовенством в течение прошедших веков израильтянам разных государств Европы; полные признательности за прием, оказанный различными папами и многими духовными лицами израильтянам разных стран и в разное время, когда варварство, предрассудки и невежество, соединяясь вместе, преследовали евреев и изгоняли их из среды общества,

Постановляют:

«Внести выражение этих чувств в протокол нынешнего дня, чтобы оно навеки осталось достоверным свидетельством благодарности израильтян, участвовавших в этом собрании, за благодеяния, полученные предшествующими поколениями от духовенства различных стран Европы».⁹⁹

Этот похвальный порыв не долго длился. Когда папа, в свою очередь, подвергся преследованиям, евреи осыпали его оскорблениями в газетах; они ограбили в Риме солдат пришедших его защищать, они устроили, — что характеризует их племя, недостойное восстание против гроба Пия IX.

Не мешает сопоставить послание, от 5 фев. 1807 г., с низостями, которые были совершены римскими евреями и о которых рассказывают два обращенных израильтянина, ставших священниками, аббаты Леман, издавшие брошюру под следующим заглавием: «Письмо к рассеянным израильтянам о поведении их римских единоверцев во время пленения Пия IX в Ватикане».

«20 сент. 1870 г., рассказывают братья Леман, панские зуавы, защитники Рима, получили от Пия IX приказ прекратить свою геройскую защиту; они покинули валы и печальные, одинокие, стали поодиночке собираться на площади Ватикана; проходя через мост св. Ангела. Их друзья спешили принести им гражданское платье. В начале моста и на всем его протяжении стояли толпами евреи, которые, при криках и оскорблениях, направляемых революционерами против зуавов, вырывали у них самих и у их спутников дорожные свертки, одежду, все, что мог-

⁹⁹ Собрание актов съезда израильтян Франции и Итальянского королевства, Диогена Тома. Сальвадор, который в своей книге «Париж, Рим и Иерусалим» пространно говорит о съезде 1807 г., ни слова не упоминает об этом адресе. Теодор Рейнах тоже обходит молчанием этот характерный факт.

ли выхватить, и так как тут дело было не в грабеже, а в политике, то бросали вещи в Тибр. Но внизу были их лодочники, которые в своих барках собирали то, что было сброшено».

Затем евреи ограбили казармы и отняли все оружие, мундиры даже постели и мебель.

«В прошлом году (1872), прибавляют те же авторы, у ворот Иисуса происходили ужасные и жестокие сцены. Раздавались дикие крики против мирных и безобидных христиан, которые собрались, чтобы помолиться вместе; при выходе их стали бить. Среди людей, которые кричали и наносили удары, были евреи из гетто. Их узнавали! Мы сами говорили с лицами, которые их знали по имени и видели их из окон, выходящих на площадь Иисуса. Эти же лица видели, что они бросали свинцовые пули «величиною с орех для того, чтобы вызвать кровопролитие и разжечь ненависть».

«Когда мы стали наводить справки о возмутительных сценах, происшедших перед Квириналом и в других местах, где священные предметы были преданы осмеянию, священники поруганию, и иконы испорчены, нам отвечали только: буццури и еврей».

А разве в прошлом году еврей Леви, автор подлого памфлета против папы, не объявил на антиклерикальном конгрессе, устроенном им, что следующее собрание будет иметь место в Риме, чтобы лучше выразить презрение к высокому ватиканскому пленнику.

Израиль неумолим, когда требует того, что ему должны, а между тем он странным образом платит свои собственные долги.

Во всяком случае в 1807 г. сердце израильтян было преисполнено благодарностью, Выражение её на еврейском языке, обращенное к Наполеону, проникнуто библейскою поэзией. Как будто слышишь сионского пророка, благодарящего какого-нибудь Сеннахериба или Шаль-Ману-Ассира, которых мы видим на ниневийских барельефах, предшествующих высокими аргираспидами и вонзающих в грудь побежденных «зубчатое стальное колесо позлащенной колесницы».

«Наполеон, все цари разорялись пред тобою, их мудрость исчезла, и они заколебались, подобно пьяному. В день Аустерлица ты сломил силу двух императоров; смерть предшествовала тебе, и ты начертал её ярости путь, по которому она должна была неуклонно следовать. Минувшие поколения, пожранные смертью, поглощенные адом говорили при громе твоих подвигов. Никто из воинов, из храбрецов никогда не был ему подобен. Бог избрал его, чтобы управлять народами, он один совершил столько великих дел, сколько все герои прошлых веков».

Приглашая израильтян сообразоваться с законами страны, требуя, чтобы «они сделали все от них

зависящее, чтобы приобрести уважение и расположение своих сограждан», синедрион не мог, однако, изменить еврейского нрава, над которым бессильно и добро и зло.

Борьба против семитизма, прошедшая почти незамеченною среди стольких великих событий, совершившихся в течение нескольких лет, тем не менее занимает значительное место в царствовании Наполеона.

По какому-то чуду, которое вечно будет удивлять историков, маленький артиллерийский подпоручик внезапно превратился в главу империи, имеющего не только сознание полной, абсолютной власти, но и традиции монархов старых династий. Надо признаться, что этот выскочка был последним властителем, действительно управлявшим Франциею.

Понятно, что ни он, ни Бисмарк не похожи на тех мистических королей, которых, в изображении историков-фантазеров еврейской школы, понуждало к преследованию рвение монахов. Он только был поражен исключительно опасностью, которая грозила стране от этого непрестанного всасывания в общественный организм элемента смуты и разложения.

Впрочем, все выдающиеся люди того времени признавали, что Учредительное собрание в этом вопросе, как и во многих других, действовало с поспешностью и легкомыслием, которое оно вносило во все.

Конечно, можно было что-нибудь сделать для еврея, вдохновиться, например, тою римскою мудростью, которая между римскими гражданами различала *latini iuniani* и *serVI publici populi romani*, которым предоставлялось пользование их имуществом, которым даже позволялось выставлять на показ дерзкую роскошь, но половина состояния которых после смерти возвращалась государству. Будучи применена к семьям вроде Ротшильдов, эта мера дала бы прекрасные результаты и возвратила бы в общественное пользование излишки полученных доходов, не мешая этому по преимуществу меркантильному племени исполнять свое назначение по отношению к торговым оборотам. Рим имел еще *regegrinipus'a*, которому было запрещено приближаться к вечному городу; даже в самые плохие времена римской истории вольноотпущенник не допускался в курию провинциального города. Никогда царь-народ не мог бы понять, чтобы иностранец, даже получивший права гражданства, как Споллер или Гамбетта, был равен сыну древних граждан, основавших величие Рима.

Во время съезда еврейских депутатов в 1806 г., знаменитый юрисконсульт, возвышенный и светлый ум которого был чужд всякого фанатизма, Порталис, очень определенно высказывался по этому поводу в записке, являющейся верхом беспристрастия и здравого смысла.

«Учредительное собрание думало, что для того, чтобы сделать евреев хорошими гражданами, достаточно было бы привлечь их без различия и без

условий к пользованию всеми правами, которые принадлежат французским гражданам, но к несчастью опыт доказал, что члены собрания выказали недостаток если не философии, то предусмотрительности, и что в известной среде можно позволять себе издавать с пользою новые законы лишь постольку, поскольку было приложено труда к подготовке и образованию новых людей.

«Ошибка происходит оттого, что в разрешении задачи гражданского положения евреев во Франции, хотели видеть лишь вопрос религиозной терпимости.¹⁰⁰

«Евреи не просто секта, а народ. Этот народ имел некогда свою территорию и свое правление; он был рассеян, но не разобщен: он скитается по всему земному шару и ищет убежища, а не отечества; он живёт среди всех племен не сливаясь с ними, ему кажется, что он живет на чужой земле.

«Этот порядок вещей зависит от свойства и силы иудейских постановлений. Хотя у всех государств одна и та же цель — сохранять и поддерживать себя, однако у всякого есть и особая: у Рима было целью расширение, у Лакедемона — война, у Афин процветание искусств, у Карфагена — торговля, у Евреев — религия.

«В самом свойстве этого законодательства философы и ученые искали объяснения его долговечности. Действительно понятно, что когда у народа религия, законы, нравы и обычаи отождествляются, то для того, чтобы произвести какую-нибудь перемену в мнениях и обычаях этого народа, следует изменить одновременно все установления и все ходячие идеи, из которых составляется его существование. Это невозможно, и доказательством тому служит долговечность народа, о котором мы говорим.

«Религия обыкновенно касается предметов, затрагивающих совесть; у евреев она обнимает все, на чем зиждется и чем управляется общество. Поэтому-то евреи всегда образуют народ среди народа, они ни французы, ни немцы, ни англичане, а евреи.

«Из того, что евреи менее секта, чем народ, следует, что было неосторожно объявить их гражданами, не разобрав могут ли и хотят ли они откровенно стать таковыми; далее, что не было бы неблагоприятно или несправедливо подчинить исключительным законам такую корпорацию, которая по своим установлениям, руководящим правилам и обычаям разнится от всего общества.

«Слив без всякой предосторожности евреев с другими французами, привлекли толпу иноземных евреев, которые наводнили наши пограничные де-

партаменты, а между тем для массы евреев, издавна поселившихся в Франции не было произведено тех благоприятных перемен, которых ожидали от принятой системы натурализации. В этом отношении настоящие обстоятельства достаточно говорят за себя».

В то время евреи еще не вводили своего нового способа, великого финансового движения, «славы XIX века», как говорят, которое состоит в том, чтобы деньги ходили взад и вперед, золото блестело и сверкало, синие билеты шелестели таким образом, чтобы взгляд, отуманенный этими фокусами, не заметил, что это движение очень просто и заключается в том, чтобы вводить в карманы евреев то, что находится в карманах христиан; они еще не занимались операциями, а придерживались старой игры классического ростовщичества, и освободясь от всяких монархических уз, вооруженные всеми правами граждан, они всю душою предали этому занятию.

Несчастный Эльзас хрипел под вампиром, просил, умолял, кричал, волновался, угрожал. Храбрый Келлерманн, столько раз шедший во главе геройской атаки, чувствовал, что мужество покидает его перед этим потоком немецких евреев, заполонивших несчастную управляемую им провинцию.

В отчаянии, он изливал свою скорбь императору и писал из Кольмара от 23 июня 1806 г.:

«Количество долгов, по которым они получили расписки, — ужасающе. Проценты евреев так огромны, что вызывают проступки, раньше не встречавшиеся в Эльзасских судах. Этим судам с некоторого времени приходится разбирать дела о подложных встречных векселях, предъявляемых евреям, нечестность которых и внушила эту мысль.

«Административные и судебные власти, вероятно, передали министру Вашего Величества более пространные подробности о бедствиях, происходящих вследствие ростовщичества и нечестности евреев.»

Император, с тем вниманием, которое уделял самым незначительным вещам, этот могучий ум, обнимавший управление миром не только в общем, но и в мельчайших подробностях, приказывал присылать себе постоянные донесения по этому вопросу.¹⁰¹

Доклад, который Шампаньи послал ему в

¹⁰¹ 30-го мая 1807 г. был уже издан первый декрет об отсрочке исполнения приговоров, произнесенных над земледельцами в пользу евреев.

В изложении причин значится:

Наполеон... узнав из представленных нам отчетов, что в некоторых северных департаментах нашей империи евреи, не занимающиеся ничем кроме ростовщичества, накоплением самых неумеренных процентов довели многих земледельцев этой страны до величайшей нужды, мы решили прийти на помощь тем из наших подданных, которые несправедливо алчностью были доведены до такой крайности.

¹⁰⁰ То же говорили и парижские купцы в 1778 г., но в другой форме. На эту же точку зрения становятся антисемиты Германии, Австро-Венгрии, Румынии, которые совершенно оставляют в стороне вопрос исповедания.

Фиркенштейн 25 августа 1807 г., и на котором мы читаем: «Важный вопрос, отослан в Государственный Совет, внутренний отдел», несомненно есть основа знаменитого декрета 17 марта 1808 г.

«Первое средство предупредить эти беспорядки, говорил министр, состоит в том, чтобы дать правительству возможность воспретить всякую торговлю людям, которые таким образом злоупотребили свободой, предоставленной законом в гражданских сделках. Посему иностранные евреи, в нравственности которых нельзя иметь положительных гарантий, будут допускаться к торговле во Франции только после, того, как достаточно оправдают свою способность вести это дело честно, ибо есть основание предполагать, что еврей, неспособный исполнить это условие, является во Францию только для того, чтобы заниматься незаконным промыслом, и конечно было бы противно намерениям Вашего Величества, чтобы евреи таким образом злоупотребляли в свою пользу покровительством, которые Вы удостоиваете оказывать евреям Вашего государства. По этому ни один еврей кроме тех, которые занимаются оптовой торговлей, мануфактурами или сельским хозяйством, не будет иметь права заниматься торговлей, не получив чрезвычайного разрешения, которое будет выдаваться местной администрацией, причем его можно будет уничтожить, и оно всегда будет зависеть от уверенности, что данное лицо не злоупотребляет этой торговлей для постыдных целей. Разрешения эти должны быть засвидетельствованы, если еврей захочет торговать вне своего дома, разношники будут подчинены особому надзору, и евреям будет запрещено заниматься делами вне тех мест, где они хорошо известны».

Декрет 17 марта 1808 сообразовался с этими указаниями. Ст. 7-я гласила:

Отныне, начиная с 1-го будущего июля, ни один еврей не будет иметь права заниматься какою-либо торговлей, ремеслом, промыслом, не получив на то разрешения от префекта департамента, которое будет выдаваться лишь на основании точных справок и свидетельств: во 1-х, от постоянного муниципального совета в том, что названный еврей не предавался ни ростовщичеству, ни какому-либо незаконному промыслу; во 2-х, от кагала синагоги, в округе которой он, живет, удостоверяющего его хорошее поведение и честность. Патент на торговлю будет возобновляться ежегодно.¹⁰²

Ст. 16-я, с целью остановить чрезмерное размножение, гласит:

¹⁰² Власть следила, чтобы этот декрет строго исполнялся. Для простого перемещения из Нанси в Саверн требовался декрет. Берем наудачу разрешение данное Гудшо, сын или племянник которого был министром финансов в 1848 г. и спас Ротшильда услугами, оказанными ему на счет казны.

«Наполеон... по донесению нашего министра внутренних дел, выслушав мнение нашего государственного совета, постановили следующее: ст. 1-я. Господину Исааку Гудшо, старшему сыну Якова Гудшо, израильянина и купца в Нанси, разрешается иметь жительство в Саверне, департамент Нижнего Рейна».

Ни одному еврею, не жительствовавшему теперь в наших департаментах Верхнего и Нижнего Рейна, отныне не будет разрешено там селиться. Евреи, не числящиеся теперь в других департаментах нашей империи, будут получать разрешение жить там только в том случае, когда они приобретут какую-нибудь недвижимую собственность и будут заниматься земледелием, не вмешиваясь ни в торговлю, ни в промыслы.

Ст. 17-я постановляет, кроме того, что еврейское население не имеет права представлять заместителей в рекруты, а всякий еврей обязывается к личной службе.

Наполеон, по-видимому, руководился в этих местах единственною мыслью: желанием видеть своих евреев. В этом его не обманывал верный инстинкт его чудесного гения: всякий еврей, которого видишь, который признан за такового, относительно не опасен, а иногда даже заслуживает уважения; он поклоняется Богу Авраама, — этого права у него никто и не думает оспаривать, — и так известно, что о нём думать, есть возможность за ним наблюдать.

Опасный еврей — это еврей неизвестный. Социалист на словах, подстрекатель, иноземный шпион, — он одновременно обманывает рабочих, которые ему доверяются, полицию, которая ему платит, и правительство, которое им пользуется; он вербует простаков в коммуну, затем выдает их версальцам, стушевуется, когда хотят выяснить дело, и выплывает наружу, когда спокойствие водворено, чтобы объявить, что он пострадал за правду. Это — вредное животное по преимуществу, и животное неуловимое; он действительно замешан в стольких делах, что не знаешь, с какого конца его схватить. Если вы его арестуете в восстании, он ссылается на свою родину, победоносную Германию, которая умеет заставить уважать своих детей; если вы попытаетесь его изгнать, он вам доказывает, что тогда-то получил право гражданства. Боец за эмансипацию народа, когда демократия берет верх, защитник порядка, когда торжествует реакция, — он самый могущественный агент смуты, которого когда-либо производила земля, и таким образом он проводит жизнь в радостном сознании, что он под различными видами всегда делал зло христианам.

Чтобы видеть своих собственных евреев, Наполеон прежде всего потребовал, чтобы они выбрали себе фамилии.

20 июля 1808 г. появился декрет, касающийся евреев, не носящих определенного имени и фамилии. Вот главнейшие его пункты:

Ст. 1-я. Те из подданных нашей империи, которые исповедуют иудейскую религию и до сих пор не носили определенного имени и фамилии, обязаны их принять в течении трех месяцев, по обнародовании нашего декрета, и объявить о том представителю той общины, в которой они живут.

Ст. 2-я. Иностранные евреи, которые приедут для водворения в империи и будут подходить под ст. 1-ю, обязаны исполнить те же формальности в течение трех месяцев со дня вступления во Фран-

цию.

Ст. 3-я. Фамилиями не будут считаться имена, взятые из Ветхого завета и названия городов. Имена собственные можно выбирать из тех, которые разрешены законом 11-го жерминаля XI года.¹⁰³

Ст. 4-я. Кагалы, при составлении списков их общин, обязуются о том свидетельствовать и доносить властям, исполнили ли они лично условия, предписанные в предыдущей статье. Они равно обязуются наблюдать и сообщать властям о тех евреях их общин, которые переменят фамилию, не сообразуясь с условиями упомянутого закона.

От исполнения этого декрета избавляются те евреи нашего государства или чужеземные, которые поселяться у нас, уже имея известные имя и фамилию, которые они постоянно носили, даже если эти имена и фамилии заимствованы из Ветхого завета, или от городов, в которых они жили.

Циркуляр министра внутренних дел, Крете, к префектам еще подробнее определяет необходимые формальности, которые следует выполнить, и между прочим предписывает завести во всех мэриях именные списки для каждого лица отдельно.

Эти списки, из которых некоторые еще существуют, будут интересны для восстановления гражданского положения евреев, которые все более стремятся затеряться в массе, в то же время сохраняя, с точки зрения своей пользы, свою особую организацию.

Однако надо сознаться, что и на этот раз мера относительно перемены фамилии не исполнялась как следует.

Когда давали фамилии австрийским евреям, при Иосифе II, этот труд был возложен на низших чиновников, которые тут увидели случай поживиться. Заплатившие несколько флоринов, получали имя красивое, поэтическое, или с хорошим значением: Штраус (букет), Вольгерух (благоухание), Эдельштейн (драгоценный камень), Гольдадер (золотая жила). Те же, которые ничего не платили, получали неприятные или смешные фамилии: Гальгенфогель (висельник), Зауфер (пьяница), Вейнглас (винный стакан). Во Франции евреям предоставили полную свободу при выборе фамилии. Большинство из них, пользуясь терпимостью закона к именам, освященным обычаем, принимали названия городов: Лиссабон, Париж, Лион, Марсель; другие принимали обыкновенные имена: Пикар, Фламан, Буржуа, Лоран, Клеман: многие черпали в революционном календаре и избирали имена: Авуан (овес), Сегль (рожь), Фроман (пшеница), Лорье (левр).

Самая распространенная фамилия —

¹⁰³ Ст. 1-я закона 11-го жерминаля гласит: «считая со дня обнародования этого закона, только имена, употребляющиеся в различных календарях и имена лиц, известных в древней истории, будут считаться за имена собственные в списках гражданского положения, служащих для проверки рождения детей, и чиновникам воспрещается допускать какие либо другие имена в их актах».

Мейер.¹⁰⁴ Имя это очень старинного происхождения и встречается в Ветхом завете и в Талмуде, оно нравится евреям, ибо вызывает понятие о чем-то блестящем. Действительно, слово мейер (блестящий, лучший) происходит и от золота, и от света. Кон, Кан, Коген, Кагун, — все это варианты еврейского слова коген (священник из семьи Аарона).

Самые употребительные имена у евреев — перевод с еврейского: Маврикий — соответствует Моисею, Исидор — Исааку, Эдуард — Аарону, Джемс — Иакову; Альфонс — Адаму.

Терпимость реставрации уничтожила на деле все формальности, которые бы могли стеснять евреев. Списки, составленные по приказанию императора, напротив, являются верхом бдительности, внимания и отчетливости в подробностях; они составляют противоположность с тою бесцеремонностью, которая царит в современной Франции, где всякий вступает на родину, как на мельницу. Они до сих пор служат планом и образом антисемитическому комитету, который старается разобраться в наших делах.

Столбцы разделены следующим образом: негоцианты, фабриканты за своих доверителей; собственники, обрабатывающие землю; занимающиеся искусствами и ремеслами, торговлю поддержанными вещами, подлежащие отбыванию воинской повинности по жребью, — служащие лично, замененные другими, вольноопределяющиеся, ученики, посещающие общественные школы; освобожденные от долгов по закладным.

Еврейское население империи распределено в 38 департаментах и составляет 78, 993 чел., но евреи, вновь присоединенных местностей — в Голландии и на севере, не внесены в этот труд.

Лион и департамент Роны, которые в настоящее время запружены евреями (еврею Милью удалось заставить выбрать себя там в сенаторы), — тогда были почти нетронуты; там насчитывалось лишь 56 глав семейств, а всего 195 чел. Мы читаем в одном из отчетов, что 40 еврейских семейств поселились в Лионе в 1790 г.; в их числе есть два негоцианта, два землевладельца, девять ремесленников, занимающихся искусствами и ремеслами, пятнадцать — двадцать детей, посещающих общественные школы.

Евреи подавали императору прошения за прощениями, чтобы быть избавленными от строгостей

¹⁰⁴ Хроникер «Иллюстрации» как-то рассказал по этому поводу забавный анекдот, который, увы!.. в настоящее время у нас столь же современен, как и в Германии, столько расплодилось во Франции Мейеров.

«По ту сторону Рейна Мейеры, со всевозможными живописаниями, кишат так же, как Дюраны во Франции, и остряки этим забавляются. Например, берлинский обыватель, какойнибудь Шульц или Мюллер, запаздывает в театр. Зал полон, ни одного не занятого места, а между тем он желает видеть пьесу, сидя с удобством. Что делать? Очень просто. Как только наступит антракт, он становится у выхода в коридоре и кричит растерянным голосом: господа, пожар у г. Мейера. Тотчас встает человек пятьдесят зрителей, бледных, взволнованных, и все Майеры и Мейеры бросаются к выходу, между тем как берлинский шутник преспокойно выбирает между опустевшими местами то, которое ему больше всего нравится».

декрета 17 марта 1808г. Евреи Жиранды были освобождены немедленно; сенские, о которых были получены хорошие отзывы, удостоились той же милости, другие же не имели успеха.

Между тем у евреев были друзья, приближенные к Наполеону. Возможно, что Ней, родом из Лотарингии, был евреем, как часто утверждали. Во всяком случае это имя довольно употребительно у евреев. Необыкновенный рок тяготевший над этой семьею, таинственность катастроф, обрушившихся на нее, утверждают меня в этом мнении. Как бы то ни было, если верить «Алла-З-дер-Юд», он носил израиля в сердце своем.

«Когда, 10-го ноября 1806 г., рассказывает эта газета в 1865 г., маршал Ней занял Магдебург, к нему явились власти и почетные граждане этого города. Маршал потребовал непременно, чтобы ему представили почетнейших лиц всех исповеданий и спросил нет ли между ними представителей израильской общины. — Город Магдебург, возразил один из присутствующих, пользуется привилегией не иметь жидов среди своих обитателей; здесь есть всего один, которого выносят вследствие особых причин. Вы хотите сказать израильтян, возразил маршал, Франция не знает жидов; впрочем господ, там где царит Франция, нет более привилегий, и отныне пусть равенство вероисповеданий будет единственным принципом допущенным в Магдебурге».

«Теперь, говорит израильская немецкая газета, в Магдебурге есть 5000 наших единоверцев, и один из них — член муниципального совета».

«Архивы», приводящие этот факт, не высказываются определенно о еврейском происхождении Нея.

«Мы прибавим, говорят они, что Ней, родом из Саррлуи, долго слыл за еврея по происхождению; достаточно нескольких анекдотов, вроде вышеприведенного, чтобы составить ему подобную репутацию».

Как мы уже доказали, уверение Дизраэли относительно Массены кажется, по меньшей мере, рискованным, но невероятным. В таком случае внук маршала, герцог Риволи, недавно женившийся на еврейке, г-же Гейне, вдове генерала де ла Москова, считавшегося за еврея родом, повиновался какому-то расовому влечению, которое мы уже не раз констатировали в этом труде. По отношению к маршалу Сульть предположение Дизраэли кажется мне просто романтическим; хотя он фигурирует в «Еврейском Плутархе» наравне с Жюлем Жанен.

По словам «Petit Journal», первым еврейским офицером французской армии был Маркфруа, умерший три года назад в Биаррице, 95 лет от роду. Он участвовал в последних кампаниях империи и достиг чина капитана.

Отец покойного был владельцем замка Мар-

рак в Байонне, который он продал Наполеону I, а тот завлек и удержал там короля испанского и его сына, позднее Фердинанда VII.

В аудиенции, полученной у Наполеона, г. Маркфруа получил разрешение поместить своих сыновей в военную школу.

До тех пор казенные школы были закрыты для израильтян. Покойный и его брат были первыми евреями, допущенными в военные школы Франции.

По словам Кона, первыми еврейскими офицерами были д'Альмберт, Мардохей и Поллоне, вышедшие в 1809 г., — первый из политехнической школы, а два другие из С.-Сира.¹⁰⁵

В виду новых мер, евреи по наружности ограничили жалобами, но разрыв между ними и императором был полный. Был ли Наполеон семитического происхождения или нет, но в деле финансов он был олицетворенною противоположностью еврейского духа.¹⁰⁶

По какому-то контрасту, каких не мало было у этого удивительного гения, Наполеон, бывший таким мечтателем во многих вопросах, поэтом на деле, вроде Александра или Антара, являлся, как только дело касалось общественных финансов, самым строгим, осторожным, честным экономистом, какого видели со времен Кольбера. Он бросал деньги не считая на дела, прославлявшие французское

¹⁰⁵ «Записка о состоянии израильтян во Франции», Е.-С.-М. называет между военными еврейского происхождения генерала барона Вольфа, маршала, командора ордена Почетного Легиона, его брата, батальонного командира, кавалера того же ордена, полковника Мориса, Альфонса, Серффера и других.

Мозольный оператор Наполеона И, некто Тобиас был еврей; впоследствии он исправлял ту же должность при герцоге Беррийском. По поводу этого Тобиаса «Ежегодник Израильских архивов» передает комичную, но в то же время трогательную черту, ибо человек уважающий свою религию, будь он хоть мозольный оператор, заслуживает уважения. «Однажды, в день Рош Гашанах, Тобиас был в синагоге, когда за ним впопыхах прислали от герцога Беррийского. Затруднение мозольного оператора было очень велико: он пошел посоветоваться с главным раввином, Мишелем Зелиманом». Почтенный пастырь разделял сомнения своего духовного сына; тем не менее он предложил ему отправиться на призыв герцога, ибо отказ, в те времена крайнего клерикализма, мог иметь важные последствия; но посоветовал ему устроиться так, чтобы только в случае крайней необходимости нарушить торжественность праздника.

Тобиас в смущении является в Тюильери.

— «Ах, как я страдаю!» восклицает герцог Беррийский, увидя его; «избавьте меня скорее от моих страданий». Тобиас наклоняется, внимательно рассматривает ногу и несколько раз надавливает пальцем на мозоль. «Ай, кричит принц, вы делаете мне больно!» «Видите ли, Ваша Светлость», смело возражает наш оператор, внезапно вдохновленный, «я замечаю сильное воспаление, а при таких условиях было бы очень опасно делать операцию. Потерпите день или два, обложите ногу компрессами, и я вас избавлю от мозолей».

Благодаря этой увертке, Тобиас избежал жестокой необходимости, для столь строго верующего, нарушить торжественность Рош-Гашанаха.

¹⁰⁶ Во время прений в государственном совете он хорошо указал на паразитный характер этого племени. «На протестантов и католиков так не жалуются, как на евреев, говорил он, ибо зло, причиняемое евреями, исходит не от отдельных личностей, а от самого строя этого народа: это саранча и гусеницы опустошающая Францию».

имя: на постройки, на поощрение артистов, на блестящие праздники, лучше которых не бывало до него, а на другой день он защищал деньги своего народа, деньги плательщиков податей, собственно говоря, с мешанскою жадностью какого-нибудь Людовика XII. Он именно был противоположностью Гамбетты, если позволительно сблизать эти два имени, который говорил: «берите, грабьте, делайте дефициты, я закрываю глаза, я не здешний».

Евреи, под покровительством Уврара, воспользовались удобной минутой, когда Наполеон был поглощен победой при Аустерлице, чтобы злоупотребить простотой Барбе Марбуа, министра финансов, и устроить с испанскими облигациями знаменитый тунисский заем; сами они купили бумаги по низкой цене, а затем заставили Францию гарантировать и купить по высокой цене. Известна ужасная сцена, происшедшая по возвращении, когда Барбе Марбуа, выходя заплаканный из тюильерийского кабинета, сказал императору: «надеюсь, по крайней мере, что Ваше Величество не обвиняет меня в воровстве». — «Гораздо хуже, отвечал Наполеон; плутовство имеет границы, а глупость их не имеет».

Начиная с 1810 г. еврей, который до тех пор поддерживал Наполеона и которому теперь нечего было ждать от него, стал на сторону Европы. Против всемогущего императора восстала теперь та таинственная сила денег, которой никто не может противостоять, даже Наполеон II, как однажды нахально объявил в палате Леон Сэ, креатура Ротшильда.

Еврейство, умеющее выдвигать вперед, превозносить, пускать в ход, так же умеет разрешать или вернее, подкапывать, подрывать, подтачивать. Если еврей станет против кого-либо, будь то глава империи или простое лицо, журналист или опереточная певица, они чувствуют себя внезапно опутанными тысячею тончайших нитей, которые мешают им двигаться; «они во всем встречают препятствия, как прекрасно объясняет Дизраэли, они обесчещены, опозорены, деморализованы, не знают кого обвинять; ничто им не удастся, и они сами не знают отчего. Чтобы презирать эту таинственную власть, перед которою сам Бисмарк отступил, надо быть человеком, как Наполеон или писателями, с правдивым сердцем, с чистою душою, которые размышляли над словами Христа: «блажены изгнанные правды ради, яко тех есть царствие небесное».

Конечно, предприняв русский поход, Наполеон испортил свои дела, но рано или поздно финансовая коалиция одолела бы его.

Когда настала развязка, будущий банкир Священного Союза, Ротшильд, выказал необычайную деятельность; самое величие событий как будто возвысило над самой собою природу еврея, вообще мало склонную к геройским поступкам.

Когда вечер спустился на Ватерлоо, когда император попытался прорвать последнее каре, Ротшильд, поджидавший в Брюсселе, был немедленно извещен о поражении евреями, следовавшими за армией, чтобы добывать раненых и грабить трупы. Если он первый прибудет в Англию с вестью, то заработает 20 миллионов. Он поспешил в Остенде, но

страшная буря делала переезд невозможным. Банкир на минуту остановился в затруднении перед бешено набегавшими волнами, но тем не менее дал приказ к отплытию. «Не бойся, мог бы он сказать капитану, ты везешь более чем античную барку, ты везешь несчастье Цезаря и счастье Ротшильда.»

«Бонапарт умер, пишет Мишлэ; железный век породил денежный век, благодаря займам сделанным для войны даже в мирное время и для других целей». Умный еврей, Оленд Родриг, во имя Св. Симона, написал Евангелие этой новой религии.

«Евреи, составлявшие до тех пор республику, учредили двойное королевство; немецкие, а позднее и южные евреи создали два вместилища, куда стекались капиталы.

«В то время, как первые доставляли средства армиям Священного Союза, вторые стали на сторону второго Бонапарта.»

Мишлэ как будто указывает на антагонизм или, по крайней мере, на соперничество. Действительно, мир был заключен между евреями двух толков на развалинах Франции; будучи всегда согласны между собою, несмотря на видимые колебания биржи, они должны были монополизировать деньги всего света. Народы и короли были не более как марионетки, нити которых были в руках евреев. До сих пор народы бились за отечество, за славу, за знамя; отныне они будут биться лишь для того, чтобы обогащать израиля, с его же позволения и единственно для его удовольствия.

Рестаuration и Июльская монархия

Очистка счетов. — Возвышение Ротшильдов. — Рестаuration остается чуждой всякому чувству справедливости и предусмотрительности. — Французские банкиры составляют заговор против самих себя. — Семья Орлеанов и любовь к деньгам. — Ротшильд — настоящий министр Луи-Филиппа. — Прекрасное произведение Гуссенеля. — Евреи — цари нашего времени. — Сен-Семонизм. — Финансовая. — Братья Перейра. — Смерть сапожника. — Последние усилия арийского духа против семитического вторжения. — Театр и литература. — Христианские кварталы Петруса Бореля. — Презрение герцога Орлеанского к евреям.

IV Рестаuration и Июльская монархия

В 1790 г. еврей появляется; при первой республике и первой империи он входит, рыщет, ищет себе место; при рестаurationи и июльской монархии он садится в гостиную, при второй империи ложится в чужую постель, при третьей республике начинает выгонять французов из их домов, или заставляет их работать на себя. В 1890 г. если, как я все еще надеюсь, в нас есть достаточно скрытой силы, чтобы избавиться от смерти, он вернется к своей исходной точке и возвратит целиком то, что брал по частям у слишком доверчивых и гостеприимных людей.

В 1815 г. все великолепные речи, произнесенные начиная с 89 года, вся кровь, пролитая на эшафотах и на полях битв, прекрасная смерть стольких политических людей, героев и героинь, жиронди-

стов, монтаньяров, вандейцев, мужество солдат Самбры и Мезы, шуанов, люццовских гусар, шотландской милиции, Верньо, С.-Жюста, Шаретта, Шателино, Стофле, Ланна, Даву, Бессьера, Шарлотты Кордэ, г-жи Ролан, взятие поочередно всех столиц Европы, бурные кавалерийские атаки, которыми предводительствовали, сверкая глазами, Мюрат, Лассаль Монбрен, Нансути, Блюхер, Цитен, Платов, Вальми, пирамиды, Маренго, Аустерлиц, Ватерлоо, гений Наполеона, хитрость Талейрана, стойкость Велингтона — все это свелось к «очистке счетов». Это великое человеческое движение завершилось во франкфуртской Judengasse. Героем минуты был еврей еще раболопный и пресмыкающийся, который говорил: «есть возможность» или «нет возможности».

Арийцы убивали друг друга в течение двадцати пяти лет для того, чтобы возвеличить семита с отталкивающей физиономией, который спокойно обрезывал дукаты, пока другие сражались.

Очистка счетов — торжество еврея. Постоянная мечта каждого из них — открыть счет. Пока таковой длится, можно быть относительно спокойным; как только он закроется, надо ожидать, что начнется новый период войн, которые откроют новый счет.

Собирая в своих руках все частные долговые обязательства Германии и Англии, Ротшильд в то же время отдавал свои фонды в распоряжение французского правительства; он доставлял деньги, которые ссужал. Подобно Мольеровскому метру Жаку; он менял роли смотря по обстоятельствам: был поочередно самым неумолимым из кредиторов и самым услужливым из займодавцев. Можно ли оспаривать законность векселя у человека, который вам делает одолжение?

Под давлением этого услужливого Шейлока Франция была принуждена уплатить до последнего гроша по самым невероятным векселям и самые фантастические долги. Все воображаемые или действительные убытки, которые полуторамиллионная армия могли причинить во время своих прогулок по Европе, пришлось на долю реставрации, увеличенные еще грязью от еврейских рук, через которые эти долговые обязательства прошли, прежде чем достигнуть более чистых, но не менее жадных рук Ротшильда. На призыв израиля даже прошедшее вышло из гроба, и Франция была принуждена уплатить жалованье немецкого рейтарского полка, посланного каким-то князьком Генриху IV.

Эти операции, с виду чисто финансовые, имели кроме того то преимущество, что сильно служили идее еврейства. Рассеянные по всей Европе, евреи, которые с барышом продавали векселя, купленные ими за бесценок, знали, что во Франции есть один «из наших», который толкует о государственных делах прямо с министрами.

Джемс де-Ротшильд, поселившейся в улице Прованс, уже был не прежним маленьким компаньоном, а австрийским бароном, благодаря Меттерниху.

Хотя герцогиня Ангулемская и воскликнула с удивлением: *Fi donc!* когда ей предложили допустить в свое общество г-жу де Ротшильд, однако Нюсинген, появляющийся в творении Бальзака, с его ломанным немецким говором, сделался некоторого рода лицом.

Зарейнские евреи, делавшие скромные, правда, попытки укрепиться в Париже, привыкли смотреть на дом Ротшильда, как на колыбель французского еврейства. С одушевляющим все племя духом солидарности, Ротшильды помогали вновь прибывшим, доставляли им средства для мелкого ростовщичества и в то же время приобретали от них драгоценные сведения и учреждали ту полицию, которая не имеет себе равной во всем свете.¹⁰⁷

Реставрация не видела опасности этого еврейского вторжения, которую Наполеон так хорошо понял. Уже более века, как королевская власть утратила способность понимать Францию; она ничего не поняла и в революции, ни до, ни после: ей не доставало именно того, что вначале составило величие и могущество этой монархии, ограничивавшейся первоначально Иль-де-Франсом.

Сила первых Капетингов состояла в том, что они сливались воедино с французским духом, охраняли экономические интересы страны и в то же время расширяли её пределы и возвышали её могущество силою оружия. Последние Бурбоны не отличались воинственными наклонностями; в такое время, когда все волею неволею появлялись на полях битв, они не бились ни разу. Из трех братьев, потомков Франциска I, Генриха IV, Людовика XIV, даже Людовика XV, выказавшего такую изящную храбрость при Фонтенуа, ни один не рискнул жизнью для защиты своего престола.

Но чего у них не доставало более всего прочего, чего не доставало столь роковым для нас образом у монархистов на собрании 1871 г., — это руководящего правила, без которого всякая христианская монархия есть бессмыслица — духа справедливости. «*Discite justiciam moniti*», говорит кроткий Виргилий, у которого порой как бы видишь отблеск евангельской мудрости... Бурбоны получили предостережение, но это не заставило их возлюбить справедливость. Если бы они были справедливы, то велели бы расстрелять, чтобы отомстить за

¹⁰⁷ См. по этому поводу книгу Капфига. «История великих финансовых операций», которую будущее, более справедливое чем настоящее, поставит наряду с немногими книгами того времени, заслуживающими быть сохраненными. См. также финансовое сочинение Августа Ширак: «Крупный банк и революции». Автор, который, по моему, грешит, что не вполне точен в логических выводах своих посылок, тем не менее принадлежит к тем, которые мужественнее всего указывали на опасность от еврея и с наибольшею силою порицали бесстыдство многих финансовых операций. Сохраняя чисто личный оттенок, он придерживался традиций Туссенеля и Гужено де Муссо, и я считаю своим долгом отдать справедливость писателю, книга которого сперва систематически оставлялась без внимания, а теперь начинает оцениваться по достоинству.

человеческую совесть, с дюжину тех членов конвента, которые выказали наибольшее ожесточение против несчастного Людовика XVI, и не тронули бы ни одного солдата Великой Армии.

Во все решительно они вносили презрение к справедливости. Знаете ли, что получил от реставрации из бесчисленного количества эмигрантов тот вероломный дворянин, который изменил своему королю, подло покинул женщину, доверявшуюся ему, Лафайет, главный виновник революции? 450,000 ливров дохода...

Между тем шуаны, дравшиеся все время в ожидании принцев, которые все время не появлялись, умирали с голоду в своих разоренных хижинах. Семейство Кателино потеряло двадцать три члена на полях битв и нуждалось в куске хлеба, а сестра Робеспьера получала пенсию в 6000 франков!

Поведение относительно вандейцев Людовика XVIII, руководимого Эли, первым герцогом Деказ и ревностным масоном, является печальной страницей в истории реставрации. Из скарденности король отказывался признавать чины, которые сам раздавал, и уплачивать по распискам, выданным по распоряжению предводителей войск для ведения войны, предпринятой от его имени; он даже не предоставил Вандее тех преимуществ, которые ей были обеспечены трактатом Жанэ, заключенным между Шереттом и республиканским правительством.

Вдова Лескюра и Луи де ла Рошжакелен, говорит Кретино-Жоли в «Вооруженной Вандее», сестры этого последнего, вдова Боншана были подвергнуты надзору. В нескольких жилищах был произведен обыск, а в С.-Обен де Бобинье осмелились осквернить нечестивым вторжением полиции дом, где родились Генрих и Лун де ла Рошжакелен; дом — окна которого выходят на кладбище, где покоятся вечным сном славы оба брата умершие за Бурбонов.

Консерваторы называют это «быть политическими» и утверждают, что для этого нужны люди испытанной ловкости; таким путем они достигают того, что бесчестят свое дело и заставляют выталкивать себя за дверь, что не мешает им начать снова при первом случае.

Версальские монархисты принимают Деказа сына, как монархисты 1815 г. приняли Деказа-отца.

Повторяю, что справедливость есть наилучшая политика. Если бы Бурбоны, в благодарность за оказанные услуги, учредили для своих верных бретонцев полувоенные, полугосударственные лены, которые владельцам было бы выгодно защищать, то нашли бы там стратегический центр для преобразования армий, откуда они снова могли бы пойти на Париж, когда Лафайет, которого они осыпали щедротами, их прогнал еще раз.

И так, во время реставрации евреи могли продолжать свое незаметное дело. Маленькую синагогу в улице С.-Авуа, которую довольствовались до 1821 г., заменил храм в улице Победы, — в этом названии евреи охотно видят предзнаменование.

Только в 1818 г. семитический вопрос снова был поднят в палате. Мужественный гражданин, маркиз де Лалье, потребовал в петиции продления декретов 1808 г. на новых десять лет. Палата пэров перешла к очередным делам почти без возражений. Ланжоинэ, как не грустно это сказать о человеке, память которого во стольких других отношениях заслуживает почитания, испросил слово, чтобы восстать против этой петиции. В палате депутатов прошение имело более успеха. Пальо де Луан, человек с сердцем, предложил отослать его в министерства юстиции и внутренних дел. После легких прений палата депутатов приняла это заключение, и отсылка была решена, но враждебные влияния помешали, чтобы этому делу был дан ход. Надо сознаться, что евреи выказали тогда большой политический такт, не подавая никаких поводов говорить о себе. Это был период сдержанности и подготовки.

С упорством, свойственным этому племени, которое вечно начинает сызнова, евреи, как мы уже сказали, поселились в том самом месте, откуда их выгнали в средние века, в Еврейской улице; потом оттуда они расселились по близ лежащим местностям и заняли часть квартала св. Павла. Вновь прибывшие из Германии и Польши группировались около ломбарда и Тампля; они постепенно наводнили приходы С.-Жан, С.-Франсуа и Блан-Манто до С.-Мери, с одной стороны, между тем как с другой они поселились в приходе С.-Жерве, за улицею С.-Антуан. В настоящее время приход св. Евстафия почти весь осквернен ими, и волна проникла вплоть до аркад улицы Риволи.

В этой возрождающейся Kehilah царило благочестие. Синагоги в улице Шом и С.-Авуа были переполнены, каждую субботу в этих благочестивых жилищах возжигалась лампада. Когда умер Майер де Ротшильд, то в течение года ежедневно утром и вечером совершались заупокойные службы в доме Соломона Алькана, двоюродного брата Джемса, жившего скромно в улице Ом Армэ.

Теперешний шумливый и назойливый еврей не существовал. Тогда еще и не думали оскорблять христиан, и водить дружбу с герцогами. Насколько с 1870 г., особенно опьяненные торжеством и вообразив, что они уже совсем нас поработили, они стали циничны, грубо богохульствовали и немилосердно преследовали, настолько во время реставрации они доказали, что умеют ждать.

Действительно, им только стоило подождать. В виду полного отсутствия возвышенности ума в буржуазии, было ясно, что она из низкой зависти сделает то, что аристократия сделала из легкомыслия и невежества.

В это время число банкиров французского происхождения было довольно ограничено в Париже. «Франция, сказал Туссенель, эта великая и великодушная нация, по природе чувствует такое отвращение к неблагоприятному промыслу, принуждающему человека обманывать, что ей пришлось выписывать из Иудеи и Женева гнусных торгашей».

Наряду с Ротшильдами, Гопами, Барингами,

банкиры, вроде Казимира Перье, Лафитта, Терно, Делессера, занимали однако значительное место в финансовом мире; соединившись вместе они могли навсегда воспрепятствовать еврейскому и немецкому банку овладеть финансами, ввести воровство на биржу и разорять нашу страну. Как они того и заслуживали по своей честности, они пользовались уважением королевской власти, которая, конечно, была непредусмотрительна, слишком привязана к французам, чтобы подозревать ненависть, которую против нее возбуждало масонство, — но так прямо, чиста, безупречна во всем, что касалось чести? Они находились в сношениях с министрами, которые еще не были, как теперешние, биржевыми дельцами, не пускали в ход рудников без руды, но людьми безупречными, выходящими в отставку бедняками, унося часто, вместо всякого достоинства, незапятнанное имя.

Мелочная вражда, горячее желание играть роль заглушили у банкиров всякий патриотизм; они стали оказывать денежную поддержку оппозиции, ниспровергли королевскую власть, слабые стороны которой история конечно может строго осуждать, но которая была воплощенным благородством в сравнении с последующими правительствами; она, укрепила за нашим народом первое место в Европе и многими прекрасными чертами олицетворяла великую и благородную Францию наших предков.

Между Орлеанами и евреями существует сходство. Те и другие любят деньги, и этот общий культ их сближает. Бурбоны настоящие арийцы, не знают цены деньгам; они их занимают, когда нужно, и раздают по преимуществу своим врагам, в чем они отличаются от Бонапартов, которые тоже великодушны, но предпочитают давать своим друзьям; Орлеаны же знают, что значит обладание; они говорят, как поэт: *oportet eabere*.

Эти сходства темперамента объясняют первенствующую роль, которую играл дом Ротшильда во время июльской монархии. В действительности Ротшильд был премьер-министром этого царствования и неизменно занимал свой пост при сменявшихся президентах совета.

С правлением Луи-Филиппа начинается царство еврея. При реставрации можно было хоть приблизительно знать число евреев. Так как на них лежали расходы по богослужению, то все они были внесены в списки кагала.

В 1830 г. Ротшильд заставил отменить эту меру и сделал всякую перепись невозможною, с тех пор иудейское вероисповедание стало получать денежное пособие от государства.

Как говорит Туссенель «не было более королевской власти во Франции, и евреи держали ее в рабстве».

Это 18-летнее царство евреев породило нетленное произведение: «Евреи — цари нашего времени».

Чудесная книга Туссенеля есть в одно и то же время памфлет, философский и социальный очерк, произведение поэта, мыслителя, пророка, и все мое

честолбие после долгих лет литературного труда, сводится к тому, признаюсь, чтобы моя книга заняла место рядом с его книгой в библиотеке тех людей, которые захотят отдать себе отчет в причинах, повергнувших в разорение и позор нашу славную и дорожную страну.

«Это, прежде всего утонченный и чуткий человек» писал мне однажды г. де Шервиль, который имеет много общего с автором «Ума животных», обладающим, как и он, пониманием лесной природы. И мой корреспондент удивлялся с наивностью, которая, в свою очередь, меня удивила, что такой замечательный писатель не принят в академию, как будто человек может добиться чего-нибудь, когда против него целая нация.

Более того, Туссенель обладал умом, который созерцание природы сделало глубоко религиозным, и если бы он не заблудился в утопиях фаланстеры, то прямо пошел бы ко Христу.

У него было то, что было у святых: любовь и ненависть; любовь к бедным, страждущим, смиренным и ненависть к негодяям, эксплуататорам, торговцам человеческим мясом.

В этой красноречивой книге проходит весь режим Луи-Филиппа, с виду более приличный, чем наша республика, но в сущности такой же гнилой, как она. Тут изображены все грязные сделки; тут описана история ротшильдовской газеты со всею её нечистоплотною стряпнею; тут вы встретите, Леонов Сэ, Джонов Лемуан, Аронов, Рафаловичей и проч., которые вымогают себе официальные кандидатуры, дирекции, консульства, концессии, постоянно угрожают, что откажут в своей ненадежной помощи и сердятся, когда им предлагают заплатить не столько, во сколько они себя ценят, а, сколько они в действительности стоят.

Еврейская эксплуатация развертывается тут во всем своем цинизме. Министры короля тратят на достройку северной железной дороги сто миллионов, огромную сумму для того времени, когда еще не знали чудовищных израильских мошенничеств, которыми нам пришлось любоваться; затем, когда все кончено, и правительству остается только эксплуатировать, они предлагают эксплуатацию дороги на сорок лет Ротшильду, чуть не за бесценок.

Тут изображен и Фульд, конкурирующий с Ротшильдом и причиняющий смерть сотни человек своим отказом заменить негодную машину новою.

Этот Фульд был сыном чистильщика сапог, и «Эльзасско-лотарингская биография» подробно рассказывает нам любопытное происхождение этой семьи.

«В прошлом веке, говорит она, в Нанси жил важным барином, всеми почитаемый банкир, Серфбер-Медельсгейм, главный синдик евреев Эльзаса и Лотарингии. Он был отцом восьми детей, из коих четверо были сыновья. Он им давал широкое и свободное образование, но они, как истые баловни семьи, мало им пользовались и ставили удовольствия выше обязанностей.

«Под окном банкира всегда стоял маленький чистильщик сапог, который чистил обувь лиц, входивших к финансисту. Этот последний обратил внимание на ребенка, который подбирал выброшенные бумажки и с помощью карандаша старался научиться писать и считать. Придя в восторг от этого прилежания и будучи огорчен леностью своих сыновей, он стал их упрекать, привел им в пример бедного покинутого сироту, который сам старался приобрести познания, между тем как над ними напрасно трудились опытные и дорого оплачиваемые преподаватели. Затем, открыв окно, он позвал маленького поденщика и сказал ему: «сядь тут, дитя мое, ты прилежен и умен; с нынешнего дня ты будешь за этим столом учиться вместе с моими сыновьями; я надеюсь, что это послужит на пользу и тебе и им».

«Сказано — сделано; маленький чистильщик сапог поселился в отеле банкира и стал пользоваться обучением, которое ему так великодушно предлагали, сделался лакеем, *factotum*’ом дома, потом служащим, а потом кассиром. Он женился на одной из горничных г-жи Медельсгейм, наконец захотел устроиться за свой собственный счет и основал банкирский дом в Париже. На это его благодетель ссудил, ему 30 тыс. франков, но их оказалось недостаточно, и новый банк лопнул. Тогда была выдана новая ссуда в 30 тыс. фр., которая дел не поправила; наконец третья такая же сумма была привезена банкроту г-жею Алькан, внучкою Серфбера и племянницею генерала барона Вольфа. На этот раз счастье улыбнулось усилиям Фульда и не покидало его больше. Он принял в компаньоны своего сына Бенедикта, женившегося на девице Оппенгейм из Кельна, откуда произошло название фирмы «Фульд и Фульд Оппенгейм» бывшее долго известным. Другие его сыновья были Людовик и Ахилл, друг и министр Наполеона III; его дочь стала г-жею Фургадо.

«Фульд-отец умер почти столетним старцем, лет тридцать тому назад. Что же касается благодарности, которую он и его семья должны были выказать своим благодетелям — не наше дело о том говорить».

В книге Туссенеля новая феодальная власть еврея изображена мастерски и мы не можем отказать себе в удовольствии воспроизвести ужасную картину, нарисованную знаменитым писателем.

«Монтескье забыл определить промышленный феодализм, — жаль. По этому предмету можно бы ожидать пикантных разоблачений от остроумного мыслителя, который сказал: «финансисты поддерживают государство, как веревка поддерживает повешенного». Промышленная, финансовая или коммерческая феодальная власть не основывается ни на чести, ни на почестях, как республика и монархия Монтескье. Её основой служит притеснительная и анархическая торговая монополия, её отличительная черта — алчность, ненасытная алч-

ность, мать хитрости, нечестности и стачек. Все её учреждения носят отпечаток лживости, незаконности и хищничества.

«Анархический деспотизм свергает великих мира и щадит смиренных, но не таков деспотизм нежного сундука. Он пожирает и хижину бедняка и дворец короля, — всякая пища пригодна для его алчности. Как жидкая ртуть,¹⁰⁸ благодаря своей тяжести и подвижности, проникает через все поры гордой породы, чтобы овладеть мельчайшими частицами драгоценного металла, заключающегося в ней; как отвратительный солитер, паразитные кольца которого пробираются по всем изгибам внутренностей человека, так торговый вампир присасывается к самым крайним разветвлениям социального организма и извлекает из него все содержимое, все соки.

«Где царят деньги, там господствующий тон — эгоизм, напрасно старающийся спрятаться под личиною лицемерной филантропии.

«Его девиз — всякий за себя.

«Слова: родина, вера, закон не имеют значения для этих людей, у которых вместо сердца — монета.

«У купцов нет отечества. *Ubi aurum, ibi patria*. Промышленный феодализм олицетворяется в евреек-космополите.

«У голландцев религия попирает ногами Христа, и плюет ему в лицо, чтобы приобрести право торговли с японцами».

Никто лучше Туссенеля не изобразил покорения всех христианских стран еврею.

«Еврей, пишет он, обременил все государства новым долгом, которого они никогда не выплатят из своих доходов. Европа закрепована израилю; то всемирное владычество, о котором мечтало столько победителей, в руках евреев. Иерусалим наложил дань на все государства; чистая прибыль от труда всех работников переходит в карманы евреев под именем процентов национального долга».

Если немецким евреям, представляемым Ротшильдом, так скоро удалось прибрать к рукам большую часть общественного достояния, то надо сознаться, что им могучую поддержку оказали португальские евреи.

Сенсимонистская школа, большая часть последователей которой были евреи, не исключая, однако и христиан по происхождению, была одною из самых любопытных попыток человеческого ума. При помощи сенсимонизма еврей старался выйти из своей тюрьмы, из своего нравственного гетто, для того чтобы сделаться, как говорит Генрих Гейне, освобожденным еврею. Не сливаясь с христи-

¹⁰⁸ Заметьте еще раз, что Туссенель, последователь фаланстеры, очень часто употребляет те же выражения, что и парижские купцы XVIII века, прошение которых мы частью воспроизвели.

анством еврей обходил затруднение, основывая новую религию.

Конечно и здесь преобладающими элементами были материальные наслаждения, удовлетворение настоящей жизнью, любовь к благосостоянию, поклонение деньгам, но уже является какой-то нарек на социальную организацию.

Людям открывали широкие перспективы на будущее; всех без исключения сынов человеческой семьи приглашали к великолепному пиршеству, показывали им в блестящей дали обетованную землю. Было даже оставлено место для тех благородных душевных чувств, тех начал уважения, веры, братства, без которых человек опускается до уровня животного.

Сенсимонисты — мыслители, артисты, писатели, прожектеры, не были грязными богохульниками; они не оскорбляли подлыми нападками тех идей, которые просветили мир. Во всем они были отрицанием иудейства, которое мы теперь видим за делом, и которое можно назвать франкмасонским или гамбеттистским иудейством. Сенсимонизм имел целью разрешить социальный вопрос, гамбеттизм же объявляет, что нет социального вопроса, равно как нет Бога. Если человек не родился биржевым игроком, то ему нечего делать на земле, нечего надеяться и на небе.

Кроме того сенсимонизм глубоко артистичен; он насчитывает в своей среде музыкантов, как Ф. Давид, критиков, как Горе, писателей, как Пьер Леру, Жан Ройно, Бюше, Мишель, Эмиль Шевалье, Лерминье. Гамбеттизм, как метко выразился Зола, был, да и теперь еще одержим, потому что он не совсем умер, ненавистью биржевика ко всему, что есть литература и искусство; он выставляет только таких лакеев пера, как Рейнах или скоморохов, как Коклэн.

Капфиг, со своею обычною пронизательностью, распознал черты, отличающие скрытое иудейство от сенсимонизма, который бы можно назвать открытым иудейством.

«Дух сенсимонизма и иудейский имеют то общее, пишет он, что оба стремятся к спекуляции, к наживе, но сенсимонизм одушевляется, поэтизируется, вырабатывает социальную гуманитарную теорию, а иудаизм ограничивается тем, что работает, спекулирует, зарабатывает; тот заставляет золотой дукат блестеть на солнце, а этот просто кладет его в кошелек, не ослепляясь ложным блеском.

Настоящий ли он? — вот все, на что он обращает внимание, что он ценит и что заставляет его принять какое-либо решение»

Особенность евреев, распявших Мессию, та, что они пытаются создавать ложных мессий. Ни Базар, ни Анфантен не оказались на высоте положения. Сенсимонисты не евреи преследовали свою мечту на всех путях, сенсимонисты же евреи, вроде Родригесов и Перейра скоро вернулись к племенному инстинкту и принялись за крупные деловые предприятия.

Ротшильды, спекуляторы поневоле, а не по призванию, понятно не последовали за евреями сенсимонистской школы в их попытках обновить мир. В огромном Париже идей и утопий они остались тем же, чем были в своем деревянном доме, с густыми решетками на окнах, во франкфуртской Judengasse: они ждут, чтобы к ним постучались в дверь, тогда они приотворяют окошечко и спрашивают, что принесено в залог.

Первый проект братьев Перейра, С.-Жерменская железная дорога, им не нравился; впрочем, так как дети Иакова ни в чем не отказывают своим братьям, то они немного помогли деньгами своим бывшим служащим.

Когда явился успех, они нашли, что действительно можно извлечь кое-какую выгоду из этого дела. Только по поводу северной железной дороги они просили Перейра ни в чем не вмешиваться в подробности организации.

Когда все было окончено, когда Франция истратила сто миллионов, чтобы поднести Ротшильду новенькую железную дорогу, тогда Джемс призвал Перейра и держал им приблизительно следующую речь.

«Как вы себе мало отдаете отчета в назначении каждой расы! Ариец должен изобретать, например, открыть силу пара и затем умереть где-нибудь на чердаке; кроме того, под видом более или менее многочисленного количества плательщиков подастей, он должен истратить известное число миллионов, чтобы открыть сеть железных дорог. Тогда и только тогда мы, семиты, выступаем, чтобы пользоваться дивидендами. Вот как надо обращаться с гоем. Разве не написано в Талмуде, что еврей есть человек, а все не евреи происходят от скотского семени? как гласит Второсказание, стих II, глава VI: «Иегова, твой Бог, даст тебе полные всякого добра дома, которых ты не строил». Помните этот урок из любви ко мне и восхвалите Святого и Благословенного за то, что вы евреи, как я, без чего вы не получили бы ни гроша из тех сумм, которые приходятся на вашу долю и которые я вам немедленно выдам».

Перейра поняли тогда, что было бы не своевременно прервать связь с Богом Моисеевым; они больше сблизились со своими единоверцами, но тем не менее сохранили в иудействе совсем особую физиономию.

Исаак Перейра был достойнейший человек. Со своею прекрасною головою, напоминавшею патриарха, со своими гибкими и в то же время полными достоинства манерами, он был настоящим потомком Давида, и только одни хищные и крючковаые руки выдавали племя.

Как сейчас вижу этого высокого старика, в веселое апрельское утро, в его великолепном отеле в улице С.-Онорэ. Перед рабочим кабинетом расстилалась широкая терраса, украшенная бюстами; спустившись с нескольких мраморных ступеней, вы проникали в роскошный сад, тянувшийся до аллеи Габриель и производивший на посетителя, вошед-

шего из грязной и мрачной улицы, то особое очаровательное впечатление, которое свойственно городским паркам, попадающим между двумя домами.

На кресле, возле стола стояла восхитительная картина Патера, купленная на распродаже. В то время, как я рассматривал это свежее и веселое полотно, на котором французские гвардейцы, попивая шампанское, заигрывают с субретками и актрисами, старик сказал мне своим певучим и кротким голосом: «А что, красиво?»

Сам он не знал, красиво ли; его глаза почти совсем потухли, и чтобы получить последнее наслаждение от искусства, которое он так любил, обладатель стольких чудесных произведений должен был проводить рукою по статуям, украшавшим его парк, чтобы угадать их контуры.

Благородное видение ясности и величия снизошло в мою душу среди этой внушительной обстановки — и рассудите все-таки, что значит ассоциация идей.

В то время как птицы, обрадованные первою улыбкою весны, щебетали на деревьях сада, меня неотступно преследовало воспоминание о сапожнике моего отца. Он занимал помещение в верхнем этаже печального, смрадного дома в улице Кенкампуа.

Однажды мать взяла меня с собою, чтобы узнать отчего не несут давно обещанную пару сапог. Когда мы пришли, на темной лестнице, ужасной лестнице с сырыми перилами, — мне кажется будто они сейчас скользят у меня под пальцами, настолько живы воспоминания детства, — целая толпа кумушек, соседей, рабочих толковала о плачевной истории бедняги. На сбережения всей своей жизни он купил, при посредстве еврея менялы и без ведома своей жены, акций кредитного общества подвижности, потерял все и повесился на завязках своего рабочего передника.

Полагаю, что эти мелочи не смущали Исаака Перейра; впрочем он был верен гуманитарным теориям своей молодости: сперва он устроил свое личное счастье, а потом стал мечтать о том, чтобы устроить счастье всего мира.

Он охотно вставлял в разговор знаменитый афоризм: «все социальные учреждения должны иметь целью улучшение нравственного, умственного и физического состояния самого многочисленного и самого бедного класса».

Заметьте, что сенсимонизм ни в каком отношении не улучшил этого состояния, а совсем напротив. Бедный кочегар, который, днем и ночью стоя на своем локомотиве, подвергаясь холоду и жару, страдая от ветра и снега, которые хлещут ему в лицо, схватывает одну из тех ужасных болезней, перед которыми наука бессильна, — гораздо ниже в физическом и нравственном отношении, чем добрый поселянин, который мирно жил в каком-нибудь уголке старой Франции, не работал свыше своих сил и засыпал сном смерти в надежде вкусить

вечное блаженство.

То же самое можно сказать о знаменитом девизе «каждому по его способностям, каждой способности по делам ее». Сколько темных спекулянтов из евреев, пришедших из Франкфурта или Кельна вслед за Ротшильдом, не имеющих ни способностей, ни добрых или злых дел, пользуются излишком, между тем как люди, одаренные способностями и создавшие выдающиеся творения, терпят нужду в необходимом!

Ни одна из этих доктрин не выдерживает критики, и, как многие другие, Исаак Перейра проповедовал совместное пользование, а между тем никогда не допускал к нему никого из тех, которые его окружали.

Воспользуемся случаем, чтобы отметить хвастливость всех этих самозванных апостолов прогресса. Вот, напр., человек, как Исаак Перейра, который всю жизнь проповедовал ассоциацию, взаимопомощь; отчего ему не пришло в голову сказать: «я был журналистом и нуждался в молодости; газета «Liberte» такой пустяк в сравнении с моими 50 миллионами; уступлю я ее в собственность всем моим редакторам, пусть они составят товарищество и пользуются ею сообща; это будет интересный опыт».

Эти мнимые искатели разрешения социальных задач за сто верст от подобной мысли. С точки зрения преданности своим ближним они отстали от римлян времен упадка, которые, по свидетельству бесчисленных памятников, не только освобождали перед смертью своих рабов, но и давали им средства прожить спокойно. «После моей смерти, говорит сам Трималкион, я хочу, чтобы мои рабы пили свободную воду».

Впрочем Перейра сравнительно порядочные люди. Они живут очень просто, и у них, кажется, нет даже ложи в опере; они делают добро, — умеренно, но все же делают и без шума, хотя они происходят от несравненно более почтенной и более французской семьи, чем Ротшильды, которые, как будто, только что вырвались из гетто; у них нет страсти постоянно выставляться на показ, с грубым бесстыдством затмевать своим нахальным великолепием семьи, имена которых славны и неразрывно связаны с нашей историей. Эта манера держать себя снискивает им всеобщее уважение, и в свете их столько же почитают, сколько Ротшильдов, с их глупыми претензиями, чуждаются, осмеивают и презирают даже те, кто у них бывает.

При помощи тех идей, которые Перейра проповедовали, они оказали иудейству в царствовании Луи-Филиппа ту огромную услугу, что вывели евреев из их обособленного положения, дали им возможность смешаться с общесою массой, рельефно оттенили силуэт гуманитарного еврея, по-видимому служащего делу цивилизации.

Ротшильды старое ростовщичество заменили

государственными займами, а Перейра создали целую новую финансовую систему; благоденствия кредита, непрестанное обращение денег, движение капиталов, всему этому они придали философский и литературный оттенок; сближение народов, улучшения, уничтожение пауперизма.

Конечно Перейра не додумались бы до всего этого сами. Своим близким они показывали череп Сен-Симона, который они свято хранили в своем жилище; можно сказать, что он был эмблемой. Из этого несчастного черепа, опорожненного, выскребенного, вычищенного двумя братьями, вышли все идеи земельного и движимого кредита, все ярлыки обществ обогативших израиля в XIX веке.

Заслуга банкиров предместья С.-Онорэ была в том, что они увидели, что можно извлечь из этой темы. Таким образом они доставили немецким евреям ту сказочку, тот мирный или воинственный романсего, который всегда надо рассказывать арийцу, когда у него отнимают его клад, ту музыку, которая нужна, чтобы заговаривать зубы.

Эта обстановка была не лишняя.

Действительно, захват всего евреями, переносимый теперь с покорностью, тогда возбуждал живой протест.

Романтическая школа, которая в литературе воскресила старую Францию, исправила многие ложные идеи, с живостью и правдивостью восстановила прежние нравы и быт исчезнувших поколений, изучая прошедшее, могла себе отдать отчет в причинах, оправдывавших отвращение наших предков к еврею.

У В. Гюго к имени еврея почти всегда прибавляется эпитет: поганый.

Французское общество энергично протестовало против врага, который хотел его разрушить хитростью. Весь Париж, возмущенный неприличной роскошью, которую начинал выставлять напоказ Нюсинген, бешено аплодировал в той сцене в «Марии Тюдор», где Фабиани-Делафос говорит Жильберу-Локруа: «евреи все таковы; — обман и воровство — вот вся суть еврея».

При открытии северной железной дороги несколько фанатиков попытались крикнуть: «да здравствует Ротшильд!» ! Но тотчас раздалось шикарные и свистки. В Версали толпа собиралась и хохотала перед Smalae d'abd — elkader'ом, где Верне изобразил Фульда под видом еврея, убегающего со шкатулкой.

В то время смели делать то, на что теперь никто не отважится. Открыто нападали на Ротшильда, издавали и продавали в количестве 75,000 экземпляров забавные и остроумные брошюры, содержавшие поразительные подробности о грязных еврейских делишках.

Они назывались; «Почтительная и любопытная история Ротшильда И, царя еврейского»; — «Ротшильд И, его лакеи и его народ» и т. д. — и служили утешением тогда еще независимого Парижа. «Рождественские подарки Ротшильду и Альманах

1001» имели тот же успех.

В этом же роде надо упомянуть задорную брошюрку, появившуюся в 1846 г., предсказания которой сбылись, и которая как будто описывает теперешние события. Ее заглавие было: «Большая тяжба между Ротшильдом И, царем еврейским и сатаною, последним царем обманщиков; приговор вынесенный по требованию Юниуса, генерального докладчика». На первой странице вы читаете: «Приговор данный на форум в пользу Дж. Ротшильда, именующего себя царем евреев, бывшего привратника европейских дворов, главного откупщика общественных работ во Франции, Германии, Англии и т. д., верховного владыки дисконта, ростовщичества, ссуды под заклад, ажиотажа и т. д., финансиста, промышленника, украшенного орденом Христа, орденом Почетного Легиона т. д. и т. д.»

«Для сохранения законных привилегий, монополий всемирного владычества дома Ротшильдов, а в особенности вышеупомянутого Джемса Ротшильда I».

Около 1835 г. появилось произведение некоего Рено Бекура, которого нам удалось найти только рецензию, потому что евреи уничтожают все книги, в которых их судят с некоторою строгостью.

Книга была озаглавлена: «Полное разоблачение всемирного заговора иудейства, посвящается всем государям Европы, их министрам, государственным людям и вообще всем классам общества, которым угрожают эти коварные замыслы».

Автор уже указывает на тот прогрессивный захват, который принял такие огромные размеры за последние пятнадцать лет.

«Со времени дарования прав евреям во Франции, говорит он, их число настолько возросло, что в провинциальных городах, где их было не более нескольких сотен, их теперь насчитывают тысячами. Чего только не охватил их хищный взгляд? В какой только отрасли торговли их скрытые и искусные хитрости не погубили множества почтенных негоциантов? Спросите у несчастных, пользовавшихся некогда благосостоянием, куда делось их богатство?»

Очевидно, что достояние французов, ставших из богачей бедняками куда-нибудь да делось. Так как, сколько мне известно, евреи пришли из Германии не осыпанные золотом, то очевидно, вопреки всем новым системам политической экономии, что они где-нибудь же взяли те богатства, которыми так гордятся.

Евреи, которым теперь принадлежит почти вся пресса, за редкими исключениями, тогда успели купить только «Presse» «Debats» «Constitutionel» и «Siecle», которые отказывались печатать объявления брошюр, неприятных Ротшильду.

Независимые газеты всех партий «Reforme», «National», «Democratie pacifique», «Corsaire», —

«Satan», «Univers», «Quotidienne», «France», редактируемые смелыми французскими журналами, осыпали язвительными эпиграммами, негодующими разоблачениями эти мешки, набитые золотом. Напрасно «Израильские архивы» призывали небо в свидетели добродетели израиля, — земля в ответ рассказывала их злодеяния.

В июле 1845 г. некто Петрус Борель, одаренный очаровательным, немного странным, но изящно оригинальным умом, написал в «Коммерческой газете» настоящий *seef d'jeuvre* по поводу представления, данного при помощи громких реклам Рашелью и всем племенам Феликсов; он отзывается свысока, с утонченной дерзостью литератора, слово которого клеймит не хуже хлыста, — обо всей этой ватаге цыган и уличных певцов, которые таки добились того, что заняли первенствующее место в парижском обществе.

«Наплыв евреев все увеличивается, писал он, не подозревая, до какой степени он был пророком как в искусстве, так и в городе: уже не далеко то время, когда этот народ, который некогда изгоняли и сжигали на кострах, до такой степени нас уничтожит и поработит, что в наших городах останется только маленький уголок в предместьях, христианский квартал, где будут скрываться в позоре и нищете остатки последних христиан, подобно тому, как прежде в каждом городе был еврейский квартал, где сгнивали последние остатки иудеев».

Несчастный! евреи, по своему обыкновению, преследовали его всю жизнь, травили его, как дико-го зверя; он уже умирал, когда им удалось лишить его маленькой должности, занимаемой им в Алжире, куда он скрылся от них. Благодаря их интригам, Петрус Борель, великий писатель умер с голоду!

Это была еще одна и очень интересная попытка защиты против семитизма, о которой мы не можем распространиться как бы следовало, по недостатку места. Без сомнения найдется кто-нибудь, кто посвятит этому предмету поучительную главу, для которой накопится еще новый материал. Действительно, этот вопрос, дремавший больше тридцати лет, только что начинает выступать вперед, но захват всех газет евреями мешает ему развиваться.

Историки XIX века вернутся к нему, как мы беспрестанно возвращаемся к забытым или мало известным событиям XVII и XVIII века. Когда будут изучать этот вопрос, тогда большинство журналистов царствования Лун-Филиппа, к какой бы партии они ни принадлежали, выступят в самом выгодном свете предусмотрительными, проницательными, благоразумными, полными презрения к деньгам, которые депутаты и государственные люди без стыда принимали от Ротшильдов и Фульдов.

Герцог Орлеанский был тоже очень поражен этим вторжением нового рода, и предполагал принять против него меры. Этот принц, столь доступный и любезный со всеми, обращавшийся с артистами по товарищески, ни за что не хотел допустить

Ротшильда к своему столу. В 1842 г., когда барон изъявил желание присутствовать на скачках в Шантильи, герцог Орлеанский отказался допустить его на свою трибуну.

Один многозначительный отрывок из красноречивой брошюры «Евреи — цари нашего времени» показывает нам, каковы были чувства наследного принца по этому поводу.¹⁰⁹

«Государь, наследный принц, ваш любимый сын, горько жаловался на захват всемогущих и ненасытных евреев, тех евреев, которые, по его словам, насилуют власть, подавляют страну и навлекают на невинного государя проклятия притесняемого труженика.

«В своих грезах о будущем царствовании он представлял себе, что избавится от постыдного рабства, сломит эту новую феодальную власть, столь тягостную для королей и для народов; но он не скрывал от себя опасностей борьбы. Может быть королевская власть падет в этой борьбе, сказал он однажды одному из нас, потому что эти банкиры еще долго будут пользоваться против королей невежеством того самого народа, которому король захочет служить. Они будут усиливать его страдания своею лживою прессою, они натравят на дворец своих праздных рабов и, чтобы усмирить ярость народа, которую они сами возбудят, они бросят на растерзание черни еще одну королевскую власть. Я знаю, что нас ожидают жестокие случайности, но уже нечего отступать перед опасностями войны, потому что опасности мира еще неизбежнее... Необходимо, чтобы королевская власть не медля отняла народ у евреев, иначе это правительство погибнет от евреев».

Знал ли граф Парижский эти благородные слова, когда еще так недавно садился вместе со своею семьею за стол Ротшильда, когда его дочь делала свои первые шаги в свете в Ферьере? Какое начало для дочери французского королевского дома!

¹⁰⁹ Мужественный принц Наполеон, попавший, по вине франкмасона Карэ, в засаду и убитый в стране зулусов, высказывал совершенно те же чувства и мы встречаем следы его образа мыслей в проекте конституции и в его политических трудах, которые были изданы. Являясь противником всякой идеи религиозного преследования, молодой принц открыто заявлял о необходимости оградить труженика от еврейской эксплуатации и охранить его сбережения от происков финансистов.

Любопытные разоблачения по этому поводу дает нам том II «Десятилетнего дневника».

В записке, служавшей введением к плану императорской конституции, посланной принцем г-ну Евг. Л. (март 1878 г.) читаем:

«Наряду с народными вождями, для которых популярность есть карьера, существует класс дельцов, пользующихся значительным общественным и политическим влиянием; это — миллионеры, для которых спекуляция есть карьера. У этих людей нет ни религии, ни отечества, ни обязанностей, а между тем они обладают могуществом, которое дает огромные капиталы.

Надо его разрушить. Пока оно будет крепко стоять, безнравственность и зависть, внушаемая народу неправильно приобретенным достоянием богача, будут снедать Францию как проказа».

Вторая республика и вторая империя

Кремье и Гудшо у власти. — Ротшильд, спасенный от банкротства. — Франция меняет евреев. — Царство южных евреев. — Перейра, Мирес и Солар. — Наступательное возвращение немецких евреев. — Организация войны. — Соблазненный соблазнитель. — Монсеньор Бауер. — Немецкий еврей находится повсюду в конце империи. — Делегация агентства Вольфа и объявление войны.

Вторая республика и вторая империя

Революция 1848 г. единственная во Франции, которая не была приятна евреям, а будет еще другая, несравненно более неприятная для них, настоящая, направленная против них.

Пистолетный выстрел Лагранжа чуть не взорвал еврейский банк; но как греки никогда не садятся играть в экартэ без одного или двух запасных королей в кармене, так и Ротшильды не принимались за игру, не запасшись двумя-тремя государственными деятелями из евреев. Когда настоящий король упал под стол, банкир быстро раскинул на сукне перед ослепленной галеркой ассортимент новеньких королей: Кремье и Гудшо.

Первый играл значительную роль в еврействе и роковую роль в нашей истории, так что ему следовало бы посвятить особую главу. Гудшо обделывал делишки с банкирскими конторами и, с помощью Ротшильда, эксплуатировал стесненных парижских коммерсантов. Это манера Тирара; между фабрикантом фальшивых бриллиантов, министром финансов третьей республики, который так легко затеряет сто миллионов и ростовщиком второй республики разница не велика.¹¹⁰

По словам «израильских архивов» (1863 г.) Гудшо соблаговолит принять министерство финансов, только снисходя к мольбам временного правительства. Полагаю, что тут надо видеть новую черту еврейского нахальства — *eoutspa*. Унижения, привычные нашим теперешним республиканцам, не были в характере республиканцев 1848 г. Арго мог сделать подобный шаг, но наш славный Ламартин, остающийся великим, не смотря на свои заблуждения, был слишком бескорыстен, чтобы принимать участие в подобных поступках; с чистосердечием арийца он позволил Гудшо пробраться к власти для защиты интересов еврейства, но ему не приходило в голову унижать перед израильскими банкирами народ, разбивший трон.¹¹¹

¹¹⁰ Во время нашей революции 1848 г., говорил Кремье в 1859 г. перед военным советом в Оране, два еврея были впряжены в эту колесницу, которую было так трудно направлять. Один был членом временного правительства и министром юстиции, т.е. святости среди людей; другой был министром финансов, т.е. честности среди людей. Какой апломб! Малерб не осмелился бы сказать этого.

¹¹¹ Во всяком случае вот что говорят «Архивы». Два члена временного правительства, Ламартин и Араго, отправились в пятницу 24, в час ночи, к Гудшо, и умоляли его взять на себя на время министерство финансов. На его отказ они ему сказали, что Ротшильд и другие крупные банкиры собираются покинуть Париж, и что для немедленного восстановления коммерческих интересов он должен непременно принять министерство финан-

сов. Впрочем, всякий остался верен своей роли; видя отечество в опасности, Ламартин воскликнул: «спасем Францию!», а Гудшо воскликнул: «спасем Ротшильда!»

Положение Ротшильда было критическое, и он наполнял все прихожие жалобами не на то, что он терял, а на то, что он мог бы заработать. Нельзя себе представить менее жалкой жертвы. Как нам объясняет Капфиг,¹¹² он взял на себя в 1847 г. заем в 250 миллионов; с ноября 1847 по февраль 1848 г. он мог поместить этот заем и даже получить, как свидетельствуют курсы, скромную прибыль в 18 мил. франков.

С жадностью, отличавшей его, Ротшильд не нашел эти 18 мил. достойными себя и сохранил бумагу в портфеле. Когда разразилась революция, он цинично отказался уплатить 170 миллионов, которые еще оставался должен, и попросту обанкротился.

Действительно, не надо быть очень сведущим в финансовых вопросах, чтобы понять, что возможность выигрыша налагает необходимость быть готовым к проигрышу.

Поведение правительства было ясно начертано: следовало схватить этого банкрота и посадить в Мазас, который только что был отстроен.

Вы угадываете, что добрый Гудшо остерегся от подобного образа действий; он признавал теорию Ротшильда, по которой слово, данное гою, не обязывает еврея. Он не только тайно допустил этого человека, не выполнившего обязательств относительно государства, к новому выпуску 5%-ной ренты на 13 миллионов на прекрасных условиях, но довел свою любезность до того, что доставил ему необходимые суммы для греческого займа.

Здесь Капфиг падает пораженный изумлением и мы понимаем это чувство.¹¹³

Только эти убеждения сломили его противодействие. Действительно, после его согласия г. Ротшильд отправился к нему и объявил ему, что согласие Гудшо успокаивает его, Ротшильда, что он останется в Париже, а общий совет банка объявил, что будет платить при открытой кассе.

Неправда ли, какое прелестное зрелище представляет народ, который низвергает королей, изгоняет доблестных принцев, сражавшихся за Францию, и позволяет водить себя за нос франкфуртским евреям, назначающим, кого следует выбирать в министры. При всей своей врожденной ипохондрии, как Ротшильды должны иногда хохотать, когда им говорят о непокорных гражданах, которые не терпят владык, и которых они, однако, ведут на веревочке во время республики при посредстве своих креатур, Гудшо или Леона Сэ!

¹¹² История великих финансовых операций.

¹¹³ миль Барро, будучи главным редактором «Набата рабочих» в 1848 г., в целом ряде «писем», продававшихся на улицах в виде листовок и обращенных ко всем выдающимся людям того времени, Ламартину, Тьеру, Кавеньяку, принцу Луи-Наполеону, выражал то же удивление.

«Вы чудо, М.Г., говорил он в начале своего письма к Ротшильду. Луи-Филипп, несмотря на своих четырех эрцгерцогов, несмотря на свое законное большинство, падает, Гизо проваливается, и конституционная королевская власть и парламентское красноречие гибнут, вы одни не поддаетесь. Февральская революция опрокидывает не только установленные власти, а даже и то, что сама возвысила. Где олицетворение поэзии и светило науки, вознесенные на вершину взрывом народной лю-

В истории мне попалось мало более забавных эпизодов. Народ, весь покрытый копотью от пороха, умирает на мостовых, которые он срыл; все ремесленные заведения закрыты, наконец он победил, он освобожден, он упрочил свободу всего мира, он достиг... чего? Что в министерстве финансов сидит какой-то неизвестный еврейский меняло: Гудшо. Среди всеобщей вопиющей нищеты, одно только несчастье поражает чувствительную душу сына израиля: он ищет средство собрать в опустелой государственной казне кое какие суммы и собственноручно несет их... г. Ротшильду. Вот, Локруа, какую комедию ты должен был написать, она бы нас больше позабавила, чем твой «Побежденный «Зуав»...

Прудон одним грубым, но метким словом определил революцию 1848 г.: «Франция, сказал он, только переменяла евреев».

Как бы то ни было, эта революция чуть не оказала значительного влияния на будущее Франции. Как только республика была объявлена, крестьяне Верхнего и Нижнего Рейна, терпевшие жестокие притеснения, бросились на еврейские жилища; в Гейемгейме они снова вступили во владение всем тем, что у них было отнято. Их привлекли к суду в Страсбурге и Кольмаре, но они были оправданы среди всеобщих кликов и приветствий.

В Кольмаре, в присутствии судей, адвокат де Сез с удивительным талантом защищал этих обвиняемых, несравненно более симпатичных, чем их жертвы, и порицал евреев в одной из самых энергичных речей, которые когда-либо раздавались во французском суде.

К несчастью, движение это было одиночное, не существовало никакого анти семитического комитета, который бы дал возможность всем угнетенным сговориться и действовать сообща, и попытка освобождения христиан осталась без последствий.

Фульд сперва сочетал еврейство с империей, а потом, в качестве первого министра, сочетал императора с императрицей, вероятно призывая *In petto* все проклятия, содержащиеся в Талмуде, на ребенка, который должен был родиться от этого брака и которым был несчастный наследный принц.

В начале империи немецкое еврейство, представляемое Ротшильдом, несколько стушевалось, чтобы уступить место бордоскому еврейству в лице Перейра, Мильо, Соларов. Еврей Мирес выступает на сцену.

Южные евреи выказали качества исключительно свойственные их расе и уже указанные нами: увлечение, игривость, движение. Золото, которое дотоле молчаливо накоплялось в подвалах Ротшильда, как бы сгребается лопаткой невидимого

бви; где Ламартин и Араго? — Пали, а вы парите. Акционеры, лавочники, фабриканты, капиталисты, великие и малые — все падают в кучу и давят друг друга. Вы один, среди всех этих развалин, не моргнете глазом. Одним словом, всякое великолепие рушится, всякая слава посрамляется, всякая власть падает и только один еврей, царь нашего времени, сохранил свой трон.

крупье, у них зазвенело, заблестало, как бы по волшебству и сопровождало своим звоном, как припев Марко, веселый период этого царствования, которое должно было окончиться среди ужасных катастроф.

К звону монет присоединялись громкие разглагольствования о царстве цивилизации, эре прогресса, улучшении городов и поднятию уровня нравственности отдельной личности посредством газа.

Чтобы снова увидеть это по истине ослепительное зрелище, столь близкое от нас по времени и однако кажущееся затерянным в глубине веков, вам только стоит прочесть прекрасные речи, в которых нынешние дельцы и пройдохи порицают все эти скандалы, разнузданность appetitов, преклонение перед богатством и противопоставляют тогдашнему разврату строгий образ будущей республики, которая сократит расходы, изгонит nepoтизм, будет уважать жилище всякого гражданина.

Книга великого писателя, который хоть один по крайней мере был честным человеком, «Денежные тузы» изображает это движение, как книга Туссенеля изобразила движение царствования Луи-Филиппа.

Однако Туссенель имел мужество указать на преобладающую роль еврея во всех этих бесстыдствах; Оскар де Валлэ оставил этот пункт в тени. Действительно, время ушло вперед и еврей сделался таким противником, которого нельзя было задевать безнаказанно. Тем не менее этот пробел отнимает у произведения всякое определенное значение и делает его более похожим на разглагольствование в духе Сенеки, чем на очерк, взятый живьем из французского общества.

Несмотря ни на что, этот первый фазис был живописен и полон оживления. Южный еврей не далек от мысли, что ариец иногда имеет право есть; он трется около литературы, как бордосец трется чесноком и не лишен способности оценить газетную статью.

«Cunstitutionnel», «Pays» открыли свою кассу для писателей, одаренных некоторым талантом. Мильо основал «eistoire», которая пала раньше его и «Petit journal», который пережил его племянника Альфонса. Не отличаясь благородством генеральных откупщиков, которыми назывались Лавуазье или Божон и которые создавали химию или основывали госпитали, откупщики империи однако находили удовольствие в обществе артистов и даже сами были литераторами в часы досуга; Солар поставил на сцене «Clarion et clairette», Мильо в ответ ему дал в Палэ-рояле «Моя племянница и мой медведь».

К некоторым из них, как напр. к Солару, богатство пришло без особенных усилий с его стороны, в силу того тайного свойства, которое притягивает деньги к еврею, как магнит к железу. Порой казалось, что автор «Clarion et clairette» не знает куда деться со своими миллионами. Кто не знает грустного изречения этого миллионера поневоле:

«спокойствие и малый достаток (paix et peu) — вот что всегда было моим девизом; я всегда жил среди шума и кончил тем, что у меня оказалось слишком много лишнего».

Бордоские евреи еще до революции были на половину французами, а теперь окружили себя французами; их застольниками были Дюма-отец, Понсар, Альберик Секон, Мери, Монселэ.

Они наслаждались жизнью, строили дворцы и возобновляли старые замки, когда немецкие евреи постучались в пиршественную залу и сказали им: «братья, вы уже десять лет сидите за столом, вы, верно, уже насытились; не позволите ли вы теперь и нам взойти?»

Чтобы ускорить их уход, их слегка поприжали с помощью немецких капиталов. Перейра, раздавивший Миреса, сам был почти раздавлен Ротшильдом и тогда выступили на рынок зарейнские банкиры.

Чтобы ворочать крупными делами, нужен рычаг, предлог. Сперва Ротшильды пустили в ход государственные займы, а Перейра и Мирес, обращаясь к общественным подпискам, опустошили кошельки бедняков. Одни опирались на мир без фразы, мир во что бы то ни стало; это было время, когда в ходу была знаменитая фраза: «у нас не будет войны, король решил на нее, но г. де Ротшильд её не хочет». Другие поддерживали в газетах нечто вроде перемежающегося и в то же время философского мира, который соединяет в идиллическую группу наконец братски примирившиеся народы и открывает всемирные выставки.

Когда мир устарел, немецкие евреи приняли за операционный базис войну; под этим предлогом они устроили обширнейшую и удивительнейшую финансовую спекуляцию, которая когда-либо была задумана и удалась.

Кто не знает того достопамятного свидания на террасе в Биарице, когда Мефистофель-Бисмарк пришел соблазнять императора, предлагая ему раздел королевств?¹¹⁴

Сам соблазнитель поддался искушению, уступил и заключил союз. Еврей, который так же хитер, как черт, отправился к Мефистофелю и показал ему

¹¹⁴ При виде этого странного посетителя с глазами, блестящими мрачным огнем, с высокомерными и все же привлекательными манерами, возбуждавшего беспокойство и в то же время очаровательного, — легкомысленные биарицкие придворные вероятно испытали подобное впечатление. По этому случаю они немедленно сложили опереточную шансонетку, как тогда было принято.

Un soir, c'est une horriable page,
A raconter que celle-la!
Un entranger a la Villa
Vint sonner en grand equipage;
On l'accueillit; c'était Satan!

«Сатана, говорит Кювелье-Флери, приводящий эти стихи, помеченные 1866 годом в «Посмертных произведениях и призраках», это г. де Бисмарк. Он посетил Виллу, где оставил за собою, уезжая, как бы запах серы и селитры. «Пахнет паленым», говорили в то время.

Эльзас, как Мефистофель показывал Наполеону III берега Рейна.

Как современна знаменитая сцена из второй части «Фауста».

— У нас нет денег, чтобы платить войскам, наше государство охвачено мятежом, и наш канцлер не знает, что ему делать; так говорит император, как будто бы он описывал критическое положение Пруссии, когда парламент отказывался голосовать в пользу налогов.

— За этим дело стало? говорит хитрец; чтобы извлечь деньги из недр земли, достаточно создать бумажные деньги.

Тогда наступил праздник, несколько похожий на выставку 1867 года, где, как в «Фаусте», появляется прекрасная Елена, вдруг маршал входит и радостно объявляет, что все идет как нельзя лучше; военачальник тоже приходит и объявляет, что все войска получили жалованье; казначей восклицает, что его сундуки переполнены богатствами.

— Так это чудо? говорит император.

— Ничуть, отвечает казначей. Нынче ночью, пока вы председательствовали на празднике в костюме великого Пана, ваш канцлер сказал нам: «бьюсь об заклад, что для всеобщего счастья мне было бы достаточно несколько взмахов пера. Тогда в течение остальной ночи тысячи артистов стали воспроизводить несколько слов, написанных его рукою, означавших только: эта бумага стоит десять, эта стоит сто, эта стоит тысячу и т.д. Кроме того Ваша подпись приложена ко всем этим бумагам. С этой минуты весь народ предается радости, золото всюду обращается и пребывает, империя спасена».¹¹⁵

Сцена Гете дает нам приблизительное понятие о событиях 1870 г. Евреи предложили Бисмарку столько бумажных денег, сколько ему было нужно, а чтобы обменять эти бумажные деньги на звонкую монету, они содействовали возникновению войны с Францией, потому что Франция была единственной страной, в которой были деньги «в недрах земли».

Повторяю, что подготовка этой войны была достойна удивления во всех отношениях. Действительно, Германии почти ничего не оставалось делать, и агенты Штибера, начальника берлинской полиции, который наслал на нас целую армию шпионов, нашли все готовым: еврей предал Германии Францию уже связанную.

Начиная с 1865 г. все захвачено немецкими евреями; они господствуют везде, где проявляется общественная жизнь. Еврей Оффенбах вместе с евреем Галеви высмеивает в генерале Бум начальников французской армии. Добряк Кугельман содержит типографию, вечно переполненную сменяющимися посетителями, которые громко разговарива-

¹¹⁵ Вторая часть Фауста Гёте.

ют об интересных новостях, не подозревая, что их подслушивают. Его сосед Шиллер завладел более серьезными органами, как напр. «Temps». Виттерсгейм захватил «Officiel»; два еврея Доллинген и Серф держат газеты в руках посредством объявлений. Еврейские корреспонденты, вроде Левита, Левисонов, Дейча, являются во время набора газеты в кабинеты редакций, удобно усаживаются в кресла, читают корректурные листы раньше писателей и спокойно заносят в свои записные книжки то, что говорится и чего не пишут.

Посмотрите на рабочие кварталы: еврей Жермен Сэ, не взирая на мужественные обращения к сенату г-на Жиро, развращает подрастающее поколение, проповедуя юношеству материализм. Обратитесь к увеселительным местам, и под цинковыми пальмами Мабилля вы увидите, как еврей Альберт Вольф дружески беседует с полковником Дюпенем и заставляет бывшего начальника гвериелросов в Мексике, о котором он напечатал интересную статью, объяснять себе слабые стороны французской армии.

Войдите в Тюильери — Адриен Маркс занимает место Расина и состоит историографом Франции:

Жюль Коген дирижирует придворной капеллой, а Вальдтейфель придворным бальным оркестром. «Израильские архивы» требуют, чтобы преподавателем математики наследного принца был назначен богемский еврей, Филипп Коралек.

Проникните в священное убежище, порога которого не переступал даже сам император, вы увидите там женщину, стоящую на коленях перед священником и поверяющую ему свои опасения монархини и матери по поводу готовящейся войны.

Этот священник — немецкий еврей Иоган-Мария Бауер. Никогда со времени Калиостро еврейское шарлатанство, которое, однако, породило столько любопытных личностей, не производило более полного типа, более достойного заинтересовать писателя, который позднее попытается изобразить нам странный век.

В одно прекрасное утро этот подозрительный новообращенный является во Францию, духовенство которой, по возвышенности ума, по глубине знания, по благочестию жизни, был предметом удивления всего мира; он задумывает занять место достопочтенного аббата Дегерри, бывшего духовником императрицы в течение многих лет, получить это ответственное место предпочтительно перед всеми священниками страны, и успевает в этом...

Не достиг ли он своей цели лицемерием, выставляя на показ кажущиеся добродетели? Ничуть не бывало; его девизом, как девизом всякого еврея было, что с французами можно себе все позволять; он устраивал знаменитые завтраки духовных лиц, на которых присутствовали будущие советники Поля Бера, вероятно распевавшие с одним прелатом, известным за свое республиканское направление:

«Наш рай на груди у милой».

Он одевается у Ворта, носит костюм шарлатана и щеголяет такими роскошными кружевами, которым женщины завидуют.

Начинается осада; этот акробат в лиловых чулках надевает сапоги со шпорами, делается главным проповедником походных госпиталей, скачет на аванпосты, и его кавалькады увлекают его всегда так близко к неприятелю, что у него хватило бы времени наскоро сообщить ему некоторые полезные сведения об осажденном городе.

Когда все кончено, он разражается смехом, перед носом у тех, кого он обманул, бросает свое священническое платье за кулисы маленького театра, делает порнографические разоблачения относительно кокодеток второй империи, красуется в опере, где самые важные бары допускают этого недостойного священника в свои ложи; после полудня вы его встретите верхом в Булонском лесу, где он по военному отдает честь Галифе, который рукою посылает ему епископское благословение. Наконец он теряет значение и отправляется в Брюссель, где и женится.¹¹⁶

Выбирая подобного интригана своим духовником, бедная женщина столь жестоко поплатившаяся за свою непредусмотрительность, повинувшись всеобщему чувству, которое удаляло людей, имевших влияние на дела страны, от всего французского, от всего исходившего из этой почвы.

Известна вам острота д'Орвилли? Кто-то сказал в его присутствии: «о, если бы я хотел исповедоваться, так только у Лакордера». — «Сударь, вы вероятно, имеете претензию на особенные угрызения совести?», воскликнул знаменитый католический писатель.

У несчастной монархини тоже были совсем особенные угрызения совести.

В других кругах преобладала склонность к неясным теориям, сантиментальным парадоксам, туманным умозрениям.

За несколько месяцев до войны Мишле в «Наших сыновьях» воспевал восторженный гимн «своей дорогой Германии» и сожалел, что отделен от неё Кельнским мостом; он мечтал уподобить этот мост Авиньонскому мосту, на котором бы все народы стали водить хоровод.

Они все таковы: генералы, писатели исповедуются у евреев.

Вы видели полковника Дюпэна, теперь посмотрите на полковника Штоффеля. К нему тоже

¹¹⁶ Брат этого Бауера играет в Мадриде роль, исполняющуюся в Белигии Ламбером, который женился на Ротшильд, он главный агент еврейства в Испании. Виконт Брессон, первый секретарь французского посольства, а теперь уполномоченный в Белграде, бывал у него с женой и участвовал в любительских спектаклях, в пьесах Фелье и Гозлана. Можете себе представить, какое презрение внушало испанцам, столь гордым и исполненным чувства собственного достоинства, унижение перед евреем той Франции, из которой вышли испанские Бурбоны.

является еврей, в качестве разведчика, как говорят на воровском языке. Прочтите, что полковник пишет Пиетри, и вы увидите тут в действии еврея посредника, выведчика, не то шпиона, не то уполномоченного.

Полковник Штоффель писал г-ну Пиетри, 20 ноября 1868 г. в то время, когда Мольтке совершал свое знаменитое путешествие для осмотра наших границ.

«Я писал вам в моем последнем письме, что должен сообщить вам довольно любопытные подробности. Вот в чем дело: г. Б., о котором я говорил выше, влиятельный берлинский банкир, корреспондент Ротшильда и поверенный по делам Бисмарка. Он низкого происхождения; но с помощью упорства и практического смысла сумел добиться хорошего положения. Это единственный еврей, которого Бисмарк принимает запросто и у которого он соглашается обедать. Он его употребляет для разведок, дает ему ответственные поручения и т.п. и т.п. В истории прусских правительств, сменяющих одно другое более ста лет, следует отметить тот факт, что они почти всегда употребляли еврея (уже со времен Сийеса) в качестве тайного орудия. Тот, о котором я вам говорю, не будучи интриганом, собственно говоря, стремится играть роль и занять место тех, которые пришли раньше его, а из них еврей Ефраим — один из выдающихся. Прибавьте, что это человек кроткий, с располагающими манерами, с которым я поддерживаю постоянные и довольно дружеские сношения. Проведя неделю в Варцине у Бисмарка г. Б. посетил меня недавно, и если я вам передаю подробности нашего свиданья, так это потому, что я склонен думать, что ему поручено выведать мой образ мыслей и мое мнение. В виде вступления он меня просил хранить в тайне наш разговор и затем подробно рассказал мне о своих последних разговорах с Бисмарком и намерениях последнего.

«Министр, сказал мне г. Б., желает мира более, чем когда-либо, и сделать все возможное, чтобы сохранить его; выражаясь таким образом, он тем более искренен, что сам объясняет, почему север не может и не должен теперь желать присоединения южных государств; что рано или поздно единство Германии явится само собою, и что миссия его, Бисмарка, не в том, чтобы ускорить наступление этого момента, а в том, чтобы укрепить сделанное в 1866 г. и т.д. и т.д. Со всех сторон возникают вопросы, нет ли средства восстановить доверие между Францией и Пруссией, успокоить умы в Европе и прекратить вредный застой в делах. В глазах многих людей, самым действительным средством достигнуть этих результатов было бы свидание императора с королем Вильгельмом. Об этом шла речь в Варцине, и лица, окружающие Бисмарка, стараются узнать его мнение относительно возможности подобного свидания. Его приближенные сказали мне, что он был бы в восторге, если бы оно могло состояться, но он не скрывает от себя, что для того, чтобы склонить к тому императора, он, Бисмарк, и

король должны обязаться дать веские гарантии (письменно, как мне сказал банкир) в том, что они ничего не предпримут для воссоединения с югом. В конце концов г. Б. спросил меня, что я думаю о намерениях императора: принять или отвергнуть свидание на таких условиях».¹¹⁷

Доверие, выказываемое всеми этими людьми еврею, просто невероятно. Знаете ли, к кому полковник Штоффель, который, однако, хорошо знал евреев, обращался, чтобы доставлять свои тайные депеши? К прусскому еврею Блейхредеру.

«Необходимо, писал он Пиетри от 20 ноября 1868 г., чтобы вы меня известили двумя словами по почте, получили ли вы в четверг, сего 19 числа, вечером посылку. Это был доклад императору, а другой министру, оба в одном конверте с пятью печатями, который я поручил г. Блейхредеру, берлинскому банкиру, ехавшему в Париж».¹¹⁸

«Славянская корреспонденция» сообщила в 1872 г., что один чешский патриот вручил г-ну Граммон довольно интересный труд об австро-французском союзе. Де Граммон не нашел лучше, «как дать этот документ немецкому еврею, который, понятно, поспешил издать его в немецких газетах к большой выгоде своего друга Бисмарка».

При таких условиях крушение нисколько не удивительно; это было таким же биржевым переворотом, как и катастрофа Всеобщего союза. Все устои были заранее подпилены и так как еврейство всей Европы было на одной стороне, а Франция на другой, то легко было предвидеть, кто падет».¹¹⁹

Однако в последнюю минуту все чуть не сорвалось. Наполеон III, гуманный государь, человек необыкновенной доброты, одаренный способностью ясновидения, которая парализовалась отсутствием воли, а на этот раз и ужасною болезнью, — изо всех сил противился давлению императрицы, которая под влиянием еврея Бауера восклицала: «это моя война!» Вильгельм, будучи христианским монархом, чувствовал угрызение совести при мысли о сотнях тысяч людей, которые сегодня спокойно обрабатывали землю, а завтра, когда произнесется одно слово, лягут мертвыми на поле битвы. До по-

¹¹⁷ Бумаги и переписка императорской фамилии.

¹¹⁸ Там же

¹¹⁹ Один писатель, которого горячая любовь к Франции делала пророком, еще в последнюю минуту старался забыть тревогу. Г. Гужено де Муссо издал в 1869 г. прекрасную книгу: «Еврей и обращение христианских народов в иудейство», но произведение, которое еврейская пресса сумела обойти молчанием, прошло незамеченным, и евреям удалось изъять из обращения все экземпляры его. Громкий успех «Еврейской Франции» извлек из забвения книгу доблестного предшественника, которому обстоятельства менее благоприятствовали чем мне. Дочь г. Гужено де Муссо пожелала, чтобы мое имя стояло во главе нового издания книги её отца и, выражая ей благодарность за это внимание, я счастлив, что могу всенародно воздать должное памяти непоколебимого христианина и настоящего француза, который до меня пытался просветить нашу страну, идущую к бесчестию и разорению.

следнего часа императрица Августа молила его о мире; говорят даже, что под конец, когда все оказалось решенным, она бросилась на колени перед мужем, чтобы умолить его сделать последнюю попытку.

Вильгельм сделал то, чего император конечно не сделал бы, или вернее не мог бы сделать на его месте; кандидатура принца Гогенцоллерскаго на испанский престол была взята назад.

Немецкие евреи в отчаянии пустили в ход ложное известие, средство которое им почти всегда удается, как говорят у Ротшильда, татарскую уловку. Одно еврейское агентство, а именно агентство Вольфа объявило, что наш посланник был грубо оскорблен Прусским королем, и вы можете себе представить, с каким увлечением французская жидовствующая пресса ухватилась за этот предлог.

«Нашему посланнику оказали неуважение, Франции дали пощечину, кровь моя кипит в жилах!», так восклицали те республиканцы, которые теперь получают всевозможные дипломатические пинки и говорят: покорно благодарю!¹²⁰

Хотя факт этой войны, объявленной вследствие биржевой депеши, является лишь введением к тем удивительным вещам, которые мы отныне будем встречать на каждом шагу в истории Франции, делающейся не более, как историей евреев во Франции, тем не менее он заслуживает внимания. Он ясно свидетельствует о психологическом состоянии страны, которая более не опирается на традиционные учреждения, а висит на воздухе и служит игрищем ветров, то подымается как воздушный шар, то ниспадает на землю, как лопнувший пузырь.

Правительство 4-го сентября. Коммуна. Третья республика.

Евреи правительства национальной защиты. — Строгость Пикаров. Продолжение войны. — Баденец Спюллер и бельгиец Штенакерс. — Два еврейские властителя. — Гамбетта и Кремье. — Вмешательство третьего еврея. — Еврейские шпионы во время войны. — Евреи во время осады. — Вступление пруссаков в Париж. — Биржа среди лагеря. — Парижский рабочий. — Коммуна. — Симон Майер и колонна в память Великой армии. — Подобно деятелям реставрации, консерваторы Версальского собрания чужды всякому чувству справедливости. — Безжалостное и несправедливое притеснение. — Талисман, заключающийся в записочках. — Нравы высшей демократии. — Католики глупейшим образом делают орудием ненависти участников 4-го сентября. — Герцог де Брольи и его незнание действительности. — Добыча, доставлявшаяся евреям во Франции и Германии. — Париж, опустошенный коммуной, снова заселяется евреями. — Поддельные эльзасцы. — Евреи берут в свои руки управление республиканским движением.

¹²⁰ Излишне прибавлять, что граф Бенедетти в своей книге «Моя миссия в Пруссии» формально опровергает сказку об этом воображаемом оскорблении. «Я не буду останавливаться, говорит он, на оскорблениях, якобы нанесенных мне и на неприличных поступках, которые мне приписали».

— Письменное заявление парижских коммерсантов. — Кастри и Сина. — Идеи графа Арнима. — Дерзость баронессы Ротшильд. — Затруднительное положение г. Деказа. — Восстановление монархии. — Граф Шамбор не пожелал царствовать. — 16-е мая. — Недостаток энергии у правительства. — Политическое завещание Фурту. — Ваддингтон — посланник евреев. — Берлинский конгресс. — Евреи в Румынии. — Франция изгоняется из Египта. — Царствование Гамбетты. — Евреи готовят новую войну против Германии. — Великое предприятие. — Отношение кн. Бисмарка к Франции. — Рустан выступает на сцену. — Тунисская экспедиция. — Наши бедные солдаты. — Тунисский земельный кредит и феска Мустафы. Добродетель Флокэ. — Снова ищут предлога для ссоры с Германией. — Дело в улице св. Марка. — Опасное безумие Дерулэда. — Седанский праздник. — Гамбетта исчезает. — Архимим Ферри. — Тонкин. — Поиски золота. — Опять финансовые общества. — Ланг-Сон. — Договор с железными дорогами. — Сенегальская железная дорога. — Бессилие еврейской политики. — Талмуд и Тоеои va боеои.

Правительство 4-го сентября. Коммуна. Третья республика

4-е сентября, как и следовало ожидать, поставило у власти французских евреев: Гамбетту, Симона, Пикара, Маньена, к которым, если верить Бисмарку, слывшему обыкновению за хорошо осведомленного, надо прибавить Жюля Фавра. Гендле, секретарь Жюля Фавра, был еврей. Камиль Сэ, главный секретарь министерства внутренних дел, еврей.

Книга Буша: «Граф Бисмарк и его свита во время войны с Францией», ясно высказывается по этому поводу. 10-го февраля, говоря о Струсберге, министр выражается так: «почти все члены или, по крайней мере, многие члены временного правительства — евреи: Симон, Кремье, Маньен и Пикар, которого не считали евреем и по всей вероятности Гамбетта, судя по типу его лица, я даже подозреваю в этом Жюля Фавра».

Мы не знаем, до какой степени этот факт верен по отношению к Жюлю Фавру, во всяком случае он не имеет ничего невероятного для Пикара. Один Пикар фигурирует между депутатами от почетных евреев в 1806 г. В числе евреев, принятых в 1882 г. в политехническую школу, «Израильские архивы» упоминают Пикара Бернгейма, сына издателя анти французского учебника Поля Бера. Известно, какую роль играл в Тунисском деле еврей Вейль Пикар.

Анри Рошфор неправ, утверждая, что двоюродный брат Эрнеста Пикара был обязан своим избавлением от небольшой неприятности расчету Наполеона III. Этот последний был гораздо выше подобных мелочей, а случилось это, благодаря энергичному вмешательству Фульда и еврейства.¹²¹

¹²¹ Впрочем, вот рассказ Анри Рошфора в «Jntransigeant», от 21 мая 1883 г.

«Когда я заседал в ратуше, в качестве члена правительства национальной защиты, Рауль Риго, бывший тогда секретарем префекта полиции Кератри, вручил мне донесение, найденное в бумагах бывшего префекта и подписанное полицейским

Положение было очень просто. Французская нация попеременно одерживала блестящие победы и терпела ужасные поражения; она пережила Толбиак, Бувин, Мариньян, Рокруа, Денен, Фонтенуа, Аустерлиц, Иену, Сольферино и Креси, Азинкур, Пуатье, Павию, Росбах, Ватерлоо; ей оставалось делать то, что она всегда делала при аналогичных обстоятельствах, подписать мир, залечить свои раны и сказать: «в другой раз я буду счастливее».

Бисмарк, рассуждавший по всем правилам здравого смысла, так и понимал вещи, как он объявлял неоднократно, и между прочим, реймскому мэру г. Верле;¹²² он рассчитывал подписать мир в Реймсе, после чего все разошлись бы по домам, — один с длинным носом, другие — увенчанные лаврами, — как водится от начала мира.

Двух миллиардов было слишком недостаточно для евреев, тащивших за собою целую толпу голодных, которым была обещана добыча от Франции.

комиссаром, об аресте и заключении в Мазас одного биржевика, который обвинялся в том, что украл 300,000 у разных лиц.

«Этот рассказ был тем более интересен, что вор был родным братом одного члена правительства 4-го сентября, к которому Гамбетта питал величайшую ненависть. В самом деле какая странность: обвиняемый должен был предстать перед судом исправительной полиции, когда императору пришлось в голову предложить депутату оппозиции, брату негодяя, спасти семью от бесчестия с тем условием, чтобы ярый противник незаметно перешел в ряды большинства.

«Условие было принято, и из этого мытья грязного белья возникла партия, одно время называвшаяся: «открытая левая». Вы конечно воображаете, что Спюллеры, Шальмели и другие пуритане навеки изгнали этого пансионера Мазаса из своего безукоризненного общества? Разуверьтесь, они предложили его на выборах с таким же рвением, с каким изгоняли г. де Бутелье; он теперь депутат и обязан этим только им.

«Мы не будем так подлы, как эти почтенные люди и не назовем вора, которого они сделали своим другом. К несчастью наша скромность наверно излишня, потому что всякий с первого слова его узнает».

В другом месте «Intransigeant» констатирует, что в этом деле речь идет не об Артуре, а об Александре Пикар. Охотно вношу эту поправку, но все же не понимаю, каким образом Артур Пикар, общепочтенный деятель, депутат, генеральный советник, до сих пор не покончить этого дела с Рошфором. Что до меня, то я вполне беспристрастен, заимствуя сведения о республиканцах не у предубежденных противников, а у людей их же партии.

¹²² См. разговор Бисмарка с реймским мэром. Расставшись с канцлером, г. Верле дословно записал этот разговор в дневник, куда он вносил мельчайшие подробности прусской оккупации; «Figaro» воспроизвел часть этого документа.

14-го сент., накануне отъезда Прусского короля из Реймса в Ферьер, Бисмарк пришел к нему и сказал: «завтра мы уезжаем; я отправляюсь с грустью. — Мы надеялись подписать мир в Реймсе, это была воля короля и мое горячее желание: в этой-то надежде мы здесь и пробыли 10 дней. — Нас принуждают продолжать войну... сами пожалеют». — Граф, перебил Верле, Франции нет никакой выгоды продолжать войну, и если она отказывается от мира, значит ваши условия невозможно принять.

«Я вам скажу, в чем они, возразил Бисмарк; мы требуем два миллиарда, Страсбург, с полосой земли в 4-5 верст ширины, до Виссенбурга, чтобы Рейн с обеих сторон протекал между немецкими городами, наконец, мы требуем соединения палат, потому что только с ними мы можем вести переговоры, а это-то последнее условие и встречает больше всего затруднений».

Тогда произошло событие, которое будет считаться самым странным фактом XIX столетия, можно даже сказать, всех веков. Один господин, родители которого остались итальянцами, а сам он едва был французом, потому что избрал французскую национальность в последнюю минуту, в полной уверенности, что его недуг избавит его от всякой службы, вдвойне чужой, так как он был еврей, и во всяком случае представлявший только тех 12000 избирателей, которые его назначили, явился и сказал:

«Моя честь до того щекотлива, а мое мужество такого редкого достоинства, что я не могу согласиться, чтобы заключили мир и моей личной властью хочу продолжать войну во что бы то ни стало».

У народов, стоящих на самой низшей ступени цивилизации, вроде Кафров и Бушменов, в важных случаях бывает подобие племенного совещания; у собравшегося племени спрашивают: «согласны ли вы взяться за луки, стрелы, томагавки?»

Длинноволосые короли советовались со своими вассалами, Карл Великий совещался с пэрами; при старом порядке вещей в критических случаях созывались генеральные штаты. Идя по пути прогресса, как говорят, мы ухитрились отступить назад дальше Кафров. В течение пяти месяцев генуэзский пройдоха посылал людей, чтобы они себе ломали руки и ноги, между тем как он курил великолепные сигары, — и никто не осмеливался протестовать.

Правда, что Гамбетта сказал остроумную шутку, с тем грубоватым, свойственным евреям остроумием, которое тем не менее метко попадает в цель.

«Так как я вас всех считаю за болванов, сказал он французскому народу, то из тридцати восьми миллионов французских граждан я выберу баденца в секретари правительства национальной защиты».

Равным образом, ни один француз не был сочтен достойным, даже для спасения своего отечества, хранить тайну тех телеграфических сообщений, которые имели такое значение в то время; для этого избрали человека, родившегося в Лисабоне; по словам Ваперо, его родители были бельгийцы.

Если история впоследствии захочет отыскать след одного из тех, которые играли главную роль в правительстве, ради риторической красоты названном правительством национальной защиты, ей стоит взглянуть в каталог Соломона под рубрикой: «Иностранцы скульпторы и граверы на медалях и драгоценных камнях», и она прочтет там: Штенакер (Франциск-Фридрих), род. в Лисабоне.

Действительно, в течение этого периода было два еврейских властителя: Тайкун и Микадо. Один из них, Гамбетта, занимался финансовыми делами израиля, делал займы, устраивал сделки, раздавал евреям места, на которых они, как Эскирос в Марсели, могли быстро обогащаться; другой заботился об общих интересах племени и о евреях других стран.

При освобождении алжирских евреев ясно обрисовался еврейский характер, неумолимо равнодушный ко всему, что не принадлежит к еврейской семье. Об этом вопросе мы будем подробно говорить в IV книге.

Но вот еще более поразительное явление, ука-

зывающее на упадок французского духа. Ни одному из тех офицеров, которые должны были идти на смерть, чтобы доставить удовольствие евреям, не пришлось в голову войти к этому старому негодяю, схватить его за шиворот в его легендарном халате с желтыми разводами, который он надевал, когда обращался с речью к войскам с высоты своего балкона, и сказать ему:

«Негодный старик, мы покинули общего Отца всех правоверных для того, чтобы исполнить наш долг во Франции, мы пожертвовали всеми нашими привязанностями и воспоминаниями, мы повинемся всяким негодьям, которые слонялись во всем ресторанам и притонам, которые вышли из помойной ямы, разным Спюллерам, преступникам-рецидивистам, вроде Бордона, подозрительным полякам, вроде де Серра, а ты только о том и думаешь, чтобы лишить нас того остатка сил, который у нас сохранился, заставляя нас освобождать каких-то отвратительных торговцев финиками и гаремными шариками!»

Когда Гамбетта и Кремье сделали свое дело, тогда Жюль Симон явился в Бордо и объявил, что пора поставить на сцену большую пьесу с пятью миллиардами, для которой заем Моргана был простым поднятием занавеса.

Уверяли, что никогда не станет известно, о чем шла речь во время этого свиданья в Бордо; но судя по фактам, не трудно угадать, каков был предмет разговора. Это способ Тита Ливия.

«Брат, сказал верно Жюль Симон, уж ты со своими друзьями насытился, уступи место немецким евреям, которые нетерпеливо ожидают своей доли добычи; ты вернешься опять с новой выдумкой; своим неукротимым мужеством ты чудесно олицетворял войну во что бы то ни стало, а теперь, при твоих организаторских способностях и географических познаниях, будем олицетворять надежду на возмездие».

Заметьте, что в этих совещаниях, где решается судьба Франции, — природный француз, сын француз, пахавших землю и создавших отечество, ни под каким видом не принимает участия. Весь разговор происходит между двумя евреями иностранцами; один из них итальянец, происходит от немцев, называвшихся Гамберле, другой швейцарец называется Швейцер, по первому имени, по метрическому же свидетельству — Сюис, а литературным именем — Симон.¹²³ Ни тот, ни другой не получали особых полномочий для того, чтобы управлять.

Воображение охотно рисует себе, как истинные представители страны, которая платит налоги, сражается и умирает, ожидают в прихожей окончания этого израильского свидания.

— Три моих сына пали за родину, говорит старик, убеленный сединами, должен ли я пожертвовать последним? Я готов.

— Не надо ли ухаживать за ранеными или оспенными? спрашивает сестра милосердия; я жду

ваших приказаний, моля за вас Бога.

— Покорно благодарю, говорит Ж. Симон, которого изучение философии сделало вежливым; молитва никогда зла не сделает.

— Бог! Что? Разве есть Бог? — восклицает Гамбетта и бросается к двери тем плавным и извилистым движением танцора, которое доставило ему первые успехи в Бюлье. Теперь я удаляюсь, но я вернусь. А ты ханжа, берегись; я тебе задам конгрегаций! не нужно их больше. Есть иезуиты, доминиканцы, братья, которые подбирали умирающих под градом гранат, пока я себе обжигал голени на огне; я велю их всех выгнать из их келий; чтобы лучше показать мое презрение, чтобы лучше обесчестить армию, я заставлю офицеров в полной парадной форме выбрасывать за шиворот монахов и стариков... А затем мое почтение, честная компания! да здравствует вино, да здравствуют веселые женщины! теперь в путь в Сан-Себастьян!..

Во всех видах еврей таким образом служил Бисмарку. Прусский шпион в Меце был коммерсант по имени Мейер — еще один! Будучи открыт французскими солдатами, которые все сломали в его лавке, он повесился. Германия без труда нашла другого, чтобы его заменить. «Замечено, — говорит газета «Nord» от 19 августа 1870 г., — что большинство прусских шпионов, схваченных в Эльзасе, были евреи. Никто не мог бы с большим успехом заниматься этим низким ремеслом, как дети того падшего племени, которое имело несчастье произвести Иуду, самый законченный тип коварства и измены». По словам «Journal de Rouen», Ренье был не более, «как прусский еврей, для случая прикрывшийся французским именем».

«Illustration» в поразительных красках рисует нам немецкого еврея в роли шпиона во время войны.

«Еврей, — говорит эта газета в № от 27 сентября 1873 г., — был бичом нашествия. Пока длится битва, еврей остается в стороне; он боится ударов. Но как только неприятель бежал, поле битвы свободно, является немецкий еврей.

«Там он царит. Все трупы принадлежат ему. Недаром солдаты метко прозвали его вороном.

«Он преспокойно обирает мертвых, переходит от группы к группе. Видя, как он наклоняется, потом бежит растерянный, жадный, можно подумать, что это родственник ищет брата или друга. Он ищет только золота. Порой раздается стон, это раненный умоляет о помощи, но ворону не до того, чтобы заниматься подобными пустяками, ведь он должен исполнять свое назначение.

«Не забывайте этой стороны дела, эта достойная личность состоит государственным чиновником, — входит в состав немецкой организации. Он не довольствуется тем, что ворует — эта личная сторона дела, — он еще шпион.

После проигранного сражения ворон снесет в главную квартиру все бумаги, найденные у старших офицеров.

«Как видите, его должность — не синекура; впрочем, труды его этим не ограничиваются; он должен идти впереди армии, разузнавать о сред-

¹²³ Все-таки любопытно знать, как эти люди уважают друг друга. Вот как газета Гамберле отзывалась о бедном Ж. Симоне: «Г. Швейцер, он же Сюис, он же Симон, меняющий имена как все комедианты» и т. д.

ствах каждой деревни, наводить справки о положении и силах неприятеля.

«Иногда еврея схватят и расстреляют, но это очень редко случается. Во-первых, по необъяснимой привязанности, которую он питает к своей печальной особе, он принимает всевозможные предосторожности и идет только наверняка. Затем если, несмотря на все свои хитрости, он попадает в ловушку, то отделяется тем, что расширяет круг своих операций. Он изменяет немцам, как прежде шпионил за французами; с этих пор он будет собирать сведения для обеих сторон, и его ремесло от этого станет еще выгоднее.

«Но торжество и мечта этой странной и отталкивающей личности — перемирие; водворяется относительный мир, так что можно не бояться ни веревки, ни пули; но война еще не прекратилась, что позволяет ему заниматься его честным ремеслом.

«И действительно, сколько выгод!

«Во первых, реквизиции, которые выгодны, хотя и приходится уступать львиную долю, но можно наверстать свое на солдате; солдат глуп, он за один флорин отдает вещь, которая во сто раз дороже стоит.

«Для изобретательных людей есть и другие источники дохода.

«На западе Франции, в окрестностях Мана, мы сами видели, как евреи, которых немецкая армия тащила за собою, нанимали поденно прусских солдат и отправлялись с ними по деревням. Евреи стучат в дверь дома и вытаскивают испачканную бумагу, на которой налеплены более или менее подлинные марки. Легко угадать содержание этой бумаги, — оно передается одним словом: реквизиция. Может ли крестьянин противиться? Солдаты служат угрожающим доказательством, и он отдает свою скотину, которая идет на продажу...»

Но я вижу, что у моих читателей зарождается беспокойство. Еврейские финансисты обогащаются при помощи займа Моргана, английский еврей Мертон, который должен был кончить трагически, тоже получает конфиденциальное поручение; еврей Эскирос царит в Марсельской префектуре, и вероятно, в воспоминание о своей книге «Безумные девственницы», заставляет выдать себе, в виде вознаграждения за то, что он согласен уйти, крупную сумму из фонда исправительной полиции; немецкие евреи грабят наших мертвых и берут выкуп с наших крестьян; все к лучшему; но что делается в это время с мелкими евреями, оставшимися в Париже?

Успокойтесь, они прекрасно устроились. Промышленникам, которые дают заработок пяти-шестистам рабочим, отказывают в работе, а дают ее всем дочерям израиля.

Очень поучительны в этом отношении показания, сделанные перед управлением торгов для вооружения национальной гвардии. Приведем всего несколько строк из показания г. Берт.

«Невозможно было бы исчислить, говорит г. Берт, всего того, что проделывалось во время осады. Долгое время я ежедневно продавал одному консьержу, улицы Греньё С.-Лазар, на 400-500 фр. товара, а он его нес в ратушу; он дополнял амуни-

цию и сдавал ее.

«В том же доме жила девица лет 18-19, очень красивая еврейка, торговавшая образами и священными предметами;¹²⁴ она сумела заставить открыть себе двери ратуши и нашла средство поставлять ежедневно товару на 300-400 франков!

«А я никогда не мог добиться ни одной поставки! Эта молодая девушка проходила мимо меня в ратушу, как бы смеясь надо мною. Она входила тотчас, а мне приходилось ждать по целым часам, между тем у меня дома было 300-400 рабочих!

«Я заметил, что евреи боролись с поставщиками по крайней мере численностью. Большинство поставок было отдано этим людям; они угодливей, терпеливей нас, умеют делать, что нужно, делают необходимое».

«Были евреи и еврейки, большие интриганы, которые получали то, чего мы не могли добиться. Для этого надо было давать на водку, обеды, завтраки и разные другие штуки, что мне вовсе не было на руку».

Когда перемирие было подписано, евреи снова стали купцами, и им чуть не удалось воспрепятствовать снабжению Парижа провиантом; евреи расположились в Версали, покупали за бесценок все, что появлялось на рынке и продавали затем парижским торговцам по чудовищным ценам. Прежний «Gaulois» сделал верное описание этого странного люда, который тащился по следам победителя.

«По улицам, говорит он, двигаются солдаты всех родов оружия, неповоротливые и молчаливые. Шумливы одни только немецкие евреи, которые последовали за армией и занимаются своей мелкой торговлей с упорством и последовательностью, характеризующими еврейское племя. Эти живописные образчики торговой Германии выкрикивали на ломаном французском языке самым пронзительным голосом свои товары; у них по-видимому было больше всего табаку, судя по их непрерывным крикам: «табак курительный и нюхательный, по два франка за фунт!» У одного из них были особенно смешные интонации, которые нам отчасти напомнили голос нашего собрата Вольфа».

Бисмарк, при виде прибывшего в Версаль Жю Фавра, закричал: ату его! Евреи-космополиты, которые подали мысль к войне, поддерживали деньгами, вели и затягивали ее, должны были принять участие в триумфе: они взошли в Париж позади белых кирасир. Один писатель, незнакомый мне, но умеющий описывать, г. Рене де Лягранж, изобразил эту картину с поразительной правдивостью в очерке, напечатанном в одном из приложений к «Фигаро» и являющемся, повторяю это будущим историкам, одною из редких правдивых страниц, написанных о

¹²⁴ Почти все торговцы священными предметами и церковными украшениями — евреи, что дает им возможность брать хорошие деньги с покупателей, которые аккуратно платят и выведывать, что творится в мире духовенства. Все скандальные процессы, в которых были замешаны духовные лица, были подстроены таким образом, благодаря подслушанному слову, подставленной ловушке. Образ действий католической партии во Франции, её чистосердечие, отсутствие всяких предосторожностей будут вечным предметом удивления для будущего.

событиях 1870-71 года.¹²⁵

«Прежде всего, говорит г. Рене де Лягранж, мы увидели не армию, а штаб, очевидно исполнявший роль разведчика. Этот авангард приближался мелкою рысью, бросая на право и на лево беспокойные взгляды на редкие шпалеры зрителей по обеим сторонам. Всадники, составлявшие конвой, я как сейчас вижу, были почти все высокого роста, крепкого сложения и сидели на лошади, как природный наездники. Большая часть из них носила блестящий мундир кирасир. Головы всадников были покрыты касками с изображением фантастических животных, сами они были одеты в латы, украшенные металлическими выпуклыми гербами, и все это блесло под первыми лучами мартовского солнца».

Лица этих аристократических воинов гармонировали с их внушительным вооружением. Общий вид был грандиозен. Их рыжевато-белокурые волосы, густые молодецки закрученные усы, светлый и в то же время красный цвет лица, небесно-голубые глаза с суровым блеском — поразительно напоминали портрет тех же самых людей, написанный Тацитом: «oculi caerulei et truces, rutilae comae, magna corpora».

Надо быть справедливым и к противникам, признаюсь, что их лица отличались большою выразительностью.

При виде этих всадников великанов, можно бы подумать, что это бургграфы с берегов Рейна, современники Барбароссы, какими мы их видим высеченными из камня на фасаде замка в Гейдельберге или на картинах Альберта Дюрера. Вся группа была олицетворением феодальной Германии, железного века, царства силы, воинственных средних веков. Как хорошо ни был вооружен этот маленький конвой, среди которого можно было различить Прусского короля и Бисмарка, все же он двигался вперед с осторожностью, как мы уже сказали. Вступать в Париж, эту революционную пучину, после пятимесячной осады казалось не совсем безопасным. Это значило вступать на вулкан. Прежде, чем пустить армию, штаб испытывал почву, вероятно из боязни, чтобы под ногами у наступающего войска не взорвало какой-нибудь мины, заряженной динамитом. На этот раз обязанность улан исполняли король, принцы и генералы.

За этую военную группу следовала кучка людей, одетых в гражданское платье. Вторая группа еще любопытнее первой. Позади этих центавров, закованных в железо и блистающих сталью, приближались, сидя торчком на лошадях, какие то странные личности в длинных дорожных ватных плащах коричневого цвета. С вытянутыми лицами, в золотых очках, с длинными волосами, грязными, рыжими бородами, состоящими из отдельных завитков, подвигались вперед израильские банкиры. Исааки Лакедемы следовавшие за немецкою армиею, как коршуны. По их наряду легко можно было узнать их профессию.

Очевидно, это были еврейские счетоводы или финансисты, которым было поручено получить наши миллиарды. За военным штабом следовал штаб гетто. Нечего и говорить, что на их растеря-

ных и гнусных физиономиях еще заметнее было выражение страха.

«Когда проследовали оба кортежа, прошло довольно много времени, с час по крайней мере. На другой день мы узнали причину этого перерыва; штаб остановился во дворце на Елисейских полях для завтрака. Г. Эрнест Пикар был так любезен, что приготовил там для своих приятелей-врагов встречный завтрак с шампанским».

Когда этот республиканский завтрак был съеден и щедро залит вином, кортеж снова пустился в путь, поднялся по Елисейским полям на встречу армии, которая должна была вступить через них. Снова перед нами продефилировали центавры в блестящих латах, в сопровождении детей израиля с грязными бородами, но на этот раз лица уже были не те. Завтрак произвел свое действие: генералы в латах, с лицами, раскрасневшимися от лучших французских вин, с блестящими глазами, замазанными усами, с дерзким видом, уверенные, впрочем, что нечего бояться какого-нибудь нападения, что никакая мина не взорвется у них под ногами, крупной рысью ехали по дороге.¹²⁶

Я не раз указывал в моих исторических трудах, какое колебание обыкновенно испытываем, когда нужно выбрать рассказ, отличающийся наибольшею правдивостью, и поэтому-то, повторяю, я безбоязненно рекомендую эту драгоценную страницу будущим историкам.

Я сам жил тогда в авеню Монтень, и будучи принужден выйти, чтобы навестить близкого больного, я мог проверить добросовестную точность этой картины.

По свидетельству соседей, Пикар присутствовал при начале завтрака. Во всяком случае он явился во дворец для наблюдения, чтобы ни в чем не было недостатка на завтраке победителей.

К немецким евреям примешалось немало французских евреев, которые уже занимались знаменитым займом, и эта биржа среди лагеря являла самый странный вид; она была как бы жалобным и комическим эпилогом, мрачным и в то же время забавным комментарием к этой еврейской войне.

Еще раз повторяю, все правдиво в рассказе г. де Лагранжа, также и рассказ про того рабочего, который обезумев от патриотического горя, вонзил нож в грудь лошади одного генерала, был схвачен, предан немецкому военному суду и повешен, если не ошибаюсь, за зданием министерства промышленности.

Эта поспешная казнь носила характер предзнаменования и имела значение предостережения.

Парижский рабочий, каков он и теперь еще есть, стеснял еврейское масонство. Это был странный тип. Все перепутывалось у него в голове; он любил Францию, ненавидел то, что он называл, неизвестно почему, партией священников, но не допускал, как Поль Бер, чтобы человек совершенно

¹²⁶ См. статью «Общественное Благо», 5 марта 1871 г., в которой я, кажется верно, передал впечатление, произведенное отъездом немцев, в военном порядке проезжавших по Елисейским полям, при трубных звуках.

¹²⁵ «Figaro», от 28 Фев. 1883 г.

уподобился собаке; он без ужаса смотрел на распятие, украшавшее его скромное жилище, и помнил, что когда-то клал его на постель, где умерло дорогое ему существо; в Вербное воскресенье он привешивал к нему освященную ветку, принесенную из церкви его ребенком; около распятия иногда висел почетный крестик Наполеоновского служаки.

Парижский рабочий действительно был революционером и шовинистом, он стрелял в войска в дни восстаний, и его сердце билось, когда какой-нибудь полк проходил через предместья. Начитавшись Евгения Сю, он был убежден, что иезуиты только и делают, что присваивают себе чужие наследства, однако это не мешало ему дружески приветствовать брата, который его обучал. Он с силою восставал против предрассудков и суеверий, но был бы в отчаянии, если бы его сын и дочь не приступили к первому причастию. В большие праздники он отпускал мать и ребенка одних в церковь; потом вдруг бросал инструменты, надевал праздничное платье, шел в церковь и, спрятавшись за колонною, искал своего мальчугана или девочки среди нарядной толпы, колымавшейся при пении духовных песней, при блеске свечей; когда он находил любимое лицо, он отворачивался, чтобы вытереть слезу, встречался лицом к лицу с товарищем, который плакал, как он, и говорил: «и ты тоже, дружище? Как хочешь, а ведь хватает за живое».¹²⁷

Обладая искусными руками, будучи беспорочно мастером в тех полу артистических, полу промышленных изделиях, которыми Париж, и в этом, как и во всем остальном вытесняемый иностранцами, так долго славился безраздельно, парижский рабочий, благодаря своему врожденному вкусу, заменявшему ему познания, редко сидел без работы и жил сравнительно счастливо.

Этот тип по своим качествам, своей живости и веселости был особенно ненавистен немецкому еврею; его патриотизм, окрепший во время осады, служил препятствием к захвату всего иностранцами; его честность, бескорыстие, любовь ко всему прямому и благородному представляла опасность для будущей политико-финансовой диктатуры еврея Гамбетты. Коммуна послужила прекрасным

¹²⁷ Прекрасным свидетельством истинного настроения умов парижского населения служит любопытный «Дневник», веденный, во время коммуны, священником церкви Фомы Аквинского, Равайлем. Собираясь преподавать детям первое причастие, достойный священник боялся, чтобы федераты, занимавшие площадь и артиллерийский музей, не воспротивились выходу процессии; он спокойно отправился к командиру поста, тот изъявил согласие и велел своим солдатам сделать на караул и трубить в трубу, пока дети проходили с пением. На другой день батальон сменили, и аббат прибавляет, что он не знает, что сделалось с офицером-федератом. Вероятно, он был убит (сзади) каким-нибудь другом Симона Майера или Дакосты, или на него донес версальцам какой-нибудь масон, которому оппортунисты впоследствии дали должность собирателя податей или помощника префекта.

В 1848 г., когда начинали делать баррикады для июньских дней, и квартал Муфетгар был в полном брожении, хоронили священника С.-Медара, и причт пожелал, чтобы, по обычаю, тело покойного было в последний раз обнесено вокруг его церкви. Рабочие охотно согласились на это и разобрали перед гробом мостовую, которую снова нагромодили, когда процессия миновала.

случаем для того, чтобы убить, сколько возможно рабочих. Выданные жожаками, вроде Баррера, которые их увлекли, а сами потом стали полномочными министрами, эти несчастные пали жертвою собственного мужества и усеяли своими трупами улицы, аллеи, скверы, сады и парки.

Вы их вероятно видели во время второй осады, когда они с убеждением отправлялись на укрепления, пекли картофель под деревьями Тюильери и в стройном порядке дефилировали перед дворцом Ротшильда, причем им и в голову не приходило войти в него. Для низкого немецкого еврейства, управлявшего Парижем, отель г. де Ротшильда (с особым благоверным ударением на о) был предметом поклонения, и ему не трудно было внушать уважение к его жилищу всем этим вооруженным массам.¹²⁸

Надо ли повторять, что ариец есть существо полное веры, с задатками дисциплины, и что он хранит эти чувства даже во время революции; он рожден, чтобы быть бесстрашным и верующим крестоносцем, солдатом старой гвардии, неизвестною и привлекающею сочувствие жертвою коммуны. Он попеременно является то героем *seanson de geste*, недовольным, которого воспел Беранже, то черным от пороха бойцом трех дней.

Поэтому у коммуны было два облика: один неразумный, необдуманный, но мужественный, — французский облик; другой мелочный, жадный, воровской, низко-спекулятивный, — еврейский облик.

Французские федераты хорошо дрались и давали себя убивать.

Еврейские коммунары воровали, убивали и обливали керосином, чтобы скрывать свои грабежи. Некоторые негоцианты из улицы Тюрбиго устраивали погромы, организованные как торговые операции, а затем удалились в Нью-Йорк, нажив 2-3 миллиона. Таков Натан, о котором говорит Максим Дюкан, что евреи сделали большое кровопускание, но на этот раз убийство и грабеж осложнились пожаром.

Коммуна имела тоже двоякий результат.

Во первых, она обогатила, правда в скромных размерах, еврейскую шайку, которая, после смены правительства национальной защиты, могла только опорожнять денежные ящики, маленькие забытые кассы и в особенности грабить произведения искусства из дворцов, министерств и частных домов христиан. (Коммуна ни разу не тронула еврейской собственности; ни один из 150 домов Ротшильда не был сожжен).

Во-вторых, особенно важным результатом было то, что она заставила французов убить тридцать тысяч французов же.

В обмен за свое высокое и пренебрежитель-

¹²⁸ Очень правдивый очевидец рассказывал мне следующий характеристический факт. 27 или 28 мая, когда все уже было потеряно для коммуны, федераты заметили на Бельвильской площади магазин чулочно-вязальных изделий, и стали расхватывать носки с тою детскою радостью, с какою мы все меняем белье после сильной усталости. Явился блюститель порядка и стал их упрекать, что они бесчестят свое дело грабежом, и вот все они вернулись и возвратили взятое. Неправда ли как это похоже на парижан?

ное покровительство, немцы потребовали от коммуны только одного.

Хотя они разрушили обаяние нашего войска, все же их оскорбляла славная память наших предков. Их стесняла колонна, сделанная из пушек, отнятых у немцев и возвышавшаяся среди Парижа; несмотря на свою легкую победу над племянником, они не могли простить тому императору, который виднелся, закутанный в плащ Августов.

Утром на лазурном, а вечером на звездном небе.

Овладев Парижем, они не тронули этой колонны; они всюду пощадили памятники нашей славы и изображения наших героев, гробницу Марсо, статуи Фабера, Клебера, Раппа. Есть вещи, которых арийцы сами не делают, а поручают семитам, как бы желая показать, что и эти могут быть полезны при случае.¹²⁹

Как трогательна сцена, произошедшая 16-го мая на Вандомской площади! Чувствовалось то неопределенное волнение, которое охватывает собравшуюся толпу в ожидании непредвиденных обстоятельств. В кучках поговаривали, что инвалиды придут и построятся у подножия колонны, чтобы ее защищать; оставшиеся в живых участники великих битв, возлагавшие ежегодно 5-го мая и 15-го августа венки у подножия колонны, наденут свои мундиры, «изношенные в победных битвах» и поспешат...

Никто не показывается. Час пробил. Ждут сигнала. Кто его подаст? Слава Богу, это не француз, а еврей — Симон Мейер.

Послушайте Максима Дю Кан.¹³⁰

«Вдруг на вершине монумента появился человек, взмахнул трехцветным знаменем и бросил его в пространство, чтобы ясно указать, что все, что было французскою республикою, первою империей, царствованием Луи-Филиппа, второю республикой, второю империей, — исчезает из истории и уступает место новой эре, символом которой служит кровавого цвета тряпка, называемая красным знаменем.

Человек, имевший честь бросить на ветер французские национальные цвета, был достоин этой миссии: он назывался Симон Майер. 18-го марта он благородно вел себя на Монмартре. Будучи капитаном в 169 батальоне, которым командовал Гарсен, замещавший избранного начальника Бланки, сидевшего в тюрьме или бежавшего, этот Симон Майер героически способствовал убийству генерала Леконта и Клемана Тома. Его прекрасный поступок получил наилучшую награду в этот час, при ярком блеске солнца в присутствии внимательных и очарованных членов коммуны. Раздался звук трубы. Огромное молчание, как сказал бы Густав Флобер, наполняло улицы. Все безмолвствовали и не отрывая глаз смотрели на колонну, около которой натягивались канаты. Было около пяти часов вечера; от времени до времени слышались отдаленные пушеч-

ные выстрелы, которые казались похоронными залпами, раздававшимися с невидимого горизонта.

Один человек продал Бога, принёсшего в мир слова любви и милосердия; он назывался Иудой и был еврей.

Один человек продал женщину, доверившуюся ему; он назывался Симон Дейц и был еврей.

Один человек, в присутствии пруссаков, подал сигнал к тому, чтобы опрокинуть на навозную кучу памятник нашей былой славы; он назывался Симон Майер и был еврей.¹³¹

Из возвышенной троицы: Бога, женщины, геня, из тройной формы идеала: Божества, красоты, славы, еврей сделал деньги...

Прежде чем предать Париж евреям высшего полета, мелкое еврейство воспользовалось случаем утолить свою вековую злобу. Когда почтенный священник, убеленный сединами, спросил у Дакосты, какое преступление он совершил, что его арестуют, еврей ответил ему типичным словом, в котором аффектация парижского арго плохо скрывает ненависть, ведущую свое начало прямо из Иерусалима: «вот уже 1800 лет, как мы от вас терпим»...

Гастон Дакоста особенно подстрекал против священников Риго, жестокого мальчишку, который был чем-то вроде маленького Нерона, опьяненного властью, но который сделал бы несравненно менее зла без приспешника, который его подстрекал.¹³²

Когда они отправились в канцелярию Masasa, Гастон Дакоста, находившийся около Риго, вероятно для того, чтобы не дать ему отступить, составил список заложников; на бумагах одного из них он написал заранее: «приберегите эту каналью для казни».¹³³

¹³¹ По странному совпадению, еврей играл главную роль в скандальной церемонии водворения Казо президентом кассационного суда, на веки обесчестившего наше судебное сословие.

До последней минуты все думали, что ни один президент палаты не согласится принять управляющего обанкротившейся финансовой кампании, бесчестного человека, чье назначение было пощечиной для каждого судьи.

Когда 25 апр. 1883 г. Бедаррид пригласил Казо занять свое место, внезапно раздались единодушные, громкие крики. «Пристава, восстановите спокойствие!» воскликнул Казо вне себя. Вот и все, и эта короткая сцена осталась в памяти всех, бывших негодующими свидетелями.

¹³² Многие духовные лица были обязаны Раулю Риго тем, что покинули Париж, да еще при очень странных обстоятельствах, за достоверность которых я ручаюсь. Один капитан коммуны, Лаллан, которому всюду чудились подземелья, сделал обыск у августинок в улице Сантэ. Понятно, что подземелий он не нашел, но был поражен приемом настоятельницы, очень умной женщины; он рассказал об ней Риго. Делегат полиции велел запрячь карету Пиетри и несколько раз ездил беседовать с монахиней. «Я угадываю, чего вы не решаетесь просить, сказал он на прощанье, пропусков для ваших попов... извольте. Я уверен, что если бы я был побежден, вы бы меня спрятали здесь»... Особа, передававшая мне эти подробности, была уверена, что когда Риго был захвачен в улице Гэ-Люссак, он направлялся к монастырю августинок.

¹³³ Венгерский еврей Леон Франкель, родившийся в Будапеште, член коммуны, был потомком знаменитого Абарбанеля или Абраванеля, министра финансов Изабеллы Католической, который должен был покинуть Испанию во время великого изгнания в 1492 г. Семья Абарбанель, укрывшись в Австрии,

¹²⁹ Прусские офицеры присутствовали при падении колонны, стоя на балконе министерства финансов. Пруссия сохранила в виде трофея статую победы, которая была прикреплена к руке императора: не смотря на все поиски ее не могли найти.

¹³⁰ Беспорядки в Париже, т. ИИ, стр. 287-288.

Судя по имени Исидора де Франсуа, директора ла Рокет, председательствовавшего при исполнении казней, можно бы подумать, как и утверждали, что он израильского происхождения. Он тоже думал и выражался как Дакоста. «Вот уже полторы тысячи лет, говорил он о священниках, как эти люди давят народ; их надо убить, их шкура не годится даже на сапоги».

Доискиваясь до происхождения большинства из тех, которые были замешаны в этих ужасах, можно бы сделать и наверно сделают много интересных открытий с точки зрения влияния типа и расы; но Франция тогда была занята другим. Преданная Пруссии немецкими евреями, которых она приютила, благодаря Гамбетте, пролившая потоки крови, обесчещенная в своих славных военных воспоминаниях Симоном Майером и разрушителями Вандомской колонны, она собиралась броситься в объятия других Майеров и других Симонов: она посылала в палату Бамбергера, награждала орденом еврея Штерна, и падала ниц от восхищения перед Ротшильдами, которые должны были выжать из нее все соки.

Ни один человек из большинства не понимал положения вещей.

У тех людей, которых называли клерикалами, недоставало только одного: они не были христианами. Подобно политическим деятелям реставрации, они не понимали того слова, которое мы не раз приводили и которое надо беспрестанно повторять, ибо оно есть альфа и омега государственного человека: «Discite justitiam moniti — проученные событиями, познайте справедливость». К справедливости постоянно возвращается великий учитель политики, Боссюэт, «единственный», говорит Дудан на своем немного вычурном языке, «который мог бы составить тронную речь для Бога, если бы Бог потерпел представительное правительство». «Когда я называю справедливость, пишет Боссюэт, я в то же время подразумеваю священные узы, связывающие общество, необходимую узду для распушенности, единственное основание спокойствия, правосудие власти и благоприятную поддержку для повинующихся. Когда царит справедливость, в договорах соблюдается честность, в сношениях безопасность и в делах ясность». В другом месте он указывает на необходимые условия социального равновесия одной фразой, которая в своей краткости красноречивее и точнее всех писаний риторов:

«Справедливость и мир — близкие друзья.¹³⁴ *Justitia et pax osculatae sunt.*

Справедливость есть первая потребность народов; служа гарантией интересов, она в то же время является удовлетворением врожденного стремления всех человеческих душ. Франция вкладывает в эту любовь свойственную ей страстность. Чего требует эта нация, жаждущая идеала? Справедливости.

приняла по словам «Израильских архивов», имя Франкель. Разве не любопытно; что правнук испанского министра финансов, который сделался во Франции чем-то вроде министра общественных работ, мстит за своих, убивая наших священников?

¹³⁴ *Justitia fundamentum regni*, написано на фасаде Гофбурга, императорского дворца в Вене, и эта надпись хороша и на месте.

Чего она ищет даже в своих революциях? Мечты, тени, пародии на ту справедливость, которая ей необходима, как воздух. Отчего французская королевская власть, столь слабая в Иль де Франсе, бывшем её родиной, так быстро и сильно развилась? Оттого, что первые Капетинги были прежде всего людьми прямыми и справедливыми. Образ какого короля наиболее живуч и популярен? Не того ли, который предводительствует смелыми набегами и бросается в самый жаркий бой? Нет, это образ судьи, сидящего под дубом. Воспоминание об этих незатейливых заседаниях суда, где всякий без посредников мог заставить признать свое право власть имеющих, запечатлелось в душах сильнее, чем воспоминание о Тальебургском мосте, защищенном одним человеком против целой армии.

Почему после долгого отсутствия монархической власти, в то время как легитимистская партия уже много лет была блестящим штабом без солдат, страна свободно, по собственному почину призвала представителей монархического принципа? Потому что монархия, всегда снисходительная к слабым, умела при случае быть строгою к сильным.

Для водворения справедливости страна в своих интересах прибегла к людям традиции, к избранныкам родной земли, которых происхождение, частная жизнь и характер были известны всем и внушали доверие в смутное время даже тем, которые в обыкновенное время предпочли бы им гаеров и шарлатанов.

В это время недоставало человека, одушевленного благородною любовью к справедливости, человека с возвышенным сердцем, великою душою, кроткого к заблудшим, страшного для развращенных, хладнокровно продавших свою страну, человека, который взялся бы руководить монархическою партией и прежде всего потребовал бы кары для авантюриста, вроде Гамбетты, позволившего себе заключать займы без согласия страны, вроде Ферри и Жюля Фавра.

Католики не только не изменили требованиям справедливости, завещанным им по отношению к деятелям 4-го сентября, но и представили коммуне совершать свои притеснения при условиях дикого беззакония.

Впрочем, вся эта фаза долее других будет приковывать внимание мыслителей будущего, которые будут иметь случай изучать высшую французскую демократию в действии, за делом, увидят, какова её нравственность, её истинные чувства к народу, её понятия о добре и зле, об ответственности и равенстве.

Мы уже сказали, что французская монархия мужественно и по христиански творила правосудие; у неё были виселицы для финансистов, вроде Энгеррана де Мариньи и Самблансе, и прекрасные эшафоты, обтянутые черным бархатом, для Немуров, С.-Полей, Биронов, Монморанси и Марильяков.

Реставрация, даже при всех своих слабостях и дряблости не употребляла презренных репрессалий: она карала не ничтожного солдата, а маршала, принца де ла Москова, генерала Мутона ла Бедуаер, находившегося в родстве с самыми знатными се-

мействами Франции.

Республика была безжалостна к смиренным и дрожала перед людьми, имевшими хоть какое-нибудь положение, принадлежавшими к буржуазной знати, носившими мандаринскую почетную шапку, вписанными на какую-нибудь доску.

Все расстрелянные при Сатори, за исключением Росселя, были бедняки, *minus eabentes*, люди без связей. Тьер помиловал Гастона Кремье, а генерал Эспиван де ла Вильбуане велел его казнить, так сказать, по собственной инициативе. Кремье должен был быть расстрелян вместе с каким-то пешим стрелком. Понятно, что члены левой и не подумали заботиться о бедняге: пушечное мясо туда и дорога, но вступились за интеллигентного, ответственного человека, за адвоката! Генерал Эспиван, старинного французского рода, не так понимал демократию; он наотрез объявил, что адвоката постигнет та же участь, что и солдата.¹³⁵

История коммуны, которая еще так мало известна и облик которой совершенно изменится, как только будут обнародованы невероятные документы, находящиеся в некоторых руках, была торжеством частной переписки.

Все участники переворота 4-го сентября, Жюль Симон, Жюль Фавр, Пикар, даже Тьер были в сношениях с большинством из вожаков коммуны и заботились только о том, чтобы избежать компрометирующих разоблачений. Однажды данные инструкции были изменены, причем повелевалось сократить некоторые обвинения. Тем, которых нельзя было оправдать, помогали бежать¹³⁶ (16), и не проходило дня, чтобы не было перехвачено несколько писем, тайно отправляемых заключенным, вроде писем Жюля Фавра к Рошфору.

Пленники отдавали в залог все, что при них находилось, что совершенно понятно и предусмотрительные адвокаты, подражая добрейшему Жоли, на могиле которого Гамбетта сказал такую прекрасную речь, запасались малейшими клочками бумаги от заключенных с тем, чтобы потом воспользовать-

¹³⁵ ремье был так уверен в своем помиловании, что когда его взяли из тюрьмы св. Петра, чтобы взять его на Фаро, он думал, не смотря на присутствие в карете раввина, что его везут на вокзал, чтобы отправить в Э, для утверждения помилования. Когда карета остановилась, он очутился в середине солдатского карре на Фаро: в первую минуту он выказал вполне естественное волнение, но справедливость требует признать, что он умер очень мужественно.

¹³⁶ Феликс Пиа, убежище которого было всякому известно, спокойно оставался в улице Пигаль и покинул Париж лишь с совершенно правильным паспортом.

Один важный человек министерства внутренних дел до сих пор владеет приказом, об облегчении бегства шести заключенных, подписанным Тьером и Кальмоном.

См. «Еврейская Франция перед общественным мнением», удивительное письмо Глэ-Бизуана к дочери Симона Майера.

Расстреляв тысячами бедных французских рабочих, виновных лишь в том, что они хотели сохранить 30 су, необходимых для пропитания семьи, стали готовить заграничную миссию для немецкого еврея, который присутствовал при разрушении колонны, и Бартеlemi С.-Илер назначил свидание в своем кабинете, в версальской префектуре, человеку, убиавшему генерала Леконта.

ся этим против них же.¹³⁷

Несколько страниц, исписанных чернилом, были тогда лучшим талисманом против насильственной смерти. Ранк, который был не дурак, завладел шкатулкой Тьера, и Паллен начал свое политическое поприще с того, что вел переговоры о её выдаче. Предание гласит, что шкатулка была возвращена, но совсем пустая; удивительно счастливая судьба этого Паллена, который, несмотря на полнейшее ничтожество: нашел средство сделаться управляющим трех министерств сразу, указывает однако, что одна или две бумаги таки остались в шкатулке. По словам той же легенды, остальные помогли Ранку избавиться от преследования после падения коммуны; во всяком случае уже тот факт плохо рекомендует самостоятельность военного правосудия, что человек, заслуживающий быть осужденным на смерть 13 октября 1873 г., до сих пор преспокойно разгуливает и даже заседает в палате, и никто не осмеливается его преследовать. Одно из двух: или он виновен или нет; в первом случае было бы логичнее преследовать его немедленно, а во втором — справедливее не осуждать его.

Историк будущего не забудет, конечно, дополнить эту картину чертами, которые осветят нравы всех этих людей, кричавших так много о развращенности тиранов. Мы уже заметили, говоря о правительстве национальной защиты, что в отношении гарантий и прав Франция отстала от кафрских племен, потому что её детьми, её деньгами и судьбами распоряжались, не удостоивая даже испросить её согласия. В нравственном отношении образцом для высшей французской демократии, частная жизнь которой обнаружилась только благодаря исключительным обстоятельствам, является семья кроликов.

Этот выводок впрочем носит особый характер; это семейство кроликов в камере прокурора, в кабинете законодателя; кроличью нору изображают зеленые папки, служащие свидетельницами любовных приключений. Жюль Фавр не довольствуется тем, что у него есть незаконные дети, а еще ухитряется втиснуть их в нормальные рамки, ради них превратно толкует закон, совершает подлоги, велит расстрелять Мильера, донесшего об этих низостях, в течение трех месяцев держит в Версальском доме заключения несчастного Лалюе, который знал слишком много тайн, чтобы ему было позволено остаться в живых, и который действительно умер от дурного обращения в другой тюрьме.¹³⁸

Таким образом вся эта компания, друзья и враги, связана всевозможными историями двойных

¹³⁷ С точки зрения упадка характеров следует сравнить эту эпоху бумажек (частной переписки) с другой эпохой междоусобной войны. Кто не знает истории Агриппы д'Обинье, который был влюблен в Диану де Тальси и не мог на ней жениться по бедности. Ему предложили извлечь пользу из документов о заговоре Амбуаза, находившихся в его руках и сильно компрометировавших канцлера. Он отправляется за документами, бросает их в огонь и говорит: «я их сжег, чтобы они меня не сожгли, ибо я подумал об искушении».

¹³⁸ Алюе, спокойно живший в Рюеле и не подававший никакого повода к обвинению, был в течении трех месяцев заключен административно. Вот как держал себя у власти Ж. Фавр, у которого во времена империи были всегда слова добродетели на устах.

сожительств, взаимных супружеских измен, подложных сыновей, законных предосторожностей, принимаемых для того, чтобы передать состояние, имя, иногда титул.

Чтобы довершить изображение душевного состояния республиканцев 1871 г. нужно всем этим постыдным сделкам, торгашеству, безнаказанности сильных людей, соприкасающихся с буржуазией, противопоставить самое ужасное презрение к человеческой жизни, которое когда-либо встречалось.

В истории я прежде всего ищу не скандальных, а знаменательных подробностей, сведений, основанных не на чувстве, а на рассуждении. Я считаю, что для изучения эпохи незначительные факты так же интересны, как и важные события. Действительно, в великих делах, битвах, необыкновенных происшествиях видна рука Божия, а в мелких фактах обнаруживается человек. Так, например, я смотрю, как на прекрасный документ, на разговор барона Оливье де Ватвиля, бывшего тогда генеральным инспектором тюрем, с Кальмоном, младшим государственным секретарем при министерстве внутренних дел, разговор, который он мне позволил воспроизвести. Г. де Ватвиль хотел утвердить арест некоего г. Б. де М., которому впоследствии правительство пожаловало орден.

— Это один из наших агентов, выпустите его.

— Но, господин статс-секретарь, ведь он велел расстрелять 14 солдат национальной гвардии, не подчинившихся коммуне.

— Это для того, чтобы лучше скрыть свою игру...

— Это очень утешительно для семейств пострадавших жертв.

Кто произнес это ужасное слово? Может быть какой-нибудь Сулла, у которого государственная польза оправдывает все? Или воин, привыкший жертвовать жизнью и для которого жизнь других имеет так же мало цены, как и его собственная? Нет, это бюрократ, член левого центра, либерал, представитель современных идей, член академии нравственных и политических наук. Какой политике и в особенности какой нравственности обучают в этих местах!

Вероятно никто никогда не узнает сколько человеческих жертв пало в эти ужасные дни, какую кровавую жатву собрала смерть. Писатели, сторонники коммуны, допускающие цифру в 30 тысяч, скорее умаляют, чем преувеличивают действительность. Люди по своим обязанностям близко видевшие события, интимно признают 35 тысяч. Г. де Ватвиль, директор при министерстве народного просвещения, брат того, о котором я только что говорил один из первых проникший в Париж, определяет в 40 тысяч число жертв со стороны войска и инсургентов.

До смешного малую цифру, в 6 1/2 тысяч, приводимую Максимом Дю Кан, можно объяснить только исключительными условиями, при которых работает этот писатель. Чтобы воздвигнуть памятник, который, несмотря на свои несовершенства, будет представлять значительный интерес для будущего, Максиму Дю Кан постоянно приходилось об-

ращаться к официальным источникам, и он всюду встретил самое любезное содействие, но лишь под условием, что он будет умалчивать об известных вещах и будет придерживаться известного договора.

Еврейское масонство, которое хотело обезлюдить Париж, чтобы дать место иностранцам, и деятели 4-го сентября, желавшие наказать своих возмущившихся избирателей и извлечь их «из их логовищ», возымели гениальную мысль, которая доказывает, что прогресс не пустое слово.

Иностранцы, руководившие коммуной, заставили батальоны переместиться с места на место, сбили их с толку. Союзные батальоны бульвара Мальзерб дрались на площади Бастилии; батальоны улицы Муффетар очутились на бульваре Мальзерб. Эта мера способствовала пожарам, потому что люди, известные в своей улице, пожалуй не решились бы поджечь дома своих соседей; она сделала репрессалии более жестокими. Потерпев поражение, солдаты коммуны не могли избежать пуль; в своем квартале они знали бы все выходы и нашли бы средство спрятаться. Напротив все двери закрылись перед ними, и они сотнями падали на панели и мостовой.

Идея Версальских республиканцев была тоже недурна. Генералы потребовали, чтобы впереди каждой колонны шли охранители общественного спокойствия. Благодаря их знакомству с Парижем, город был бы снова взят в течение двух суток, и не пришлось бы, как и случилось, стоять целый день перед стеною, которую можно было обойти в несколько минут. Пикар и Жюль Фавр воспротивились этой мере, и им удалось таким образом продлить борьбу, усилить отчаяние и сделать резню более варварскою.

К федератам, расстрелянным в маленькой Рокет, в казарме Лобо, в парке Монса, у ворот Версаля, надо прибавить 1200 человек, которые по различным причинам — ослушания, попытки к бегству, были расстреляны не на площадке, а в лесах Сатори, где казнили еще 10 июля. К этому числу надо прибавить тех, которых похитила болезнь. Тюрьмы, особенно Шантье, были адом. Несчастные, охраняемые жандармами с заряженными ружьями, не смели вставать для удовлетворения своих потребностей и сидели среди своих нечистот. При малейшем движении в них стреляли.

Консервативные депутаты позволили все сделать, они не понимали слов писания: *justitiae Dei sunt rectae*, и не выказывали ни милосердия, ни необходимой строгости. Они дружески разговаривали с людьми, которые захватили власть и насильно проникли в *aeragium*, и были безжалостны к несчастным, которых нужда заставила принять местишко во время коммуны и вылавливать жалкие гроши из сундуков, где деятели 4-го сентября, сперва все бедные, а потом разбогатевшие, и без того немного оставили.

К несчастным этого порядка они были без милосердия, не находили достаточных истязаний, чтобы их покарать, посылали их за моря в каких-то клетках и вероятно жалели, что не могут всех отправить на площадку в Сатори.

Происходило ли это оттого, что сердце у чле-

нов правой было жестоко, или ум ограничен? Нет, у них мозг был устроен особенным образом, взгляд у них был такой, они были пропитаны самыми буржуазными предрассудками. Человек, занимавший положение в свете, вроде Жюля Фавра, мог все себе позволить, велел убивать тысячи человеческих существ, и никто ему слова не говорил; мысль расстрелять старшину адвокатского сословия, академика, показалась бы им таким же святотатством, как прежним королям мысль предать палачу кардинала.

Впрочем вожаки собрания жаждали славы, но никогда не испытывали голода, по этому честолюбие казалось им извинительным в самых ужасных своих проявлениях, между тем как несчастный, взявший место из-за куска хлеба, был в их глазах достоин всякой кары, потому что они его не понимали.

Понятия о действительности — вот чего особенно недоставало у этих людей, которые отличались неоспоримой честностью, но были совершенно лишены практической опытности и, не получая просветления свыше и указаний снизу, роковым образом должны были быть побеждены теми людьми, которые прошли суровую жизненную школу и вышли из нее помятыми и порой оскверненными.

Возьмите самого знатного из побежденных, герцога де Брольи. Что он мог знать о современном Париже? Вероятно его нога никогда не была ни в мастерской, ни в кафе, ни в публичном доме; он не разговаривал ни с мастеровым, болтающим вздор, освобождаясь от работы, ни с агитаторами перекрестков, которые пересоздают общество за партией домино, ни с проститутками, которые живут и умирают среди разврата больших городов. Он выходил из своего дома, полного достойных подражания примеров, славных традиций, возвышенных чувств, для того, чтобы в карете отправиться в другой дом, в салоне которого он встречал ту же атмосферу; он никогда не выходил из среды, где говорят и действуют благородно, где самые слабости маскируются безукоризненной внешностью, где страсти редко бывают низки. Обращаясь к самому себе, он не видел ничего, что бы унижало человеческое достоинство; он был молод, работал так, как будто ему надо было пробить себе дорогу, в своем великодушном оптимизме упорно оставался верен некоторым либеральным идеям, был горд, конечно, но это была гордость литератора, похвальное честолюбие человека, желающего оказать услуги своей стране.

Очевидно, этот бывший председатель совета принимал деятельное участие в движении века, в котором еврей всем руководил и руководит, — не видя еврея, не догадываясь о его роли, не подозревая, сколько ненависти против старинного французского общества, против аристократии, против Христа может накопиться в сердце немецкого еврея, родители которого были повешены между двумя собаками. Если еврей и появлялся пред ним, то только под видом отшлифованного барона, весьма польщенного подобным обществом и державшегося в нем почти прилично; он и не подозревал, что тот, кто с притворною вежливостью только что назвал его «мой милый герцог», содержит на жаловании оскорбителей, выкрикивающих по улицам: «требуй-

те банкротство Всеобщего союза, самоубийство Бонту, арест герцога де Брольи».

Если бы вы спросили у бывшего министра иностранных дел его мнение о еврейском вопросе, то наверно встретили бы у него широкие и терпимые теории, которые лорд Маколей, бывший, подобно герцогу де Брольи, известным оратором и тонким писателем, развивал в своем «Опыте о политической неспособности евреев».

Обладея меньшим красноречием и заслугами, большинство членов правой жило, как и герцог де Брольи, в сфере нереальной. Держу пари, что виконт Отенен д'Оссонвиль, например, будучи депутатом, не знал и четверти того, что он узнал, посещая меблированные комнаты, притоны и общественные балы для своей прекрасной книги «Детство в Париже».

Первый, кто серьезно занялся рабочим вопросом с точки зрения консерватора и христианина, был военный. Почему? Потому что этот военный видел коммуны вблизи, потому что военное ремесло, заставляющее жить одновременно среди различных классов общества, тотчас ставит человека, подобного графу де Мен, лицом к лицу с действительностью, рассеивает предрассудки воспитания и условности касты, служит прекрасною школою наблюдения для людей, способных понимать и мыслить.

Как бы то ни было, монархисты Версальского собрания воспользовались своим положением только для того, чтобы взять на себя весь ужас безжалостного притеснения, которого в глубине души так сильно желали будущие приверженцы Гамбетты.

Они со всего размаха били слабых и смиренных. Эти наивные люди, у которых не хватило мужества притянуть к суду деятелей 4-го сентября, были особенно неумолимы к захвату должностей.

Члены судебной комиссии, Тальян, Корн и другие, сослали в новую Каледонию старика, обвиняемого в захвате должности, который, кажется, занимал во время коммуны должность младшего надсмотрщика за лампами в каком-то министерстве.

Однажды, когда они спорили об этом случае, Гамбетта, проходя мимо, услышал отрывки их разговора и, по своей привычке, крепко ударив по животу одного из членов комиссии, воскликнул с громким смехом:

— Bravo, господа! Если он захватил должность, пусть будет наказан. Будем безжалостны к тем, которые захватывают общественные должности!

Затем он удалился, бросив на них презрительный взгляд.

И так 1872-73 года увидели полное торжество израиля. С одного конца Европы до другого раздавалось радостное осанна, сопровождаемое звоном миллионов. Евреи проделали, но в огромных размерах, то, что Ротшильд сделал в малом виде во время ликвидации 1815 г.; они нажили деньги, давая взаимы французам, и взяли у пруссаков то, что им уплатили французы. Из пяти миллиардов, по крайней мере, четыре остались в их руках.

Бисмарк ни в чем не мог отказать тем, кото-

рые снабдили его деньгами для войны; Тьер стоял на коленях перед людьми, придавшими хоть внешний вид финансового благосостояния стране, подавленной позором поражения.

Царем минуты был Блейхредер, для которого Франция должна была впоследствии предпринять Тунискую экспедицию.

Во второй части этого труда, «Еврейской Европе», мы займемся Германией, которая теперь нас интересует постольку, поскольку в ней отразились спекуляции, главной ареной которых была Франция.

Замечательный очерк, напечатанный в «Обзрении католического мира» и подписанный Германом Кунцом,¹³⁹ даст нам пока необходимый материал для портрета и роли данного лица.

«Г. Блейхредер, говорит Кунц, принимал наибольшее участие во всех финансовых и ажиотажных спекуляциях новой Франции с 1866 по 1870 г. Когда Париж должен был платить свой выкуп, Бисмарк обратился к просвещенному содействию Блейхредера. Он призвал его в Версаль для проверки сумм, уплаченных его компаньоном и близким другом Ротшильдом, жена которого разыграла такую пылкую патриотку, что бедный германский посланник, граф Гарри Арним, должен был жаловаться весьма не дипломатично. За эту значительную услугу Блейхредер получил железный крест и был награжден дворянским достоинством. Его состояние сделалось огромно и почти не уступает состоянию Ротшильда. Получив дворянство, он был сделан первым австрийским генеральным консулом. По этому случаю он дал дипломатическому корпусу обед на пятьдесят кувертов. Стол, стоявший среди столовой, убранной первоклассными артистами, был покрыт золотыми и серебрянными приборами, канделябрами и проч. богатой работы. Позади каждого гостя стоял слуга в ливрее дома Блейхредеров, сплошь покрытой золотым шитьем. Можно себе представить, какое действие должно было произвести описание этого роскошного пира и драгоценностей Блейхредера, оцененных в несколько миллионов, в 1876 году, когда население Берлина было в безвыходном положении вследствие краха 1873 года».¹⁴⁰

Германия скоро поняла смысл сцены их второй части «Фауста», о которой мы говорили выше. Обманутая настоящею фантазмагориею, она думала, что под видом ассигнаций, созданных евреями, она обладает чистым золотом и скоро убедилась, что это золото ускользает у нее между пальцами. Через три года у нее в руках остались только клочки бумаги, стоившие не больше прошлогодних ли-

стьев, а груды золота, которыми она ворочала, скрылись в еврейские карманы.

«Потери, понесенные немецким народом, говорит Кунц, в этот период безумного ажиотажа, исчисляются статистиками от трех до пяти миллиардов. Около четырех сот тысяч семейств землевладельцев, промышленников, мелких капиталистов разорились в это время, между тем как газеты заставляли их упиваться славой и возбуждали их против церкви, иезуитов и духовных произведений».

Взамен за украденные миллионы немецкие евреи действительно организовали культуркампф, который принес им анти-семитическое движение, равно, как их участие в изгнании бедных монахов у нас воздается им изгнанием из их дворцов.

Впрочем, ажиотаж и преследование и у нас должны были идти рука об руку. Предварительно евреи подготовили нашествие, являющееся непременно дополнением и, в сущности, единственным осязаемым результатом всех революций во Франции; они привлекли к Парижу всех бродяг, авантюристов, неудачников-негоциантов еврейского мира и разместили их на пустых местах, оставленных коммуною в населенных кварталах.

В июне, июле, августе, сентябре 1871 года некоторые улицы казались обезлюдевшими. Чистокровный парижанин, проходя по улицам с целью наблюдения, был очень удивлен, встречая повсюду странные, никогда невиданные типы, а на всех лавках — имена Майеров, Симонов.

Благодаря легкости натурализации, поджогу, истребившему акты гражданской переписи и стоворчivosti чиновников, которых посадили во все нужные места, эти самозванцы быстро добились того, что их признали. Им мешало только одно затруднение — проклятый немецкий выговор; тогда они заиграли в эльзасскую дудочку, и добряк д'Оссонвиль, с простодушием, характеризующим нашу аристократию, оказал им огромную помощь эльзас-лотаринским обществом, которое, несмотря на свои похвальные намерения, причинило нам неисчислимое зло.

Чего бы только не сделали для эльзасских евреев, выразившихся столь патриотично вместе со своим соотечественником раввином Исааком Блюхом, которому когда-то так сильно досталось от «Univers», — что война с Пруссией была затеяна по наущению папы, чтобы убить всех честных людей, и что пруссаки, руководимые рукою Божьею к счастью пришли, чтобы покарать виновных и спасти невинных.

Как трогателен и велик дорогой и великодушный Эльзас, заплативший за всю Францию! Чье сердце не дрогнет при мысли об этой благородной провинции, отделенной от нас войной. Слава ей, в молчании и достоинстве склоняющейся над своими хмельниками, чтобы скрыть слезы, а затем подымающей голову, чтобы искать глазами родину.

Слава ей! Но позор тому театральному Эльзасу, который за деньги служит скоморохом, который вы можете видеть всюду в витринах и кафе-концертах, принимающим позы и распеваящим романсы с вечным бантом в волосах; позор тому плаксивому, интригующему и попрошайничавшему Эльзасу, ко-

¹³⁹ Выпуски от 15 и 31 окт. 1881 г.

¹⁴⁰ Не забудем однако, что если Германия соглашается пользоваться евреем, как орудием и награждать его при случае, она его держит совершенно в стороне от всего, касающегося чести и достоинства страны. Когда сын этого Блейхредера, неизвестно каким образом, пролез в гвардейские гусары и предстал перед своими товарищами, отовсюду послышались крики, свистки, ему стали плевать в лицо, и он должен был поспешно скрыться. Никогда немецкие офицеры, сохранившие еще некоторые традиции тевтонских рыцарей, не допустят, чтобы знамя было доверено человеку, готовому продать его за деньги, потому что он ставит деньги выше всего.

торый бесчестит самое великое несчастье, когда-либо виденное на земле!

Первый уединяется и молится, второй выставляет напоказ свой траур, живет на счет присоединения к Германии, как савояр жил своим сурком, устраивает спектакли с благотворительной целью и шумные лотереи-аллегри, на которые немцы, участвовавшие в комитете, жертвуют в виде главного выигрыша зебра, чтобы напомнить, как они утверждают со своим тяжеловесным остроумием, с какою быстротою французы убежали в 1870 г.

Первый дал Франции Клебера, Келлермана и Раппа; второй олицетворяется в шутовском типе, который там называется шмулером, он дал Кехлинов, Шварцов, Шейрер, Кестнеров, Рислеров, он произвел женщин, на столько лишенных чувства патриотизма, что они могли стать женами Флоке и Ферри, хотевших уморить голодом осажденный Париж.¹⁴¹ (21)

Пришельцы не удовольствовались тем, что называли себя Эльзасцами, а стали еще Эльзасо-лотарингцами; у них явилось два названия, как бывает две руки, чтобы больше брать.

Откуда бы они не пришли: из Кельна, Гамбурга, Франкфурта, Вильны — эти проходимцы были ярыми патриотами. Если бы им не изменили офицеры-герои С.-Прива, Гравелотта, Базеля, они бы вам показали дела! Франция времен Людовика святого, Генриха IV, Наполеона, Конде, Боссюэта, Фенелона погрязала в невежестве: они этого более не допустят; они не желают, чтобы память их предков была их тираном. Если вы их спросите, что делал во Франции их прадед или дед, в те проклятые времена, был ли он купцом, ремесленником, солдатом, в каком городе он жил, они тотчас умолкают, чувствуют себя угаданными и шепчут: «он был клерикалом».

¹⁴¹ Извинением для этих семей служит то, что они более немецкие, чем французские. Г-жа Ж. Ферри есть правнучка героини романа Гете, «Вертер».

Знаменитая Шарлотта, Шарлотта Буфер, родившаяся в Вецларе, вышла замуж за Иоганна-Христиана Кестнера из Ганновера; и так она бабушка г-жи Кестнер, дочь которой сделалась женою президента совета, друга Блейхредера. В этой семье более или менее проявляется актерский дух. Знаменитая девица Дюверже, находящаяся в свойстве с Ж. Ферри, никогда не упускает случая напомнить об этом; она пожелала объяснить, в каком родстве она состоит с Шарлоттой, в письме от 1884 г., обращенном к газетам.

Монморанси.М. Г.

Моя мать — тетка Карла Кестнера, который мне, следовательно, приходится двоюродным братом; она мне часто рассказывала историю Шарлотты и прибавляла следующий анекдот. Шарлотта, моя двоюродная бабушка, путешествовала со старой родственницей и остановилась ночевать на постоялом дворе, потому что лошади запоздали.

Родственница кое-что слышала о том, что Шарлотта будто бы героиня романа Гете. В их комнате было две кровати, и как нарочно на занавесях их было изображено... самоубийство Вертера!

— Если это она, подумала старушка, она не ляжет.

Но Шарлотта ничего не выказала и легла. Спала-ли она? это осталось неизвестным. Я хотела вам сообщить факт, который собственно говоря, очень любопытен, и думаю, что вы на меня не будете пенять и т. д.

Августина Дюверже.

Впрочем, их мнения скоро выдавали всю лживость чувств, которые они выставляли на показ с таким треском. Если бы они действительно любили Францию, то с благоговением произносили бы имя Людовика XIV, присоединившего Эльзас к королевству; их великим человеком, напротив, был Гамбетта, который, затягивая войну, был единственною причиною потери двух провинций.

Удивительная солидарность евреев, их склонность к интригам помогли новым пришельцам живо избавиться от всего, что в мелкой торговле и средней промышленности оставалось французского, что сохранило здравый смысл и верное суждение о своих предках. Они проникли во все комитеты и скоро удалили все, что их стесняло; они наwerbовали себе рабочих и приучили их рабски повиноваться приказу. Таким образом им удалось заставить избрать в городе, считавшемся патриотическим, баденцев, вроде Спюллера и франкфуртцев, вроде Левена.

С 1873 г. евреи открыто взяли на себя руководство республиканским движением в Париже и принудили следовать за собою большинство негодяев, которые ясно видели, что все идет к гибели, но не смели противиться из боязни, чтобы израильские банки не отказали им в кредите. В адресе, поднесенном представителями парижской торговли Фере д'Ессону, с целью приветствовать его за то, что он высказался в пользу республики, из 160 подписей 45 принадлежат евреям.

Мы здесь встречаем всех тех, которые в начале способствовали тому, чтобы придать республике успокоительный вид с точки зрения интересов: Бокеров, Бруншвейгов, Кагенов, Франкфурта и Эли, Годшо, Гирша, Геймана, Ланца, Лазара, Лиона, Оппенгейма, Реймса, братьев Симон и Гесдона, Шваба, Швоба, Трева, Вимпфена. Заметьте, сколько здесь имен, указывающих на немецкое происхождение. Одно это должно бы было возбудить подозрение в парижском населении и указать ему, где его настоящие интересы.

По своему обыкновению евреи стали искать ложного мессию и вскоре обрели его в лице Гамбетты. В главе, посвященной этой личности, мы изображим толпу отпущенников, образовавшуюся вокруг него и тот особый мир, которого он был оратором или вернее, послушным орудием.

Мак Магон не очень их стеснял. Верные своему непонятному пристрастию к полуиностранцам, консерваторы, вместо того, чтобы обратиться к какому-нибудь храброму генералу чисто французского происхождения, например, Канроберу или Дюкро, который бы пожертвовал своею жизнью и выиграл сражение, возложили все свое упование на солдата пройдоху, который тоже «никогда не говорил и всегда лгал».

Хотя тип утратил в нем первоначальную чистоту, все таки Мак Магон, внук Ирландца, может считаться представителем кельтского племени у власти.

«Грек, писал Поль де С.-Виктор, был гениальным сыном арийской семьи». Можно сказать, что Кельт был выродком из этой семьи.

У Кельтов были герои, пророки, поэты, но ни-

когда не было политических деятелей. Очень редко, раз в столетие, выходит из этого племени необыкновенное, чуть не легендарное лицо. Кельтом был Дюгеклен, примиривший Францию с победой; из кельтского племени вышла Жанна д'Арк, спасшая отечество; она, кажется, сама подозревала, что была одного происхождения с победителем при Кошереле. Когда она садится на лошадь, чтобы идти на освобождение Орлеана, то посылает свое девичье кольцо никому иному, как Жанне де Лаваль, вдове Дюгеклена. Кельтом же был и Марсо, родившийся в Шартре, в самом сердце друидических владений, равно как и Ла Рошжаклен, с которым он встретился в самой свалке близ Мана. В ту минуту, как они бросились друг на друга с поднятыми саблями, солдаты разняли их, как бы угадывая, что это два брата хотят сразиться.

Быстрота самопожертвования, непосредственность, прекрасный восторженный порыв, порождающий вдруг из среды этого племени вдохновенные существа почти нечеловеческой силы и величия — все эти драгоценные дары уничтожаются полным отсутствием чувства меры и склонности к порядку.

Предоставленные самим себе, кельты, в смысле социальной организации, никогда не могли пойти дальше клана.

Ирландия умерла вследствие раздоров между семьями. Во время Вандейской войны Шаретт, Стофле и принц де Тальмон все время проводили в том, что спорили и никогда не были в состоянии скомбинировать общее движение. Кельты способны совершить какой-нибудь исключительный подвиг, но совершенно не в состоянии с последовательностью преследовать какую-нибудь цель.

Мак Магон на поле битвы обладал всеми достоинствами своего племени, а у власти — всеми его недостатками. Он был до невероятия забавен в роли президента, дал себя выбить из неприступного положения, никогда не мог ничего понять и наконец постыдно сдался перед несколькими адвокатами, которые тряслись всякий раз, как он искал свой носовой платок, думая, что он схватится за шпагу. У него не было ни гибкости и политической ловкости грека подобно Тьеру, ни сознания своей власти, уважения к слову и упорства в поддержании своего права, какое было бы у германца. Тьер называл его «бесчестным солдатом», и он оправдал это суждение, покинув всех тех, которым дал формальное обещание «идти до конца».

До него Трошо, тоже кельт, поступил точно таким же образом, даже не пытаясь защитить государыню, к которой он обращался с напыщенными изъявлениями, в течение месяцев нагромождая ложь на ложь, как ребенок, который рад выгадать хоть час, и уклоняясь от ответственности, которой он добивался из тщеславия, при помощи уловок, достойных дикаря.¹⁴²

¹⁴² Заметьте, что Трошо ухитрился даже не солгать императрице; когда она его спросила, можно ли на него рассчитывать, он не сказал ни да, ни нет, а ответил:

«Государыня, я бретонец, католик и солдат». Все это совершенно верно. Он сказал: «губернатор Парижа не сдастся» и вышел в отставку в минуту капитуляции. Это напоминает того бретонского вельможу, который дал слово проездом через Париж не видеть короля, и, чтобы не изменить своему обещанию,

У Трошо, как и у Мак Магона, двух людей, которые, к несчастью, играли такую выдающуюся роль в наших делах, вы встречаете то же наивное двоедушие. Когда граф Шамбор приезжает в Версаль и останавливается у графа де Вансе, маршал отказывается его принять; посланному же наследного принца отвечает, что он легитимист; он всем изменяет, всему препятствует, благодаря какому-то личному, весьма смутному честолюбию, в котором он сам себе боится признаться. Честолюбие всегда таково у кельта; оно выделяется в большом блеске и отчетливости, как предметы под южным солнцем, а бывает неопределенно, как оссиановские пейзажи при лунном свете.

Евреи орудовали при маршале через посредство барона Сина и Кастри. Барон Сина, богатейший венский еврей, принявший православие, выдал одну из своих дочерей за Кастри, а другую за князя Ипсиланти, имевшего довольно значительные права на греческий престол. Приняв этого, впрочем совершенно разорившегося зятя, тесть представлял себе, как он будет сидеть на ступенях эллинского трона и устраивать для страны заем, размеры куртажа которого он сам определит. Оттого ли, что перспектива быть косвенно управляемым евреем, хотя бы и крещенным, не улыбалась грекам, оттого ли, что они были довольны королем Георгом, но они не выказали особенного влечения признать права князя Ипсиланти, и барон умер, не осуществив своей мечты. Но семья унаследовала его идею. Гамбетте удалось уверить баронов Сина, что он вполне готов подписать кандидатуру Ипсиланти на греческий престол, а они, с своей стороны, сделали все возможное, чтобы не дать Мак Магону, который ежегодно приезжал к ним охотиться, серьезно воспротивиться учреждению во Франции еврейской республики.

Бесчисленные переговоры по поводу Дульсьиньо, странные сношения с Кохиносами и Трикупирами не имели другого основания.

Герцог Деказ, принимавший участие во многих финансовых делах, тоже находился под властью евреев. Мать герцогини Деказ, г-жа Ловенталь, бывшая замужем за сыном еврейского банкира, была в Вене предана телом и душой барону Гиршу.¹⁴³ Было даже объявлено о помолвке дочери герцога Деказа с молодым Люсьеном Гиршем.

Великим несчастьем для Франции было то, что в ней не нашлось истинных представителей родной земли, которые бы стали во главе политического движения, что она попала в руки той особенной современной аристократии, которая была жадна до денег, принимала большое участие в биржевых спекуляциях и вследствие этого ожидала.

Единственный, стоявший выше этих интересов и обладавший неоспоримо нравственною си-

разговаривал с ним в темноте.

¹⁴³ См. «Венское Общество» графа P. Vasili. В наше время нет ни одного политического деятеля, даже одушевленного самыми искренними христианскими чувствами, который бы устоял перед ужасною силою денег. Сперва он долго противится, но потом уступает перед известными суммами, которые так значительны, что подавляют совесть. Самые стойкие колеблются некоторое время, потом смотрят на окружающих и, уразумев значение известных немых взглядов, сдаются.

лою, был герцог де Броли, которого постоянно обманывал Леон Сэ.

Впрочем Франции на минуту блеснула надежда; она нашла неожиданного помощника в лице пруссака, может быть также удивительно приспособленного для политики, как князь Бисмарк, но менее мужественного, ослабленного и истощенного до мозга костей вечной страстью к женщинам, weiblichees Wesen, о котором говорит Гете.

Позднее история драматизирует этот краткий поединок между железным канцлером и дипломатом, как она драматизировала борьбу Сен-Марса и Ришелье; она придает настоящие размеры этому эпизоду, который мог иметь значительные последствия для судьбы мира, а между тем он прошел незамеченным, благодаря еврейской прессе, которая и на этот раз была на стороне Бисмарка, да и вообще говорит о современных событиях ровно столько, сколько нужно, чтобы обмануть общественное мнение. Граф Арним не был простым фаворитом, как Сен-Марс, пытавшийся из угождения своей партии, свергнуть министра, который был сильнее его; сам князь Бисмарк считал его единственным человеком, который бы мог заменить его, Бисмарка. В начале 1872 г. канцлер даже предложил императору назначить французского посланника его *ad latus*.

Граф Арним хотел большего. Поддерживаемый большею частью немецкой аристократии и императрицею Августою, он мечтал стать на место Бисмарка и продолжать его труд, но совершенно изменив образ действий.

Князь Бисмарк, как он сам объявил с обычной грубой откровенностью, поощрял во Франции еврейскую республику для того, чтобы Франция была обессилена, презираема и обесчещена перед лицом всей Европы, при этом он не заботился о том, какую опасность для мира представляет очаг заразы, которому он давал разрастаться.

Граф Арним, напротив, хотел вылечить Францию для того, чтобы Европа не заболела от этого соседства. Им руководило правило Филиппа ИИ: «лучше потушить пожар в доме соседа, чем дожидаться пока свой загорится». Когда Франция стала бы монархией, с графом ли Шамбором или сыном Наполеона III во главе, он предложил бы Бельгию и Мец взамен Эльзаса, а Германия заняла бы Голландию и стала бы морской державой. Англия, которая, несмотря на завтраки принца Уэльского с Гамбеттой, постоянно изменяла нам и у нас под носом заняла Кипр и Египет, была бы надолго поставлена в невозможность действовать. Европа вступила бы в новую эру мира и порядка, которая могла бы длиться целый век.

Князь Бисмарк, действовавший сообща с евреями,¹⁴⁴ сломил как соломинку графа Арнима и тот, отставленный от должности, лишенный всех своих титулов, умер в Швейцарии с горя, что проиграл такую прекрасную партию. Все замешанные в этом движении, имевшем разветвления по всей Германии, должны были бежать, чтобы избег-

нуть обрушившихся на них строгих приговоров Бисмарка, потому что в этой стране политические поступки отождествляются с проступками против обычного права, и писатель порицающий канцлера, подвергается той же каре, что и воришка, укравший кошелек!

Впрочем граф Арним не встретил во Франции консерватора, который бы его понял. Мак Магон и герцог Деказ позволили баронессе Ротшильд оскорбить во время официального приема посланника великой державы, который преследовал цель, служившую интересам Франции.

Можно бы было не поверить подобному нахальству еврейки, дед которой еще не обрезывал золотые в Judengasse во Франкфурте, если бы это не подтверждалось дипломатическими документами.¹⁴⁵

Бедный посланник, который хорошо понимает, что нанесенное ему оскорбление внушено из Берлина, и что здесь повинуются приказу Блейхредера,¹⁴⁶ пишет герцогу Деказ.

«Мне кажется, что германский посланник, приглашенный явиться в самый официальный дом во Франции, должен бы был рассчитывать на то, чтобы лица, одновременно с ним пользующиеся гостеприимством главы государства, обязывались не выказывать злопамятной враждебности и рассчитанной небрежности, чтобы дать ему понять, что мир между Францией и Германией не восстановлен».

Мы с вами немедленно ответили бы:

«М.Г., я в отчаянии, что была приглашена такая невоспитанная особа; если она будет иметь несчастье еще хоть раз явиться в Елисейский дворец, я обещаю вам, что велю лакеям выгнать ее за дверь».

Несчастный Деказ вспомнил о своих акциях, которые Ротшильд завтра же понизит на бирже, и вымучил из себя следующую, впрочем, довольно удачно составленную записку:

«Париж, 12 дек. 1873 г.

«Граф, я получил ваше частное письмо от вчерашнего числа, как раз перед началом моей аудиенции. Я не допускаю и не понимаю, как могло произойти подобное неприличие. Собственно гово-

¹⁴⁵ Мы уже указывали на нахальство евреев и евреек, как на любопытную психологическую черту. С поступком г-жи Ротшильд, позволяющей себе оскорбить посла при французском правительстве, можно сравнить невероятную сцену, которую Сара Бернар устроила на границе (в октябре 1884 г.), отказавшись показать свой багаж и осыпав ругательствами таможенных чиновников; перечтите тоже эпизод с Гамбеттой, который, будучи в оппозиции, называл своих противников негодями и навозом, и велел схватить на месте и арестовать представителя народа, речь которого ему не понравилась. Знаменательная черта тут — это покорность, с которой все принимают, выносят; ни люди света, ни депутаты не протестуют и только соляные пристава сохранили некоторое чувство собственного достоинства.

¹⁴⁶ Обстоятельства, предшествовавшие процессу Арнима у Плона. По случаю бракосочетания Беатрисы Ротшильд с Морисом Эфруси, Блейхредер прислал молодым, в виде свадебного подарка, картину Ганса Макарта, «свадебную аллегория, которую много смотрели и комментировали», говорит «Gaulois». Ну что ж, тем лучше, наши деньги хоть на что-нибудь послужили!

¹⁴⁴ См. в документах, изданных гр. Арнимом, какую роль играл еврей Симон Дейч, друг всех французских республиканцев.

ря, это оскорбление нанесено маршалу более, чем кому другому. Вследствие этого я поговорю с ним об этом инциденте и получу его приказания.

«А пока прошу Ваше превосходительство принять мое сожаление по поводу этого недоразумения и искреннее выражение моего глубокого уважения».

А С.-Жерменское предместье и до сих пор убеждено, что баронесса Ротшильд, муж которой — банкир Бисмарк и компаньон Блейхредера, повиновалась чувству патриотизма, припадку французского шовинизма, оскорбляя германского посланника. Когда рассказывают эту историю, у всех выступают слезы на глазах: «добрая баронесса, шепчут женщины, как она нас любит!»

Наоборот, те самые люди, которые всю жизнь только и делают, что водятся с прусскими евреями, приглашающими их на свои праздники, шумно негодуют в своем патриотизме, когда видят на похоронах немецкое социалистское знамя рядом с французским.

Несмотря ни на что, Франция, настоящая честная Франция, патриотическая, трудолюбивая, так сильно желала монархии, так нуждалась в ней, что чуть не произошло восстановление королевской власти.

Собственно говоря, единственным препятствием был граф Шамбор. Да хранит меня Бог выказать неуважение к его благородной и чистой памяти! Я оплакивал смерть маленького императорского принца более, чем большинство из тех, кого империя осыпала благодарениями. Я помню еще те печальные часы, которые я провел в своем садике во время болезни графа Шамбора, перед моими лилиями, которые, с каждым днем все более склоняясь на своих стеблях, казались эмблемой этого существования, символом той десятивековой монархии, в которой Франция так совершенно воплотилась.

Впрочем, история имеет свои права и скажет то, что мы говорим: «граф Шамбор не пожелал царствовать». В прежние века, в утро коронации, архиепископ Реймский стучал в дверь комнаты, занимаемой королем в здании капитула. — Король спит, отвечал обер-церемониймейстер. — Разбудите его, говорил архиепископ. В 1873 г. Франция постучала в дверь комнаты короля, но король не проснулся...

Если некоторые писатели, как говорит Карлейль, рассматривают историю, как коллекцию скляночек, с заранее надписанными этикетками, в которые втискивают факты, за то другие, и мы из их числа, в истории прежде всего ищут изучения человека, видят живые существа.

Какое увлекательное занятие, не останавливаясь на условных лицах, волей не волей навязываемых общественному мнению каждою партией, становиться на место действующих лиц, стараться угадать, что они думали, что бы вы думали на их месте.

Шамбора можно обрисовать немногими словами, сказанными Гете о Гамлете:

«Это душа, носящая в себе великий замысел, но неспособная его выполнить».

Ни один король не обладал более возвышенною, великодушною и прямою натурою; но у него

не доставало характера. Вы насквозь видите борьбу, происходящую в его сердце. Как только представляется случай, граф Шамбор ухитряется отыскать предлог, старается оттянуть время; завертывается в свое знамя,¹⁴⁷ как мы закутываемся в одеяло, когда за нами приходят зимой на заре по неприятному делу. Как только он отступил, он сам себя уговаривает, образумливает.

К этому недостатку решимости надо прибавить вполне естественное вмешательство графини Шамбор. Оставьте в стороне фразы, будьте просто человечны и представьте себе, что должна была испытывать эта преданная жена, когда видела, что муж её был счастлив вблизи нее, занимался благотворительностью, охотился, хорошо ел, — и говорила себе: «завтра все это счастье заменится адскими машинами, пистолетными выстрелами, мятежами».

— «Я вернулась один раз, часто говорила герцогиня Ангулемская, но не согласилась бы вернуться вторично».

Графиня Шамбор воспитывалась с герцогиней Ангулемской, которая ей беспрестанно описывала сцены, происходившие в Тампле, низости республиканцев, почти никому неизвестные, потому что история едва осмелилась их коснуться, и долгие мучения маленького Дофина, который всякое утро кричал от боли под ударами Симона; герцогиня спрятавшись за дверь, слышала его вопли. «Графиня, говорил мне некто, долго живший в Фросдорфе, сохранила неизгладимое воспоминание об этих рассказах. Парижская чернь внушала ей настоящий ужас».

Недостатки графа Шамбора казались более серьезными еще благодаря современным привычкам. В былое время претендент, находившийся в его положении, нашел бы себе товарища, какой был, например, у Генриха IV, который бы за словом в карман не лазил и откровенно высказывал бы все своему королю. Наше время, из которого исчез всякий героизм, напротив пробавляется писанным, журналистическим лиризмом; можно прославиться, не давая себе труда завоевать эту славу. Потомство будет изумлено, узнав, что граф Шамбор и маршал Мак Магон, не сделавшие никогда ни одной деятельной попытки для спасения своей страны, были

¹⁴⁷ Теперь не подлежит сомнению для всякого добросовестного человека, что вопрос о знамени был лишь пустым предлогом. В бордоском собрании несколько орлеанистских депутатов обратились к г. де Ла Ферре, которому, как им было известно, были даны полномочия графом Шамбором, и спросили его, будет-ли вопрос о знамени служить препятствием. Ла Ферре ответил, что ему поручено заявить, что этот вопрос не возбуждает затруднения; что же до его личного мнения, то ему казалось невозможным не поддержать трехцветного знамени, которое осыпало несчастьями последней войны.

29 или 30 июня 1871 г. Боше встретил трех легитимистских депутатов: герцога Ларошфуко-Бизаччия, графа Армана де Малье и виконта Гонто-Бирон; он их спросил, что означает письмо, полученное графом Парижским: «мне хочется прижать вас к своему сердцу, но деликатность заставляет меня просить вас, чтобы вы подождали, пока я объяснюсь со странною насчет нескольких щекотливых вопросов». Эти господа ответили, что ничего не понимают и что нет никаких «щекотливых вопросов». Хотя уже было около полуночи, однако отправились к Ла Ферре, разбудили его и объяснили, в чем дело: он смутился, побледнел и сказал: «это наверно вопрос о знамени».

осыпаны большим количеством лестных эпитетов, чем все спасители народов вместе взятые.

Лживое, суетное поклонение преследовало графа Шамбора до самой могилы, и многие люди убеждены, что только интриги Орлеанов помешали восстановлению монархии.

Факты совершенно противоречат этому мнению, которое, впрочем, опровергается характером графа Парижского.

Будучи безукоризненным отцом семейства, хорошим христианином, неутомимым работником, граф Парижский не совсем соответствует идеалу правителя, который себе создает романтическая страна, как наша, в нем нет ничего, чтобы действовало на воображение. Как жаль, что к стольким солидным качествам не присоединялось хоть немного огня, вдохновения.

Тот, на кого рождение возложило такие великие обязанности, мечтал жить жизнью плантатора в свободной Америке. Странная вещь, в начале 1870 г. план отъезда графа Парижского был окончательно решен, и он рассчитывал в начале июля переселиться по ту сторону Атлантического океана.

Человек привязывается к тем странам, за которые сражался, а граф Парижский, хладнокровное мужество которого возбуждало удивление армии во время войны за освобождение, приобрел в свое пребывание там прискорбную склонность к учреждениям, которые совсем не годятся для Франции. Об нем говорили, что это принц, у которого недостаточно предрассудков; справедливее было бы сказать, что это принц, обладающий всеми предрассудками современности.

Мы уже говорили, что Орлеаны всегда придавали деньгам чрезмерное значение, обладание ими было для них как бы дополнением, продолжением бытия. Постоянное общение с янками, у которых бог-доллар является предметом настоящего поклонения, не изменило этих чувств. В глазах графа Парижского и его близких богатство есть заслуга, и под влиянием подобных идей истинно христианская семья дошла до того, что доставила стране зрелище, деморализующее французский дом, живущий в дружеских отношениях с домом Ротшильдов.

Таков, кажется, беспристрастный портрет Государя, безусловно честного человека, которого Франция, разочаровавшись в своих мечтах, будет может быть счастлива найти, чтобы восстановить хоть немного порядка в стране, разоренной шайкой разбойников. Поведение подобного человека относительно графа Шамбора могло быть только самым безукоризненным. Он был очень счастлив, как свидетельствуют все его окружавшие, что избавился от наследства 1830 года и вступил на путь не только монархической традиции, но и хорошего поведения и приличия, подобающего порядочной семье, со времени посещения 5 августа 1873 г. он считал себя не более, как Дофином.

30 октября 1873 г., после обнаружения знаменитого письма, разрушившего все планы реставрации, Тальян отправился к графу Парижскому и застал его окруженным тремя герцогами: Броли, Одифре-Паскье, и Деказом. — Он не желает, говорит герцог Одифре-Паскье, а власть должна принадле-

жать вам, Ваша Светлость.

— Это невозможно, прервал герцог Броли, честь запрещает Вам это. Нам остается только выждать.

Изо всех выдающихся лиц правительства один только герцог Одифре-Паскье, которого Тьер сравнивал с майским жуком в барабане, заранее старался подорвать авторитет короля. Он сказал на банкете, на котором присутствовало несколько священников из Нормандии: «мы его свяжем, как колбасу, и ему невозможно будет двинуться».

Это выражение было передано графу Шамбору и, вероятно, возбудило его недоверие к собранию: в сущности говоря, он только того и хотел, чтобы у него отбили охоту.

Что особенно поражает в графе Шамборе, что является по истине патетическим, это антагонизм между вечно колеблющимся нерешительным характером и совестью, беспрестанно побуждающею его к исполнению долга.

После письма от 27 октября, которое появилось только 30-го, потому что «Union» продержала его три дня, не желая печатать, и решила только по получении повелительной телеграммы, считали все поконченным. 17-го или 18-го ноября граф Шамбор прибыл в Версаль.

Как полон волнения день 19-го ноября 1873 г., который, может быть, решил судьбу нашей страны! Монархистские депутаты, находившиеся рядом с домом графа Вансе, где остановился король, знали, что граф Шамбор в Версали, но не подозревали, что он в двух шагах от них... Они умоляли де Монти, де Блака, де ла Бульери указать им место, где находился августейший путешественник, они хватили их за платье, чтобы заставить их говорить.

Каково же было положение дела? Сто депутатов были готовы выступить на Оружейную площадь, чтобы составить свиту короля; как только они вступили бы в собрание с криком: да здравствует король! полтораста других присоединились бы к ним с тем же криком. Королевская власть опять спокойно завладела бы дворцом Людовика XIV и единогласно была бы восстановлена представителями страны.

Король не встретил бы никакого затруднения. Ему стоило сказать слово, и Мак-Магон явился бы, чтобы выразить ему верноподданические чувства и принять его приказания. Дюкро был ему предан, Шарет стал бы на его сторону. Если герцог Броли, находившийся, как мы сказали, под влиянием Леона Сэ, который уже угождал Гамбетте — креатуре евреев, не способствовал реставрации, сколько бы должен был, то с другой стороны он не мешал роялистам в их приготовлениях; у него, конечно, не хватило бы ни силы воли, ни власти, чтобы отправить законного короля за границу.

Прибавим, что три тысячи папских зуавов, вполне организованных и могших отправиться в Версаль, не возбуждая подозрения, готовы были явиться, чтобы составить почетную стражу короля. В одном из рейнских арсеналов хранилось оружие этих полков.

Но даже это было бы излишне. Все препят-

ствия были бы низвергнуты порывом восторга, подобно широкому и непреодолимому потоку. Не забудьте, что французская душа в то время не походила на то, что она есть в настоящее время. Целая пропасть отделяет тогдашнюю Францию от теперешней, униженной оппортунизмом, умершей для всякой великой идеи, сгнившей до мозга костей, занятой грязными спекуляциями, порнографией и скандалами. Знаменательные события войны и коммуны пробудили патриотизм во всех сердцах, очистили чувства; тогда еще верили, что отечество воспрянет.

Парижский народ, питавший отвращение к республиканцам, которые перерезали своих старых друзей, очень охотно принимал реставрацию. Я сто раз слышал, как мастеровые, отправляясь на работу или возвращаясь с нее, философски говорили: «пусть приводят обратно своего Шамбора, лишь бы нас оставили в покое».

В эту решительную минуту у графа Шамбора не хватило мужества: вместо того, чтобы действовать, как подобало королю и потребовать к себе маршала Мак-Магона, он попросил у него свиданья.

Еще с этой стороны мог бы быть сделан решительный шаг, который бы все спас. Если бы маршал был из породы веселых, откровенных, сытых военных старого времени, он бы сразу понял, что граф Шамбор принадлежит к числу тех людей, которых надо бросить в воду, чтобы заставить их плыть. Он назначил бы ему свиданье, пригласил бы его позавтракать, заставил бы его выпить бокал шампанского за Францию, предупредил бы два-три кавалерийских полка, офицеры которых были ярые легитимисты, затем вдруг показал бы короля войскам. На этот раз опять раздались бы крики: да здравствует король! Правый и левый центр могли бы сколько угодно собираться в комиссии и рыться в бумагах в течение часов; — они ничего не поделали бы против совершившегося факта. У нас бы было несколькими миллиардами меньше долга, и Франция, вместо того, чтобы быть предметом сожаления для всех народов, снова стали бы руководительницей Европы.

Маршал Мак-Магон не был ни весел, ни откровенен; он уже в одиночестве лелеял мечту о пожизненном президентстве и отказался принять короля.

В той стране, которая прежде была страной смелых начинаний, безрассудных поступков и чертовской храбрости, никто не двинул пальцем. Единственный, действительно сознававший свое назначение, герой, которого ожидала Франция, императорский наследный принц, был слишком молод и вероятно не раз говорил сам себе в Англии: «если бы я был граф Шамбор»!

Начиная с этого времени, в монархистской партии, употребляя выражение Сен-Симона, только и было, что «пустословия, неудавшиеся предприятия и соломенные ружья». Говорят на бумаге о возмущениях, сражениях, Вандее; дают понять намеками, что существует заговор, для того чтобы польстить абоненту перед возобновлением подписки.¹⁴⁸ Дошло до того, что уморительный Артур

Майер стал восклицать: «король идет! Монжуа Сен-Дени! Вперед сыны храбрецов». Бедный король и не думал приходить, он напротив удалялся. Впечатление, произведенное его смертью, свидетельствует еще раз, какое место занимала в мире идея, представителем которой он был. Не придавая значения преувеличениям бульварных газет, потомство с почтением отнесется к его личности, поймет что у этого человека не хватило духу царствовать над народом, который убивает государей, не сделавших ему ничего кроме добра, и преклоняется перед трибунами, обкрадывающими и разоряющими его.

Для христианских народов нужны добрые пастыри, какими так долго были Бурбоны; для народов обезумевших и раздраженных революционными идеями нужны мясники. Граф Шамбор не был из этой породы и продолжая обнадеживать своих сторонников в их самых отважных предприятиях, продолжая, вероятно, молиться за Францию, он мало по малу отдалился от нее. Скажу даже, что он слишком отрешился от нее, потому что приятно было бы встретить в его завещании хоть одно слово о стольких людях, ратовавших за его дело, благодарность писателям, вроде сотрудников «Union», хоть небольшую сумму из 17 миллионов, которые были завещаны в пользу рабочих клубов.

Странное дело, этого принца, мать которого была обесчещена Дейцем, лечили два доктора еврея, ибо Вульпиана призвали только в последнюю минуту. Избрал ли он это искупление из желания принести себя в жертву? Надо полагать, потому что иначе подобное предпочтение показалось бы очень странным.

После того, как упустили случай и сделали лишь слабую попытку привести к единственному возможному решению, государственные люди, так неудачно руководившие консервативной партией, изъявили некоторое желание противодействовать событиям шестнадцатого мая и их старания увенчались бы успехом, если бы у них была хоть какая ни будь энергия. Увы! кому не известно, при каких смешных условиях была начата борьба малодушными людьми, которые, впутавшись в дело, сами не зная зачем, только о том и помышляли, чтобы выпутаться из него.

Из двух руководителей шестнадцатого мая, наиболее склонным пожертвовать своею жизнью был бы конечно герцог Брольи, но его стесняли привычки, приобретенные вследствие литературных занятий, та вечная нерешительность, которая делает людей известной политической школы совершенно неспособными к какому бы то ни было мужественному решению. Фурту, чистокровный Гасконец, по весу и хвостун из комедии, послужил моделью для Сюльписа Водрэ в «Господине министре», это был провинциал, испорченный парижскою жизнью; он воспользовался своим пребыванием в министерстве только для того, чтобы накрасть, сколько возможно. Герцог Брольи был боязлив, как член парламента, а

пытка довольно серьезно организованного заговора; это опять-таки доказывает справедливость нашего замечания о вечных колебаниях этого ума. Графу Шамбору стоило только захотеть, чтобы царствовать, но он не сумел захотеть; если бы он остался жив, то, наверно, для очистки совести решился бы на отчаянное предприятие, чтобы завладеть престолом.

¹⁴⁸ днако незадолго до смерти графа Шамбора была по-

тот труслив, как собака; первый боялся повредить своей доктрине, а второй дрожал за свою шкуру.¹⁴⁹

Всякий раз, как приходилось действовать, или как им предлагали действовать за них, участники шестнадцатого мая отступали. По этому поводу г. Оскар де Валле рассказывал мне подробно, не лишённую интереса. В «Français» было объявлено о его назначении генеральным прокурором парижского суда. «Я готов принять, сказал он Брюне, но предупреждаю вас, что первым моим актом, по вступлении в должность, будет арест Гамбетты и его знаменитого комитета».¹⁵⁰

Правительство было далеко от этой мысли. Все эти мнимые католики, бывшие столь жестокими к беднякам коммунарам, дрожали перед крамольником итальянцем.

Все-таки настоящий виновник был маршал Мак-Магон. Он сам взял на себя инициативу шестнадцатого мая, в чем вовсе не было необходимости в данную минуту; он на все лады повторял, что не отступит, отказался назначить военным министром генерала Дюкро, который изъявлял готовность принять меры, каких требовали обстоятельства.

В этот печальный период нашей истории, генерал Дюкро был единственным, который все время был готов, в случае надобности, принести себя в жертву для спасения страны. В начале 1873 г., когда все было так хорошо организовано для возвращения императора, что Наполеон III, для того чтобы иметь возможность садиться на лошадь, подвергся операции, от которой и умер, Дюкро был душою должествовавшего произойти переворота. Впоследствии, он с полнейшею готовностью предался в распоряжение графа Шамбора.

В декабре 1877 года он не желал ничего лучшего, как действовать, но заранее объявлял что когда порядок будет восстановлен, он станет на сторону «первого, который подвернется». Это были его

¹⁴⁹ Этот вялый министр, который, располагая могучею силою централизации, воображал, что доходит до последних пределов смелости, запрещая продажу «Petit Journal» на станциях, становился смелым на трибуне; он гордо отвечал на угрозы торжествующей левой: «если бы я вполне исполнял свою обязанность, вас бы здесь не было». В парламентской системе не маловажным неудобством является то, что ведение дел вручают людям, которые мужественны лишь на словах и воображают, по выражению Гизо, «что они действовали, когда они только говорили». За некоторыми исключениями, уверенность на трибуне и энергия в действии исключают одна другую. Бонапарту чуть не сделалось дурно когда, войдя в залу оранжереи, он увидел триста скоморохов, одетых в грубую мишуру и собиравшихся горланить. Сам Морни, который был так великолепен 2 декабря, был принужден заранее писать на клочке бумаги малейшие слова, которые он собирался произнести в палате.

¹⁵⁰ Рауль Дюваль, энергия которого известна, согласился бы 24 мая ваять портфель министерства внутренних дел. Он только просил разрешения арестовать 600 лиц, которых, начиная с 1870 г., совершали проступки против обычного права и преспокойно разгуливали на свободе, как напр. Шальмель-Лакур; он так и не уплатил 100,000 фр., к которым был приговорен за то, что принимал участие в разграблении заведения Калоур. Консерваторы, по обыкновению, поставили салонную и академическую дружбу выше общественных интересов и вместо того, чтобы выбрать человека дела вроде Рауля Дюваля, они выбрали несчастного Беле, который выказал себя в таком смешном свете, что с отчаяния застрелился.

собственные слова.

Может быть наследный принц нетерпеливо ожидавший по ту сторону пролива, поспел бы раньше графа Шамбора? Я думаю, что да. Во всяком случае Франция была бы спасена; маршал не захотел этого; он повинился чувству недостойной зависти к товарищу по оружию, отказываясь призвать генерала Дюкро к управлению военным министерством или передать свои полномочия в его руки, потому что сам он не умел действовать.¹⁵¹

Эти факты были мне переданы доверенными лицами, близкими друзьями генерала, которым он не раз говорил в то время, что берет на себя всю ответственность; да впрочем это всем известно.

— Вы сто раз правы, говорил мне один из тех, которые принимали наиболее деятельное участие в тех событиях, — сам он отзывается о маршале в таких выражениях, которых я не хочу воспроизводить, — но напрасно вы так откровенны, это вредит успеху вашей книги в известных кругах.

Вот до чего они дошли. Истина стесняет их, как свет мешаает больным, им нужна лампадка печально горящая в тщательно завешенной комнате.

Я же думаю, что если Франция погибнет, пусть знают имя того, кто ее погубил, и воздадут должную почесть бедному генералу Дюкро, который покоится где-то в отдаленном уголке Ниевры. Дважды побежденный великий патриот, не захотел, чтобы шум брани, трубный звук и барабанный бой, сопровождавшие всю его геройскую жизнь, раздавались над его гробом; он просто удалился и ожидает на деревенском кладбище запоздалого справедливого приговора истории.

Фурту захотел увенчать достопамятным поступком противодействие консервативной партии; прежде чем покинуть министерство, он сделал кавалера

¹⁵¹ Ларенти удалось на время поднять нравственность несчастного Маршала. Было сформировано министерство противодействия из барона Ларенти (министр внутренних дел, президент совета), генерала Рошбуэ (военный министр), вице-адмирала Гейдона (морской министр). Что бы ни говорили, Пуйэ-Кертье был вполне согласен взять министерство финансов, и сенат был готов ко второму распущению. Все пропало из за невероятной слабости маршала. Со времени издания «Еврейской Франции», я собрал самые обстоятельные и неслыханные подробности о том, что происходило в это время в Елисейском дворце, и расскажу когда-нибудь на свободе этот печальный эпизод нашей современной истории.

Чтобы оценить поистине постыдную роль Маршала Мак-Магона, на котором будет лежать тяжелая ответственность, если Франция падет под гнетом правления, которому он дал укрепиться, надо прочесть «Десятилетний Дневник» Эжена Луден. Не было ни одной попытки, ни одного предложения, ни одного аргумента, который бы не был пущен в ход, чтобы побудить маршала к деятельности. Все было напрасно.

Руэ сказал по этому поводу Лудену: «маршал есть ничтожество. Вы сказали, что его не уважают, презирают, я сам сказал ему это четыре года тому назад: «вы можете быть Кромвеллем или Монком; если вы Кромвель, так докажите это, мы увидим, надо-ли нам следовать за вами. Гораздо легче и достойнее вас — быть Монком, но если вы ни то, ни другое, то вы заслужите презрение истории». Теперь он оказался ни тем, ни другим и продолжает тащиться по прежнему с одною целью — сохранить свое место. Иногда он бывает встревожен, испуган, даже плачет; он плакал еще в ноябре, но это ни к чему не повело».

лером Почетного Легиона еврея Альберта Мильо, автора «Madame l' Arcfiduc» и других гривуазных опереток; это было его Брутово завещание и прощание с делами представителя порядка и религии.

Евреи были настоящими победителями шестнадцатого мая и вскоре им представился случай показать, что они настоящие господа у нас.

На берлинском конгрессе Франции в первый раз предстояло очутиться лицом к лицу с Европой, которая так спокойно позволила ее изувечить в 1871 г.

Кто был уполномочен служить представителем этого воскресшего мертвеца? Англичанин...

В другом месте я набросал портрет Ваддингтона¹⁵², космополита, входящего в категорию всех натурализованных, всех peregrini, circulatores, которых мы встретим на протяжении этого труда. У него есть родственники всюду кроме Франции; у него много двоюродных братьев в Германии, сестра его вышла замуж за прусского дипломата Бунзена, один из его дядей полковник английской службы, другой, Эвелино Ваддингтон, умер в апреле 1883 г. в Перузе.

Никто в стране не удивился выбору этого англичанина, равно как никого не удивил выбор Спюллера в генеральные секретари правительства национальной защиты. В то время умственный упадок был таков, что на подобные чудовищные вещи даже не обращали внимания.

Его манера держаться на конгрессе возбуждала лишь слабый протест.

План, которого следовало придерживаться, был ясно начертан, и первый попавшийся француз, одаренный умом и патриотизмом, следовал бы ему по инстинкту.

Россия, по тайному антагонизму, существующему между нею и Германией, является если неестественно нашей союзницей, то единственной нацией, на которую мы можем рассчитывать. Царь Александр оказал нам значительную услугу в 1875 г., воспротивившись вторичному нападению на нас Германии. Какое нам дело было до условий Сан-Стефанского договора, благоприятных для России.

А между тем представилось странное зрелище: министр иностранных дел, лишь номинально французский, с жаром вступался за интересы Англии, побуждал ее занять Кипр и улыбался, когда она заранее объявляла о намерении изгнать нас из Египта и завладеть им.

Для Франции Ваддингтон требовал только одного... эмансипации румынских евреев.

Об Румынии, как и о Германии мы будем говорить в следующей книге, «Еврейская Европа», а теперь берем из вопроса лишь то, что касается Франции.

Каковы бы ни были измышления еврейской прессы, всякому хоть немного известно положение этой несчастной страны.

Храбрые, талантливые, гостеприимные румыны, происходящие от прежних поселенцев времен

Траяна, охотно напоминают, что самое название их свидетельствует о близком родстве с сынами древнего Рима.

Действительно, только при Аврелиане Рим был принужден уступить Дакию варварам и заменить нагорную Дакию прибрежной, по ту сторону Дуная: *Dacia ripensis*.

«Мы не скажем также легко как император, красноречиво пишет по этому поводу Виктор Дюрюю, последнего «прости» мужественному румынскому населению Траяновой Дакии. Достойное своего происхождения и того, кто даровал ему первые города, оно играло в Карпатах роль Пелого и его товарищей в Астурии, выдерживало с высоты неприступной крепости все нападения, отвоевывало шаг за шагом землю, которую теряло на юге или на западе и создавало после шестнадцативековой борьбы новую Италию, *Tzarea roumanesca*, народы которой латинского происхождения, приветствуют свое вступление в ряды свободных наций».

Итальянский тип приобрел у румын особую восточную привлекательность, в то же время мужественную и поэтичную; они любят петь по вечерам, при блеске звезд, те оригинальные мелодии, странный ритм которых долго сохраняется очарованным слухом; одним словом, румыны как и французы, были бы совершенно счастливы, если бы не существовало евреев.

Еврей не является там местною болезнью, более или менее обширным и зловонным болотом, — это неиссякаемый поток, который невозможно остановить. Главное вместилище семитизма, Галиция и пограничные русские владения, непрестанно низвергают туда свои вонючие орды.

Много раз уже описывали этих евреев с пейсами, в засаленных лапсердаках; всюду на своем пути сеющих заразу и представляющих постоянную опасность для общественного здоровья.

Евреи с ожесточением набросились на эту страну, где, по их словам, должен родиться Мессия из семьи Изрольска, и сделали из нее то, что желали бы сделать с Францией; они ее пожирают, грызут, сосут, истощают. Захватив торговлю спиртными напитками, они мало помалу подбирают к своим рукам все деньги, все произведения, всю частную собственность страны.

Стоит крестьянину зайти в кабак и он погиб, колеса машины все захватывают: усадьбу, поле, скот, одежду, обручальное кольцо. Несчастного подпаивают, и он в пьяном виде подписывает договор на очень тяжелых условиях, который ему представляют только тогда, когда он более не в состоянии платить. Еврей налагает запрещение на имущество бедняка, и оно переходит за бесценно какому-нибудь сообщнику.

«Вся торговля», говорит Эрнест Дежарден,¹⁵³ член института, как Ваддингтон, и по природе вообще несклонный к преувеличению, «в их руках: молоко, мясо, фрукты, особенно водка, которую они подмешивают купоросом, обманывая румын и отравляя город и деревню.

«Этот народ, говорит тот же писатель в дру-

¹⁵² Неизданные бумаги герцога Сен-Симона, изд. Кантена.

¹⁵³ «Молдавские евреи».

гом месте, не хочет ни служить, ни учиться, ни обрабатывать землю, ни платить; он не исправляет никаких должностей, не приносит ни каких жертв, не подчиняется даже полицейским законам, предписаниям гигиены и своими восемьюстами тысяч рук не берется ни за плуг, ни за лопату, ни за ружье, а хватает деньги».¹⁵⁴

Вот кого Ваддингтон дал в клиенты Франции, вековой покровительнице всех угнетаемых; вот за кого он вступился, к великому изумлению Бисмарка, который хохотал до упаду, на тех заседаниях, на которых наш министр возбуждал этот вопрос.

Как много трогательного было в горести этого народа, осужденного Европою, после Берлинского трактата, на погибель от рук евреев.

Повторяем, ведь дело шло о том, чтобы допустить не только известное количество евреев, а всех, каким заблагорассудится устроиться в стране в ущерб владельцам земли. По учению Ваддингтона, всякий еврей был румынским гражданином.

Братиано, старый революционер, во время своего изгнания ставший во Франции другом всех выдвинувшихся республиканцев, сказал в палате представителей следующие трогательные слова: «Господа, в течение моей политической жизни мне приходилось переносить много несчастий и превратностей, но никогда я не был так несчастен, как в Берлине».

Между тем еврейство ликовало, и Кремье, в заседании израильского Союза восклицал в хвалебном тоне.

«Моя вера крепнет в виду нашего прекрасного положения. Ах, позвольте мне приписать все это возвышенному, благородному и чистому поведению в Берлине нашего министра иностранных дел, нашего Ваддингтона». (Взрывы рукоплесканий приветствуют эти слова).

Слово наш как будто указывает, что Ваддингтон еврейского происхождения, а может быть Кремье хотел сказать, что министр иностранных дел принадлежал им потому, что они его подкупили?

Был ли Ваддингтон еврей или подкуплен евреями, во всяком случае, он ничего не пожалел, чтобы защитить свое племя или заработать свои деньги. Он с чисто еврейскою алчностью настаивал на том пункте Берлинского трактата, который был смертным приговором Румынии. Благодаря ему Франция, великодушная Франция, сыграла недостойную роль жандарма, который крепко держит за руки слабую нацию, чтобы дать возможность еврею насильно влить купорос в глотку уже умирающей.

Со всею энергиею и живой надеждою истинного патриота, Братиано предпринял через всю Европу путешествие, подобное тому, какое совершил Тьер, умоляя за побежденную Францию.

¹⁵⁴ У румынских евреев по крайней мере то преимущество, что они откровенно признаются в своем отвращении к военному ремеслу. 1-го июля 1865 г. в сенате, в Бухаресте, было подано прошение от евреев общины Леова, которые, чтобы избавиться от военной службы, говорили следующее: «так как мы евреи — вообще трусы, не умеем даже убить зайца, — причина по которой мы потеряли нашу родину и стонем более двух тысяч лет под гнетом подчинения, мы не можем быть полезны стране в качестве солдат». («Израильские архивы», 1865 г.).

Австрия, Россия, Турция лично признали независимость Румынии. В Англии и Италии Братиано увидел, что министры подкуплены евреями и встретил непреодолимое противодействие. Впрочем, совесть проснулась перед фактами, которые он рассказывал, и ему ответили: «державы, подписавшие берлинский трактат, солидарны. Пусть Франция изъявит готовность признать независимость Румынии, не требуя немедленного исполнения главной статьи, касающейся израильтян, и мы сделаем то же самое».

Ваддингтон противился и отвечал только: «если не будут дарованы права гражданства евреям, содержащим публичные дома, кабаки с отравленной водкой, ростовщические конторы, — то не будет французского посланника в Румынии».

Напрасно ему говорили: «но чем же этот вопрос, который касается исключительно внутренней полиции страны, может интересовать Францию? Тут даже не задета свобода вероисповеданий, потому что признано, что Румыния чуть ли не самая веротерпимая страна».

Ваддингтон — ни с места, и члены левой, почти все замешанные в финансовых спекуляциях и жившие на еврейское жалованье, понятно находили это поведение прекрасным.

Не более посчастливилось и другому посланнику Румынии, Катарджи. Вот дословно, по донесению израильских газет, циничный ответ, данный ему Гамбеттою: «советую вашему правительству покориться; Франция не признает независимости вашей страны, пока вы не признаете гражданских прав всех евреев без различия. Кремье на этом настаивает. Ваддингтон взял на себя инициативу по этому вопросу на берлинском конгрессе; честь Франции будет задета, если он будет обойден. Я сам дал слово Кремье поддержать его, по этому я могу только еще раз предложить вам исполнить ваши обязательства».

Повторяем, что дело несколько не касалось вопроса о свободе вероисповедания.

Эрнест Дежарден еще пишет по этому поводу в своей брошюре «Евреи в Молдавии»: «я утверждаю, что религиозные побуждения не играют никакой роли в мерах, принятых правительством, и во враждебности, выказываемой евреям населением. Равнодушие православных греков к своей религии и безразличие священников оплачиваемых государством, устраняют малейшее подозрение в религиозном преследовании. Тут ненавидят чуждый народ, который высасывает соки из страны, образуя государство в государстве, как протестанты во Франции до эдиктов Ришелье».

Но у нас поэтому предмету есть еще более веское доказательство, заимствованное у Ад. Франка, пользующегося в израильском мире заслуженным уважением.

В своем ответе Ксавье Ру, который спрашивает его, каковы, по его мнению, причины анти-семитического движения, принимающего широкие размеры в Европе, профессор в College de France объясняет, что в Румынии, как и в г. России, религиозные верования не имеют никакого отношения к

мерам, принимаемым против евреев.¹⁵⁵

Ученый автор каббалы был бы, в таком случае, очень любезным, если бы доказал нам, во имя какого принципа мы вмешиваемся во внутренние дела народа, который, на свою беду, так слаб, что не может просить нас не соваться, куда нас не просят.

Впрочем Румыния на половину избежала опасности. У одного республиканского депутата хватило мужества поднять вопрос, которого все избегали с величайшим старанием.

«Вот уже полтора года, говорит Луи Легран в заседании 15-го декабря 1879 года, как Берлинский трактат провозгласил независимость Румынского государства. Австрия, Россия, Турция — три державы, наиболее заинтересованные в соблюдении Берлинского трактата, немедленно признали независимость этой маленькой народности. Италия недавно последовала их примеру. Я требую, чтобы Франция сделала тоже и завязала с Румынией правильные дипломатические сношения».

Ваддингтон, понятно, уклонился сказать истину и объяснить побудительные причины, заставившие его действовать: он боялся обнародования некоторых документов, которые не сделали бы ему чести, и ограничился обсуждением натурализации поголовно и по определенным категориям, что во все его не касалось и во что французскому правительству, собственно говоря, не было никакой причины вмешиваться.

Боясь разоблачений, он наконец уступил. Кроме того евреи чувствовали, что румыны доведены до крайности; им небезызвестно было, что с этой стороны подготавливались сцены, в сравнении с которыми расправы в Болгарии были только цветочками.

Порешили послать, в качестве французского члена дунайской комиссии, чиновника, еврейское происхождение которого не удивило бы меня, и который, во всяком случае, явился как бы представителем французского еврейства в этой области. Выбрали некоего Баррера, осужденного коммунара, ставшего гамбеттистом. Если судить о нем по той быстроте, с которою он убежал во время коммуны, как только начиналась борьба на улицах, то мне кажется, что его единоверцы напрасно рассчитывали бы на него во время большого кровопролития. Впрочем, благодарное еврейство отправило его в Египет, и мы скоро встретимся с ним там.¹⁵⁶

Еврейство не проявило себя неблагодарным и к Ваддингтону. В 1863 г. израильский Союз оказал настолько влиятелен, что извлек прежнего мини-

стра из презрительного забвения в которое он впал, и отправил его в Россию в качестве посла.

Назначение Ваддингтона в Лондон достойно завершило все это посмешище. Говорили, что бывший воспитанник Кэмбриджа поселился там без возврата и даже надеется быть сделан пэром. Но нам и тут не посчастливилось: он продолжает служить Англии на нашей спине. Он побудил французское правительство выразить неодобрение и лишить командования храброго адмирала Пьера, который умер с горя. Но венцом его деятельности был проект согласия Франции, на лондонской конференции, касательно улаживания египетского вопроса. Франция не только признавала оккупацию Англией Египта, где наше влияние было долго преобладающим, куда ушло столько французских капиталов, она не только соглашалась на сокращение долга, гарантированного всеми державами, но еще допускала заем, превосходивший все другие и предназначенный Англией на покрытие убытков, которые она одна причинила!

К счастью, немцы и русские заступились за наши интересы лучше, чем наши собственные министры, и конференция окончилась неудачей. Ваддингтон был неутешен.

Что касается до поведения Баррера, то оно было еще страннее. Известно, с каким интересом вся Европа следила за происшествиями в Египте в сентябре 1884 г., когда считали неминуемым прекращение погашения долга. Чтобы служить своей стране, лорд Нортбрук, как истый англичанин, покинул свой роскошный образ жизни, свою охоту и прекрасную резиденцию Форгэм в Гэмпшире. Баррер, жалкий коммунара, ставший французским посланником в Египте, не удостоил отправиться к месту своей службы: «я стрелял во французское знамя в 1871 г. в присутствии пруссаков, неужели воображают, что в 1884 г. я стану его защищать в Каире в присутствии англичан?» Так вероятно рассуждал этот оппортунистский дипломат.

Французский комиссар Лешевалье, тоже воспользовался этою минутою, чтобы взять отпуск и отдых.

Впрочем, мы всюду встречаем Ваддингтонов и Барреров. В английском журнале «Statist», за август 1884 г., один дипломат изобразил смешную и в то же время грустную для всех настоящих французов картину нашей внешней политики, вверяемой авантюристам всей Европы. Мало помалу отделились от всех даровитых людей и вручили наши интересы евреям всех стран; когда, какой-нибудь дипломат случайно заключал выгодный договор, ему выражали неодобрение, потому что он невыговорил особых выгод для евреев.

«В 1880 г., говорит английский журнал, Франция занимает в Африке воинственное положение. Гамбетта, боясь оскорбить общественное мнение в Италии, посылает в Рим и Тунис природного дипломата, сведущего и искусного в делах. Барон Биллинг успокаивает недовольство итальянцев и привозит назад превосходный трактат. Ему выражают неодобрение, потому что пройдохам из оппортунистов оттуда нечем поживиться. Происходит занятие Туниса, и бея заставляют принять трактат Бардо.

¹⁵⁵ «Ежегодник христианской философии», 1881 г.

¹⁵⁶ Тем не менее евреи не отказались от намерения погубить Румынию и употребляют для того все средства. В 1885 г. французское правительство обложило пошлиною в 50% произведения страны, виновной в том, что она не любит ростовщиков-евреев; это настоящая коммерческая осада. «Израильские архивы» без стеснения объявляют румынам, что это кара провинения: «Божественная справедливость не так медлит, как обыкновенно говорят и насылает на Румынию испытание на коммерческой почве, доступ к которой был так незаконно воспрещен евреям. Франция мужественно взяла на себя защиту евреев, притесняемых и мучимых румынским населением, Франция играет здесь роль судьи».

Кому поручают его составить? Бреару, бригадному генералу, которого никто не знает, и Рустану, мелкому коммерческому агенту.

«В Китае, тонкий и искусный дипломат, Буре заключает такой же выгодный трактат, как и конвенция, вывезенная из Туниса Биллингом. Оппортунистская партия спешит и его осудить; и Франция пускается в шутовские переговоры, которые ведутся флотскими врачами, командирами рассылочных судов, прусскими таможенными чиновниками. Дальше уж некуда идти. Будем надеяться, что в скором времени Курсель или Сен-Валье будут командовать кирасирами.

«За два года до смерти, Гамбетта, ощущая потребность набить карманы окружавших его евреев немецкого и иного происхождения, задумал устроить конверсию итальянского дома. Вместо того, чтобы отправить в Рим с этой миссией генерального инспектора финансов, он вздумал послать туда прихлебателя г-жи Арно, из Арьежа, испанского еврея Рюица

«Известно, какой прием был оказан этой жалкой личности советом, с маркизом Маффей во главе. — Будучи в апогее своей славы, Гамбетта желал получить аудиенцию у Бисмарка. Он посылает разведчиком одного алжирского депутата, бывшего комиссионера при марсельской таможне, за которым вскоре следует другой депутат, плохой живописец, устроитель лотерей и торговец гитарами. Еврейский банкир Блейхредер принимает участие в этих забавных переговорах, которые, не смотря на все его старания, оканчиваются полной неудачей».

За границей интересы евреев представлял Вадингтон, а внутри страны — Леон Сэ. Леон Сэ, которого, с основанием или нет, называют братом Альфонса Ротшильда, есть креатура еврейского царя; он гордится тем, что носит его ливрею, каждое утро, как верный приказчик, является к нему за приказаниями, делает все только для него, через него и при его посредстве. Навязав его республике, Ротшильды испытывали удовлетворение не только от сознания, что они владыки финансового рынка, но и оттого, что один из их приспешников принимал участие в управлении Францией, которою им не угодно самим управлять.

Действительно, настоящим владыкою еврейства во Франции, на которого израиль и масонство возлагали надежды, был Гамбетта.

В обмен за власть евреи требовали у Гамбетты четырех вещей:

Во 1-х, возможности ворочать делами.

Во 2-х, религиозного преследования, изгнания из школ изображений Христа, которые их оскорбляли, закрытия тех школ, из которых вышло столько доблестных людей, и в которых учили детей, как стать добрыми христианами и настоящими французами.

В 3-х, закона всеобщей безопасности, который позволил бы, в удобную минуту, завершить дело коммуны и изгнать из родной земли как можно больше французов под предлогом, что они рецидивисты, бродяги, содержатели публичных домов, и на их место посадить всех евреев из России, Герма-

нии, Румынии, которым вздумается переселиться.

В 4-х, они требовали войны.

Что касается до дел, то Гамбетта затеял их сколько угодно. Он устроил Бонское дело в Гвельме, дело с фальшивой конверсией при помощи Леона Сэ, настоял на выкупе правительством железных дорог, имевших местное значение, что оказалось столь плодотворным.

Это просто было повторением того, что произошло в Германии. Центру удалось помешать выкупу всех линий за счет империи, но князь Бисмарк устроил за счет Пруссии выкуп нескольких линий, и евреи заработали на операции в 1200 миллионов — пятьсот миллионов чистой прибыли. Они действовали, как позднее должны были действовать во Франции; предупрежденные заранее, они заставили упасть акции, забрали их в свои руки и затем заставили выплатить себе по выпускной цене. Надо сознаться, что прусский парламент оказался честнее наших депутатов, которые, не скрываясь, принимали участие в этих грязных операциях. Когда Майбах предложил выкупить акции, по цене 23, линии Рейн-Наге, ходивших по номинальной цене 8, в собрании поднялся такой шум, что он должен был отказаться от своего проекта.

Во Франции республиканцы просто сказали бы министру общественных работ: «сколько придется прибыли на каждого?».

Известно, каким образом Гамбетта воздвиг преследование при помощи Констанов и Казо.

Что же касается до закона об изгнаний французов, то Гамбетта поручил Рейнаху его подготовить, а Вальдеку Руссо — внести в собрание.

Все это евреям было нипочем.

Известно, что они любят говорить притчами, иносказаниями, которые посвященные понимают с полуслова. За несколько месяцев до войны 1870 г., стоило вам заговорить с лицами мало-мальски замешанными в подготовлявшемся движении, как разговор заходил об изменении течения Нила. Изменить течение Нила — значило заставить перейти влияние Франции к Германии. Начиная с 1872 г. только и было речи, что о большом деле. Богачи говорили об этом в опере и в клубе. Самые нуждающиеся из евреев давали понять, что наступают времена, когда и у них будут замки, отели и охоты.

Большое дело, действительно такое большое, что никакое историческое событие не наделало бы такого шума.

Миллиарды, которые несчастные французы без счета вносили для военного бюджета были разграблены; все усилия были употреблены для того, чтобы посеять раздор и ненависть в сердцах, армию искусным образом довели до полного расстройств, ничего не было готово, и это сделалось очевидно, когда пришлось посылать полк в Тунис, и Фар должен был набирать народ в Бриве, лошадей в Перпиньяне и седла в Версали.¹⁵⁷

¹⁵⁷ В то время как Дерулед и Лига Патриотов глупейшим образом делали вызов Германии, у нас даже не было боевых запасов, патроны в наших арсеналах были испорчены и негодны к употреблению. С конца 1882 г. генерал Бильо должен был испрашивать ежегодный чрезвычайный кредит в 2 1/2 мил. фр.,

Сопоставьте это расстройство со страшной организацией Германии, и вы угадаете результат. Едва хватило бы времени сделать маленький заем, а враг уже наступал, хватал нас за горло, между тем как какой-то герцог Фриголе или Тибоден пытался пустить в ход огромную машину мобилизации, которая была бы под силу разве Наполеону.

Это было разорение или долг в 10 миллиардов.

Как их уплатить? На то был еврей. Он взялся, за счет Германии, дать займы часть суммы, но так как уплата, понятно, не могла окончиться в один день, то он взял бы на себя, в некотором роде, управление страной, взамен победителя; он бы осуществил свою мечту, хоть на минуту овладеть этой обетованной землею, которая так долго изгоняла его из своих пределов, закрепостить Францию. Будучи необходим Германии, как сборщик, он бы пользовался властью, чуть ли не равной королевской, и пожалуй выхлопотал бы Ротшильду титул вице-короля. Тогда все евреи великие и малые, стали бы приходить и садиться у нашего очага уже не тысячами, а сотнями тысяч.

Таким образом осуществилась бы улыбающаяся перспектива, которую Александр Вейль, очень, впрочем, любезный человек, развивал однажды пред мною.

Французы рассеялись бы по всему свету, как евреи после разрушения храма или поляки после поражения Костюшки.

Масса осталась бы на месте, работая из-под палки, а еврей охотился бы и слушал оперы Мейербера и оперетки с участием Жюдик.

Никогда столь гигантская спекуляция не зарождалась в человеческом мозгу, и Гамбете не удалось ее осуществить.

Кто спас Францию, руководимую шайкой интриганов и эксплуататоров, ставшую жертвою всевозможных обманов и мистификаций? Просто тот жизненный инстинкт, который столько раз уже спасал ее. Она допускала самые смелые речи и поступки, говорила людям, управлявшим ею: «грабьте, воруйте, спекулируйте, как угодно», но малейшему намеку на войну она противопоставляла упорную, глухую, непоколебимую силу инерции. Это чувство самосохранения в стране не было следствием вышних соображений: оно было чисто животное. Подобно животному, чувствовавшему близость бойни, Франция упорно отказывалась идти вперед, и ничем нельзя было на нее подействовать.

Напрасно Гамбетта, подстроил забавную манифестацию по поводу Дульсиньо, как будто Франции, у которой отняли Страсбург, была какая-ни-

для уничтожения этих патронов, которые нам стоили таких огромных денег. По поводу этих латунных патронов, см. ряд писем, полных технических подробностей и обращенных к журналу «Лига» Альбертом Гюбнером, значительным комерсантом, который имел наивность поверять свои патриотические опасения, кому-же? Спюллеру. Гюбнер заявляет, что за спиною главного фабриканта латунных патронов прятались Ротшильды. См. то, что мы говорили в книге И о еврейских царях, хлебных и железнодорожных, которые, собственно говоря, распоряжаются полновластно всем, что касается безопасности и жизни страны.

будь польза отнимать город у храбрых черногорцев и отдавать его грекам. Напрасно он подстрекал Грецию к войне и дал ей залог нашего согласия поддерживать ее, устроив достойную смеха миссию Томассена. Напрасно он произносил воинственные речи в Шербурге, — никто не двинулся с места.

Ни Франция, ни Германия не сыграли в руку еврейской креатуре.

Здесь следует остановиться на отношении Бисмарка к Франции. Мы можем отныне судить о нем так, как о нем будет судить потомство, которое, кажется, особенно занимает канцлера.

В 1875 г. железный канцлер, кажется, думал двинуться на нас. Был ли он неправ со своей точки зрения? Мы уже сказали, что тогда произошла попытка обновления, ужасный урок, по-видимому, принес свои плоды. У нового поколения, без различия партий, был замечен подъём духа, рвение, самоотвержение. Молодые офицеры, вновь обретшие веру, старые священники, которые собирали вокруг себя солдат и говорили им об их обязанностях к Богу и к отечеству, возврат к бессмертным воспоминаниям христианской Франции, все это не на шутку тревожило иноземных соседей и как будто предвещало, что великая нация снова станет сама собою.

Но как только прошла опасность, как только торжество Гамбетты и евреев повергло Францию в состояние социального разложения, князь Бисмарк перестал нам угрожать и, по-видимому, не захотел пользоваться легко дающимися преимуществами.

Что происходило в этой душе? Бисмарк действовал, как те политики высшего порядка, которые заботятся не о немедленном результате, а о мнении потомства, о роли, которую они будут играть в летописях человечества.

Обладая даром великих людей мысленно жить в будущих веках, канцлер представил себе, вероятно, какие чувства будут одушевлять людей, призванных судить величайшую историческую тяжбу, если Франция падет, как нация; он угадал, что целая литература создается на следующую тему: чистосердечная, рыцарская, великодушная Франция, раздавленная хитрым, лукавым немецким дипломатом, — и не захотел, чтобы на его память пала тень от тех поступков, которые омрачают даже успех.

Достоверно только, что его поведение было очень определено. Никто не станет утверждать, что германский государственный деятель обманывал Францию, он всегда говорил ей правду. Во время процесса Арнима он обнародовал письма, в которых объявлял, что республика есть образ правления, наиболее выгодный для Германии. В другой раз он высказал, что единственная сила, еще сохранившаяся во Франции — это её религиозные верования. В 1883 г., во время обнародования тройственного союза между Германией, Австрией и Италией, немецкие официозы откровенно заявляли, «что республика, делающая Францию неспособною к преобразованию, является наилучшею гарантией европейского мира».

Германия в мельчайшие подробности вносит эту грубую, резкую, но правдивую откровенность. Заявляя в презрительном тоне об отвращении, кото-

рое испытывают немецкие офицеры при сношениях с Тибоденом, изменившим своему слову, «Grenzboten», официальное обозрение канцлера, откровенно говорит:

«Германии остается только желать, чтобы генерал Тибоден, как можно дольше сохранил портфель военного министра.

«Как сохранение республики во Франции является наилучшей гарантией европейского мира, так, равно, человек, с прошлым генерала Тибодена, должен оказывать на французскую армию растлевающее действие, ибо в ней, вследствие политических разногласий, между офицерами связь поддерживается лишь в силу идеи долга и чести».

Повторяем, Францию не обманывали, она могла сама спастись.¹⁵⁸ Она могла поставить во главе управления, вместо тех бесчестных негодяев, которые ее позорили и грабили, честнейшего из людей и благороднейшего из королей, но она сама не захотела; она тоже потребовала Варраву.

В виду непрестанных вызовов Гамбетты, которые легко можно было принять, так что война сделалась бы неизбежной, владелец Варцина, под столетними буками которого он часто искал спокойствия, необходимого для размышлений, вероятно, долго взвешивал пять-шесть возможных гипотез.

Франция могла пробудиться, как во времена Иоанны д'Арк, воспрянуть в минуту последнего издыхания, отбросить изменников, заставивших ее так низко пасть, призвать на помощь короля и выиграть решающую битву.

Европа могла воспротивиться окончательно разрушению и потребовать, чтобы была Франция. Как бы эта нация ни была подавлена, но все же прозрев, узнав виновников своих несчастий, руководясь одною верою и одною мыслью, она стала бы опаснее, чем теперешняя огромная масса, которая доступна всякому проходивцу, беспрестанно меняет мнения, управляется какими-то низкими спекулянтами, у которой нет связи, тесно сплавляющей граждан в одно целое, где государственные тайны суть достояние всех паяцев биржи, палаты и улицы.

Франция посаженная на цепь евреями для того, чтобы уплачивать выкуп, представляла другого рода опасность, и Бисмарк, который после культуркампа все-таки пришел к тому, что менее унижительно отправиться в Каноссу, чем в Иерусалим, вовсе не желал давать такой огромной власти этому зловредному и хищному племени.

Вероятно, все эти причины повлияли на решение Бисмарка. Большое предприятие не перешло из области снов в область действительности.

За неимением большого предприятия Гамбетта устроил маленькое: Тунисскую войну.

Вы часто видели, в описаниях путешествий, изображения африканских евреек, лежащих развалясь на подушках в отдаленных комнатах их жилищ, скрестив на толстом животе руки, покрытые

украшениями. В тридцать лет их уже тяготит толщина, они лоснятся от жира и единственная их страсть — подвешивать как можно больше цехинов к тяжелому ожерелью, окружающему их жирную шею.

С такою-то еврейскою, Элиас Муссали, Рустан решил, что необходимо послать на убой известное количество наших бедных солдатиков, которые хотели одного: жить, выслужить срок и отправиться на родину, чтобы там, во время жатвы или сбора винограда, снова затянуть веселые песни, укачивавшие их в детстве.

Рассказывать ли о всех этих бесстыдствах? Они были разоблачены в присутствии присяжных во время процесса, затеянного с «Intransigent». Тунисский Марнеф, получивший командорский крест Почетного Легиона за снисходительность к любовнику своей жены, наглая ложь Ферри, утверждавшего, что дело шло лишь об усмирении Крумиров, которые никогда не существовали, миллионы, истраченные во время распуска палат, лихоимство, притеснения, всевозможные подлости... вы все это знаете.

Было обнародовано условие, которое Леон Рено цинично предложил бею от имени нескольких французских евреев.

Бей честно ответил: «во всем наместничестве у нас наберется не более ста миллионов золотом и серебром, а вы мне предлагаете выпустить акции на 500 или 600 миллионов: или вы обокрадете моих подданных, дав им бумажки вместо их золота, или обокрадете французов, против которых я ничего не имею».

— Хорошо! если ты так на это смотришь, возразил Рено, мы тебе объявим войну.

— Я знаю, что Франция великая держава, она иногда заводит войну из-за пустяков, но никогда — из-за грязных спекуляций. Это значило бы подражать евреям моей столицы, которые ссорятся из-за нескольких пиастров.

— Вот в этом-то ты и ошибаешься. Евреи, которых так презирают у тебя, — у нас владыки, и если ты не хочешь обогатить их насчет твоего народа, то будешь меня помнить.

Все это было говорено, доказано, выведено на свежую воду, несмотря на предосторожность еврея Вейль Пикара, который выкупил судебное дело Бокоса.

— Если двенадцать французских присяжных поклянутся, что они считают эти факты истинными, я первый потребую, чтобы Рустан сел на скамью подсудимых.

Так говорил, в припадке добродетели, генеральный прокурор Дофен.

— Все эти факты истинны, мы в том клянемся честью, отвечали присяжные.

Но Дофен ничего не потребовал.

Рустан еще раз вернулся в Тунис, чтобы присутствовать на банкете, данном Всемирным израильским союзом, а затем был отправлен посланником в Вашингтон, где, получая двойное содержание, он преспокойно глотает оскорбления, которыми

¹⁵⁸ Бисмарк только однажды активно вмешался в наши дела, воспротивившись объявлению осадного положения шестнадцатого мая. Легко угадать, какую выгоду канцлер видел для себя в торжестве республиканцев, которое продлило бы анархию во Франции.

янки неизменно осыпают его при встрече на улице.

Вы думаете, что после шума, наделанного этим процессом, скандалы прекратятся хоть на время? Вы не знаете республиканцев. Камбон продолжает деяния Рустана. Его предшественник получал на водку, а он, по-видимому предпочитает воду; вместе с компанией Тунисских вод он загреб огромные барыши, и велел схватить арабских советников, которые хотели воспротивиться этому лихоимству.

История владений Мустафы — одна из самых веселых глав финансовой летописи. Приехав сюда, бедный Мустафа, который был так резв в Бордо, попал в парижский омут, как старая кляча в болото с пивяками. Когда его средства истощились, он был рад, что нашел трансатлантический банк, который предложил ему миллион, и он благословил Аллаха, пославшего ему таких обязательных людей. Несколько месяцев его оставили в покое, но затем потребовали уплаты.

— Найдите нам, по крайней мере, кого-нибудь, кто гарантировал бы ваш долг.

Несчастный приходил в отчаяние, вдруг являютя Вольтерра и Альфред Накэ и рассказывают ему о каком-то филантропическом обществе, которое собирается выпустить акции владений в Тунисе, которых у него в настоящее время еще нет, но которые оно может приобрести впоследствии. Мустафа рассказал свои горести этим двум добрым евреям и они ему сказали:...мы те, кого Вы ищете, а Вы тот, кто нам нужен. Уступите нам ваши земли, а мы отвечаем за ваш миллион».

Положительно, подумал Мустафа, Париж необыкновенный город, тут все найдешь. Он с радостью принял сделанное ему предложение поручиться за его вексель, что было тем легче его новым друзьям, что угрожавшие ему преследованием и предлагавшие спасти его — были одни и те же, принадлежали к одной и той же финансовой группе.

Тем не менее испытания Мустафы еще не кончились. Благодаря своим евреям, он должен был пройти через все мытарства. Пока в нем нуждались, он проходил через прихожие среди почтительно кланявшихся швейцаров, садился на почетном месте за совещательным столом, и его величали:

Его Превосходительство, генерал Мустафа бен Измаил. Немного позднее к нему обращались кратко:

«Что скажет об этом генерал Мустафа?» Под конец он сделался опять, как и во дни своей молодости, простым банабаком, его заставляли дожидаться подолгу вместе с писцами, и призывали его с порога запросто: «эй, Мустафа». Его феска, то торжествующая, то жалобно опущенная и приниженная, как и её хозяйин, повествовала обо всех его превратностях.

Действительно, положение было не совсем определено. Пятидесятиллионные владения, подаренные Садоком своему любимцу в минуту сердечного излияния, когда сам не знаешь что делаешь, были табу, т. е. неприкосновенные. Часть их принадлежала училищу Садики, а другая составляла частную собственность семьи бея.

Эти препятствия не могли остановить евреев, жаждавших обделать гешефт. Бывший чиновник

правительства 4-го сентября, у которого Камбон был секретарем, взялся, понятно за приличное вознаграждение, склонить этого последнего в пользу притязаний Мустафы. Камбон объявил, чтоб ему непременно прислали французского политического деятеля, обладающего большим влиянием и сговорчивой совестью, чтобы помочь ему произвести давление на бея.

Флоке был от природы предназначен для этой цели, и отправился в Тунис защищать этот дрянной процесс, уже раз проигранный Мустафой перед судом Шараа, единственным компетентным в подобного рода делах.¹⁵⁹

У Камбона были все карты на руках, он сказал бею: «ты видишь, сам президент палаты заинтересован этим делом; если ты не уступишь, тебе будет худо, тебя свергнут с престола. Тебе остается только одно: взять в посредники честного человека, чуждого этому делу, чистого и бескорыстного республиканца... добродетельного Накэ».¹⁶⁰

Все шло хорошо. 24 марта 1885 Тунисское земельное общество было окончательно учреждено, сообразно уставу, врученному на хранение нотариусу Дюпои; в числе своих основателей, из коих почти все были евреи, оно насчитывало: Жери, Тора, Соттер де Борегар, Блоха, Вольтерра, Рея, Леви, Сезана и Мустафу бен Измаила.

Вскоре появилась новая черная точка. Деятель 4-го сентября нашел, что Камбон взял себе слишком много, а ему ничего не оставил, и он подробно стал излагать в «Figaro» все эти грязные спекуляции. Тогда в течение некоторого времени длился самый забавный дуэт, какой только можно себе представить, между «Figaro» и «Lanterne». «Lanterne» стойко защищал неподкупность Флоке и объявлял, что чиновник, подобный Камбону, пускавшийся в такие спекуляции, был самым презренным взяточником. «Figaro», не защищая Камбона, утверждал с некоторым основанием, что Флоке было стыдно вступаться за Мустафу, который так долго был *deliciae domini*, и бесчестить таким образом не только себя самого, — что было неважно, — но и французскую палату, коей он состоял вице-президентом, а позднее стал президентом.¹⁶¹

Оба были правы, один по отношению к Камбону, другой к Флоке. Конечно, под предлогом цивилизации часто жестоко обирали народы, слывшие

¹⁵⁹ Даже французский суд, куда было пересено дело, отказался вполне оправдать евреев. Тогда было решено его очистить, чтобы иметь судей, на которых бы можно было положиться.

¹⁶⁰ Накэ объявил, что он был один из акционеров тунисского земельного общества, что деньги на то были ему даны Ротшильдом, и сознался, что он заранее был назначен посредником, но уверяет, будто он переуступил свои акции. И так он не оправдывается, что вместе с Флоке принимал участие в спекуляциях на счет спорных земель.

¹⁶¹ См. «Figaro», июль, 1885 г., который не дает такого подробного отчета о деле, как мы, но точно резюмирует всю спекуляцию Флоке и Ко. См. тоже бесчисленные статьи в «Lanterne»; эти две газеты дополняют одна другую. Известно, что «Lanterne» бросила вызов Камбону, чтобы он попробовал ее преследовать, и чтобы избежать процесса, пришлось назначить комиссию, состоявшую из С.-Валье, Флуранса и Мартена. С.-Валье был так неприятен запах от стирки этого грязного белья, что он умер полтора месяца спустя.

за варваров, но никогда пройдохи с большею алчностью не набрасывались на страну, никогда политические деятели с большим нахальством не выставляли на вид свою развращенность, никогда не случилось столь возмутительных фактов как те, о которых пресса сообщала под особой рубрикой: «Запахи Туниса»

О чем следовало бы писать, так это о страданиях, вынесенных нашими солдатами для того, чтобы дать евреям возможность предаваться их спекуляциям.

Для описания этой экспедиции не хватало писателя-живописца, каким был Фромантен, который бы рассказал о невыразимых страданиях этой войны, затеянной для того, чтобы доставить деньги биржевикам.

У кого не сжимались кулаки, слушая рассказы офицеров о переходах колоннами под раскаленным небом, — кругом ни деревца, ни источника, а в двух шагах пустыня! На верблюдах перевозят необходимую воду, которая иногда запаздывает на 3-4 версты и доходит согретою и испорченною.¹⁶² Вдруг какой ни будь человек начинает произносить бессвязные слова, смеяться во все горло — он сошел с ума! Другой сразу падает неподвижно, к нему спешат — он умер... Наскоро устраивают гроб из ящика от сухарей и зарывают несчастного в песок, который в эту же ночь разроют шакалы. Иногда капитан прочтет *De profundis*, вот и все... Массонство запретило Фарру прикомандировывать священников к войску.

Всякий одинокий солдат погиб; если он попадет в плен, то его отдают, как игрушку, женщинам племени, которые заставляют его умирать медленной смертью, втыкая ему в тело раскаленные до красна иглы. Один из моих родственников, вернувшийся из экспедиции умирающим, рассказывал мне, какое ужасное впечатление производил один унтер-офицер отряда, который стал неузнаваем.

Несчастный, с вырванными глазами, отрезанными ушами и страшно изуродованным телом, напрасно старался начертать на бумаге свое имя карандашом, который ему вложили в руку! Что за картина для мстительного пера великого писателя!

Генерал Ламбер, из евреев, нарочно разгуливал в Тунисе в своем генеральском мундире, чтобы показать, что именно евреи, столь презираемые на востоке, управляют и приказывают во Франции. Это была настоящая еврейская война на той земле, которая видела Людовика святого умирающим на пепле со скрещенными руками, подобно его Божественному учителю, война, на которой убивали французов из-за еврейства, отнимая у них даже надежду на будущую жизнь.

В конце концов, научные документы, может

¹⁶² Понятно, что официальным поставщиком армии, во время экспедиции, был добрый еврей Шемла. В несколько месяцев он заработал три миллиона. Раздался всеобщий крик негодования против неслыханного лихоимства и воровства, совершенного насчет здоровья и жизни наших несчастных солдат. Пришлось отдать Шемлу под военный суд в Суссе, где благодаря прощам тунисских спекулянтов и искусной защите Жоржа Лашо, его оправдали. Тем хуже для тех, которые умерли с голоду!

быть, красноречивее описаний самого талантливого писателя.

Кто не читал отчета о госпиталях доктора Ле-ребулле, преданного правительству, близко стоящего к газете «*Temps?*» Ни кроватей, ни врачей, ни коек. Умиравшие бьются на соломе в бреду тифозной горячки, как в преждевременном чистилище. В зловонной комнате, где витают гении смерти, раздаются возгласы, стоны, хрипение. Этот задыхается и с пересохшим горлом беспрестанно кричит: пить! Тот уже не чувствует жажды, он пьет в воображении чистую воду родного ручья; чтобы лучше насладиться ею, он склоняется среди тростников и травы; и таково представление даже в расстроенном мозгу, что ему чудится будто он подымается на холм по пути в деревню, садится рядом со старухой матерью, ест гречневые лепешки и каштаны; он открывает рот чтобы улыбнуться землячке... и без страданий испускает последний вздох. Посмотрите, голова выражает спокойствие, бедный солдатик как будто уснул, а похолодевшая рука еще держит маленький образок Богородицы, данный ему перед отъездом монахом, который научил его азбуке. Негодяй в галунах, который, чтобы угодить левой, упразднил наших военных священников, не совсем успел в своем намерении: еще один француз умер христианином.

Неправда ли, эта зловонная атмосфера начинает вас тяготить? Отправьтесь в Мантеньи, принадлежащий Камондо, и в Боргар, принадлежащий Гиршу. Журчащие волны, «неумолкающие ни днем, ни ночью», свежие чаши, густая тень, чудеса искусства всех веков скрашивают существование. Действительно, жизнь прекрасна; акции, купленные по 125, стоят 500, со времени трактата Бардо, и Франция берет на себя долг.

Гамбетта сказал хорошее слово: «собственно говоря, произнес он с жестом невыразимого презрения, сколько умерло человек? 1500 французов самое большое»...

На этот раз у него не хватило духу. Если бы он назвал настоящую цифру, евреи вознесли бы его в триумфе.¹⁶³

Эпизод был мне рассказан одним из моих друзей, которому случилось быть, 19-го ноября 1882 г., на дороге, ведущей от станции Грец к замку Сент-Уан Мантеньи, принадлежащему левантинцу Камондо. «В омнибусе, запряженном великолепными лошадьми и перевозившем приглашенных с вокзала в замок, рассказывает «*Figaro*» в № от 20 ноября, находились: Гамбетта, Арно де л'Арьеж, Леон, Рено, Антонин Пру, Дюге де ла Фоконнери, Пиньятель, Альфасса».

Но «*Figaro*» не передает только одного, —

¹⁶³ Одна провинциальная газета, которая вообще хорошо осведомлена, «Призыв к народу, Жера», дает цифру в 18 тысяч жертв. «Хотите-ли вы знать, отцы семейств, сколько ваших детей было убито, ранено или умерло от болезней за год и три месяца, единственно ради выгоды «Джеккерсов» Туниса и оппортунизма? Восемнадцать из пятидесяти тысяч. Такова официальная цифра, которую нам дал не далее, как вчера один военный врач, участвовавший во всей компании, и пусть-ка правительство Французской республики попытается его опровергнуть!»

припадка веселости, охватившего всех этих господ, при виде нескольких солдат в отпуску, собиравшихся сесть в поезд.

В Тунис! в Тунис! воскликнули веселые собеседники, которым вид этих бедных малых, уныло шагавших с узелком за плечами, напомнил, какие барыши они загребли.

По словам моего друга, эта шумная веселость под хмурым осенним небом производила удручающее впечатление.

Уступим теперь слово «Figaro», который всегда хорошо осведомлен.

«Картина праздника: 700 штук дичи, из коих 450 фазанов.

А еще говорят, что во Франции нет больше дичи!»

Одно из стихотворений Кловиса Гюга, «Дни борьбы», прекрасно рисует тогдашних деятелей.

При помощи Лиги Патриотов Гамбетта сделал последнее усилие, чтобы довести свое приемное отечество до войны, конечным результатом которого было бы его исчезновение с карты Европы.

Предпринимая этот труд, мы, главным образом, имели в виду научить наших соотечественников упражнять свое мышление, сблизить идеи, одним словом рассуждать, как до них рассуждали их отцы. Через кого? для кого? вот те вопросы, которые следует себе задавать перед каждым выдающимся фактом.

Разберем же теперь инцидент в улице Св. Марка и посмотрим какова была его причина? Немецкое гимнастическое общество устраивает прощальный праздник. В честь кого? Мы узнаем о том из следующего циркуляра, разосланного после сцены, происшедшей в первый вечер.

Немецкое гимнастическое общество в Париже.

М. Г., вследствие непредвиденного обстоятельства мы, к сожалению, не можем располагать сегодня вечером помещением собрания.

Прощальный праздник в честь г.г. Ж. Гра и А. Когена состоится в будущий вторник, 30-го августа, и мы рассчитываем на многочисленное собрание.

Примите и проч.

Второй секретарь Евгений Вольф.

Очевидно речь идет о двух евреях, которых хочет приветствовать это общество, имеющее председателем еврея, доктора Майера, а секретарем тоже еврея, Евгения Вольфа, вероятно родственника того Вольфа, чье агентство прислало в 1870 г. знаменитый рассказ об оскорблении Бенедетти.

Но один экземпляр этого циркуляра затерялся; по странной случайности его приносят одному члену Лиги Патриотов, мужество которого немедленно воспламеняется, и вот предлог для вызова. Ну, а этот чувствительный патриот, вероятно француз старинного происхождения, свято хранящий воспоминание о славе старой Франции? По странному стечению обстоятельств, этот ревностный патриот носит немецкое имя Майера, совершенно как председатель немецкого общества.

Кто затем возгорается негодованием? Лоран, в газете еврея Вейль Пикара, наперсника еврея Гамбетты.

И так все решительно происходит между евреями, и жизнь сотен тысяч уроженцев Берри, Бретани, Пуату, Бургони ставится на карту несколькими израильтянами в какой-то лавке неподалеку от биржи. Решено, что первый Майер будет обидчиком, а второй обиженным и воспрянет при имени своей родины — Франции.

Но чтобы штука удалась, надо найти убежденного дурня; подвертывается Дерулэд. Я убежден, что он совершенно неспособен брать вознаграждение за роль агитатора, которую играет. Это просто современный тип, человек, жаждущий рекламы,¹⁶⁴ имеющий потребность всегда быть на сцене. Его шумный патриотизм составляет для него как бы род профессии; весь Париж привык его видеть в этой роли и он не может от нее отделаться. Он патриот в городе, в деревне, утром, вечером, в Варьете и в Буффе на представлении «Маскоты» и «Новобрачной». В Салоне, рядом со старыми солдатами, насчитывающими двадцать походов и десять ран, выставляется его портрет, работы Невилля, со свернутою шинелью через плечо и всевозможными инструментами, патронами, подзорной трубой и револьвером в кожаных футлярах.

Верил ли он действительно, что Гамбетта в сражении при Мане пошел в атаку один, крича беглецам: «обернитесь, по крайней мере, чтобы видеть, как умирает ваш генерал»! Был ли он убежден, что, подобно Иоанну Доброму при Пуатье, глава правительства национальной защиты сражался в течение двух часов на груде трупов одинокий, высокомерный, обезумевший от страдания и мужества.

«Сохранив лишь обломок шпаги».

Право не знаю; дело в том, что он говорит об этом разглагольствующем Вителли, как никогда не говорили ни о Бруте при Филиппах, ни о Франциске И при Павии.

Конечно, если бы можно было часа на два запереть этого опасного, тщеславного человека, чтобы он мог одуматься в уединении, которое также тяжело для подобных натур, как гробовое молчание,

¹⁶⁴ Прибавим, что председатель Лиги Патриотов не всегда очень разборчив в поступках. Под тем предлогом, что Ротан делал императорскому правительству чуть ли не пророческие предсказания насчет намерений Германии, Дерулэд выставляет в своих списках, в качестве вице-президента, бывшего посланника в Гамбурге. Дипломат энергично протестует, Дерулэд обещает, вычеркнуть его имя, а сам и не думает этого делать. Наконец в августе 1885 г. Ротана выгоняют из его поместья Люттенбах в Эльзасе, где он преспокойно сочинял книги, которые могли бы нас чему-нибудь научить, а Дерулэд с торжеством прогуливается по бульвару и в восторге, что еще раз наделал шуму на чужой счет.

Во всем виден флюгер. В октябре Дерулэд пишет: «как бы ни были мои личные мнения, я отказался вписать мое имя в какой-либо избирательный список, потому что дело, которому я служу и которого не хочу покидать, запрещает мне быть кандидатом какой-либо партии». Через 1 1/2 месяца он просит, чтобы его внесли в оппортунистский список, и, желая дать залог своим презренным друзьям, он идет дальше Гоблэ, который отнимает хлеб у бедных 80 летних священников, и требует чтобы у них отняли и право избрания и сделали из них настоящих париев.

он бы сам испугался опасности, которой он подвергал свою родину, он бы послушал того, кто сказал бы ему: «подумайте, вы француз, христианин, и для того, чтобы доставить выгодное дело евреям, вы пошлете на смерть тысячи существ, у которых есть жены, матери, дети. Вы знаете, что ничто не готово, что взяточники, воры, заседающие в палате, раскрали миллиарды, которые мы внесли для преобразования армии. Лезан, сторонник вашей партии, доказал вам, что наличный состав наших войск просто смешон; вы видели Фарра в действии, даже в таком деле, в котором было заинтересовано не еврейство; сидите смиренно и не связывайте вашего имени с гибелью вашего отечества».

К несчастью Дерулед, верно, не встретил никого, кто бы говорил с ним в таком тоне, когда он предпринимал кампанию в улице св. Марка.

Эта глупая, смешная выходка могла бы иметь опасные последствия, если бы Германия, по причинам, уже изложенным нами, не была намерена сохранить мир, и если бы Париж, не зная наверно, но инстинктом угадывая истину и спекуляции, скрывавшиеся под всем этим, не сохранил полного равнодушия.¹⁶⁵

Там был какой-то капитан ландвера, философское хладнокровие которого было изумительно. Представьте себе офицера Наполеона I после 1806 г., которого бы потревожили в его кафе. Тотчас посыпались бы брань и вызовы, а этот brave капитан, который, вероятно, не менее храбр, чем Дерулед, спокойно отправился пить свою кружку пива в другое место.

Германия выказала не только здравый смысл, но и ум, что у нее довольно редко. Держа в своих руках муниципалитеты, переполненные зарейскими евреями, которые себя выдавали за эльзасцев, она устроила, через несколько дней после демонстрации Деруледа, большой банкет, чтобы отпраздновать годовщину Седана.

Вы видите контраст? В сентябре 1870 г. группы французов покрывали поле битвы; мрачные и угрюмые пленники направлялись к островам Мезы, где они пробывали два дня без еды; полки немецкой конной гвардии дефилировали среди приветствий и криков *Vivat*, подымая на воздух наши знамена... Двенадцать лет спустя, в тот же день и час, республиканцы пили шампанское в здании биржи, чтобы ознаменовать этот счастливый день.

На площади тот капитан ландвера, которому Дерулед помешал выпить кружку пива без всякой основательной причины, посмеивался в свою белокурую бороду тем особенным свойственным немцам смехом, который иногда слегка подергивается печалью.

Предположите, что Дерулед, вместо того чтобы рисоваться и хвастаться своим патриотизмом, действительно носил бы в сердце патриотические чувства, глубокую и искреннюю любовь к своей родине, — какой прекрасный случай представлялся

¹⁶⁵ На празднике 14 июля 1884 г. повторились те же глупые грубые выходки. Немецкое знамя было брошено в ручеек обезумевшим от страха полицейским комиссаром: один молодой немец, г. Вурстер, чуть не был растерзан опьяневшей толпой.

ему образумить, пристыдить участников банкета. Представьте себе горячего, убежденного оратора, который отправился бы к рабочим, буржуа, старым солдатам и сказал бы им: «допустите ли вы, чтобы подобную годовщину справляли пирушкой, и выбрали день, в который Франция потерпела такое жестокое поражение, для того чтобы напиваться?»

Эти люди поняли бы. Они бросились бы на гуляк, опрокинули бы приборы, Флокэ отправился бы совершать свое пищеварение в уличном стоке; не поздоровилось бы и Винкману (вот тоже, к слову сказать, французская фамилия!), который изгнал сестьер милосердия.

Дерулед не нашел ничего возмутительного в этом Седанском празднике, и по этому поводу не раздались звуки: «прекрасной, неутешной лиры, звучащей под его руками».

Как бы то ни было, Франция счастливо отделалась. Впрочем и еврейство действовало с меньшим единством, чем обыкновенно: это, может быть, и спасло нашу страну. Пока Майер немецкого гимнастического общества наносил или не наносил оскорбления, это так и осталось не расследованным, пока Майер Лиги Патриотов негодовал, а третий Майер в «*Gaulois*» неопределенно говорил о чести французского знамени, к которому он не позволит прикоснуться, на сцену выступил четвертый Майер, в «*Lanterne*».

Может он опоздал? Может Гамбетта уже раздал все подряды на бумажные подметки и одеяла, подбитые ветром, предназначавшиеся для наших несчастных солдат в будущую войну? Не знаю; как бы то ни было, но он выставил на вид то, до невозможности смешное положение, в которое себя поставил Дерулед.

Вот этому то именно Майеру и не посчастливилось, потому что он выказал честность. Поэт отправился к нему и дал ему пощечину, а так как евреи чувствуют отвращение к оружию, то и пришлось нести эту пощечину на суд, который приговорил Деруледа к двадцати пяти франковому штрафу; эта сумма показалась ничтожною тем, кто слышал пощечину и, напротив, возмутительно высокою тем, кто знал личность, получившую ее.

Счастье никогда одно не приходит. Франция избегнувшая войны, которая бы была её гибелью, в не продолжительном времени окончательно избавилась от попыток подобного рода. Перст Божий коснулся Гамбетты и в последний день 1882 г. он погиб, как и ему подобные, жертвою драмы, которая осталась тайной. *Quomodo cecidit potens?*...

На похоронах знатных римлян позади траурного шествия шел раб, одетый как покойный, долженствовавший подражать его движениям, манерам походке. Это был архимим, печальный и в то же время комический актер, нечто вроде привидения, разгуливающего среди карнавала или масленичной маски, пляшущей на кладбище.

Ферри был архимимом Гамбетты: он был его вторым я, но с тою разницею, которая существует между господином и слугою; таким путем он понравился республиканскому союзу и почти успокоил страну. Более франмасон, чем еврей, в противоположность Гамбетте, который был более еврей, чем

масон, он был предопределенным исполнителем всех подлостей внутри страны, но его низость никогда не возвысилась бы до таких дел, как организация еврейской войны; у него на то не хватило бы сил и его трусливый вид успокаивал тех, кого пугала развязность негодяя. Конечно, он свиреп со слабьими и неумолим ко всему благородному и великодушному, но в сущности, он скорее человек грязи, чем крови, и Франция до того дошла, что считает это за благо.

Начиная с этой минуты, подобно Рейну, который доходит до моря чуть ли не ручейком, история Франции становится историей всевозможных Ферри, а история Ферри есть не более, как история франко-египетского банка.

Главное руководство взял на себя Шарль Ферри, он же дал имя фирме. Прежде, чем поступить к Вателю, он был комиссионером по продаже цветов и перьев и с ранней юности выказывал склонность к торговле. Некогда ему поручали продавать на набережных книги, присылаемые его брату, что не составляет преступление, но и не указывает на особенно блестящее состояние.

Так, например, я купил, в память остроумного автора, «Письма прохожего» и «На охоте», тоненькую книжку, изящно изданную Жуо, с следующим посвящением:

«Моим милым друзьям Жюлю и Шарлю Ферри от Артура де Буассье».

Теперь Ш. Ферри владеет 20-ти миллионным состоянием. В сентябре 1894 г. он приобрел на распродаже имущества туниского генерала Бен-Айада, недвижимость, находящуюся в улице С.-Жорж под № 43, и заплатил 540,000 фр.

Газеты сообщают об этом факте, а Ш. Ферри имеет нахальство отрицать покупку и уверять почести, что он никогда не приобрел дома в Париже; ему спокойно подают извлечение из объявлений от 10 сентября 1884 г., в котором значится, что эта недвижимость осталась за ним.

Только и всего. Никому в голову не приходит спросить вчерашнего бедняка о происхождении его богатства, и нужно было громко выраженное негодование избирателей округа Вогезов, чтобы Ш. Ферри взял назад свою кандидатуру на последних выборах и временно отказался от общественной жизни.

Вместе с Марком Леви-Кремье Ш. Ферри устраивает все большие операции франко-египетского банка.

Этот Леви-Кремье, очень уважаемый среди израиля, потому что он грабил гоев, был настоящим министром финансов оппортунизма. В его руках были все государственные тайны, он заранее знал все события и в течение нескольких лет нажил огромные барыши. Сговорясь с Шальмель-Лакуром, он в «*Republique française*» ратовал за понижение туниских облигаций. Вместе с Лебоди, за которыми стояли Ротшильды, он был организатором и подготовителем краха, которому правительство способствовало всеми силами. Он же с Тираром и Дюге де ла Фоконнери вел переговоры о конверсии. Свою деятельность он начал в Марсели, торгуя полотна-

ми, затем стал играть на бирже в Париже и прогорел. Умирая, в январе 1886 г., он оставил 15 миллионов, несколько поместий в разных департаментах. «*Gaulois*» посвятил этому биржевому пирату статью, переполненную похвалами, который всю жизнь сеял вокруг себя печаль и разорение.¹⁶⁶

Что касается до франко-египетского банка, то это одно из тех огромных еврейских сооружений, которое следовало бы разобрать и изучить по частям, чтобы отдать себе отчет в экономическом положении не только Франции, но и всего мира.

Тэн в последнем томе «Происхождения современной Франции», который должен содержать много статистических и финансовых таблиц, по-видимому, собирается заняться этими вопросами, но вряд ли он справится. Прудон, автор «Руководства для спекуляций на бирже», наверно больше смыслит в этом деле.

Франко-египетский банк, почти исключительно состоящий из евреев и имеющий директором, очень любезного с виду, еврея, Эдгарда Мея, занимается обыкновенными делами, как и Дидо-Боттен, (и где Эдмонд Абу нажил часть своего состояния), — пивоваренными и дрожжевыми заводами, константинопольскими водопроводами и т. п.; он находит, что мы еще недостаточно потеряли на Мексике и горячо покровительствует Мексиканскому национальному банку, занимается банковскими операциями и имеет контору на о. Маврикия, где его агент занимается переводом векселей на главную контору в Париже и зарабатывает 33% барыша; он тоже берет на себя взимание платежей в Египте. Этот банк придерживается системы английских и левантинских евреев, которым удалось почти окончательно разорить несчастных феллахов, заставляя их всеми средствами занимать небольшими суммами, но они не могут отдать в срок и их земля отнимается.¹⁶⁷ Это все та же старая война, которая лиша-

¹⁶⁶ В то же время Франция утратила другого еврея — Ланжа. «никто, восклицает Артур Мейер в «*Gaulois*» в порыве восторга, лучше его не умел помещать премии. Он бы сумел поместить их целых тридцать тысяч той же стойкости на одной бирже. По этому банкиры его очень ценили. Многие из самых крупных пользовались его счастливыми способностями. Он на этом заслужил крест Почетного Легиона!»

В Париже теперь немного людей, которые бы могли понять, как эта фраза драгоценна для характеристики эпохи, и оценить, почти до наивности доходящую, бессознательность этого еврея, который приходит в неистовый восторг перед биржевым барышником, получившим орденское отличие за то, что ловко умел помещать премии.

¹⁶⁷ Я изобразил евреев, снова поселившихся в Париже и его окрестностях в тех самых местах, где они были до изгнания; через три тысячи лет неумолимые евреи вернулись в страну фараонов, где они были рабами, и наложили на несчастное население поистине чудовищные налоги.

«Трудно, говорит Густав Лебон в своей книге «Цивилизация арабов», определить, сколько европейские финансисты, особенно евреи, извлекли в несколько лет у феллахов. Мы знаем по цифрам, изданным Ван-ден-Бергом в 1878 г., что из сумм в 1,397,175,000 фр., полученной от пяти займов, финансистам досталась, в виде комиссионных и иных, скромная сумма в 522 мил., и лишь 875 мил. поступило в казну египетского правительства.

В книге IV вы увидите, с каким огромным презрением к справедливости и гуманности французская демократия и английский либерализм поступают с поработенными народами,

ет бедняка его клочка земли и доводит его до рабства, но здесь война ведется на расстоянии евреем, который дорог Ренану, который умирает от болезни спинного мозга в великолепно отделанном отеле в Елисейских полях.

Но все эти операции — второстепенны. Главное занятие франко-египетского банка составляют ажиотаж и биржевые проделки, предпринимаемые сообща с членами правительства.

Тонкинская экспедиция была операцией подобного рода.

Тут очевидно нельзя было выдвинуть вперед никакого патриотического или возвышенного побуждения. Колониальная политика, имеющая смысл для государств, обремененных излишком населения, была бы бессмысленна для Франции, где число рождений меньше, чем в других государствах, и которая принуждена теперь призывать иноземных работников.¹⁶⁸ Чудесный Алжир, который так близко от нас и ждет, чтобы его обрабатывали, но куда никто не хочет ехать, ясно доказывает нам бесполезность для нас отдаленных владений.

Испанцы, итальянцы, мальтийцы составляют там население, значительно превосходящее французское. В Оранской провинции 83,000 испанцев и 58,000 французов.¹⁶⁹ У нас достигают до 920 миллионов торговые обороты с Южной Америкой, о которой мы никогда не думали, и лишь всего 306 мил. с Алжиром, стоившим нам столько людей и столько денег.

Наибольшая сумма, на которую было ввезено товаров из Франции в наши владения в Океании, достигала лишь 618,567 фр.! В Кохинхине только всего и есть французов, что чиновники, которых мы должны содержать. Едва ли мы посылаем во все наши колонии, вместе взятые, произведений на 47 миллионов в год.

каковы арабы и индусы.

¹⁶⁸ ертильон, хотя и принадлежащий к передовому направлению, был настолько честен, что констатировал этот ужасный признак в «Человеческой статистике Франции». «В XVII в. народонаселение Франции, сравнительно с совокупностью народонаселения других великих держав, составляло 38%. Эта цифра достаточно свидетельствует, какое значение имела воля Людовика XIV, потому что, при остальных равных условиях, она показывает нашу экономическую, вернее военную, силу в сравнении с силами соседних государств. Наш король был самым могущественным монархом своего времени». В 1789 г. Франция еще составляла 27 из 100% всего населения; в 1815 г. уже 20%, а теперь всего 13%.

Этим цифрам соответствует ослабление влияния, уменьшение числа тех, которые говорят по-французски или читают французские книги. Франция подобна светилу, которое вступает в ледяной период, и светящаяся атмосфера которого все уменьшается. Вот что честные люди должны бы постоянно повторять, с доказательствами в руках, а между тем депутаты левой лгут по обыкновению и уверяют народ, что он — величайшая из всех наций, начиная с 1789 г., между тем как именно с этой эпохи и начинается падение.

¹⁶⁹ Что может быть убедительнее отчета директора общественной безопасности министру внутренних дел о движении эмиграции во Франции за 1882, 83 и 84 гг. Эти годы дают среднюю годовую в 4162 эмигранта; в 1884 г., несмотря на всеобщую нужду, эта цифра спустилась до 3768 человек. А в тот же год через наши морские порты отправилось в Америку и Африку 31,339 иностранных эмигрантов.

Эти грубые истины бросаются в глаза всякому, и самый ограниченный ум их понимает. Жители Тонкина, самый бедный народ Азии, живущий исключительно рисом, который он сеет, за шестьсот лет не купят у нас и на миллион товара.

Вице-адмирал Дюперре, бывший губернатор Кохинхины, говорил перед комиссией: «пусть мне назовут хоть одного француза, который, занимаясь промышленностью, заработал бы в Тонкине достаточно денег, чтобы уплатить за свой обратный проезд во Францию».

Альсид Блетон, на которого министром колоний была возложена коммерческая миссия в Тонкине и отчет которого был обнародован, не нашел ровно ничего, что бы можно было ввозить или вывозить из этой страны. Единственно, чем можно бы, по его мнению, заработать немного денег, это построить бараки для европейских чиновников и устроить прачечные. В то время, как Германия угрожает нам у порога, было бы по меньшей мере странно посылать на смерть наших лучших солдат, что бы иметь возможность стирать белье аннамитов и тонкинцев.

И тем не менее мы отправились в Тонкин, чтобы оделать дело.

Конечно, судя по внешности, можно бы и ошибиться. Даже после Ланг-Сона Тондю восклицал в коридорах: «я никогда не унижу французского знамени! Национальная честь прежде всего! Хотя бы пришлось пожертвовать 50 тысячами человек, я не покину Тонкана!» Все говорили: «это чрезмерно, но все равно, каков молодец этот Тондю»!..

Диец-Монен и Бозериан говорили то же самое в сенате и почтенные сенаторы, пораженные удивлением, восклицали: «ай да молодцы, им все нипочем»!

Вдруг Андрие принес в тонкинскую комиссию документ, который выставил Тондю и его друзей в совсем ином свете. Вот текст этой бумаги:

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ

большой компании для арендования у правительства земель в Индо-Китае.

Ст. 1-я. — Президент совета, министр иностранных дел, от имени правительства дает главному французскому обществу в Индо-Китае, представители коего суть гг. X. X. X:

1. Концессию на 99 лет всех свободных земель, лесов и рудников в Кохинхине, Аннаме, Тонкине и Камбодже, принадлежащих государству.

2. Исключительное право:

Учредить в Тонкине, Аннаме и Камбодже учетно-ссудный банк, пользующийся всеми правами и привилегиями, пожалованными Индо-китайскому банку декретом от 21 января 1875 г.

Строить и эксплуатировать железные дороги, которые правительство прикажет провести.

Создать и эксплуатировать водные линии для транспортирования и навигации по рекам, каналам, портам; построить доки и пакагузы, смотря по надобности;

3. Взимание поземельного налога ценностями и натурою, сообразно аннамским законам и реализа-

цию части, собранной натурою, в ценности за счет государства, за известное вознаграждение.

За этим проектом следовала заметка, написанная рукою Ферри, помеченная его начальными буквами и свидетельствующая, что этот финансовый трактат был ему представлен Диец-Моненом, Тондю, Бозерианом и другими депутатами и сенаторами того же оттенка.

Эти вещи общепризнанны и никого не шокируют. Если в былое время и существовали общественные

деятели, торговавшие своими полномочиями, то они прятались, принимали бесконечные предосторожности, отворачивали голову, чтобы не видеть банковских билетов или пачек акций, которые скромные посредники после аудиенции, как бы нечаянно оставляли на конце стола. Иногда даже и так не смели действовать, а дожидались нового года и посылали дочери того лица, которое принимало в вас участие, прекрасную куклу от Жиру, а на кукле оказывалось на пятьдесят тысяч бриллиантов. Бриллианты вокруг табакерки или портрета прикрыли своим блеском не мало грязных сделок.

В наше время торговля совестью производится открыто, цинично. Эту торговлю переносят в кабинеты юрисконсультов и нотариусов, с просьбой все уладить по правилам, чтобы не было пререканий.

Прежде чем разоблачить проект Тондю, Андриэ уже разобрал в «*Matin*», без особенного негодования, большинство договоров касательно Тонкина.

Вся семья Ферри принимает участие в дележе добычи. Представителем интересов всего племени на дальнем востоке является Бавье-Шофур, двоюродный брат Ж. Ферри, который был женат на племяннице Флокэ и сперва очень неудачно управлял банком в Берне.¹⁷⁰

«Радикальная корреспонденция» приводила текст трактата, заключенного Бавье-Шофуром с Аннамским двором.

Бавье-Шофур, в качестве родственника министра, создал себе привилегированное положение и в виду того, что Гюэский трактат еще не был ратифицирован и невозможно было помешать этой сделке, ему удалось купить:

¹⁷⁰ Наши генералы, по крайней мере, выказали отвращение к подобным грязным спекуляциям, о чем свидетельствуют две депеши, сообщенные Тонкинской комиссии в заседании 1-го дек. 1885 г.:

Генерал де Курси Военному Министру.

Получил письмо от морского министра, подписанное «Руссо». Он требует объяснений по поводу уступки земли Бавье-Шофору в Кеб-До и угольного бассейна Гонг-Гэ. Я отказываюсь вмешиваться в эти грязные спекуляции. Все мне кажется уничтоженным, прежний король и вероломные министры бежали или изгнаны.

Де-Курси.

Вот ответ военного министра:

Генералу де Курси.

Разделяю ваше мнение о деле Бавье-Шофура.

Кампенон.

Этим объясняется, почему де Курси был отозван и заменен Полем Бером, который отправился туда, чтобы попытаться поправить денежные дела оппортунизма.

1. Весь остров Ке-Бао, сроком на сто лет, верхний слой, под почву и проч. за 60,000 долларов (по 4 фр. 55), уплата в 1886 г., залога 600 долларов.

2. Угольный бассейн У-Гэ в заливе Алон, за 40,000 дол. на тот же срок, залога 400 дол.

Аннамский двор будет получать 10% с чистой прибыли от предприятия и представит мандарина, в качестве финансового контролера эксплуатации.

Через сто лет концессии будут снова возвращены Аннаму, если, только не произойдет нового соглашения с наследниками Бавье; во всяком случае, двору вменяется в обязательство оказать им предпочтение перед всеми другими, при одинаковых предложениях.

Кроме того Бавье предоставляется право строить мосты, набережные, порты, железные дороги, передавать и продавать.

Пример государственных деятелей возбуждает всех. При первом известии о заключении трактата, группа финансистов и негоциантов, во главе которых, конечно, стояли евреи, Гинцбург, Ульманы, Эрнест Леви, собралась в помещении синдиката, чтобы, по выражению «*Gaulois*», «поставить первые вехи организации в Тонкине».

С первого взгляда положение кажется то же самое, что в XVI веке, лишь с прибавлением громких фраз о цивилизации.

Найти золото! вот что было *idée fixe* спутников Кортца и Пизарро, и история, увы! повествует нам, что они ни одного несчастного индейца положили на раскаленную решетку, чтобы заставить его открыть, где те руды, переполненные баснословными богатствами, мысль о которых преследовала завоевателей.

Но как только вы дадите себе труд поразмыслить, вы быстро убедитесь, что между этими двумя случаями не существует никакой аналогии.

Испанцы искали золото, нашли его, привезли его домой, и оно помогло испанским королям в течение пятидесяти лет поддерживать борьбу со всем светом. Если у вас поэтому поводу есть сомнения, обратитесь к Дюклерку, бывшему министру иностранных дел. Под тем предлогом, что один галион некогда потерпел крушение в бухте Виго, он нашел возможность вытянуть 15 миллионов у акционеров, которые с тех пор в глаза не видали ни денег Филиппа II, ни своих собственных.

На этот раз обстоятельства совсем иные. В Тонкине нет россыпей, и войну ведут только для того, чтобы дать ход обществу, которое будет похоже на все предыдущие и разорить всех тех, кто доверит основателям свой капитал.

В 1884 г. Рауль Дюваль, в разговоре с журналом, имел мужество сказать правду об этом деле; он ясно показал в чем суть.

«С большим треском назначили комиссию из инженеров, чтобы установить порядок концессий. Самым вероятным результатом их будет то, что деньги наивных акционеров перейдут в карманы концессионеров. В дельте Красной реки нет никаких руд в смысле доходной статьи; нам там принадлежат лишь пункты, занятые нашими войсками, ко-

торым невозможно выйти за свою линию, не рискуя головой¹⁷¹ Чтобы найти руды, надо проникнуть в гористую часть, мало доступную и смежную с китайскими владениями.

Золото существует в достаточных размерах только на химерических картах Дюпюи, что же касается других металлов, то надо иметь самое ложное понятие о теперешнем состоянии металлургического рынка, чтобы думать, что тонкинские рудники, как бы богаты они ни были, могли быть с пользой разрабатываемы. Никогда еще железо и медь не стояли так низко; свинец еще дешевле, так что английские, испанские и американские рудники, расположенные в самом центре потребления, не могут похвалиться хорошим положением дел. Грустно подумывать, что из-за подобной химеры истощают силы и кредит Франции».

Таким образом мы всегда возвращаемся к еврейской системе. «Люди живут тем, что они есть и что они создают», говорит Прудон; еврей же есть отрицание, он ничего не создает, а хочет денег и поэтому неизбежным, роковым образом принужден искать их там, где они есть, т. е. в кошельке тех, которые работали для приобретения денег. Кастильцы, благодаря своей смелости и необыкновенному мужеству, могли взять приступом полный золота дворец Монтезумы;¹⁷² евреи, с помощью всевозможных, кажущихся изворотов, производят ту же осаду, осаду сундука, в котором хранит свои сбережения маленький рантье, швейцар, бережливый мастеровой.¹⁷³

¹⁷¹ Вот в каких выражениях одна из газет Ферри, «Independant», говорит об этих копиях. «Золото в таком изобилии, что в некоторых местах держат уток исключительно для того, чтобы собирать в их испражнениях, сделавшихся драгоценным гуано, золото, которое оне глотали, полощась в ручьях».

Это напоминает разговор гасконца и марсельца.

— Я уронил спичку на своем поле, а на следующий год нашел там лес.

— Вот невидаль, отвечает тот, в Марсели вы потеряете пуговицу от панталон, а через неделю находите совсем новые панталоны.

¹⁷² Соотношение между этими двумя видами алчности поразило Барбу, и мы находим отголосок этого в его защитительной речи, по делу Августа Дрейфуса, о гуано. Главное Общество требовало с этого Дрейфуса, который страшно богат, существо безделицу — 50 миллионов. Чтобы повлиять на судей, Гриви в первый раз не побоялся встать со своего председательского кресла для защиты откупщика. Но по моему Барбу недостаточно резко указал разницу между поступком смелых искателей приключений, которые пускаются в даль, чтобы добыть денег, и простой фокуснической проделкой евреев, которые, при помощи лживых объявлений, забирают деньги на месте, в наших карманах.

¹⁷³ Чтобы понять новую форму, которую принимают экспедиции с цивилизаторской целью, надо прочесть статьи «New-York eerald» о свободном государстве Конго и международной ассоциации, которую американская газета называет «грандиозным мошенничеством». Дело это устроил зять Ротшильда, Ламбер из Брюсселя, с известным числом еврейских финансистов. Только четверть суммы, предназначенной для этого предприятия, была употреблена на тот предмет, для которого была собрана. Подробности всех мошенничеств и мучений, которым подверглись простяки, позволившие завлечь себя в это дело, не поддаются описанию. Поэтому-то, вербуя их, заставляют давать письменное обязательство, что они никогда не скажут ни слова о том, что увидят.

Дело в том, что в Тонкине было убито 10,000 французов и истрчено 800 миллионов для того, чтобы отыскать новую местность, на которую бы можно объявить новый финансовый выпуск. Так как все места уже были перепробованы, то избрали китайскую стену.

Не к чему повторять невероятные подробности этой войны, начатой неизвестно почему и продолжавшейся, не будучи объявленной. Нельзя ровно ничего разобрать в том, как велось дело; должно быть эта бессмысленная политика скрывает всевозможные тайные низости, которые осветит только будущее.

Все вмешиваются в переговоры кроме тех, кого это касается. Отстаивают от должности Бурре, который, еще до начала враждебных действий, выхлопотал больше, чем дал Тьен-Тзинский договор после стольких человеческих жертв, и поручают какому-то флотскому офицеру вести переговоры о статьях, которые были отвергнуты. «Times» печатает этот странный договор и оказывается, что он содержит совершенно противоположное тому, что в нем находил Ж. Ферри. Глупый Мильо позволяет резать наших солдат в Бак-Лэ, потому что не были приняты самые простые предосторожности. Ж. Ферри торжественно восклицает: «подобные вещи не проходят безнаказанно!» и, истребовав 200 миллионов, он поручает англичанину заключить договор, в котором и речи нет о каком-либо вознаграждении и по которому мы уступаем Пескадорские о-ва, единственный полезный для нас пункт в этих широтах, единственный, где мы мешаем англичанам.

В это время французы умирают тысячами под пулями, от тифа, холеры, климата, госпитали полны больных и терпят недостаток в лекарствах. Наконец, в довершение всего, наше бегство перед китайцами под Ланг-Сонгом отняло у французской армии последнее обаяние¹⁷⁴

Чтобы помочь государству Конго, откуда французы исключены, где четыре губернатора — немец, англичанин, бельгиец и американец, республиканское правительство разрешило в ноябре 1886 г. лотерею в двадцать миллионов, а перед тем не хотело разрешить двухмиллионной лотереи в пользу парижских бедняков.

Дело Мариотти тоже раскрывает целую сторону этих экспедиций. Дочь этого бедняка была изнасилована агентами панамской компании и умерла со стыда. Отец в отчаянии обращается к администраторам компании и требует правосудия. Никто не удостоивает его ответить. Бр. *** Кузен собирается произнести нравственные речи на дальнем востоке; Лесенс составляет отчеты о цене добродетели в академии; демократическая обществу не хотят становиться в дурные отношения с финансовою силою. Несчастный принужден выстрелить из пистолета в карету Фрейсинэ, чтобы на его дело обратили внимание.

¹⁷⁴ Нам незачем останавливаться на этом грустном эпизоде.

Несчастный полковник Гербингер, которого смерть избавила от жизни, переполненной горечью, вследствие этих роковых событий, повидимому не заслужил тех упреков, которыми его осыпали. По всем вероятностям партия Фарри хотела свалить на этого храброго офицера все ошибки несчастной компании. См. интересную брошюру генерала Пеана об очищении Ланг-Сона: «В поисках за истиной». Может быть генерал, который добр как все храбрецы, и умалил долю ответственности полковника Гербингера в этом отступлении, которое повидимому было необходимо, но могло быть менее поспешно.

Рассудок теряется при мысли, что все эти не-лестности достойные истории, что люди действительно умирали по воле таких шутов и что собрание все это одобряло. Это лучше всего дает понятие о вынослитости бедного человечества, которое все терпит. Негодяи, отнявшие жизнь у стольких людей, спокойно пользуются своими миллионами. Едва оправившись от первого, правда, сильного страха, Ж Ферри, во время прений по поводу дела при Ланг-Сонге, хохотал до упаду на своей скамье вместе с Рейналем, который, по-видимому, очень забавлял его рассказами о том, каким изувечениям подвергаются там наши пленные солдаты. Такой цинизм казался бы невероятным, если бы не было на лицо протокола того заседания.

Клемансо. — Всякие прения между нами кончены. Мы не хотим более слушать, не хотим обсуждать с вами нужду нашего отечества (Аплодисменты.) Мы вас более не знаем, не хотим вас знать. (Новые аплодисменты.) Я хочу набросить покров забвения на все, что вы до сих пор говорили или делали. (Различные движения.)

Передо мною не министры, а обвиняемые. (Аплодисменты на правой и левой стороне.)

Голоса направо и налево: Эти господа смеются!

Председатель. — Господа, не угодно ли вам замолчать.

Рауль Дюваль. — Иногда бывает невозможно сдержать негодование, г. председатель совета смеялся! (Аплодисменты направо.)

Клемансо. — Да, обвиняющиеся в государственной измене, и если есть правосудие во Франции, то рука закона скоро прострется над ними. (Новые рукоплескания налево.)

Гальяр (Воклюз) — Я заявляю, что г. Ж. Ферри опять смеется. (Шум.)

Падение Ферри есть страница истории, заслуживающая внимания, и число 29 марта, увидевшее падение создателя декретов, стоит того, чтобы на нем остановиться.

Среди волнения, причиненного известием о поражении при Ланг-Сонге, сразу пробужденное общество выказалось в своем настоящем свете, подобно тем нарядным, нарумяненным старухам, которые при крике: пожар! бросаются с лестницы и обнаруживают, каковы они в действительности, страшные, сморщенные, как старые яблоки, похожие на мертвецов.

В ту минуту Париж показал нам картину того, чем была бы столица, после первого, даже незначи-

Любопытнее всего то, что оппортунисты, столь жестокие к Гербингеру, когда он попал в безвыходное положение, некогда превозносили его достоинства превыше всякой меры, оставаясь в этом верны своей системе: обманывать общественное мнение, создавать дутые репутации людям, преданным их партии. 31 мая 1885 г. «Republique Francaise» говорит: «если бы Франции предстояло доверить самое трудное командование, она не могла бы сделать лучшего выбора, как подполковник Гербингер. Те, которые видели его в деле, знают, что он одарен способностями Клебера». Вот видите-ли, Франция должна иметь доверие к газете Спюллера и требовать, чтобы в войне с Германией самое трудное командование было поручено Гербингеру!

тельного, поражения, в войне с Германией. Нет больше ни власти, ни правительства, ничего нет, все ниспровергнуто.

Достаточно одного слова правды, чтобы поразить на смерть оппортунизм, беспрестанно живший ложью, возведший ложь в систему. Каким образом Ферри сказал эту истину? Почему он не скрыл эту депешу, как и предыдущие? Он побоялся. Этого адвоката, который убил больше людей, чем завоеватель, убил искусно организованным голодом во время осады, военными судами в 1871 г., Тунисом и Тонкином, неотступно, как призрак, преследовала мысль, что он когда-нибудь попадет в руки народа и заплатит за все зло, которое причинил. При получении депеши он подумал, что погиб, и выдал все.

В этот день массы были как будто обезоружены отвращением. Вот в такие-то часы возбуждения, когда все городское движение сосредоточивается на форуме, когда журналисты, композиторы, механики, брошюровщицы, разнощицы газет в беспорядке толкуют и спорят среди типографий, видишь, как много хороших сторон сохранилось в народе. Он, как бы по наитию, узнает на ком лежит настоящая ответственность за события. Мастеровые не читали «Times'a», который констатировал, что китайский заем взяли на себя Ротшильды и таким образом доставили оружие против нас; однако, с одиннадцати часов утра сами собой стали собираться кучки людей, слышались взрывы негодования, крики: «к Ротшильдуду! к Ротшильдуду!»

«К счастью, говорит «Gaulois», явились другие личности и отсоветовали толпе приводить это намерение в исполнение».

Не разделяя мнения еврейского органа, надо отметить эту почти бессознательную манифестацию, крик общественной совести, минуту просветления, значение которой газеты стараются умалить.

Какой очаг патриотизма хранит в себе народ, который читает только газеты, объявляющие что отечество есть пустой звук! Как эти пролетарии живут мыслию вместе с нашими несчастными солдатами, затерянными за тысячи миль от Франции, окруженными бесчисленными ордами варваров! С какою мукой задают вопросы журналистам, воображая, что они что-нибудь знают! Я как сейчас вижу скромную жену мастерового, всю в веснушках, с добрыми, печальными, серыми глазами, одно из тех болезненных, плохо одетых, забытых мужем созданий, которые лишают себя последнего, чтобы отдать детям. С каким тоскливым выражением она говорила: «Брошена казна армии, какое несчастье! Не знаете ли Вы, спасены ли, по крайней мере, знамена?»

Казна армии! какое дело до нее этой бедной женщине, у которой, может быть, всего каких-нибудь 40 су в засаленном кошельке на всю неделю; и однако сердце сжималось, когда она нам повторяла: «не знаете ли, спасены ли знамена?»

Мы узнаем плебейку времен осады, которая в суровую зиму, дрожа от холода, с четырех часов утра стоит в хвосте ожидающих, у дверей булочных и, несмотря на жестокую стужу, смеется над Бисмарком: «как он верно бесится, что Париж так защищается!»

Знамена! Так называемому высшему обществу до них не было никакого дела. Настоящая горячка праздников и балов совпала с известиями о несчастьях, поразивших родину.

Пасхальная неделя, по обыкновению, объявляет «Figaго», является настоящим возрождением для большого света.

Вторник: бал у герцогини де Малье.

Среда: бал у г-жи де Шатобур и графини де ла Феронэ.

Четверг: танцевальное утро у Маркизы де Тревиз.

Пятница: костюмированный бал у Гальяра.

Господа дирижеры котильонов, по местам!

Все финансисты сбегаются к этому Гальяру, считавшему в это время удобным давать маскированный бал в отеле, который он, по дикому капризу, велел построить по тому же плану, как замок Блуа.

Евреи настужь открывают свои салоны. Большой бал у баронессы Гирш, которая, вероятно, в ознаменование победы жителей Небесной империи, украсила голову лавровым венком. На ней туалет из темно зеленого атласа, затканый золотом.

«Герцогиня Бизаччия в парчовом платье, с золотыми и серебряными разводами, герцогиня де Малье в шелковом платье, во вкусе возрождения.

«Г-жа Анри Шнейдер: очаровательный туалет времен империи, из белого крепя с длинным красным поясом.

«Г-жа Соломон Гольдшмит: лиловое шелковое платье; с передом, зашитым жемчугом, отворотами и лифом из фиолетового бархата».

Все Ротшильды конечно на сцене. Бал баронессы Адольф более select, а баронессы Соломон более блестящ. Вся аристократия на лицо в отеле улицы Берье, и перечисление вельмож и знатных дам, которые веселятся, пока там умирают, занимает два столбца в хорошо осведомленных газетах.

Действительно Ланг-Сонг был неожиданной добычей для евреев, и к бирже возвратился былой блеск.

Писатель Октав Мирбо, у которого порой бывают удивительно талантливые проблески, набросал поразительную картину общества, которое, в виду подобной катастрофы, думает только об удовольствиях и деньгах ;

«Надо было видеть биржу; при этом зрелище в сердце подымалось отвращение. Всякий раз, как Франция в опасности, как из её тела струится кровь, а из глаз слезы, тысячи хищных людей набрасываются на нее, собирают эту кровь и эти слезы и обращают их в золото. Из глубины каких вертепов, каких банков, каких острогов, каких гетто вырвались эти мерзавцы?

«С искривленным ртом, глазами, горящими хищным огнем, размахивая руками, они бегали, толкались, давили друг друга, и повсюду слышались крики, более варварские, чем победные крики китайцев. Ступени большого здания были все покрыты кишашей толпой, которая как будто несла на

своих плечах огромное безглазое чудовище, и слышался какой-то неясный гул; он предвещал разорение Франции. Невольно приходило на ум, что бедная, прекрасная Франция лежит мертвая в гробу, а все эти жадные руки приближаются к ней, дотрагиваются до нее и, подобно пиявкам, обвившись вокруг нее, высасывают теплую кровь из её открытых жил.

«Эти разбойники желали бы, чтобы несчастье было еще более непоправимо, поражение еще более решительно. Они выдумывали злоешие известия, как будто действительность была недостаточно горестна, траур недостаточно глубок. Им было мало того, что там наша маленькая армия может быть погибла и ни один из сражавшихся не вернется на родину, которая их оплакивает, — они еще распустили слух, что в самом Париже вспыхнуло восстание, что на бульварах и возле палат происходит резня.

Если бы они узнали вдруг, что отечество рушится, обращается в развалины, что, от Марселя до Лилля, от Нанси до Бордо, вся Франция представляет сплошное поле, усеянное трупами, какие бы раздались тогда радостные возгласы и неистовые крики «ура!» По мере того, как курсы падали, а наши доходы, под соединенными усилиями этих разбойников, исчезали, какая радость появлялась среди всеобщего разгрома на их лицах, подобных лицам тех гнусных евреев, которые после битвы, среди сломанных пушек и искривленных ружей, собирают раненых и умерших.

«Да, клянусь вам, на минуту я пожелал, чтобы пушки и митральезы разогнали эту толпу шакалов, и чтобы один за другим упали камни и колонны этого проклятого храма, который дерзко возвышается, как вечное оскорбление и измена отечеству.

«А в то время, как любители удовольствий безжалостно стремятся к наслаждениям, а хищные люди бросаются на постыдную добычу, наши геройские солдатики, без помощи, без надежды, может быть, ожидают смерти в ущельях, где притаились жестокие враги, а может быть их обезображенные трупы, с лицом, обращенным к далекой родине, покрывают рисовые поля и зараженные болота!».

Среди всех этих гнусностей выделяется славный и чистый образ адмирала Курбэ. Этот стоик, раб своего долга, который жертвует жизнью, повинаясь приказу людей, глубоко им презираемых, является воплощением военной Франции; этот христианин, подобно последнему из своих матросов, носящий на шее образок с изображением Пр. Девы, есть живая противоположность низкому масонству, олицетворяемому в Ферри. Моряк-герой и за гробом служит Франции, за которую он умер, *defunctus adeuc loquitur*. Каждое из его писем, полных презрения к республиканцам, стоящим у власти, есть пощечина по их гнусным щекам; эти письма зажигают последнюю искру в душах, и когда открываются выборы, побуждают наконец страну изгнать тех депутатов, которые еще осмеливаются признавать себя оппортунистами.

Еврейство не очень жалеет об оппортунизме, из которого оно извлекло все, что можно было извлечь. Договоры с железнодорожными компаниями, вотируемыми, благодаря еврею Рейналю, каба-

лили Францию евреям. Новый закон выдвинул евреев на первый план, уделил им огромные экономические владения среди французской земли, сделал их нашими владыками не только фактически, но и документально.¹⁷⁵

Невозможно передать, сколько было подкупов, постыдных сделок по поводу железнодорожных договоров.

С этой точки зрения пререкание в палате, 3-го июля 1883 г., по поводу фантастической Сенегальской железной дороги, будет драгоценным документом для историков, которые, помимо всякого партийного красноречия, серьезно пожелают ознакомиться с деятельностью еврейской республики во Франции.

Сперва у страны берут несколько миллионов под предлогом постройки железной дороги среди песков, в местности, периодически опустошаемой желтой лихорадкой.

Через некоторое время оказывается построено 16 километров и истрачено 16 миллионов по заявлению правительства, 27 миллионов по утверждению Бланшюбе, который должен понимать толк, потому что его хотели назначить министром колоний.

Шестнадцать или двадцать семь миллионов? Никто не знает. Да и построены ли эти 16 километров, обошедшиеся по миллиону каждый, — надо полагать, что рельсы там из чистого золота? Положительно неизвестно. Может быть с этой дорогой произошло тоже, что с железнодорожной линией от Мемфиса до Тихого океана, для которой акционеры внесли огромные суммы (из одних % были выданы дивиденды) и которая никогда не была проведена. Достоверно только, что три губернатора Сенегала подряд вышли в отставку, чтобы не быть участниками этого воровства.

Если бы это был не Ферри, а кто-нибудь другой, то он удовольствовался бы этим хорошим результатом, но президент совета, со своим обычным нахальством, уверял своих близких, что чувствует в себе силу извлечь еще несколько миллионов. Во время прений Шарль Ферри потребовал голосования. «Конечно есть утечка», заметил Морис Рувье, «но где её нет в наше время?» И предложение приняли...

По неслыханной несчастной случайности с отчетными документами, которыми правительство надеялось опровергнуть обвинения в лихоимстве, произошло то же, что с отчетами правительства национальной защиты; они погибли в пожаре, как раз в то время, когда были нужнее всего. «Бывают по истине поразительные случайности!» восклицает

¹⁷⁵ Палата так твердо решила лишить страну всех прав контроля, что отказалась принять поправку, требовавшую только, чтобы в случае войны машинисты воинских поездов были французы!

Ни один депутат не подумал воспользоваться случаем обязать компании учредить особую службу на время мобилизации. После того, как было истрачено столько миллиардов на военный бюджет, кажется просто невероятным, что ничто не было предвидено на случай мобилизации, а между тем это так. Чиновники крупных компаний старались обратить внимание министра на этот предмет, но очень вероятно, что это осталось без последствий.

«Matin», рассказывая это плачевное событие.

Это размышление верно, и Ж. Ферри должно быть жестоко страдал, узнав об этой катастрофе.

Посещали ли вы когда-нибудь Тьер? Это самый живописный городок, гнездящийся в такой глубокой долине, что с железнодорожного моста едва можно разглядеть шалаши ножовщиков, теснящиеся на берегах Дюролли. Кругом громоздятся, как бы касаясь неба, огромные черные утесы, обломки вулканических переворотов. Иногда летом на самой вершине виднеется как бы желтый ковер, который почти сливается с небесной лазурью, это рожь колосится.

Каким образом посеяли хлеб на этих глыбах с голыми хребтами, которые кажутся неприступными? Как его собирают? Это тайна. Однако удивляешься усилию человека, который сумел с пользой употребить этот клочок земли и собирать с него хлеб. Глаз переходит от рабочих, живущих внизу и с утра до вечера выделывающих ножички, за которые им платят гроши, к крестьянам, которые наверху рискуют жизнью, чтобы собрать снопы пшеницы.

Вот эти-то самые, и рудокопы, живущие в глубине шахт без воздуха, и бедные пахари, почти исключительно питающиеся кашею, в виде податей вносят все деньги, которыми пользуются Ферри и Леви-Кремье, в то время как левая хлопает в ладоши, не зная наверно, сколько истрачено: 16 или 27 миллионов.

Еврей нам дорого обходится! (выделено мною — В.Б.) эта мысль, я думаю, придет всякому, кто прочтет мою книгу.

Вот мы наконец закончили картину, поневоле неполную, но, надеюсь, верную в основных чертах; изображающую роль еврея во Франции.

Те, которые вместе с нами проследили столько событий за столько лет, без сомнения пришли к заключению, которое может быть выражено следующей аксиомой: «когда еврей возвышается, Франция падает; когда еврей падает, Франция возвышается». (выделено мною — В.Б.)

До XIV в., как заявляет Альберт Кон, число евреев во Франции достигало 800,000; они не оказывали стране никаких услуг, а напротив своими интригами и ростовщичеством заставили владельцев земли изгнать их. Начиная с этого времени, благосостояние Франции начинает быстро возрастать. Они возвращаются, прикрываясь франмассонством, в 1790 г., и становятся полными господами страны, которую они, благодаря своей необыкновенной хитрости, мало помалу лишили всех традиций, составлявших её величие и силу.

Что из этого вышло?

Поразительную черту этого положения вещей составляет полная неспособность еврея сделать что-либо из власти, которую он с неоспоримым искусством отвоевал у людей, легко вдающихся в обман. У семита все исходит из биржи и все возвращается к ней же, всякое действие заключается в спекуляции.

«Основывайте финансовые общества!» Таково первое политическое правило евреев. «Распинайте снова Христа, преследуйте тех, кто ему

поклоняется!» Таково второе правило.

Очевидно, что подобные понятия, в применении к великому христианскому государству, могут привести лишь к тому положению, в котором мы находимся, к хаосу, который Талмуд (трактат Гаггийя) называет *Toeou-va-boeou*...

Есть ли для нашей несчастной страны хоть какая-нибудь возможность избегнуть гибели?

Да, конечно, возможность явилась бы, если бы христиане были так же солидарны между собою,

как евреи, и решились сообща противодействовать врагу.

Для этого не нужно ни революций, ни кровавых переворотов, а желаемые перемены могли бы быть произведены мирным путем.

Таким образом сбылись бы прекрасные слова достопочтенного Петра, аббата Ключийского: *SerViant populis ceristianis, etiam inVItis ipsis, divitiae Judaeogum.*

Книга III. Гамбетта и его двор

Клерикализм — вот враг! Еврейский император. — Происхождение. — Гамберле. — Молодость. — Обаяние Морни. — Барбе д'Орвилли и Вуатюр. — Путешествие на восток. — Четвертое сентября и коммуна. — Счеты национальной защиты. — Новые наслоения. — Еврейская реклама. — Наши иллюзии. — Августиняны. — Анри Рошфор. — Анти гамбеттистская компания. — Собрание в улице С. Блеза. — Отвернувшаяся фортуна. — Критическое положение Гамбетты. — Чтение «Королей в изгнании» у Додэ. — Смерть. — Меткое слово протонародной женщины. — Мозг заправили. — Словарь Гамбетты. — Ненависть к интеллигенции. — Презрение к человечеству. — Коронование в масонской ложе.

Среди многих портретов найдется ли хоть один, который бы давал полное представление о человеке, чья непонятная и необыкновенная судьба будет вечным предметом удивления для истории? Я думаю, что нет. Не по тому ли, что это лицо требует пронизательного и тонкого анализа какого нибудь Карлейля или Тэна? Конечно нет. Несмотря на свое лукавство и хитрость, это существо слишком грубо, чтобы его нельзя было легко понять. Надо только ясно видеть два элемента, из которых он состоит: еврея и императора; это еврей нечистой породы, новейшего образца, с темпераментом императора — самого низшего порядка, если, хотите, — но это так.

После того, как Рим покорил мир, самый Рим был покорен миром. в нем последовательно появлялись императоры испанские и африканские; были галльские императоры, с едавшие за ужином целого быка, и фракийские, которые одним ударом кулака убивали не нравившихся им начальников когорт. Был и сирийский император, шестнадцатилетний Гелиогабал, который, одетый как женщина, в длинное финикийское платье, с руками, покрытыми браслетами, присутствовал при бракосочетании Черного камня с Луною. Хотя сын Семия и был обрезан, но в Риме не было еврейского императора. Таковым на мгновенье сделался Гамбетта. Это не низвергнутый, а забытый Цезарь, который пропустил свой выход и выступает не в очередь во время междоусобицы.

Чтобы хорошо понять его, надо себе представить Варавву, который, получив помилование, в одно прекрасное утро среди свалки очутился претором претории и с помощью палочных ударов требует, чтобы ему присудили пурпуровую мантию.

Это запоздалое появление отдаленного типа очень любопытно, и по этому стоит присмотреться к развитию этой личности.

Вокруг его колыбели не гремел гром при его рождении, но происхождение его любопытно. Гамбетта родился не от иностранных родителей, потому что быть иностранцем в стране значит иметь где нибудь родину, а от странствующих родителей. Вслед-

ствие передвижения народов, причиненного французскою революцією, некоторые евреи стали бродить по Европе, ища, где бы им пристроиться. Один вюртембергский еврей, А. Гамберле, поселился в Генуе во время континентальной блокады, стал торговать кофе и заниматься контрабандой, женился на местной еврейке, родственник которой был казнен через повешение и переделал свою фамилию на итальянский лад, прозвавшись Гамбеттой.¹⁷⁶ Его сын или внук перешел во Францию, поселился в Когоре и даровал нам великого человека, в котором не было ровно ничего французского.

Est — il hebreu, Genoie, Illyrien, Dalmate, Italien, Boheme, hellene ou Prussien?

D'ou vient il? Entre nous, lui meme n'en sait rien.

Он даже не знал точно дня своего рождения, думая, что родился 11 апреля, между тем как в его метрическом свидетельстве значится, что он родился 3 апреля 1838 г. в 8 час. утра.

Чтобы ни говорили, а в Париже будущий диктатор произвел не более впечатления, чем многие посредственности, которые шумят и волнуются, не возбуждая ничьего внимания. Он не имел на своих современников того важного влияния, какое имели в молодости некоторые люди. Вместе с Эббаром Депре и несколькими другими он был членом маленькой группы, которая еженедельно собиралась у

¹⁷⁶ См. по этому поводу странную книгу, о которой мы уже говорили: «Иудейство во Франции», изданную в Штутгарте в 1872 г.; это произведение очень трудно найти, ибо евреи уничтожили почти все экземпляры. в этой книге есть очень любопытные сведения о еврейском движении во Франции и особенно о роли, игранный епископом Бауером.

«Израильские Архивы» сохранили хорошенькое словцо Бисмарка о Гамбетте. «Я удивляюсь, говорил канцлер во время своего проезда через Берлин, в 1880 г., что евреи берлинского муниципального совета до сих пор еще не избрали почетным гражданином города Берлина семита Гамбетту; может быть они сделали это ради маршала Мольтке и меня? в таком случае напрасно, потому что семит Гамбетта забавлял бы нас в качестве почетного согражданина».

Бребана и, по рассказу одного из них, более утомлял своих друзей оглушительным шумом, чем поражал их своим красноречием. «Молчи горлан!» было привычное слово, которым его умирляли, и надо признаться, оно не связывается с понятием о влиянии лица, которое таким образом призывают к порядку.

Из окон ресторана Бребана, где собрался кружок, Гамбетта смотрел на похоронный поезд герцога де Морни, подобный процессии времен императоров. Конечно, никто не подозревал, что горлан будет занимать дворец знатного вельможи, который, под аристократической привлекательностью скрывал менее полное отсутствие нравственного смысла, чем то, какое выказал его заместитель; никто не предвидел, что через 17 лет шумливый болтун будет похоронен с такою же почти пышностью, как и государственный человек, денди, впрягший в блестящую колесницу своего счастья политику любви и любовь к политике.

А может быть видение Бурбонского дворца уже не давало покоя неизвестному адвокату?

Обаяние, производимое Морни в 1852 г. на людей моложе его, было очень сильно, и Додэ прекрасно передал это впечатление. Этот смельчак, светский человек, биржевик, знаток искусства, сластолюбец без разборчивости, был идеалом многих людей того поколения, которому были недоступны высшие чувства.

Всякий брал из этой сложной роли то, что ему было по средствам, и играл как мог. Хищник воплотился в Рауле Риго, который, очень вероятно, проводя вечер в театре, в тот день, когда началась борьба на улицах, думал о Морни в комической опере.

Пру, устраивающий лотереи и барышничавший предметами искусства, напоминает в карикатурном виде Морни мецената; таким он является на портрете Мане, вполне достойный оригинала, затянутый в невообразимый сюртук.

Финансист воплотился в Гамбетте. Будьте уверены, что устраивая тунисский заем, он очень гордился тем, что подражает мексиканскому предпринятию, и с удовольствием позировал перед своими вольноотпущенниками в роли дельца без всяких принципов.

Это время было еще далеко. У Гамбетты адвоката незаметно было ни малейшей склонности к своей профессии и любви к доброй славе, приобретаемой заслугами и трудом.

Барбе д'Орвилли поручил новичку адвокату газетный процесс. Дело было интересное и годилось для дебютанта. Гамбетта благодарит, затем исчезает, ничего не подготавливает и вдруг является к Барбе в тот день, когда должно слушаться дело, и спрашивает его, что он должен говорить; наконец к глупокому изумлению суда он сравнивает автора «Женатого священника»... с Вуатюром.

— Вы защищали, как извозчик, М Г., сказал ему д'Орвилли, со свойственным лишь ему выражением.

Сравнить Барбе д'Орвилли с Вуатюром! Эта мысль могла прийти только изобретателю неукро-

тимых скакунов, бросающихся в море. Это ничего, конечно, но не находите ли вы и тут проявления этой натуры, в которой так мало артистического и французского, которая так развязна и хитра во всем, что касается материальных интересов, и так тяжело-весна и непонятлива, когда дело идет об интеллектуальных оттенках. Дикое сравнение так же естественно пришло в голову этому неучу, как и неподходящий эпитет, смешная метафора и бессмысленная фраза.

Будущий диктатор добывал себе средства к жизни, служа в качестве компаньона у какого то негоцианта, — секретаря Кремье, который принимал деятельное участие в делах еврейства. Это был тип, подобный Лорие, которого Жюль Валлес имел некоторое основание называть современным Макиавеллем.

Весь этот семитический мир имел в виду восток, где ожидал получить огромные барыши. Лорие вместе с Гамбеттой отправился в Константинополь наводить справки и проехал через Вену, чтобы посоветоваться с австрийскими евреями. Дорогой он объяснил своему спутнику, что подготавливалось, посвятил его в мечту, лелеемую израилем, устроить франмасонское и финансовое правление, которое выжмет из Франции все золото, накопленное трудом, избавить ее от последних, оставшихся у ней честных республиканских предрассудков, показал ему жизнь в настоящем свете и, по возвращении, поместил своего ученика к Кремье.

Вблизи старика Гамбетта очутился среди самой стряпни храма Соломонова, в собрании масонов, в Израильском Союзе. С этого дня он стал знаменит. Еврейская пресса непомерно раздула достоинство его речи в процессе Бодена и упрочила его ораторский успех.

Когда разразилась война 1870 г., еврейская война, Гамбетта был предупрежден и держался несколько поодаль. Когда он отправлялся в провинцию, в сопровождении своего неразлучного Лорие, то как будто олицетворял басню Бераккиа: «Рысь и кабан, переодетый львом».

Не раз уже была рассказана история этой бесстыдной пятимесячной оргии, правильного раздела Франции между всеми космополитами, начиная Спюллером и Бордоном и кончая Гарибальди и Штенакерсом.

Ахилл при дворе Ликомеда выдал себя тем, что бросился на меч, спрятанный под грудой материй и драгоценностей; сын еврея, если бы в том только оставалось сомнение, выдал себя тотчас, по прибытии в Тур. Отстраняя все мечи, блестящие на солнце, он воскликнул: «где золото? где биржевая спекуляция?»

На первом плане был заем, а война была делом второстепенным; она имела лишь то преимущество, что убивала французов, освобождала места, а коммуна освободила их еще более.

Однажды у В. Гюго говорили о роли Гамбетты во время коммуны.

— Ах, ответил поэт, в Брюсселе я получил от него очень знаменательное письмо, он вполне согласен с Тьером.

— Каким образом?

— Да, коммуна была устроена теми, кто от нее поживился...

Он хотел говорить подробнее, как маленький Локруа отклонил разговор какой то шуткой.

Только будущее откроет роль, которую играл во время коммуны Гамбетта, в лице своего представителя Ранка, подозрительного якобинца, стусевавшегося, как только дело было начато. Историки будущего будут иметь над прежними то преимущество, что мы им сами намечаем главнейшие течения нашего времени, а им придется открывать лишь мелкие подробности интриг.

Спокойно сидя в С. Себастьяне и отлично чувствуя, в чем дело, Гамбетта воздерживался сказать слово в том или ином смысле.

Сулла спокойно приносил жертву Фортуне, когда вокруг храма вдруг раздались ужасные крики. — Это ничего, сказал он окружающим, убивают 30,000 приверженцев Марии.

Будучи тоже в безопасности в храме Фортуны, Гамбетта выказал то же бесстрашие до и во время майских дней, с тою разницею, что убивали не врагов его, а друзей, избирателей, тех мечтателей плебеев, которые так охотно поверили в него. От природы он не отличался храбростью, и когда он покидал испанскую почву, с ним, говорят, сделался нервный припадок. Действительно, его судьба была в руках большинства, и было, по-видимому, совершенно безумно надеяться, что это большинство не потребует отчета у человека, который без всяких полномочий сделался повелителем Франции.

Однако эта безумная надежда сбылась. Никто никогда не оспаривал актов правительства национальной защиты. Самые невероятные истории, какие только Гамбетте вздумалось рассказывать, принимались на веру, как напр. легенда об отчетных документах, которые были посланы в Париж, именно около 18 го марта, и сгорели во время пожара министерства финансов, а также рассказ о другом пожаре, но уже на железной дороге, и о других бумагах, которые тоже торопились отправить в Париж. Была утверждена уплата суммы в 75 мил. фр., для которой не было представлено ровно никаких оправдательных документов. Никому даже не пришло в голову сказать: «ведь есть люди, которые платили и получали эти деньги; пусть они пред явят дубликаты своих отчетностей».

Это равнодушие большинства к интересам Франции и к правам правосудия казалось бы невероятным, если бы не было на лицо отчета государственного контроля, от 31 авг. 1876 г., который доказывает, что все это действительно было.

«Пожар министерства финансов..., говорит этот отчет, уничтожил документы, относящиеся до платежей, произведенных в Туре.

«Те же, которые касались платежей в Бордо, должны были, во исполнение приказа правительства, от 25 апр. 1871 г., быть представлены в комиссию торгов. Они не были разысканы.

«Два платежа, произведенные в счет комиссии вооружения, остались недоказанными никакими документами и т. п.».

Один только член правой, Лоржериль, по-видимому, с негодованием протестовал против этого отсутствия всяких оправдательных документов, скрывавшего бесстыдные кражи; ему ответили, смеясь до упаду, «что эти документы вероятно находились в том поезде из трех вагонов, которые сгорели между Бордо и Версалем».

Подряды Феррана были еще скандальнее. По отчету того же государственного контроля оказывается, что торговому дому Ферран было передано в разные сроки более 3 мил. фр., причем не оказывается на лицо никаких документов, указывающих, для какого употребления эти суммы были выданы.

Сообщничество Гамбетты с Ферраном было очевидно. Он покровительствовал Феррану, уже раз об явившему себя злостным банкротом, получал от него пособие для «Republique Francaise,» гостил у него в Лесневаре и даже предупредил о предстоящем аресте этого негодяя, который обокрал Францию, бывшую при последнем издыхании, при всем том его даже не потревожили.

Начиная с этого времени, Гамбетта был относительно спокоен. Конечно, временами на него нападал некоторый страх, но это происходило от трусливости его характера. 24 мая Леон Рено, такой же грязный спекулянт, как и он, достойный быть евреем, если он им не был, изменил тому правительству, которому служил, не веря в него, перешел на сторону правительства, против которого боролся, вполне уверенный, что восторжествует, и все подробно сообщал Гамбетте. 16 мая он колебался одно мгновение, но быстро успокоился, когда увидел, что вся энергия спасителей общества заключается в том, чтобы запрещать продажу «Petit journal» в провинции. По выражению адмирала Гейдона, вместо сабельных ударов наносили удары перочинным ножом. Все должны были увидеть, на какую смелость способен еврей, когда он перестает дрожать.

Мы уже показали, как, вследствие событий 1870 г., целый поток проходивцев хлынул на Францию. На глубоко вспаханной почве родился или, вернее, вырос, как зловредный гриб, новый мир. Гамбетта увидел этот гниющий навоз и последовательные наслоения, возвышавшиеся над ним, понял, что из этого можно что нибудь извлечь и произнес в Гренобле, в 1872 г., знаменитую речь о новых наслоениях, единственную, в которой есть идея, которая соответствует истинному положению вещей.

«Со времени падения империи появилось новое поколение, горячее, но сдержанное, интеллигентное, способное к делам, любящее справедливость, стоящее за общественные права.

«Во всей стране (я особенно настаиваю на этом новом поколении демократии) появился новый политический избирательный персонал, новый персонал всеобщей подачи голосов.

«Да, я предчувствую и предвещаю появление и присутствие в политике нового социального слоя, который стоит у дел уже полтора года и ничуть не уступает своим предшественникам».

В ту минуту никто ничего не понял в этой речи, да и теперь многие видят в ней новое проявление обычного многословия пустого говоруна. Что это за новый слой, о котором говорил оратор? спра-

шивают некоторые. в нашем демократическом обществе, есть только один новый элемент, который может получить доступ к общественной жизни, завоевать себе более значительное место в управлении страной, это народ, четвертое сословие, по выражению социалистов. Но ненависть Гамбетты к рабочим известна всем; гамбеттизм всегда боролся против кандидатуры рабочих, которая, по требованиям логики, должна существовать в радикальной республике; начиная с 1870 г. ни одному рабочему, кроме Бриалу, не удалось попасть в палату.

Как мы уже сказали, новое наслоение действительно существовало; оно составляло готовый персонал для всякого, кто бы сумел им воспользоваться. Главным образом его составляли евреи, а к ним примешивались франкмасоны, для которых слово совесть не имеет значения, недобросовестные лавочники, вроде Тирара, обманщики, испробовавшие ссылки, вроде Констана, бродяги и завсегдаята кабачков, каковы Лепер и Казо, обещанные генералы, вроде Тибодена, обломки 48 года, доктора без практики, полковые лекаря, ветеринары, студенты, специалисты по обкуриванию трубок, которые уединенно живут в провинции и, при добропорядочном правительстве, мирно доживали бы свой век.

С прибавкой семитического элемента, это была вечная, жадная и бесстыдная стая, о которой говорит греческий поэт, «незначительные иностранцы, рабы, низко рожденные и ничего нестоящие люди, вчерашние пришельцы, которые в прежнее время не годились бы Афинам даже для искупительной жертвы».

Истинный француз мог бы обратиться ко всем этим подозрительным гражданам с теми словами, которые Сципион Эмилий бросил однажды с высоты Ростры, когда толпа рабов и отпущенников шумела и прерывала младшего Африканца: «молчать, ложные сыны Италии, чтобы вы ни делали, я никогда не испугаюсь тех, которых привел в Рим святыми, хотя бы они теперь и были свободны».

Договор был окончательно заключен с евреями, когда Гамбетта формально обещал преследование фразой, которая сделала его чуть не королем: «клерикализм — вот враг».

Знаете ли вы зофар? Это изогнутый бараний рог, в который весело трубят, возвещая Текиах и Теруах, праздники Рош Гашанаха.

В обыденной жизни, как и в храме, евреи искусные игроки на зофаре. Они вам протрубят все уши, восхваляя какогонибудь писателя; певицу, актера или актрису. Это самые лучшие сочинители реклам.

Некогда они наделали шуму вокруг Даниэля Манен¹⁷⁷ и превратили этого ничтожного адвоката в знаменитость, а теперь превзошли себя с Гамбеттой. Вся обстановка была замечательно искусно организована и нельзя не восхищаться несравненно ловкостью, с которою эту личность сперва почистили,

¹⁷⁷ Как и все почти революционеры и агитаторы, Даниэль Манен был еврейского происхождения. Его отец, как свидетельствуют «Израильские Архивы», принадлежал к еврейской семье, носившей фамилию Фонсекка, выкрестился в конце прошлого века и принял, по тогдашнему обычаю, фамилию своего крестного отца, брата дожа Луиджи Манен.

потом выставили напоказ, стали выхвалять, прославлять, идеализировать, окружили апофеозом.

Это искусство, свойственное евреям, вполне современно, ибо пресса играет тут главную роль, но в то же время оно напоминает средневековые заклинания, фантазмагии, вызывавшие перед зрителем существа, которые имели человеческий облик, ходили, говорили, а между тем не были действительностью. Тут есть как бы смесь чародейского искусства и проделок грубой современной хвастливости, сотрудничество великого Альберта и Барнума, Мерлина, старого кельтического колдуна, и еврея Гудшо, современного торговца готовым платьем.

Известно, что такое внушение. Некоторые доктора подставляют несколько соломинок под нос несчастным загипнотизированным и говорят: «понюхайте, это букет роз». Несчастные млеют от восторга. «Какие прекрасные розы! Какой чудный запах!» Все ученые будут уверять вас, что они действительно чувствовали запах роз.

Благодаря своим газетам, евреи таким же образом заставили нас нюхать лавры Гамбетты. Они взяли этого человека, который делал только глупости и подлости во время войны, курил превосходные сигары, пока другие дрались, постыдно бежал, когда пришлось отдавать отчет, и представили его нам, навязали просто, как прототип патриота, героя защиты, надежду отмщения.

И все это происходило среди бела дня, в присутствии свободной печати, без всяких таинственностей, позволяющих возвеличить личность, которой никто не видит.

Вы спросите: кого же обманули эти проделки? Всех и вас самих. Впечатление, производимое постоянно повторяющимся именем, таково, что самые недоверчивые и хорошо осведомленные люди не могут избавиться от некоторого колебания.

Благодаря этому обстоятельству Гамбетта наконец овладел умами всех, друзей и врагов; его приняли за исполнителя патриотической мечты, лелеемой всеми. Доверчивая Франция, любящая вымыслы, поступила, как герой романа. Разве не адвокат Жуарец освободил Мексику? Кто знает, может быть этот еще столь молодой человек, как бы отмеченный таинственным призванием, хранил в глубине сердца горечь поражения?

Признайтесь, что вы все более или менее испытывали это чувство. Я сужу о других по себе. Уж я то не ждал никакой услуги от Гамбетты; раза два, не более, я обедал вместе с ним у литераторов и был особенно поражен значением его крючкотватых пальцев, которые красноречиво указывали на его низменные аппетиты. Несмотря на это, вначале, когда его имя подвергивалось мне под перо в статье, я ловил себя на том, что отзывался о нем с некоторым уважением.

Повторяю, что мы все в известной мере были невольными сообщниками этого комедианта. Была минута, когда в его пользу образовалось нечто вроде молчаливого заговора, в котором все принимали участие, вроде того, который составил в Италии во время австрийского владычества.

Всякий воображал, что он знает тайну этого

Брута, притворявшегося бесноватым, чтобы обмануть враждебные взгляды, этого упорного сторонника реванша, который, говорят, заранее совещался со старыми генералами и молодыми полковниками.

Всякий ждал минуты, когда он объединит всю Францию в одном непреодолимом порыве, заставит Шаретта броситься в объятия коммунаров, а священников в объятия свободомыслящих, смешает солдат Базена с товарищами Федерба и воскликнет: «Минута настала, наши сундуки полны денег, арсеналы ломятся от оружия, Франция в молчании преобразовалась, Европа к нам благосклонна, вперед!»¹⁷⁸

Завеса начала спадать, когда генералы, как Дюкро и Бурбаки, были изгнаны из армии, а начальство над ней поручено бездарному Фарру. Впрочем, очарование окончательно исчезло только во время компании декретов, когда наши солдаты стали снаряжаться и взялись за ружья, чтобы выгонять стариков и безобидных монахов из их жилищ, когда французским гражданам стали отказывать в правосудии и гнусный Казо, со смехом, объявил, что нет более судов и что теперь его каприз — единственный закон.

Позади ложного Гамбетты увидели еврея, который, ради удовлетворения племенной ненависти, насылал на страну, так хорошо его принявшую, бич религиозных войн. Разочарованная Франция, пробудившись от своей мечты, излечившись от своего романа, воскликнула: «О, негодяй!»

Тогда только подумали осмотреться вокруг. Действительно, это было самое странное сборище, какое только можно себе представить, букет евреев, настоящий селам из проходимцев всех стран и всех оттенков. Тут очутились евреи со всех концов света; они собрались в Бурбонском дворце, как гуща на дне чашки с кофе.

Некоторые пришли из Испании, а родились в Гамбурге, другие явились из Германии, а сами были родом из Франции: здесь был Поржес, Рейнах, Арен, Леви Кремье, Жан, Давид, Рейналь, Штраус. Дрейфус; Этьен, Томсон, Вейль. Пикар. Все это занималось подозрительными делишками, спекуляцией, ажиотажем, доносило, пресмыкалось; общим девизом были слова Нарцисов: *eos agamus ne quis quidquam fiabcat!*

У Нерона были свои *augustiani*, которые за жалованье в 25.000 сестерций повсюду сопровождали божественного императора, как безумные хлопали в ладоши во всех театрах, где только раздавался его несравненный голос, и доносили на неблагонамеренных, которые зевали во время представления или не присутствовали на жертвоприношении; со-

¹⁷⁸ в последние годы Гамбетта никогда не принимал приглашений на обеды по пятницам. Пока бедная романтическая Франция воображала его идеалом защитника реванша, непримиримый враг Пруссии обедал каждую пятницу, вместе с Пру и Спюллером, у Паивы, сделавшейся графиней Генкель де Доннесмарк; он садился за столом первого губернатора Эльзас Лотарингии. Странная вещь, Спюллер первый почувствовал отращение и перестал ходить туда.

Я старательно проверил это сведение, казавшееся мне невероятным. Если того желает Дерулэд, певец Гамбетты патриота, я скажу ему, от кого я узнал об этом факте, и у него не останется никакого сомнения на счет его справедливости.

вершаемом за здоровье простудившегося певца.

У Гамбетты были свои молодые евреи, которые трепетали от восхищения при каждом слове учителя; они хором воспевали ему хвалы на каком то непонятном наречии, где немецкий смешивался с кастильским, а левантинский простонародный язык с бульварным *argot*.

Этот уголок еврейской империи, появившийся вдруг среди Франции, будет составлять удивление потомства, которое не скоро увидит что нибудь подобное. Вероятно все эти *sortigiani* происходили от некоторых героев Бальзака, которые, по выражению автора «Человеческой комедии», «возникли из пены парижского океана». Впрочем, несмотря на полное отсутствие верований и предрассудков в них сквозит сектантство.

Собирая повсюду частную переписку, подбирая в типографиях автографы писателей, чтобы с их помощью фабриковать подложные письма, они служили не только человеку, но и делу; у них даже оказывался намек на талант, когда надо было оскорбить святых монахов или бедных сердобольных сестер тем же самым пером, которое только что расхваливало акции нового общества.

Вся эта злобная и жадная толпа не на шутку вообразила, что Франция завоевана. Экскурсии в департаменты напомнили знаменитое путешествие в Ахайю, предпринятое Нероном, когда он решил, что Рим недостойн рукоплескать его таланту. За Когом последовал Лизье; повсюду эти путешествия ознаменовывались самыми веселыми сценами. Эстрады рушатся, ораторы падают друг на друга, шайка аплодирует. Наэлектризованный оркестр, думая, что это входит в программу, энергично играет Марсельезу, а Спюллер, помятый от падения с эстрады, вдруг начинает говорить речь по-немецки...

Беспорядок во Франции таков, влечение к раболепству так непреодолимо, любовь к власти, какова бы она ни была, так укоренилась, что все немедленно воздают царские почести человеку, который имеет на них не более прав, чем первый попавшийся депутат.

Если бы была хоть тень организации в стране, неужели можно бы было оставить в рядах армии генерала, который, командуя в Когоре, позволил себе, помимо всяких уставов, расставить гарнизон шпалерами перед гражданином, который даже не был президентом палаты, потому что сессия была закрыта?

Почему этот генерал поступил таким образом? Потому что он был готов повиниться кому попало.

Во время общего голосования в палате Гамбетта действительно пользовался неограниченной властью; он царил позади президента Жюдит, выбранного только за его фамилию, который, в молодости сам ломал распятия, а в старости с улыбкой глядел, как другие их ломали. Через 18 веков земля снова увидела ту странную, унижительную и безумную вещь, которая называется падением империи. Действительно, во всем, что делал Гамбетта, было что то причудливое, непредвиденное, странное, шутковское, презрительное для человечества, что свойственно империи времен упадка, и чего не знала

даже самая неразумная королевская власть.

Антоний подарил азиатский город своему повару, чтобы вознаградить его за хороший обед. У Гамбетты бывали подобные же порывы великодушия.

Однажды учителю дали попробовать пива, которое он нашел превосходным.

— Кто приготавливал этот нектар? спрашивает он.

— Еврей, носящий библейское имя Агарь.

— Я назначаю его префектом, пусть этот пивовар управляет делами...

Но этого было недостаточно для последователя Гамбринуса, и он попросил, чтобы ему вместо должности префекта, дали должность главного казначея в Когоре, с содержанием в 80,000 фр.

Заметьте еще новый признак французской глупости: никто и не подумал спросить, по какому праву человек, не имевший административного прошлого, был возведен в такую высокую должность в ущерб старым служакам, которые по двадцать лет занимали скромные места.

Когда звезда Гамбетты закатилась, у счастливого пивовара отняли эту крупную синектуру и дали ему взамен место смотрителя водных сообщений в Э, приносившее не более 10,000 фр., но в ту минуту этот выбор не возбудил ничьего негодования.

Противовесом этой чудовищной власти императора явился кинжал Херея, в виде пера журналиста, которое убило эту зарождающуюся империю.¹⁷⁹

¹⁷⁹ Надо прочесть документы, изданные по поводу начала Тонкинского дела всеми газетами, между прочим и "Reforme", долгое время принадлежавшей Вальдеку Руссо, которого общественное презрение наградило именем Вальтесс Руссо. Они хорошо освещают всю подлость правительства, которое посылает на смерть героя вроде Ривьера, чтобы удовлетворить прихоти куртизанки.

М Ле Вальтесс послала Гамбетте первый доклад, составленный следующим образом:

"Чтобы довести дело до желанного конца, следовало бы опереться на короля Тю Дюк, который жаден и подозрителен, восстановить его против Китая и Испании, (совершенно напрасно дали здесь укрепиться испанским миссионерам) если возможно, вызвать со стороны китайцев Юн Нама попытку наступления против Тонкина, предложить королю помощь французского флага и учредить протекторат".

Вальтесс де ла Бинь.
Сентябрь, 1880 г.

Гамбетта ответил этой личности:
Париж, 14 сентября, 1880 г.
Милостивая Государыня,

Я вам очень благодарен за сообщение, которое вы благоволили мне сделать. Я нахожу его превосходным по форме и содержанию, и вам бы следовало его издать, если вы не предпочитаете, чтобы я сам его обнаружил.

Я рассчитываю на ваше обещание, по возвращении хорошо осведомленной личности, и приму ее с большим удовольствием.

Примите и проч. Гамбетта.

Позднее в Виль д'Аврэ происходили многочисленные свидания между Гамбеттой и этой интересной особой, для обсуждения средств извлечь какую нибудь пользу из крови наших бедных солдат. Лорье, пустивший в ход все это дело, по-видимому отступил от него, не находя его достаточно прибыльным. По этому то поводу он и написал знаменитые слова:

Анри Рошфор тоже странная личность, и чтобы хорошо понять этот тип, надо принять в расчет

разнообразие существ и идей, явившихся в нашей стране следствием различных образов правления, нападений, переселений народов. Подобно деревьям, которые оживают через несколько лет, благодаря тому, что в земле сохранился какой нибудь отросток их, — известные, отдаленные разновидности существ вдруг возвращаются к своей первобытной оригинальности.

Рошфор — феодал.

Это не вельможа, не маркиз, не оскудевший дворянин; это феодал, но верующий, преданный, с чистой детской душой, а одержимый бесом, богохульствующий и каких было не мало в те века, полных веры, — говорящий, как Рауль де Камбрэ: «разбейте мою палатку среди церкви, постелите мне постель перед алтарем, посадите моих соколов на золотое распятие».

У него совершенно особенная манера не повиноваться или, вернее, он у каждой власти требует своих первоначальных прев. Для него Наполеон III не более, как человек низкого происхождения, подчиняться которому и в голову не придет потомку баронов. Что же до Генриха V, то он тоже не более, как узурпатор, и, признавая древность его происхождения, Рошфор, считавший себя не менее высоко-рожденным, не считал нужным становиться перед ним на колени, как делали некоторые свежеиспеченные дворяне.

Действительно, памфлетист по прямой линии происходит от Гюи Красного, — красное осталось в семье сира де Рошфор, сварливого, задорного и неуживчивого человека, которому Людовик VII предложил свою дочь в жены для его сына, чтобы этим купить мир и спокойствие в своих владениях.

Этот ходячий образчик атавизма, совершенно чуждый тому, что принято называть современными идеями, наверно прочел в своей жизни не более книг, чем какой нибудь рыцарь XII века. Он понял, запомнил и цитирует только Виктора Гюго, потому что стихи автора «Бургграфов» отличаются такою же звучностью, как и *seanson de geste*. Прибавьте к этому несколько отрывков слышанных пьес и вот вам все его литературное образование.

Зачем ему имущество из вторых рук? Он сам чеканит монету, как его предки по происхождению и по роду занятий, как Жуанвиль, Рэ, Сен Симон, у него есть свой язык. Подобно феодалам былых времен, он ежедневно бросается из своей газеты, как из укрепленного замка, поражает наудачу и возвращается.

Это человек невменяемый, дикарь, всего чего хотите дурного, но только не еврей.¹⁸⁰

"Дюпюи находит, что депутаты слишком дороги". Как видно с тех пор цены пали.

¹⁸⁰ Когда по предложению Кремье, члены правительства национальной защиты, об явившие, что "они служат не из чести, а за деньги", присудили себе ежегодное содержание в 50,000 фр., Анри Рошфор энергично отказался получать это жалованье. Точно также он отказался издавать какую бы то ни было газету во время осады, чтобы не волновать общественного мнения и не отвлекать его внутренними распрями от мысли о враге.

К еврею Рошфор испытывает только средневековое чувство почти физического отвращения. Представьте себе какогонибудь Бен Израиля, которого схватили на большой дороге и привели в укрепленный замок для потехи сперва владельца, а потом челяди. Это даст вам понятие о том, чем сделался Гамбетта в руках Рошфора. Всякое утро он служил для нового развлечения, то у него вырывали волосы, то выдергивали бороду; однажды его голову обратили в голову турка, а на следующий день редактор «Intransigent» пробовал на нем силу своей ноги.

Всякий другой предпочел бы подобным оскорблениям дуэль на смерть, но Гамбетта вынес все, хотя и без особого удовольствия.

От этого он страдал сравнительно немного, несмотря на припадки ужасной ярости, причиняемой не столько оскорбленной честью, — к этому он был равнодушен, — сколько причиненными убытками. Но надо было видеть его лакеев! Вся эта шайка, состоявшая из скоморохов и ростовщиков и следовательно преисполненная уважения не к тому, что действительно достойно его, каковы добродетель, слава, гений, а к приобретенному положению, к деньгам, приходила в бешенство при мысли, что какойнибудь простой писатель может отзываться таким образом об учителе.

Что ж касается христиан, настоящих, коренных французов, если они искренни, они должны сознаться, что обязаны неверующему Рошфору единственным удовлетворением за долгие годы. По какому то таинственному закону этот человек, лишь в силу того, что он принадлежит к французскому племени, должен был отомстить чужеземцу за бедных монахов, у которых недостаточно крепкие когти, чтобы защищаться.

И не раз рабочие и светские люди, примиренные общим чувством презрения, обменивались взглядом на улице и угадывали, что читают одну и ту же газету.

Я почти каждое утро проходил по тротуару мимо президентского дворца, бывшего отеля Лассэ, и всегда видел какогонибудь прохожего в блузе или сюртуке, бросавшего номер «Intransigent» через решетку, за которой виднелись розы. Владелец сада, любивший вначале гулять по утрам под деревьями, напомиравшими о Морни, был принужден перенести в другое место свои утренние размышления; он ежедневно находил у своих ног до двадцати пяти номеров «Intransigent».

Гамбетте пришлось таки встретиться лицом к лицу, в глубине парижского предместья, с французским народом, обманутым, развращенным, огрубелым, но все же отличающимся тем достоинством что он еще не ожидал.

У всякого перед глазами еще жива сцена в улице С. Блез и тот сарай, где произошло одно из тех событий, которые влияют решающим образом

Я могу прибавить, что девица Вальтесс прежде всего обратилась к Галю, редактору «Liberte», желая сообщить ему о своих проектах колонизации. Галь, родом южанин, но хитрый южанин, благоразумно спровадил посетительницу, сказавши ей дружески: «ступайте к Гамбетте, дитя мое, там вы найдете все, что вам нужно».

на ход целого столетия.

На дворе дождь лил ручьями, присутствующие топтались в черноватой грязи, то погружаясь в полумрак, то выступая при ярком электрическом свете, и этот сарай, служивший полем битвы для борьбы за трон, казался чем то фантастическим. Это было настоящее подпольное царство, в котором государственный человек, вышедший из ничтожества, просил новой поддержки у темных сил, создавших его.

При виде этого Цезаря, кривлявшегося в каком то притоне Субурры, мысль невольно переносилась к тем отдаленным временам, когда дарование королевской власти сопровождалось звуками органа, пением священных гимнов, возносившихся к небу, при блеске доблестных мечей, вынутых из ножен.

Вот ритор появился перед толпой... Если он восторжествует, то будет полным господином палаты и, как он говорит, представителем демократии. Тогда значит будет война, безумная, вернее бесчестная, в которой французская кровь будет течь и обращаться в золото для евреев.

Он начинает и уже делает знакомый жест. Как типично это движение! пальцы не поднимаются, как у Будды, чтобы обозначить мир и согласие; правая рука не протягивается, как у полководца. С ладонями, обращенными наружу, его руки постепенно опускались к одной точке и закруглялись. Таким образом казалось, что эти жадные до добычи руки ласкали и перебрасывали горсточку монет...

Он открывает рот... в одно мгновение целый ураган свистков и гиканья сметает с эстрады диктатора и диктатуру.

Долой Иуду! кричит мужественный голос, покрывая шум.

Кто крикнул это? Кто первый свистнул? Никто не знает. Те, которые по окончании трудового дня пришли в Шарон, чтобы совершить этот акт справедливости, останутся неизвестными истории. в дни брожения они может быть сделаются, в глубине мрачных предместий, где они жили, участниками какогонибудь преступления вроде того, которое случилось в улице Гаксо; может быть они падут гденибудь под забором жертвой неумолимой мести.

Наш долг сказать, что они были полезны и велики, приветствовать во имя родины тот народ, который среди стольких гнусностей и бесстыдства выказал порыв негодования, великодушного гнева.

«Спустите занавес, фарс сыгран!» мог бы сказать новый Август, если бы у него хватило силы говорить, пока приверженцы поспешно захлопывали дверцу кареты, в которой он укрылся для бегства. Но учителю было не до классических воспоминаний.

Его постигла неприятность, которая, если верить Аристофану, часто случалось с Клеоном, и он перепачкал подушки великолепного купе, мчавшегося по тряской мостовой народных кварталов. Иногда из кареты раздавались гортанные невнятные звуки. Это Спюллер, который при всяком сильном волнении начинал говорить по-немецки, прерывал теперь свои немецкие жалобы французскими

восклицаниями: «это не хорошо! скверно пахнет!»

Хотя Цезарь и не подумал спрашивать какогонибудь эпафродита, как надо лишать себя жизни, все же он был ранен на смерть.¹⁸¹

Не останавливались ли вы когданибудь на любопытном офорте Рембрандта «Отвернувшаяся Фортуна?» На берегу лежит тяжеловесный всадник, толстый и расплывшийся от жиру, какойнибудь Вителлий, с головой, увенчанной лаврами, упавший с коня. Вдали видны статуи, изображения Гермеса.

Налево толпа бросается к храму, колонны которого немного напоминают биржу. На право Фортуна, стоя, натягивает парус барки, которая удаляется с попутным ветром. Эта Фортуна, совершенно голая, обернулась спиной к выбитому из седла наезднику, который, лежа в пыли, напрасно бросает на богиню умоляющие взоры.

Эта грубая аллегория, самым цинизмом своим по-моему, великолепно олицетворяет судьбу Гамбетты, оставшуюся неизменной, несмотря на такую непонятную удачу.

Этот смешной всадник — не поверженный титан, не герой, сраженный судьбою; он даже не Вителлий, а просто пьяный выскочка, который захотел прокатиться верхом в Булонском лесу и забавно свалился с лошади.

С поля битвы, где разбилась мечта Наполеона о могуществе или мечта Брута о свободе, медленно улетает печальная крылатая Фортуна, полная уважения к тем, кого она поразила. Эта же Фортуна живет не в Парфеноне и не в Капитолии, а в Неаполитанском музее; устыдясь любимца, избранного ею в минуту ослепления, она обращает к нему, удаляясь, наименее благородную из своих сторон.

Положение Гамбетты было затруднительно. Он осыпал богатствами своих креатур, но не удовлетворил их, и в виду угрожающего дефицита пришлось закрыть счет ликвидации, который, ускользая от проверки государственного контроля, давал возможность для самого нахального хищения.

Бедную Францию так много доили, что у несчастной скотины из вымени выступила кровь. Гамбетта знал это, он предвидел банкротство, а главное чувствовал, что ему нечего больше дать голодной

¹⁸¹ а несколько дней до этого рокового для него дня, Гамбетта сказал слово, показывающее, до какой гордости он дошел.

Известно, что старый избирательный округ Бельвиля был разделен на два. Приспешники Гамбетты держали общий совет, чтобы решить, следует ли ему явиться в обеих секциях или предоставить одну Тони Ревильону. в качестве преданных придворных учителя они высказались за обе секции: верный успех, апофеоз и т. д. Однако раздался осторожный голос, который предусмотрительно советовал благоразумие и заметил, что Гамбетта легко может быть побит Тони Ревильоном. Понятно, предусмотрительность была освистана, но благоразумный человек прямо обратился к Кентэну, руководившему хором энтузиастов:

— Послушайте, Кентэн, ведь вы сами мне это говорили; правда ли это?

При этих словах Гамбетта встает, пламенея гневом и восклицает:

— Ах, правда, правда! будет с меня этой правды!

Неправда ли, что это восклицание достойно римского императора?

шайке, которую он тащил за собою.

Как воры, устраивающие поджог, чтобы скрыть свои подвиги, дельцы страстно желали войны; евреи громко требовали ее, но Франция и слышать не хотела об ней, а Гамбетта, после своего Бельвильского поражения был не в состоянии предписывать что либо.

Пошли ссоры и пререкания. На беду Гамбетта поссорился с Ротшильдом. 10 го июня 1881 г. состоялся интимный ужин, о котором говорили все газеты; на нем, кроме Гамбетты, Альфонса Ротшильда и Галифе, присутствовало несколько вельмож — для забавы: маркиз дю Ло, Кержегю и маркиз де Бретейль. Гамбетта немного резко пошутил насчет тех денег, которые барон приобрел в несколько лет.

Несмотря на похлопывание по животу, подтверждавшее дружеский оттенок шутки, Ротшильд, у которого в этот день был припадок невралгии, скверно принял замечание. Барон не любит, чтобы с ним так фамильярно обходились при титулованных особах.

Может быть Гамбетта был покинут евреями, которые забыли все прежние заслуги, когда сочли, что он больше ни на что не годен? или он получил приказ покинуть министерство, чтобы ускорить парламентским и почти правительственным кризисом катастрофу Всеобщего союза?

Трудно высказаться, потому что все, что касается до кратковременного министерства Гамбетты, еще очень мало известно. Пространный труд, изданный по этому предмету Рейнахом в «Политическом Обозрении» только затемнил то, что и без того казалось неясным.

Физическая ветхость, быстро наступающая у восточных племен, рано посетила этого человека, требовавшего от жизни столько наслаждений, сколько она могла дать.

В последний раз я его видел на чтении «Королей в изгнании» у Додэ. Это был уже погибший человек, на нем лежала печать, которая никогда не обманет опытный глаз. Красный, постаревший, седой, одутловатый, он не мог сидеть и, прислонясь к притолке двери кабинета Додэ, он весь вечер простоял и курил не переставая.

Хотя он был глубоко опечален, но по-видимому следил со вниманием за Коклэном. Слушая, как его любимый актер читает вещь, в которой осмеиваются все прежние скипетроносцы, все потомки царственных домов правивших Европою, он как будто говорил:

— Теперь моя очередь!

А за его спиной чудилась смерть, положившая свою ледяную руку на плечо этого любимца случая, этого властителя, столь полезного для некоторых.

Шарко, прохаживавшийся по гостиной, полной света и цветов, с мраморным лицом Эскулапа, задумчивым и благосклонным, несмотря на саркастическую улыбку, уже вероятно знал в то время, чего ожидать.

Какое глубокое и мучительное философское наслаждение должны испытывать врачи, которые одарены подобною проницательностью, знают тай-

ные душевные недуги стольких людей, видят, что судьба, порой, назначает очень короткий срок иным честолюбцам, не знающим пределов для своих надежд, между тем, как их дни уже сочтены.

Он может быть вернулся бы к власти и довел бы Францию до той войны, которой все так жаждали вокруг него; но Бог судил, что он уже натворил достаточно зла, отметил его своим перстом, и Гамбетта не увидел следующего года.

По странной случайности этот искатель приключений, столь похожий на героев Бальзака, умер на вилле автора «Человеческой комедии». Бальзаку, провидевшему величие израиля, унаследовал еврей во всех домах где он жил.

Это и есть Гамбетта, который уселся под деревьями, посаженными рукою художника, описавшего стольких президентов совета, вельмож и великих государственных людей; едва умерла г-жа Бальзак, как г-жа Ротшильд прислала за ключами ее отеля, купленного в улице Монсо. В полях Бальзака заменил Годиссар, в городе Нюсенген.

В то воскресенье, когда умер Гамбетта, на литургии читался следующий стих из евангелия:

«Tolle puerum et matrem ejus defuncti sunt enim qui quaerebant animam pueri». Возьми младенца и мать его, ибо умерли искавшие души младенца.

Я думал об этих словах, проходя еще раз мимо дворца, куда привезли тело этого всемогущего человека.

Одновременно со мною проходила мимо простая женщина, чисто французского типа, со своим сынишкой, и смотрела на жилище, известное всему Парижу.

— Отчего Гамбетта умер? спрашивало дитя.

— Оттого, что он хотел запретить маленьким детям молиться.

Эта скромная работница просто перевела слова писания...

Еврейское масонство, со свойственным ему уменьем устроить эффектную обстановку, ничего не пожалело для похорон человека, служившего ему. Бишофсгейм повесил черный флаг на свой отель, Камандо нанял целый этаж отеля Континенталь, чтобы видеть процессию. Пейксотто, председатель сынов союза и вице консул соединенных штатов,¹⁸² объявил миру, что он неутешен, Симиа на

¹⁸² Этот Пейксотто, которому самые простые приличия должны бы были воспрепятствовать принимать участие в наших делах и открыто становиться на сторону человека, оскорблявшего верования стольких французов, всегда играл значительную роль в еврейской политике. По сведениям «Израильских архивов», он самым нахальным образом вмешался в дела Румынии. Генеральный съезд V'naï V'gite, собравшийся в Чикого в 1874 г., сделал призыв ко всем ложам в пользу так называемой румынской миссии; набралась сумма в 3,153 доллара, которая и была отправлена Пейксотто с приказом оставаться на своем посту; затем он многократными хлопотами перед берлинским конгрессом, не мало содействовал интересам румынских израильтян.

В 1884 г., когда Ласкер, выгнанный из Германии вследствие всеобщего осуждения, отправился в Америку, где и умер от несварения желудка, евреи попытались сделать то, что Пейксотто сделал для Гамбетты: они послали в прусскую палату ад-

трех столбцах выставлял свое лицо, орошенное слезами.

Аристид Астриук, почетный брюссельский раввин, в своих дифирамбах дошел до смешного; он с нахальством утверждал в «Израильских архивах», что само отечество руководило Гамбеттой в борьбе с анти семитизмом, и ему мы обязаны тою истинной, что возрождение людей, внешнее и внутреннее, произойдет при посредстве общего права, свободы и братства.

Свобода обучения, общее право монахов, возрождение людей при посредстве финансовых спекуляций... Все это ясно. Что за нахальство! Приходится повторять на каждом шагу.

Евгений Мейер внес веселую ноту в эту всеобщую печаль. Он тоже пришел плакать в Бурбонский дворец, а Дерулед, без всякого уважения к месту и времени, снова обещал его побить.

— Только не по той же щеке, закричал Мейер, хоть сторону перемените...

В виду этой интермедии, сперва подавленный, а потом неудержимый смех овладел присутствующими, весело колыхнул складки траурных занавесей и катафалка и всколебал пламя свечей, горевших в канделябрах.

Дежурные члены муниципалитета задыхались от смеха в своих мундирах, сдерживала хохот и депутация членов левой, которая с важностью дефилировала, прерывая свои патриотические воздыхания разговорами об уругвайских копиях Тирара, стоящих еще два эцю, и о рыбных ловлях Байго, которые уже ломаного гроша не стоят.

У меня перед глазами стоит картина площади Согласия в день похорон. Мартовская погода, с внезапными ливнями хуже январских, солнце, выглядывающее из за туч, всадники, на пути из Булонского леса, останавливают своих лошадей на краю аллеи, женщины всех слоев общества, в утренних туалетах, карабкаются на экипажи, деревья, усеянные людьми, балконы клубов, полные любопытных, а вдали фасад палаты с большим черным знаменем, — театральная декорация, подходившая к человеку и к обстоятельству.

По всему Парижу впечатление было одно и то же: некоторое удовольствие от сознания облегчения и никакой ненависти. Мертвый Гамбетта не внушал враждебных чувств; в нем не было низменно жестоких сторон Ферри, который находит личное удовольствие в совершаемых им злодеяниях.

Всеобщее мнение, предупреждая суд истории, прекрасно сознавало, что этот человек был только орудием, посланником франмасонов, поднесших ему стакан, из которого пил Лютер, что он был поверенный по делам евреев, возложивших на его плечи мантию временного императора.

Князь Гогенлоэ, который несколько минут постоял перед зданием палаты, но понятно отказался

рес, в котором об являли, что этот еврей был величайшим человеком на свете; но Германия еще не пала так низко как Франция; князь Бисмарк взял адрес кончиками пальцев и осторожно положил его на стол президента конгресса, и об явил евреям через Эйзендехера, что они могут сделать из этой бумаги такое употребление, какое им заблагорассудится.

следовать за гражданскими похоронами, сказал одной [430] даме: «Вы не много потеряли с Гамбеттой, но смерть Шанзи для вас больше несчастье».

Вес мозга свидетельствует, как мало интеллектуального содержания было у этого болтуна. Мозг Байрона весил 2,238 граммов, Кромвелля — 2,131 гр., Кювье — 1,829 гр., Дюпоитрена — 1,436 гр., мозг же Гамбетты весил только 1,160 граммов. Это был мозг запевалы и действительно было что то присущее запевале у этого премьера политики, который оставался комедиантом до мозга костей.

Да, он был запевало, но не артист. По-моему нет ничего интереснее и поучительнее изучения особенностей этого типа. Некоторые его фразы заставляли хохотать до упаду и сделались легендарными. Действительно, можно посмеяться над злополучным оратором, который не умеет связать двух правильных фраз, но можно также извлечь урок из бессилия иностранца овладеть чужим языком.

Неправда ли, как поразительна эта абсолютная неспособность человека, одаренного некоторыми способностями, связно и правильно изложить две мысли? Гамбетта инстинктивно нападает на смешной и неподходящий эпитет, как Ламартин на прекрасный образ, живое и правдивое сравнение, красноречивое описание.

Почему язык всегда заплетался у этого виртуоза, столь искусного в исполнении? Потому что он никакими фибрами не был связан с почвой, потому что ему были совершенно чужды чувства, живущие во французской душе.¹⁸³ Ему был недоступен точный смысл слов, образовавшихся до него, пока его родичи гнусавили свои еврейские псалмы в германских гетто, равно как и переходящие по традиции великодушные мысли и врожденные понятия, которые не позволяют французу бить слабого и говорить, что Бувин был поражением.

Слова, употребляемые почти наугад без отношения между собою, характеризуют человека, который ничем не дорожит, политического деятеля, который не связан ни с прошедшим, ни с будущим. Его фразы это не те цветы, что сидят корнями в земле, постепенно образуются и развиваются, и не те, которые, будучи сорваны, в течение нескольких дней сохраняют свежесть в чашечке и стебле.

Это букет, связанный грубой проволокой, обернутый белой бумагой; его дают падшим женщинам в ночных ресторанах и бросают плохим актрисам в кафе концертах; они уступают его цветочнице, а та другой, пока его не сметут в грязь. Этот букет стоит дорого, он представляет собою деньги, но не имеет никакой ценности.

От взгляда на человека, которому на минуту удалось сделаться властителем Франции, хотя он не мог справиться с французской речью, который мог обокрасть наш кошелек, но не мог перенять нашего стиля, следует перейти к врожденному, открыто выражаемому отвращению к этому проходимцу у всех возвышенных, утонченных, интеллигентных людей. в этом сходятся республиканцы и консерваторы, ка-

толики и свободомыслящие.

Послушайте старую республиканку Жорж Санд, которая проклинает и осмеивает арлекина диктатора. Слушая ее негодующие упреки из глубины Берри, где она является свидетельницей безумий войны в провинции, этому любителю наслаждений, который для продления оргий заставляет убивать наших бедных солдат, кажется, что слышишь Францию, оплакивающую своих крестьян.

Александр Дюма, как философ, дополняет то, что у Ж. Санд было движением сердца, переполненного отвращением. Еще в 1872 г. он составил для этого неутомимого декламатора гороскоп, который исполнился точка в точку и свидетельствует об удивительной силе прозрения у писателя.

«Гамбетта, говорит он, обращается только к инстинктам, он не привлекает душ и всегда находится в точке отправления. Всю свою жизнь он будет только начинать. Он заперся в черную коробочку атеизма, со всего размаха стучается там головой, воображая что продавливая небо, а между тем ему удастся только взломать крышку; ему отсюда не выйти, потому что он ногами прирос к тому, что отжило и мертво. Чтобы не подчиняться принципу, он приковал себя к системе.

Он на пружинах и в тоже время неподвижен, ужасен и пуст; в нем есть что то дьявольское и детски добродушное. Какое противоречие! Он хочет быть господином тех, которые знать не хотят властителей, и воображает, что он бог тех, у которых Его нет. Этому человеку нечего бояться и что еще печальнее, не на что надеяться. Он только говорун и не более, и умрет он от проблеска истины, как его предок, циклоп Бронт, от стрелы Аполлона».

Но прислушайтесь. Целая зала рукоплещет, зала, в которой собрано все, что в Париже есть знаменитого, приветствует смелое и остроумное произведение, «Rabaga», отмщающее за нас хоть немного смехом.

А еще как верен портрет Додэ, первый, настоящий, без ретушей; как Гамбетта президент палаты похож на Гамбетту, заседавшего за табль д'отом в улице Турнон.

«Что за шум был, в наше время, в обеденный час! Там было с полдюжины студентов южан, но дрянных южан, с слишком черными и блестящими бородами, крикливым голосом, беспорядочными движениями и огромными горбатыми носами, которые придавали их головам сходство с лошадиными головами.

Боже, как эти юные Гасконцы были несносны! как много шуму из пустяков, какая глупость, какой апломб, какая наглость! У меня особенно остался в памяти один из них самый крикливый и жестикулирующий изо всей толпы. Как сейчас вижу, как он является в столовую, согнув спину, поводя плечами, с кривым глазом и красным лицом».

«Как только он входит, все остальные лошадиные головы вставали вокруг стола и приветствовали его громким ржанием:

А, а, а! вот Гамбетта!

Эти чудовища говорили Гамбеттах и у них

¹⁸³ «Между языком и характером народа, метко сказал Лейбниц, существует такое же таинственное соотношение, как между луною и морем».

был полон рот этим именем.

Он шумно садился, разваливался за столом, опрокидывался на спинку стула, ораторствовал, стучал кулаком, хохотал так, что окна дрожали, тащил к себе скатерть, плевался далеко, напивался, хотя пил мало, вырывал у вас блюда из рук и слова изо рта, и проговоривши все время, уходил, ничего не сказав, он был Годиссар и Казональ в одно и то же время, т. е. все, что может быть самого провинциального, шумного и скучного.

Я помню, что привел однажды за наш стол маленького чиновника из городского управления, холодного и сдержанного малого, который недавно дебютировал в «*Seagrivari*» театральными статьями, отличавшимися такою же умеренностью и сдержанностью, как он сам, и подписывался Анри Рошфор.

Чтобы сделать честь журналисту, Гамбетта посадил его около себя по правую руку, со стороны своего зрячего глаза, и все время угощал его своим красноречием, так что будущий директор комиссии баррикад вынес из моего обеда жесточайшую мигрень, которая положила конец нашим отношениям. Впоследствии я очень жалел об этом».

Мнение Валлеса, видевшего в Гамбетте прежде всего скомороха, отличается особенную, беспощадностью.

Наряду с этими резкими оценками справедливо будет упомянуть об очень хорошем очерке Амага, умеренном, беспристрастном, правдивом. в этих страницах чувствуем печаль республиканца, который думает, сколько этот человек мог бы сделать для страны, если бы вместо того, чтобы сеять раздор и развращать, он пытался объединять, если бы, вместо задней мысли о гибели Франции, он лелеял великодушную мечту спасти ее.

Никакая республиканская школа, говорит Амага, не пред явит прав на Гамбетту, если только она подвергнет его здоровой критике.

«Партии, не отличающиеся строгой нравственностью, пощадят его, может быть, потому что не разберут за его колебаниями, где кончается друг и начинается противник, но серьезная история, смеем утверждать, не простит ему, потому что ей будет ясна его вредная деятельность.

«Что он сделал для своей страны? Явившись демагогом на выборах 1869 г., он пробудил снова ту ярость, которая периодически раздражается у нас, начиная с Варфоломеевой ночи и Лиги до террора и коммуны, для устрашения столицы в 1872 г. он агитирует и не даёт минуты покоя правительству, которое старается исправить несчастья, причиненные отечеству, между тем как неприятель еще находился на нашей земле в 1876 г. он опять агитирует и вызывает своей резкостью преступное шестнадцатое мая, которое чуть не довело нас до междоусобной войны и повергло нас в политическую неурядицу, от которой мы до сих пор не можем освободиться.

Во время своего долгого президентства он был интриганом и, чтобы легче поработить, старался развратить благородную Францию, которая хотя и подпадала на время под власть презренных деспотов, но не могла быть ими уничтожена и обеще-

на»¹⁸⁴

Гамбетта на всех производил одинаковое впечатление.

Однажды Гонкур выходил с Бюрти с выставки декоративных искусств; в дверях какой то толстяк привязывается к Бюрти, и они идут втроем до площади Согласия.

— Что это за непатентованный маклер, с которым вы разговаривали? Ведь это еврей, неправда ли? спрашивает Гонкур у Бюрти, когда тот удалился.

— Что вы милейший, вы меня дурачите!

— Да нет, кто же это?

— Да ведь это Гамбетта!

— А!

Такое ощущение испытал впечатлительный человек и внимательный наблюдатель по преимуществу, увидев в первый раз великого мужа.

В последнюю мою встречу с Полем де С. Виктор, он говорил мне о Гамбетте, т. е. о Клеоне, по поводу «Двух масок», которых он готовил второе издание.

— Как он похож на пафлогонца с крючковатыми пальцами, который говорит: «когда я проглочу горячую скумбрию и запью ее большим стаканом чистого вина, я плюю на пиросских полководцев «.

— Это так, любезный учитель и в тоже время не так. Во-первых, откормить Гамбетту стоит гораздо дороже; затем Клеон демагог, но не еврей, не обрезанный, как Аристофан выражается дальше о другом лице; наконец он взял Сфактерию и умер сражаясь. Между нами, я не думаю, чтобы Гамбетта умер подобным образом...

— Венера тоже иногда наносит раны, сказал смеясь Сен Виктор, не подозревая, что он был пророком...

Впрочем Гамбетта был довольно равнодушен к отчуждению у него всего интеллигентного и честного. О прессе у него были еврейские понятия; он в ней видел обыкновенную торговлю и не допускал, чтобы можно было иметь убеждения; ему казалось совершенно естественным, чтобы газета меняла мнение, как только ей за это платили.

Когда он хотел захватить «*Petit journal*» и «*France*», ему и в голову не пришла мысль, что редакторы могут иметь собственное мнение, и что с его стороны бесчестно грубою силою денег заставлять интеллигентных тружеников выбирать между приобретенным положением и совестью.

Он не обладал тайной побеждать, соблазнять, привлекать, он не подкупал ласками как Морни, а покупал деньгами и, по странному обстоятельству, которое, впрочем, легко объяснить, он не уважал тех, которые отказывались продать себя. «Дело выгодное, говорил он, и если они не согласились на него, значит они дураки и не могли бы мне быть полезны».

Единственно, чем он похож на Наполеона I,

¹⁸⁴ «Гамбетта и его политическая роль». *Revue des Deux Mondes*, 5 мая 1884 г.

это своим презрением к людям. Презрение это было огромное, глубокое, неисчерпаемое; можно подумывать, что он всю жизнь проводил перед зеркалом.

Конечно, это сближение только относительно. Если Наполеон презирал удовлетворенных якобинцев, царубийц, сделавшихся камергерами, как Гамбетта имел право презирать Ноайлей, Шуазелей, Монтебелло, ставших его угодниками и льстецами, зато великий император всегда уважал возвышенную и великодушную массу, войско, которому он был обязан своими победами; он награждал своих ветеранов за их самоотвержение, возвышая их в их собственных глазах, и обращался к ним с такими великолепными речами, с которыми вряд ли когданибудь обращались к людям.

Когда эти неизвестные герои проходили перед ним, отправляясь на смертный бой, он снимал шляпу и глядел на их прохождение с непокрытой головой. Тот же презирал даже тех, чей простосердечный энтузиазм и детская доверчивость возвели его до высоты; он громко выражал надежду, что удастся убить тех, которые избегли коммуны; с этой

человеколюбивой целью он делал им перепись, и когда они осмеливались пикнуть перед ним, грозил им своею палкою, как пьяный тюремщик.

Этот человек, презиравший всех, умер, презираемый всеми. Он явился под конец империи, уже походившей на республику, только без ее гнусностей, святотатства и преследований, и исчез под конец республики, которая очень похожа на империю, с придачей банкротства.

Сам он был карикатурой императора, еврейским императором, как мы сказали в начале; если бы он преследовал еще какиенибудь планы за исключением мечты о безумной войне, то непременно решил бы учредить еврейскую империю в рамках старого французского общества и короновался в собрании франмасонов, в улице Кадэ, сопровождая это какоюнибудь шутовскою церемониею; фартук свободного каменщика заменил бы мантию, усеянную пчелами, а лопатка — скипетр и руку правосудия...

Конец I тома.

Перевод с французского З.Н. Шульга.

*Издание И. Т. Г. К., Харьков.
Типография А.И. Степанова, Рыбная ул., дом № 23, 1895*

Источник: RUS SKY®, 1999 г.

«Советник» — путеводитель по хорошим книгам.